ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

1989

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

СБОРНИК СТАТЕЙ

1989

Ответственный редактор
доктор исторических наук
В. А. КУЧКИН

МОСКВА «НАУКА»
1989

ББК 63.2
И91

Авторы:
А. П. БОГДАНОВ, В. А. КУЧКИН, В. И. КОРЕЦКИЙ,
М. П. ЛУКИЧЕВ, Л. В. МОШАНОВА, А. Н. МЕДУШЕВСКИЙ,
Л. Л. МУРАВЬЕВА, А. И. ПЛИГУЗОВ, А. П. ПРОНШТЕЙН,
Ю. Я. РЫБАКОВ, Г. В. СЕМЕНЧЕНКО, А. Л. СТАНИСЛАВСКИЙ,
Д. А. ТАРАСЮК, Д. П. УРСУ

Рецензенты:
доктор исторических наук А. Д. СТЕПАНСКИЙ,
доктор исторических наук Ю. А. ТИХОНОВ

Источниковедение отечественной истории, 1989 г.—
И91 М.: Наука, 1989.— 268 с.
ISBN 5-02-009453-6

Сборник включает статьи о месте устной традиции и устных воспоминаний среди источников познания, о возрастании роли этого источника в современной науке, об опыте его выявления и изучения, накопленном в историографии, о теоретико-методических взглядах А С. Лаппо-Данилевского, явившихся последним этапом развития буржуазного источниковедения, о научном использовании Троицкой летописи до ее гибели в московском пожаре 1812 г., об истории всех военно-конских переписей в России конца XIX — начала XX в. и др.
Для историков.

И $\frac{0502000000\text{-}302}{042(02)\text{-}89}$ 78-89 ББК 63.2

ISBN 5-02-009453-6

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ УСТНОЙ ИСТОРИИ

Д. П. Урсу

В зарубежной исторической науке последние годы отмечены особым интересом к новой отрасли знания, условно названной устной историей (oral history). В качестве одного из главных методологических вопросов XV Международного конгресса историков в Бухаресте была включена тема «Устная история, ее проблемы и методы». В обсуждении приняли участие представители многих стран мира, и дискуссия показала, что ныне «Геродот с магнитофоном» стал заметной фигурой в мировом сообществе ученых-историков.

В 70-е годы во многих странах произошла институционализация устной истории в качестве самостоятельной ветви исторической науки: в Англии, США, Франции, Канаде, Италии возникли общества устной истории, выходят специализированные журналы, проводятся конференции, собираются устные архивы. Публикуется много литературы как об устной истории вообще, так и по конкретной тематике с использованием устных источников. Вводится преподавание этого предмета в некоторых университетах. Всеобщее увлечение устной историей вышло за рамки собственно науки и получило большой общественный резонанс, даже с некоторой долей сенсационности. Так, влиятельная французская газета «Монд» не так давно громогласно объявила о «революции» в методах познания прошлого, связав ее с широким применением в исторических работах устных свидетельств и показаний очевидцев. Благодаря записи на магнитофон, писала газета, получили слово прежде безмолвные статисты социальной драмы; история теперь становится «человечнее, теплее, правдивее» [1].

В нашей стране проблемами устной истории в широком смысле слова (к ней можно отнести устное народное творчество, устные исторические источники, общественное мнение, обращенное к событиям прошлого) занимаются не историки, а этнографы, фольклористы, социологи, журналисты радио и телевидения. Показательно, что среди авторов специальной работы о звуковой документалистике нет ни одного историка [2]. Много сделали для сбора устных источников и вообще для пропаганды устной истории и устной литературы писатели Ираклий Андро-

ников, Александр Бек, Сергей Смирнов, Константин Симонов [3]. О значении устных источников в исторических исследованиях лишь вскользь говорили на Всесоюзной конференции по источниковедению в 1983 г. О. М. Медушевская и Е. И. Попова [4].

Видимо, настало время обратить внимание на этот феномен зарубежной исторической науки, осмыслить методологические проблемы устной истории, обобщить опыт зарубежной историографии и источникноведения, выяснить причины столь широкого увлечения устной историей за рубежом. Назрела необходимость дать источниковедческую оценку устной традиции, устным воспоминаниям, обсудить возможность их применения при изучении отечественной истории. Именно этим проблемам и посвящена настоящая работа.

Прежде чем перейти к изложению существа темы, следует остановиться на объяснении самого термина «устная история», который, как известно, в нашей научной литературе не употребляется. Это словосочетание — калька с английского языка, его впервые применил профессор Колумбийского университета А. Невинс в 1948 г., понимая под ним сбор и использование воспоминаний участников исторических событий, изложенных в словесной форме. Позже этот термин стал применяться расширительно, охватив как различного рода исторические традиции, передававшиеся из уст в уста на протяжении веков, или наговоренные на магнитофон воспоминания, так и специальную исследовательскую литературу, написанную на базе этих первоисточников. Таким образом, в зарубежной историографии проблемы царит терминологическая путаница: иногда понятия «устная история», «устные источники», «устные исторические традиции», «устные свидетельства» применяются как синонимы, иногда — как отличные друг от друга. В нашей литературе термин «устная история» обычно не применяется; в классификации источников ему приблизительно соответствуют устные источники и фонодокументы [5]. Но эти слова не раскрывают всю многозначность термина «устная история».

Термин «устная история» нельзя признать вполне удачным, поскольку грань между устной речью и записанным словом достаточно условна, особенно в отношении к далекому прошлому. Куда, например, отнести устные показания участников тех или иных событий, дошедшие до современности только в записи? Так, получившее широкую признательность исследование французского историка Э. Леруа-Ладюри «Монтайю» отнесено к произведениям устной истории на том основании, что оно выполнено на источниковой базе показаний крестьян, которые давались, естественно, в устной форме, но дошли до историка в виде рукописи, хранящейся в библиотеке Ватикана [6]. Если следовать подобной логике, то к устной истории можно отнести очень много работ, где используются рассказы, показания, воспоминания, данные устно, но зафиксированные в письменной форме.

Тем не менее следует признать, что пока трудно найти более удачное слово, чтобы обозначить тот массив разнообразных источников, где информация облечена в словесно-речевую форму, мало или вовсе не фиксируется письменностью. Применять термин «устная история», видимо, не следует к исследовательским работам; он допустим лишь как родовое понятие по отношению к другим словам этого семантического ряда, обозначающим различные виды устных источников. По существу, является абсурдным выражение «устная историография», которым озаглавлена книга американского ученого. Из него нельзя понять, идет ли речь об устных источниках, исследованиях на базе таких источников или же, наконец, об историографии устной истории [7].

Классификация устной истории, как мы ее понимаем, может быть представлена в следующем виде:

— исторические традиции старописьменных народов Европы и Азии, бывшие когда-то устными, но затем угасшие и сохранившиеся только в записи. К ним относятся русские былины, саги северных народов, эпические сказания народов Западной Европы, хадисы арабов. Необычайную живучесть этот вид устной истории проявляет на Балканах, но и здесь она претерпевает деградацию и обречена на быстрое разложение;

— живые исторические традиции бесписьменных и младописьменных народов Тропической Африки, Океании, некоторых районов Азии, коренных обитателей Америки. Эта история амбивалентна: с одной стороны, это концептуальное знание о прошлом на донаучной стадии, социальная память коллектива, поэтому она должна изучаться историографически; с другой стороны, это передаваемый изустно от поколения к поколению исторический источник, который должен изучаться источниковедчески. Этот источник позволяет реконструировать прошлое на довольно значительную временную глубину;

— устная история как история настоящего или недавнего прошлого. Она представлена свидетельствами очевидцев и участников исторических событий, фиксируется различными способами звукозаписи;

— устная история как спонтанная народная история, отражающая массовое историческое сознание на уровне общественного мнения. Историческим источником этот сложный гибрид (смесь) знания и незнания, представлений и иллюзий быть не может, хотя он не может не интересовать историков.

Далее в настоящей статье мы попытаемся более подробно охарактеризовать эти четыре типа устной истории на основе анализа новейших зарубежных работ, обсудить вопрос о возможности использования устных источников в исследовании отечественной истории.

* * *

Устная история (историоговорение) и писаная история (историография) — две последовательные стадии развития исторических знаний. До изобретения письменности (а у некоторых на-

родов и много времени спустя) именно в устной форме хранились и передавались от поколения к поколению социальный опыт, сведения о прошлом, первые художественные произведения. Устная история в форме эпоса, сказаний, легенд, генеалогий явилась самой ранней формой исторического сознания древних народов. Сначала возникли мифы о богах, сотворивших Землю, позже — эпические сказания о героях [8]. Эти устные традиции были смесью подлинной истории и вымысла, пишет в книге «Возникновение истории» ректор Кембриджского университета Г. Батерфилд [9]. Вся древняя историография ведет свое начало от разнообразных устных исторических традиций, утверждает известный итальянский историк-античник А. Момильяно [10]. Устными были и первые художественные произведения, в частности гомеровские «Илиада» и «Одиссея» [11].

Для раннего этапа исторического мышления древних народов характерным было наивно-реалистическое смешение события и рассказа о нем, исследования и источника. Об этом свидетельствует само происхождение слово «история». Это, как установила А. А. Тахо-Годи, означало два близких понятия: «исследование» и «свидетельство». В эпоху Геродота это могло означать, что историк черпает сведения о происшедших событиях из рассказов их участников [12].

История как осознанная память о прошлом существовала задолго до Гомера и Геродота, поэтому справедливее будет сказать, что Геродот не отец истории, а ее сын. Муза же Клио, древнегреческое олицетворение искусства истории, может быть его сестрой, поскольку произошли они от одних и тех же родителей — Памяти и Слова. Именно память и слово были материальной опорой дописьменной культуры и цивилизации. Нельзя не признать справедливым мнение, что еще до появления письменности в хозяйственной и культурной жизни человечества были сделаны важнейшие открытия [13]. «У каждого народа есть свой период дописьменной культуры, очень интересной и заслуживающей самого серьезного к себе отношения»,— с полным основанием писал Б. Д. Греков. И одним из достижений этого периода была устная историческая традиция: «Главная задача устного творчества на исторические темы — это сохранение в памяти народа героев, их имен и подвигов; большое внимание уделялось также генеалогии героев, незаметно переходившей в хронику событий, связанных с определенным и историческим лицом» [14].

Основной формой устной исторической традиции на Руси, как известно, являлись былины, именно в них воплотилось народное историческое самосознание. Исполнители былин — первые, но безымянные русские историки. Справедливо сказал о них Д. С. Лихачев: «...в то время, когда еще не существовало исторических записей, общественно-политическая роль древнерусских певцов и сказителей была особенно велика» [15]. Аналогом русских былин стали саги скандинавских народов, явившиеся одновремен-

но и историческими, и литературными текстами, поскольку история еще не выделилась в самостоятельную область знания. А. Я. Гуревич пишет: «Сага возникла в обществе, в котором историческое и художественное повествование не обособилось одно от другого как различные жанры. Сага — и то и другое, и поэтому она и не история, и не роман» [16]. Такая двойственность обусловлена синкретическим характером культуры и знания в ту эпоху. Саги интересны еще и тем, что они стоят как бы между историоговорением и историописанием: «Типичный переход от исторического устного предания к историческим письменным произведениям представляют собою скандинавские саги» [17]. Подобное же можно сказать о выдающихся эпических произведениях русского и французского народов «Слово о полку Игореве» и «Песня о Роланде»: это книжная обработка первоначально устного произведения [18].

После возникновения на Руси историописания устная история не исчезает: теперь параллельно существуют две формы исторической мысли — устная, народная и писаная, официальная. В летописи вторгаются, обогащая их, исторические предания, сказания и легенды [19]. Однако слепого доверия к устной традиции летописец не питал, «летописец брал из народного предания лишь то, что не противоречило имевшимся в его распоряжении письменным источникам» [20]. Летописи, таким образом, не только сосуществуют, но и конкурируют с устной традицией, не только заимствуя у нее отдельные эпизоды и рассказы, но в какой-то мере и влияя на нее. Будучи лишенной хронологической арматуры и подверженной превратностям человеческой памяти, устная история не могла соперничать с летописями в точности и достоверности. Вместе с тем нельзя забывать о том, что историописание было социально ориентированным, оно обслуживало идеологические интересы правящего феодального класса, церковной иерархии. Б. А. Рыбаков с полным основанием предупреждает: «Нельзя удовольствоваться лишь односторонними, классово ограниченными оценками исторических событий, оставленными придворными летописцами и церковной литературой» [21].

Переход к письменной фиксации происходящих событий и постепенное вытеснение историоописанием устной исторической традиции происходили крайне неравномерно у различных народов и племен земного шара. От народов Древнего Ближнего Востока (Месопотамии, Египта, Палестины) до современности дошли только застывшие, в буквальном смысле слова окаменевшие устные традиции — эпические сказания, мифы, генеалогии [22]. Только тексты, выбитые на камне или запечатленные на глиняных таблицах, в какой-то мере свидетельствуют о богатой устной истории исчезнувших народов. В виде «камнеписной историографии» дошли до нас первоначально устные исторические предания кочевых народов Центральной Азии [23]. Исторические традиции же многих народов Европы и Азии своевременно не были записаны, и они потеряны безвозвратно.

В силу глубоких социальных и культурно-психологических факторов устная история с переходом в эпоху новой истории постепенно теряет свою общественную и информативную роль. Это связано с развитием капиталистических отношений, процессом исчезновения патриархального крестьянства как социальной базы устной традиции, с распространением грамотности и книжных знаний. Народная историческая традиция дольше сохранилась в странах с преобладающим крестьянским населением, где сильно было развито национальное самосознание (Россия, Север Европы, Балканы). Уже к XVIII в. сужается область распространения былин, они сохраняются лишь в редких местностях Севера России, устная историческая традиция переживает глубокий упадок, и к середине XIX в. ее естественное существование завершается [24]. Лишь кое-где остаются одинокие исполнители былин, преданий, исторических песен, которые не имеют широкой аудитории и не могут передать свои знания потомкам иначе, как через записывающего их тексты ученого-этнографа, фольклориста или историка.

Таким образом, к настоящему времени устные источники истории старописьменных народов Европы и в значительной степени Азии существуют лишь в виде корпуса записей (иногда звукозаписей) и не могут быть услышаны непосредственно из уст народных сказителей. Их информативная ценность, однако, от этого не уменьшается. Рассмотрим теперь вопрос о том, как историки используют этот кладезь исторических знаний.

Уже в XVIII в. устная традиция в той или иной степени вошла в научные труды первых русских историков: В. Н. Татищева, М. В. Ломоносова, И. Н. Болтина [25]. Последний, например, в замечаниях на фальсификаторскую книгу Леклерка опирался на живую традицию, питая к ней высокое уважение. «Документальное изучение событий заменяется здесь живою традицией (один старик сказал ему; старые барыни передали ему)» [26]. Несколько позже Н. М. Карамзин среди источников своего труда «История государства Российского» отметил: «древние монеты, медали, надписи, сказки, песни, пословицы: источник скудный, однако ж не совсем бесполезный» [27].

Вспомним, наконец, как высоко ценил «мнения народные» А. С. Пушкин, для их сбора совершивший путешествие в Поволжье и на Южный Урал. О цели своей поездки он говорил так: «Я посетил места, где произошли главные события эпохи, мною описанной, поверяя мертвые документы словами еще живых, но уже престарелых очевидцев, и вновь поверяя их дряхлеющую память историческою критикою» [28]. В этом отрывке очень хорошо передано чувство историзма великого писателя: во-первых, он основное внимание обратил не на историческую традицию, прошедшую длинную цепочку из уст в уста, а на показания свидетелей описываемых событий (как пугачевцев, так и их противников); во-вторых, непременным требованием надежности приводимых в «Истории Пугачева» фактов была сверка,

сопоставление устных и письменных источников. О том, что собранные им показания очевидцев оказались в большинстве случаев достоверными, свидетельствуют новейшие разыскания историков [29].

Отношение к устным источникам в русской исторической науке XIX в. меняется. По мере того как все больше публикуется старинных исторических сказаний, песен, легенд и, самое главное, былин, интерес к ним, как это ни парадоксально, с источниковедческой стороны падает. Это объясняется, очевидно, тем, что по мере оформления фольклористики в самостоятельную науку и широкого обращения к архивным документам интерес историков к устным источникам падает. Тем более что в мировой историографии под влиянием позитивистской методологии устанавливается культ факта и абсолютизируется достоверность документа, главным образом архивного [30]. Нет документа — нет истории, таково было тогда непреложное правило источниковедения. «Факт душит Соловьева»,— справедливо писал И. Е. Забелин, но он сам страдал от той же болезни [31]. Ни Соловьев, ни Забелин, ни Ключевский не проявляли интереса к устной народной истории, отнесенной к разряду «баснословий». Это тем более удивительно, что на вторую половину XIX в. приходится расцвет русской фольклористики, открывшей чрезвычайное богатство и многоцветье народной устной культуры. Впрочем, господствовавшие тогда методологические школы и течения, в свою очередь, недостаточно ясно представляли себе связь фольклора с историей, многие же ученые ее вообще отрицали, обращая внимание лишь на мифологическую или поэтическую сторону устных произведений. Вместе с тем происходит обратное движение: не историки используют устные источники, а фольклористы обращаются к письменным источникам, чтобы определить хотя бы приблизительно время действия и прототипы героев тех или иных сказаний.

Больших успехов достигло изучение уже «застывшей» устной исторической традиции в советской историографии отечественной истории. Тексты народной исторической мысли в подавляющем своем большинстве были уже записаны и проанализированы фольклористами. Творчески применяя основные методологические принципы марксистского источниковедения — классовый подход, комплексный сравнительный анализ, Б. Д. Греков в своей широко известной работе о Киевской Руси дал образец использования всей совокупности доступных источников, в том числе народного устного происхождения. Не случайно, конечно, первый абзац его книги начинается с прекрасных слов о русских былинах. «Былины — это история, рассказанная самим народом. Тут могут быть неточности в хронологии, в терминах, тут могут быть фактические ошибки, объясняемые тем, что опоэтизированные предания не записывались, хранились в памяти отдельных людей и передавались из уст в уста, иногда заменялись аналогичными более поздними фактами, но оценка событий

здесь всегда верна и не может быть иной, поскольку народ был не простым свидетелем событий, а субъектом истории, непосредственно творившим эти события, самым непосредственным образом в них участвовавшим» [32]. Это было написано в то время, когда в изучении фольклора господствовали абстрактные социологические схемы.

Бережное, внимательное отношение к устному историческому творчеству народа остается одной из главных характеристик отечественной историографии древней и средневековой истории нашей страны. В небольшой статье нет возможности рассмотреть источниковедческий анализ множества трудов по этой тематике. Однако нельзя не остановиться на двух книгах, имеющих не только большое познавательное, но и методологическое значение.

Образцом комплексного источниковедения стала работа Б. А. Рыбакова «Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи». Она носит в определенной степени полемический характер, но ее позитивная сторона несравненно богаче как в теоретическом плане, так и в плане конкретного решения многих спорных вопросов истории Древней Руси. Для автора характерен исторический подход к устной истории народа, рассматриваемой как сложная синкретическая система, которую надо анализировать и историографически, и источниковедчески. Былины и сказания проверяются записями в летописи, а летописные сведения сталкиваются с народными мнениями и оценками. Большое методологическое значение имеют заключительные слова книги: «Совокупность былин, расположенных при помощи летописи в их исторической последовательности, дает нам то, чего не может дать вся феодальная литература,— оценку событий и эпох русской истории, сделанную самим народом, творцом истории» [33].

Вторая работа, о которой особо следует упомянуть,— монография С. Н. Азбелева, которая как и книга Рыбакова, тоже полемизирует с точкой зрения В. Я. Проппа [34] и его сторонников. Оставляя специалистам по фольклору подробный анализ книги и точность соотнесения изучаемых в ней былин с историческими событиями и реальными прототипами, укажем на сформулированные в ней важные методологические принципы устной истории. К ним относятся, по нашему мнению, концепция народной исторической памяти и ее подробная характеристика, общие черты устных и письменных исторических источников, закономерности сравнительного изучения эпоса различных народов и др.[35] Значение книги С. Н. Азбелева для источниковедения отечественной истории еще и в том, что он, проработав обширнейший круг устных и письменных источников, усовершенствовал методику их сопоставительного анализа. Наконец, будучи по профессии фольклористом, автор наглядно показал плодотворность междисциплинарного подхода, необходимость того, чтобы фольклорист твердо знал летописи, а историк не ограничивался только летописями.

В своих рассуждениях об устной истории мы до сих пор останавливались лишь на эпосе русского народа. Нельзя, одна-

ко, забывать, что источниковедение истории СССР предполагает изучение прошлого и других народов нашей страны. Здесь мы сталкиваемся с новым явлением — живой исторической традицией.

На территории СССР, как известно, много народов, имеющих древнюю письменную культуру (русские, армяне, грузины, узбеки, таджики, азербайджанцы, литовцы, латыши). У них существование устной исторической традиции к настоящему времени в основном закончилось, историк с ней может ознакомиться лишь по публикациям прошлого. Однако существует и ряд небольших народов и этнических групп, не имевших письменности и получивших ее только в результате культурных преобразований за годы Советской власти. Именно здесь историк еще может познакомиться с новой устной историей, запечатлеть голос прошлого на магнитную пленку. О том, что это возможно, свидетельствует статья «Гомер с Алтая», опубликованная в «Правде» [36]. Однако историкам и фольклористам следует спешить — неумолимое время уносит народных сказителей, а неисполнение народного эпоса равносильно его исчезновению.

* * *

Если в странах Европы и Азии устные традиции затухают и исчезают, то у бесписьменных народов Тропической Африки, Океании, у многих коренных обитателей Америки исторические сказания, легенды, эпос, генеалогии дожили до наших дней, сохранив большую информацию о прошлом. Историоговорение попрежнему остается у них главной формой существования исторического знания. Живучесть донаучного общественного сознания объясняется массовой неграмотностью населения: по данным ЮНЕСКО, число неграмотных в мире достигло 886 млн и оно быстро возрастает за счет демографического роста в Азии и Африке [37].

Остановимся подробнее на анализе живой исторической традиции как источнике при изучении прошлого народов Тропической Африки [38]. Устность, словесно-речевой способ коммуникации — преобладающая черта африканских цивилизаций. Африка — поистине царство Слова: общественная мысль, богатая и разнообразная литература, история, искусство — все зто существует лишь благодаря живому слову, связующему людей во времени и в пространстве [39]. Отсюда мистическое отношение к слову; отдельные африканские мыслители воспринимают его как Слово божественного откровения. Вот как говорил основатель негритюда Л. С. Сенгор, открывая в Дакаре международную конференцию по устным источникам: «Слово является даром бога людям... Оно дало жизнь вещам и существам. Именно посредством Слова бог обучил людей науке и технике... Речь сказителя-гриота — это божественное послание, которое приходит к нам из глубины веков». Основной докладчик, известный исто-

рик из Камеруна Э. Мвенг, в таком же мистико-апологетическом тоне говорил о значении устных традиций для реконструкции африканского прошлого: «Только через устные традиции мы можем восстановить историю глубинной Африки. В эту память вписаны события и поступки, она обеспечила выживание наших обществ. Этот живой корпус знаний стал основным элементом нашей индивидуальности и нашего единства... На различных стадиях своей жизни африканцы пребывают в чудесном звучащем мире, где всевластны слова» [40].

Большинство ученых, однако, относятся к устным историческим традициям более прозаически. Они справедливо отмечают как их научную ценность, так и особые трудности их источниковедческого анализа: мифологизм, отсутствие хронологии, селективность, неполноту и ненадежность. Для донаучной исторической мысли бесписьменных народов характерно наивно-реалистическое отождествление прошлого и настоящего, идея цикличности процесса («вечное возвращение»), отсутствие саморефлексии, смешение источника знания и самого знания о прошлом. Основным двигателем исторического процесса считается вмешательство надприродных сил, другими словами, провидения. Переплетение правды и вымысла, мифа и логоса вызвало скептическое отношение ученых к африканской устной традиции [41].

Только в 60-е годы нашего столетия произошла реабилитация африканской исторической традиции в качестве полноценного источника. Это связано, с одной стороны, с оформлением национальной исторической науки, а с другой — с деятельностью ряда ученых-африканистов. Среди них больше всего сделал для сбора и анализа устных традиций, разработки методики их применения бельгийский ученый Ян Вансина, ныне профессор Висконсинского университета в США. Благодаря его многолетней полевой работе в странах Экваториальной Африки (Руанде, Бурунди, Заире, Конго) прошлое многих народов, не оставивших ни письменных, ни археологических памятников, стало известным современной науке. Уже первая его теоретическая монография «Об устной традиции» (1961) содержала много верных наблюдений и выводов, обогативших источниковедение африканской истории.

Вансина разработал наиболее удачную классификацию устных источников: это показания очевидцев, традиция, слухи. Свидетельства очевидцев, даже если они излагаются изустно, не являются традициями, поскольку они не передаются от поколения к поколению. Устные традиции — это источник, который передается наподобие цепной реакции из уст в уши от предков к потомкам. Что же касается слухов на исторические сюжеты, то Вансина на этом вопросе не останавливается [42]. И напрасно, как мы увидим ниже.

Будучи сторонником идейно-методологического плюрализма, Вансина указывает на три фактора, обусловливающие полноту и достоверность устных традиций. Это влияние социальной среды,

культуры и индивидуальности хранителя. Уже первый участник или очевидец события вольно или невольно в какой-то мере искажает образ действительности. Он схватывает лишь часть реальных событий; показания преломляются через его индивидуальность, личные интересы и культурные ценности. Затем передатчики по цепи, включая и последнего хранителя традиции, дающего показания современному историку, искажают рассказ стоящего в начале цепи под влиянием тех же факторов. Очевидно, что задача историка состоит в том, чтобы понять, каким образом, в каком направлении влияют общество, культура и личность на объективность устной исторической традиции [43]. В этой же книге Вансина изложил подробную методику сбора, анализа и использования устных источников.

По своей методике Вансина подготовил полтора десятка монографий, более сотни статей. Лучшая его работа посвящена истории народности куба в центральной части современного Заира, итог 25-летнего труда [44]. Хотя во многих странах историки различных направлений выпускают работы, подготовленные на источниковой базе традиций, только Вансина сделал их главными для всех своих работ. Поэтому его труды насыщены большим эмпирическим материалом; вместе с тем Вансина стремится теоретически осмыслить общие проблемы устной истории, конечно, с идеалистических идейно-философских позиций. В зарубежной буржуазной науке он стал большим авторитетом. В столице Новой Зеландии вышел сборник статей, посвященный его вкладу в научную разработку истории бесписьменных народов [45]. Это неудивительно, если вспомнить, что ранняя история коренных обитателей страны маори прослеживается только на основе сказаний и легенд [46].

Увлечение одним видом источников в ущерб другим не прошло бесследно для творчества Вансины, что выразилось в абсолютизации устных традиций. Вот, например, с помощью какого парадокса он объясняет такой недостаток, как субъективность передаваемого изустно свидетельства очевидца: «...чем субъективнее источник, тем лучше он отражает реалии прошлого» [47]. Обращаясь позже к этой же проблеме, он приводит такое, по крайней мере странное, рассуждение: «...субъективность очевидца, который повествует о событии, и субъективность историка, который его объясняет, взятые вместе, позволяют более объективное заключение, чем только субъективный взгляд исследователя, интерпретирующего немые предметы» [48]. Иначе говоря, возведенная в квадрат субъективность обеспечивает объективность, точно как в известном школьном правиле минус на минус дает плюс. Однако история не элементарная математика, и чем больше искажается образ исторического бытия в мыслях отдельных индивидов, тем меньше истины в научном труде.

Против излишней доверчивости к устным традициям и выступил американский африканист Д. Хенидж в книге «Хронология устной традиции» [49]. Он обработал огромный фактический

материал — смену 600 династий и 10 236 случаев передачи власти, отраженных в устной традиции многих народов мира: Древнего Востока, средневековой Германии, Шотландии, Индии, Африки, Океании. Он доказал ненадежность, а частично и полную невозможность дать точную датировку зтих событий, установить достоверную генеалогию правивших династий. Важность определения временны́х координат исторических событий и явлений трудно переоценить, и зто удачно выражено в зпиграфе к книге: «Не будет преувеличением сказать, что в истории точная датировка столь же важна, как точное измерение в физике». Это, разумеется, справедливо, однако гиперкритическое отношение к устной истории тоже неоправданно. Книга Хениджа вызвала оживленную дискуссию, продолжающуюся до сих пор.

С иных позиций методологические постулаты устных историков атаковал У. Кларенс-Смит, пытавшийся противопоставить им концепции французской школы «Анналов». При этом он пытался опираться не только на воззрения Ф. Броделя, но и на теорию философа М. Фуко, изложенную им в известной работе «Археология знания». Устные источники, утверждал Кларенс-Смит, в лучшем случае лишь двусмысленные «знаки», они могут много дать для понимания настоящего и очень мало говорят о прошлом. Поэтому «знаки-символы» должны интересовать этнографов, но не историков [50].

Несмотря на предостережения отдельных ученых, увлечение устной историей бесписьменных народов продолжалось, особенно в США [51]. Для сбора устных сказаний, семейных и клановых хроник требовались продолжительные полевые работы, изучение местных языков и, конечно, большое трудолюбие. Вансина, например, для написания упомянутой выше книги по истории куба лично опросил 226 информаторов и записал 1000 повествований. Разумеется, такая деятельность требует значительных расходов, поэтому полевые исследования американских исследователей нередко финансируются различными частными фондами. Ученые других капиталистических стран таких возможностей не имеют.

Но есть еще одна причина широкого развития в США устной истории, причем в географическом направлении как раз Черной Африки. Эта причина — пробуждение расового и национального самосознания афро-американцев, рост интереса к родине их предков. Этим, видимо, объясняется сенсационный успех книги афроамериканского писателя Алекса Хейли «Корни» [52], по которой был тотчас же поставлен телефильм. Книга стала бестселлером и была переведена на много языков, а телефильм смотрело рекордное число американцев. Эта книга, имеющая подзаголовок «Сага одной американской семьи», по существу является талантливой имитацией африканской исторической традиции. Многие читатели были введены в заблуждение; рецензент советского востоковедческого журнала посчитал, что книга Хейли — «пример удивительной реконструкции прошлого и надежности устной традиции» [53]. На самом же деле это пример того, как неискушен-

ный читатель и телезритель, жаждущий документальной прозы, стал жертвой литературной мистификации. Известный английский историк-африканист Р. Лоу подверг в авторитетном журнале «Орэл хистори» обстоятельному разбору книгу Хейли и доказал, что это не аутентичная устная хроника, как уверяет автор, а исторический роман-эпопея, полный вымысла [54]. Нам будет полезно знать и то, что поездка Хейли в Африку финансировалась небезызвестным журналом «Ридерс дайджест», а фильм демонстрировался во многих странах Африки по линии ведомства внешнеполитической пропаганды ЮСИА. Мы можем добавить, что роман Хейли попал на хорошо подготовленную почву, поскольку общественное мнение США и африканских стран вполне доверяло исторической правде устной традиции.

Вернемся, однако, к настоящей устной истории. Следует обратить внимание на тот факт, что задолго до работ Вансины и его последователей, еще в конце XIX в., первые африканские историки-любители понимали ценность устных повествований для освещения прошлого, собирали их и включали в свои работы. Возникшая в 50-е годы нашего века национальная научная историография в странах Тропической Африки родилась как органическое соединение устной истории, с одной стороны, современной рациональной методологии и научной методики — с другой. Надежность этого источника подтвердили археологические раскопки [55], а также различные письменные документы. Однако и здесь не обошлось без перекосов, некритического подхода, неумения провести сопоставительный анализ всей совокупности источников. Поэтому вполне своевременным было предостережение африканских ученых прогрессивного течения А. Тему и Б. Сваи против превращения устного документа в фетиш, каким был для Ранке в XIX в. писаный документ [56]. Надо думать, что молодое африканское источниковедение сумеет выработать уравновешенный подход к этим важным научным вопросам.

Наконец, вкратце о перспективах развития устной истории бесписьменных или младописьменных народов. Переход этих народов на письменную фиксацию социального опыта, научных знаний и культурных достижений необратим. Устная история, естественно, постепенно трансформируется и деградирует. Такой процесс начался довольно давно, со времен первых культурных контактов с представителями книжных знаний. Это наблюдается при сравнительном анализе устных традиций народов Черной Африки, Океании, индейцев Америки [57]. Происходит перенос отдельных представлений, стереотипов, оценок из писаной истории в устную. Другой важный фактор, подрывающий общественную и гносеологическую необходимость в устной истории,— это рождение и развитие национальных историографий. Местные историки на подлинно научной основе все более настойчиво и успешно изучают прошлое своих народов, несут исторические знания в массы.

Живая историческая традиция многих народов умирает на наших глазах. Смерть старого сказителя, знающего десятки и сотни тысяч стихотгорных строк народного эпоса, часто сравнивают со сгоревшей библиотекой. Единственный способ спасти устную историю от забвения — это своевременно ее зафиксировать на бумаге или на магнитофонной ленте. Еще на заре советской африканистики один из ее первых представителей — В. Н. Державин уделил большое внимание эпосу, призывал к его изучению в качестве ценного исторического источника [58]. Эта задача остается актуальной до наших дней [59].

* * *

Хотя свидетельства очевидцев и участников различных событий использовались при написании исторических трудов с незапамятных времен, устная история в узком смысле слова — как история современности — появилась сравнительно недавно. Ее рождение и быстрое развитие стало возможным благодаря совершенствованию звукозаписывающей техники, в особенности появлению портативных магнитофонов. В этом отношении можно утверждать, что устная история — дочь современной научно-технической революции. В условиях колоссального роста делопроизводственной документации [60] и, следовательно, письменных источников спираль исторического познания вновь обращается к словесно-речевым способам закрепления информации о прошлом.

Разумеется, технические изобретения, как бы велики они ни были, не могут произвести переворот в исторической науке. Ряд идеологических и научно-познавательных факторов обусловили широкую популярность устных источников в современной зарубежной историографии.

Главный из них — это отчуждение народных масс от буржуазной культуры и науки, неосознанный протест против истории официальной, академической, призванной оправдать существующий порядок вещей и увековечить статус-кво. Источниковой базой такой апологетической истории является письменный документ, исходящий из учреждений классового государства. Именно целенаправленная фальсификация истории в угоду привилегированной верхушке, фетишизация письменных источников вызывают протест многих честных ученых капиталистических стран. Вполне естественно поэтому, что большинство исследователей, увлекающихся устной историей, по своим идейно-политическим воззрениям принадлежат к леворадикальным и прогрессивным течениям общественной мысли. В Англии, например, устные материалы весьма активно изучает Ассоциация по истории труда, где ведущую роль играют ученые-марксисты. Как заявил на международной конференции в Италии профессор Манчестерского университета Т. Рейнджер, обращение к устным источникам имеет целью «покончить с элитарностью современной историографии», поскольку они призваны «дать голос тем, кто его лишен в

официальной науке,— массам»[61]. В США ученые, изучающие материалы устной истории, жизнь негров, рабочих-иммигрантов, других угнетаемых социальных и национальных групп, часто солидаризируются с их борьбой.

Дать однозначную оценку устной истории не представляется возможным. Это сложное и противоречивое явление, которое свидетельствует не только о поисках передовых ученых, но и о кризисных явлениях в буржуазной исторической науке вообще, в источниковедении в частности. Выход из методологического тупика пытаются найти за счет совершенствования инструментария исторического познания, применения новых видов источников. Устную историю следует оценивать, видимо, с тех же идейно-теоретических позиций, как мы оцениваем клиометрию, психоанализ, историческую демографию и т. п. В США развитие устной истории идет в тесной связи с «новой социальной историей», которая делает упор на изучение малых социальных групп (отдельных семей, общин, населенных пунктов, этнических меньшинств). Социологизация истории — давняя традиция в американской историографии; одна из ее характерных черт — широкое использование документов личного происхождения; пионерами здесь стали социолог польского происхождения Ф. Знанецкий и историк Л. Готшок[62].

Увлечение устной историей следует также рассматривать в тесной связи с философскими исканиями в области языка и речи. Размах исследовательской работы здесь необычайно широк. Многие буржуазные философы задачу «прислушиваться к языку» считают всемирно-исторической. М. Хайдеггер утверждает, что не люди говорят языком, а язык говорит людям и людьми; язык открывает «истину бытия». На развитие исторической мысли стран Западной Европы и США в последние годы большое воздействие оказывают концепции М. Фуко, изложенные в книге «Слова и вещи», «логоцентризм» Ж. Дерриды с его опорой на звучащее слово («голос — логос»), теории социальной коммуникации Х. Маклюэна, идеи социологов-феноменологов. Последние рассматривают язык как социальное явление, основное средство человеческого общения; они занимаются детальным структурным изучением записанных на магнитную ленту спонтанных разговоров[63].

Стремительный рост устной истории объясняется некоторыми важными переменами и в источниковедении. Речь идет о том, что в последние годы в зарубежных странах все чаще наблюдается отказ от письменного документирования важных политических решений. Ответственнейшие вопросы обсуждаются по телефону или с глазу на глаз. Тем самым буржуазные политики пытаются скрыть правду от народа, избегнуть ответственности не только перед современниками, но и перед потомками[64]. Само собой разумеется, что в таких случаях в архивы не откладывается ни один важный документ. В этом же направлении реального обеднения архивов при загромождении малозначащими бумагами

действует и такой фактор, как отказ от печатания протоколов заседаний международных организаций и замена их записью на магнитную ленту. Так, например, ЮНЕСКО еще с 1967 г. отказалась от печатания протоколов Генеральной конференции, и они существуют только в звуковой форме [65]. Это делается из соображений экономии средств, а также ввиду большей компактности звуковых документов.

Таким образом, кроме принципиальных соображений методологического характера, отсутствие или недоступность письменных источников заставляют историков, изучающих события недавнего прошлого, обращаться к свидетельствам очевидцев.

Нет, видимо, необходимости подробного источниковедческого анализа многочисленных книг по устной истории, опубликованных в последние годы. Их достаточно квалифицированный разбор дан в ряде публикаций [66]. Ограничимся лишь самыми общими выводами, суммировав положительный опыт зарубежной литературы.

Наиболее успешно и часто устные источники применяются при подготовке жизнеописаний, причем на ранних этапах речь шла прежде всего о выдающихся деятелях капиталистического мира: впервые в 1951 г. было собрано 400 показаний с записью на магнитофон для составления биографии Генри Форда. Систематически собирались устные воспоминания о президентах Рузвельте, Трумэне, Эйзенхауэре, Кеннеди и др. В Индии начиная с 1966 г. мемориальный музей Неру опросил более 600 человек, чтобы подготовить документальные биографии лидеров национально-освободительной борьбы Ганди, Неру, Пателя и др.[67]

В последние годы, однако, акцент делается на жизнеописаниях простых людей — рабочих, индейцев и негров, представителей национальных меньшинств, иммигрантов. Устно-исторические биографии бывают трех типов: жизнь отдельного человека, рассказанная им самим или людьми, знавшими его; собрание автобиографий многих лиц, объединенных общим делом; наконец, жизнеописания, индивидуальные или групповые, где устные источники применяются в комплексе с письменными. Образцом последнего типа является книга П. Томпсона, крупнейшего специалиста по устной истории в Англии, редактора журнала «Орэл Хистори». Книга называется «Эдвардианцы» (1975) и посвящена социальной истории Англии 1901—1910 гг. Для ее написания было собрано 500 мемуарных записей людей, родившихся между 1872 и 1906 гг. Информаторы были подобраны таким образом, чтобы в социальном и демографическом отношении избранная группа соответствовала всеобщей переписи населения, проведенной в 1911 г. Такая репрезентативность опрошенных должна была обеспечить уверенность в том, что они выражают мнение всего населения страны. Однако ответы опрошенных служили лишь для иллюстрации выводов, сделанных на основе анализа других видов источников [68].

Устная история наряду с биографиями широко применяется при написании истории различных общественных организаций и групп населения, подвергающихся дискриминации в буржуазной исторической науке. История индейских резерваций в США и Канаде, анархистских групп в Испании, профсоюзов в США и Норвегии, национально-освободительного движения в Югославии, Алжире [69], Индии, Анголе, Кении, повседневная жизнь рабочих Италии — таков масштаб и разнообразие научных исследований на источниковой основе устных показаний очевидцев. К этому следует добавить многочисленные работы по историческому краеведению, для которых воспоминания старожилов являются первостепенным источником. Есть, наконец, еще одна область исторического знания, где устные свидетельства могут принести большую пользу,— это история международных отношений, источники которой часто засекречены на протяжении десятилетий [70]. Только при помощи устных опросов причастных к дипломатической «кухне» лиц, как высокопоставленных, так и рядовых исполнителей, удается заглянуть в тайники внешнеполитических ведомств капиталистических держав.

Какие же достоинства находят ученые в устных источниках, привлекая их для изучения недавнего прошлого? Ответ на этот вопрос позволит осветить характерные черты устной истории; они суть следующие:

— демократизм. Устные источники позволяют написать историю народа, а не историю государства, историю масс, а не историю правящей элиты. Письменные источники официального происхождения редко и неполно отображают жизнь простых людей; творцы истории, как правило, не оставляют документов. История «сверху», на основе письменных источников, позволяет увидеть масштаб происшедших событий, явлений, процессов, народ подается крупным планом как некая абстрактно-социологическая величина. История «снизу», на основе устных источников,— это прежде всего история отдельных событий, это прошлое, увиденное глазами участника событий. Устная история позволяет наглядно увидеть, что массы являются творцом истории не только в абстрактно-социологическом плане. Они творят историю не только как реальность, но и как знание о прошлом. «Часто устная информация является единственным источником знаний, исходивших от порабощенного народа, но именно она сохранила подлинный дух и образ эпохи... устный рассказ доступен самым широким слоям народа, а простота изложения понятна и доступна более простому народу»,— говорил югославский ученый Б. Ристовски на конгрессе историков в Бухаресте [71];

— аутентичность. Запись рассказов очевидцев на магнитофонную ленту обеспечивает высокую степень аутентичности их свидетельств. До появления стенографии, да и значительно позже, при письменной фиксации речей политических деятелей, дебатов в представительных учреждениях или воспоминаний отдельных личностей утрачивались не только целые предложения, но и боль-

шие фрагменты. Вспомним, что речи многих ораторов Великой французской революции сохранились только в кратком протокольном изложении. Гете имел все основания воскликнуть: «Как мало из свершившегося было записано, как мало из записанного спасено!» Кроме того, следует учитывать, что мемуары в письменной форме испытывают в той или иной степени гнет цензуры и самоцензуры, подвергаются редактированию профессионалами пера. Запись же показаний на магнитную ленту не только обеспечивает полноту текста, но также сохраняет ряд важных нюансов, свидетельствующих об эмоциональном состоянии информатора: чувства уверенности или, наоборот, сомнения в приводимых фактах. Слушателю потом многое скажут и тон речи, и слишком затянувшиеся паузы, и поиск слов;

— уникальность. Устные источники нередко содержат такие факты или материалы, которые не могут быть установлены никаким другим путем. Н. В. Гоголь еще в 1836 г. так оценил воспоминания русских офицеров, бывших в Париже после разгрома Наполеона: «Их простые рассказы иногда вносят такую черту в Историю, какой нигде не дороешься» [72]. Слова великого писателя подтвердили совершенно точные расчеты современной статистики: установлено, что каждый человек за 70 лет своей жизни видит в течение 25 минут то, чего никто никогда не увидит [73]. Действительно, только с помощью показаний оставшихся в живых единственных свидетелей были разоблачены на заседаниях Нюрнбергского трибунала многие злодеяния нацистов.

Но речь идет о том, что каждый человек обладает какой-то частицей уникального исторического знания. И именно это знание пытается собрать и сохранить устная история.

Устные источники обладают еще двумя свойствами, которые не могут не привлечь к себе внимание ученых: массовостью и компактностью. Массовость проявляется в том, что этот источник неисчерпаемый, поскольку количество информаторов и, следовательно, объем их показаний можно увеличивать почти бесконечно. Пределом может служить идеальный, но недостижимый на практике опрос всех наличных свидетелей того или иного события. Если проводить этот опрос по строгой формализованной программе, то полученные ответы могут обрабатываться на ЭВМ, как это делается, например, с результатами социологических опросов. Компактность устных источников должна привлечь в первую очередь практических работников архивов, так как решается проблема хранения огромного количества информации в небольшом пространстве. Между тем хорошо известны всевозрастающие трудности с помещением и хранением громоздких по объему традиционных (письменных) документов. Фонодокументы же в виде бобин или кассет не только компактны, но и чрезвычайно транспортабельны. Запись рассказа очевидца на портативный магнитофон можно вести в самом удаленном уголке земного шара, непосредственно на месте события. Если же учесть, например, что революционные организации, действующие в не-

легальных условиях, крайне редко оставляют после себя письменные документы, то только устные рассказы участников борьбы могут позволить восстановить их историю.

Устную историю иногда обвиняют в особой субъективности; рассказанная биография, пишет французский журнал «Анналы» в редакционном предисловии к подборке статей, «не является прямой передачей жизненного опыта, это хроника и, следовательно, вымысел в точном смысле слова»[74]. Профессор Барселонского университета Мерседес Виланова, подчеркивая активную роль исследователя в проведении опросов, говорит, что «историк создает источник или постоянно вмешивается в его создание». Впрочем, в этом она видит скорее не недостаток, а достоинство, ибо таким образом история из объясняющей науки превращается в экспериментальную[75].

На специфическую сторону записи устных воспоминаний обращает внимание А. Г. Тартаковский — это их двойственная природа, диалог двух лиц: очевидца-рассказчика и историка, который активно влияет на процесс припоминания. «Лицо, записывающее рассказ очевидца, ориентирует его на определенный комплекс тем и сюжетов, как бы „программирует" память, активизируя ее в отношении одних сторон прошлого и оставляя пассивной относительно других, а это еще более усиливает избирательный характер проявления памяти рассказчиков»[76]. Автор, правда, ограничивает действие этой закономерности лишь временами, когда не существовало еще технических средств фиксации речи. Думается, однако, что такая раздвоенность сохранилась поныне, поскольку исследователь, составляя программу интервью, уже в какой-то мере ориентирует память информатора в определенном направлении, причем эта избирательность усиливается в процессе записи благодаря задаваемым вопросам.

Селективность создаваемых с помощью магнитофона устных источников, их субъективность несомненна; тем не менее это не дает оснований для отнесения их к «чистому вымыслу» и «искусственным конструкциям». Ведь хорошо известно, что немало письменных документов создается с сознательной целью дезинформации. Так что степень достоверности устного источника должна определяться конкретно в каждом отдельном случае. Прав Л. Н. Пушкарев, предупреждавший против огульного обвинения целых видов источников в субъективизме и недостоверности: «Нет и не может быть оказано предпочтения одному источнику перед другим в смысле его достоверности только потому, что один источник — это акт, а другой — рассказ современника. Проблема достоверности видовым различием решена быть не может. Источниковедческая ценность памятника определяется целой суммой признаков, среди которых вид лишь один и к тому же не самый главный. В самой общей форме можно сказать, что все виды источников могут быть и достоверными и недостоверными, все виды источников имеют определенную источниковедческую ценность»[77]. Из этого глубокого вывода следует, что и

энтузиасты устной истории, претендующие на особую достоверность показаний очевидцев, тоже не правы.

Материальной предпосылкой широкого развития устной истории являются архивы звукозаписи, где хранятся различного рода фонодокументы (восковые валики, пластинки, главным образом магнитоленты в бобинах или стандартных кассетах). Каждый исследователь имеет, естественно, собственный фоноархив, но только наличие специальных государственных учреждений обеспечивает высокий уровень хранения «запечатленного звука» и надлежащее его применение в научных целях.

После рассмотрения вопроса о том, как используются устные источники для написания истории современности зарубежными учеными, обратимся к отечественному опыту. Наша наука и культура имеют давние богатые традиции собирания, бережного хранения и удачного применения свидетельств очевидцев великих событий прошлого. Пушкин и Гоголь, Белинский и Герцен, Л. Толстой и Горький, многие другие деятели культуры не только высоко ценили историзм устного слова, но и оставили замечательные образцы высокохудожественных произведений, документальной основой которых были опросы свидетелей, повествования участников событий. Достаточно вспомнить «Историю Пугачева» и «Хаджи-Мурат», слова Белинского о «таинственной психее народа», которая равным образом заключена в устной поэзии и истории, выступление Горького на I Всесоюзном съезде писателей и его большой труд по собиранию устных материалов по истории фабрик и заводов.

Следует отметить, что основоположники марксизма-ленинизма среди различных видов источников, которые они изучали при разработке проблем всемирной истории, не обошли своим вниманием и источники устного происхождения. Как отмечает современный исследователь, для Энгельса-историка характерно было широкое понимание исторического источника. Так, при написании книги «Положение рабочего класса в Англии» он широко использовал опросы рабочих, личные наблюдения [78].

В. И. Ленин, как ученый и государственный деятель, считал чрезвычайно важным личные собеседования с людьми различного социального положения, устные выступления перед рабочими и крестьянами. Хорошо известно, какое большое значение он придавал устной пропаганде. По инициативе Ленина был создан отдел граммофонной пропаганды, в состав редколлегии которого он вошел. Он не только сам записал 16 речей на грампластинку, но составил список партийных деятелей, чьи речи предлагал записать. Всего же в 1919—1921 гг. было записано около 40 политических речей (М. И. Калинина, А. В. Луначарского, А. М. Коллонтай, Л. Б. Красина и др.). Слушая голос Ленина, крестьяне говорили: «Вот это нам и нужно. У нас в деревне этим речам верят больше, чем газете» [79]. Живое слово вождя было воплощением Советской власти, это была сама история, говорившая с народом. Изучение научного наследия Ленина в области словес-

но-речевых форм воздействия на массы, исследование устных его выступлений как исторических источников остается важной задачей источниковедения отечественной истории [80].

Большая работа по сбору и изучению звучащего слова и в области фонодокументалистики была проведена созданным в 1918 г. Институтом живого слова, где спустя год С. И. Бернштейн организовал фонетическую лабораторию. За десять лет ее существования было произведено около 500 записей, прежде всего поэтов с чтением собственных стихов [81]. И хотя эта лаборатория не ставила задач чисто источниковедческих, собранные материалы представляют собой важный историко-культурный источник. Это тем более следует подчеркнуть, поскольку С. И. Бернштейн отлично сознавал важность фонодокументов; он считал, что звукозаписи должны вооружить «историческую науку новым и ценнейшим материалом» [82]. По его инициативе в декабре 1932 г. был создан Центральный архив звукозаписей.

За более чем 50-летний срок существования Центральный государственный архив звукозаписей (ЦГАЗ) собрал огромные звуковые богатства по истории нашей страны — свыше 150 тыс. единиц хранения. Самый старый фонодокумент датируется 1902 годом. Большими фондами запечатленных «голосов прошлого» обладают другие хранилища — архив Гостелерадио сберегает более 1 млн записей, коллекция звучащей литературы Государственного Литературного музея не имеет равной в мире, Государственный музей Революции собрал 5 тыс. записей воспоминаний об Октярьской революции [83]. Эти источники могут в значительной степени расширить документальную базу изучения истории нашей страны за последние 100 лет. Однако целый ряд нерешенных вопросов методического источниковедческого характера, а главное — робость перед новым и капризным источником сдерживает широкое обращение исследователей к материалам устного происхождения.

Вместе с тем имеются примеры удачного применения фонодокументов в научных работах по истории зарубежных стран. Речь идет о книгах Н. В. Сивачева, В. Н. Седых и Л. Н. Сванадзе. Научные труды безвременно скончавшегося талантливого ученого-американиста Сивачева всегда отличались богатством и новизной источников, оригинальностью выводов и заключений. Работая над книгой о политической борьбе в США в середине 30-х годов, он использовал магнитофонные записи воспоминаний сотрудников президента Рузвельта; эти записи хранятся в Кабинете устной истории Колумбийского университета. Всего в книге имеется более 60 ссылок на свидетельства 20 американских политических и профсоюзных деятелей, влиятельных журналистов. В последней монографии Н. В. Сивачева по истории рабочего движения подобных источников использовано гораздо меньше. Видимо, по рабочему вопросу в фоноархиве отложилось мало материалов [84]. Другой советский историк, В. Н. Седых, в биографии видного деятеля международного коммунистического движе-

ния Жака Дюкло дал 30 ссылок на магнитофонные записи бесед с Дюкло и близко знавшими его лицами [85]. Эти материалы позволили более четко определить политические оценки французских коммунистов, обогатить книгу такими мыслями и фактами, которые нельзя было почерпнуть из других источников. Однако источниковедческая культура работы Седых не на высоте: во всех случаях цитирования устных источников даются глухие ссылки — «Личный архив автора» без указаний на время и место записи. Даже если это сделано по требованию издательства с целью экономии печатной площади, такое нарушение элементарных требований источниковедческой критики нельзя признать корректным. Второй вопрос, который возникает в связи с книгой Седых, это вопрос о целесообразности и правомерности ссылки на личные фоноархивы отдельных лиц. Строгую научность использования документов любого вида, как известно, могут обеспечить лишь государственные архивы. Думается, что сбор устных архивов на магнитофонную пленку следует всячески приветствовать, но при публикации научных работ эти материалы должны в установленном порядке фондироваться в государственные хранилища.

Еще одна проблема возникает в связи с недавним выходом основательной работы Л. Н. Сванадзе по новейшей истории консервативной партии Англии [86]. Книга поражает обилием архивных документов, изученных в хранилищах СССР, Англии и США. Среди прочих источников автор использовал запись интервью с премьер-министром Г. Макмилланом из архива Би-би-си, устные выступления руководящих деятелей консерваторов в партийной школе, личные беседы с некоторыми из них. Однако тщетно мы стали бы искать в научном аппарате книги какие-либо точные ссылки на названные выше устные источники. Почерпнутые в них сведения создают определенный «фон» реальной жизни, который отсутствует в работах, базирующихся исключительно на книжных знаниях. Научные работы по истории современности обязательно должны содержать тот ценный элемент, который у археологов и этнографов называется «полевыми исследованиями». Вместе с тем — и здесь встает еще одна источниковедческая проблема — обращение к устным источникам не должно превращаться в модное украшательство. Всевозможного рода звукозаписи не могут служить лишь для иллюстрации каких-либо положений, извлеченных из других документов, или для создания атмосферы подлинности, или же, наконец, для демонстрации эрудиции автора. Устные источники — это не источники «второго сорта», они требуют к себе такого же серьезного, строго научного отношения, как и все остальные документальные основания исторического исследования. Это касается не только содержания, но и оформления научного аппарата: в нем должны быть сообщены основные данные об информаторах, дате и месте интервью, месте хранения звукового документа.

Рассмотренные выше случаи применения устных источников свидетельствуют, с одной стороны, о том, что они обогащают научные работы важными, свежими фактами, наблюдениями, оценками; с другой же стороны, что существует целый ряд нерешенных вопросов источниковедческого характера. Если историки еще редко и не всегда полноценно используют показания очевидцев и участников событий, то этот источник уже смело освоили литераторы. Можно привести много примеров подобного рода [87], но мы ограничимся одним. Речь идет о получившей широкую популярность «Блокадной книге» А. Адамовича и Д. Гранина. Поразительная художественая сила этой книги достигнута при строгой документальности фактического материала, почерпнутого из рассказов нескольких сотен человек, свидетелей блокады Ленинграда. «Данная наша работа,— пишут авторы,— потребовала собрать тысячи страниц дневников и записок блокадников, тысячи страниц „снятых“ с магнитофонной ленты». «Записать живые голоса» — вот один из главных методов подготовки книги. Авторов интересовали не люди вообще, не безликая анонимная масса, а конкретные люди с их индивидуальной судьбой [88]. Через пережитое отдельной личностью ярче высветлен великий подвиг города-героя и всего советского народа в годы Великой Отечественной войны.

Есть еще одна область, где магнитофон незаменим,— это источниковедение историографии. Записанный на пленку прямой диалог исследователя-историографа и его «объекта» может значительно обогатить возможность более полного и точного понимания творческих замыслов ученого, автора конкретно-исторических трудов. Полезным будет также записать биографические рассказы видных историков, их наставления молодому поколению. Этим способом можно будет собрать ценную звуковую коллекцию по истории отечественной исторической науки.

* * *

Последний вид устной истории, который нам предстоит рассмотреть,— устная спонтанная история на уровне общественного мнения. Этот тип исторического знания или, точнее, сознания испанский философ Мигель де Унамуно назвал интраисторией. «В унамуновской интраистории нет ничего бессознательного и мистического... Интраистория — это коллективная жизнь народа и рожденное этой жизнью сознание»,— отмечает советский ученый И. А. Тертерян [89]. За неимением других, более удачных, будем и мы пользоваться этим термином, учитывая его краткость и выразительность.

Методологический ключ к пониманию такой устной истории дает, однако, не идеалистическая концепция Унамуно, а ленинское положение о двух культурах в классово антагонистическом обществе [90]. Две культуры, стало быть, две истории: кроме истории официальной, академической, или, как выражались в прошлом веке, мундирной, есть другая история — история народная,

массовая, глубинная. Эта интраистория, в сущности, является разновидностью общественного мнения, но дающего оценку событиям не настоящего, а прошлого.

Историческое общественное мнение характерно не только для буржуазного общественного строя. Оно существует, конечно в ином социально-культурном контексте, и у нас. При его трактовке следует учитывать глубокую мысль В. И. Ленина о том, что «общественное бытие и общественное сознание не тождественны»[91]. Это значит: сознание, отражая общественное бытие, обладает относительной самостоятельностью, что особенно ярко проявляется именно в сфере общественного мнения.

Интраистория и есть историческое общественное мнение и, как всякое мнение, образуется на двух уровнях — теоретического знания и обыденного сознания, поэтому оно включает в себя суждения с самой различной степенью истины и лжи[92]. В общем плане можно сказать, что интраистория является показателем исторической культуры масс в целом и отдельного индивида. В этом ее двойственность: с одной стороны, это коллективное историческое сознание, с другой — исторический опыт каждого человека[93]. Выражение «всяк сам себе историк» имеет под собой серьезные основания. Можно сказать, что изучение восприятия и оценки прошлого на индивидуальном непрофессиональном уровне является важным аспектом более общей проблемы «Человек и история». К сожалению, эта тема остается неизученной как в философской, так и исторической литературе. В новейшей работе Б. А. Чагина об общественном сознании среди важнейших его частей не названы и соответственно не изучаются обыденное сознание и общественное мнение. В книге под многообещающим заглавием «Человек и история» О. Н. Крутова, оставаясь в кругу обычных для истмата сюжетов, фактически описывает «человека в истории» и ни слова не говорит об обратной проблеме «история в человеке». То же самое касается и содержательной работы В. Ж. Келле и М. Я. Ковальзона, где имеется специально посвященная этому вопросу глава «Общественная история людей как история их индивидуального развития»[94]. В этих публикациях отдельный человек рассматривается абстрактно, скорее как объект исторического познания, но не как его субъект.

Между тем проблема «история в человеке», «человек как субъект исторического познания» чрезвычайно интересна, важна не только с общефилософской точки зрения. Она касается непосредственно историков, поскольку позволяет определить, насколько исторические знания проникают в гущу масс. Сейчас ответить на этот вопрос строго научно мы не в состоянии. Общественное мнение о прошлом — область по преимуществу социально-психологическая, однако социологи крайне редко охватывают ее своими массовыми опросами, историки же — никогда. Знать же это необходимо, если мы стремимся целенаправленно формировать общественное мнение. Причем знать не вообще, а дифференцированно, по социальным, возрастным, национальным группам населения.

Из многообразия тем и сюжетов интраистории остановимся лишь на двух — формирование исторического общественного мнения и его источниковедческая оценка. Конечно, проблемы эти весьма сложны и требуют специального предметного изучения. Здесь лишь в предварительном порядке выскажем некоторые соображения.

Интраистория образуется в значительной степени стихийно; вместе с тем переоценивать этот факт не следует. Ибо фактор сознательности в условиях научного руководства общественными процессами постоянно возрастает. Историческая культура масс формируется прежде всего под воздействием школьной историографии, поэтому качество учебников и вообще вся постановка исторического образования в средней школе имеют первостепенное значение. Определенную, но далеко не главную роль играет научная литература, которая, впрочем, в силу ряда причин слабо доходит до широких народных масс. Исторические знания и представления распространяются главным образом через вненаучные каналы: художественную литературу, кино и телевидение. Нет необходимости говорить об этом, так как главное было сказано в блестящей статье В. Т. Пашуто в журнале «Коммунист» [95]. Полностью поддерживая его выводы и предложения о творческом содружестве муз в деле повышения исторической культуры советского народа, добавим лишь один факт к последним словам статьи, где говорится о необходимости издания популярного исторического журнала. Между тем во многих зарубежных странах такие издания существуют давно. Так, например, во Франции исторический журнал «Historia» пользуется огромной популярностью — он стоит впереди всех художественно-литературных и научных журналов. При ежемесячном тираже в 350 тыс. экземпляров его регулярно читают 3,6 млн человек. Увлекательная форма изложения материала, прекрасное полиграфическое оформление, привлечение лучших научных и писательских сил — все это способствует превращению журнала в важный инструмент внедрения в массовое сознание концепций буржуазной историографии. Добавим, кстати, что во Франции очень успешно для пропаганды исторических знаний и стереотипов используется телевидение: ежемесячно по второй программе с часовой передачей выступает историк Ален Деко, самый молодой член Французской академии, талантливый рассказчик. Его передачи собирают многомиллионную аудиторию, прикованную к экрану лишь силой устного слова, поскольку Деко не иллюстрирует свои рассказы никакими видеосюжетами.

Что же касается источниковедческой оценки интраистории, то представляется, что эта разновидность устной истории, в которой преобладают оценки и мнения, но не факты, где знания переплетаются со слухами, предрассудками и иллюзиями, в качестве исторического источника служить не может. Интраистория не содержит нового знания, она лишь производит переоценку того, что известно науке, и зачастую искажает его в романтическом или,

напротив, нигилистическом духе. Тем не менее профессиональные историки не могут быть безучастными к устному историческому общественному мнению. Сделать открытия исторической науки достоянием широких народных масс, постоянно трудиться над повышением исторической культуры общества — наша святая обязанность.

* * *

Заключение к этой статье в силу необходимости будет кратким и носить характер практических рекомендаций. Источниковедение отечественной истории не может более ограничиваться изучением только письменных документов. Разнообразные устные источники властно стучатся в наши двери, их систематическое применение в научных трудах стало настоятельно необходимым. Осмысление словесного документа с теоретической точки зрения, разработка научной методики его критического анализа требуют коллективных усилий специалистов-источниковедов. Наша наука имеет удачные примеры использования «застывших» исторических традиций, живых традиций бесписьменных народов, устных свидетельств участников великих событий. Этот опыт следует обобщить и распространить. Техникой применения устных источников должны овладеть молодые историки, для чего необходимо включить раздел по этой тематике в учебные пособия по источниковедению на исторических факультетах. Мы должны более эффективно, более смело использовать все те богатства «голосов прошлого», которые накоплены в наших хранилищах. И наконец, шире собирать показания и рассказы очевидцев. Сегодня, как и прежде, актуально звучит страстный призыв Герцена: «Всякое правдивое сказание, всякое живое слово, всякое современное свидетельство, относящееся к нашей истории за последние сто лет, чрезвычайно важно».

[1] Monde. 1984. 10 nov.
[2] Звучащий мир: Книга о звуковой документалистике. М., 1979.
[3] См., напр.: *Андроников И.* Живые голоса прошлого // Лит. газ. 1984. 27 июня.
[4] См.: Актуальные проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин: Тез. докл. М., 1983. С. 53, 133.
[5] Источниковедение истории СССР. М., 1981. С. 12. Тщетно, однако, мы будем искать в этой книге хотя бы строчку об устных источниках.
[6] См. рецензию: Oral Hist. 1979. Vol. 7, N 2. P. 70–71.
[7] См.: *Henige D.* Oral historiography. N. Y., 1982.
[8] *Лосев А. Ф.* Античная философия истории. М., 1977. С. 31–46; *Коллингвуд Р. Дж.* Идея истории: Автобиография. М., 1980. С. 16–19. Правда, в последнее время со ссылкой на датского лингвиста Л. Ельмслева высказано мнение, что письмо в виде знаков-символов возникло раньше звуковой речи (см.: *Колеватов В. А.* Социальная память и познание. М., 1984. С. 45–47). Нам представляется более обоснованной точка зрения Б. Ф. Поршнева, утверждавшего, что без речи нет ни мышления, ни памяти. В своем выводе он опирается на исследования выдающихся психологов Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, П. П. Блонского и А. Р. Лурия (см. подробнее: *Поршнев Б. Ф.* О начале человеческой ис-

тории. М., 1974. С. 148–151). «Язык,– пишет Я. К. Ребане,– материальный носитель социальной памяти» (*Ребане Я. К.* Информация и социальная память: К проблеме социальной детерминации познания // Вопр. философии. 1982. № 8. С. 48). Можно вспомнить и краткую формулу Гегеля: «Мыслить без слов затея неразумная» (*Гегель Г. В. Ф.* Энциклопедия философских наук. М., 1977. Т. 3: Философия духа. С. 303).

9 *Butterfield H.* The origins of history. L., 1981. P. 19–21. См. также новейшую работу о возникновении исторических знаний в странах Древнего Востока: *Van Seters J.* In search of history: Historiography in the ancient world and the origins of biblical history. New Haven; L., 1983. Новую историческую интерпретацию библейских сказаний см.: *Wiesel E.* Myth and history // Myth, symbol and reality/Ed. A. M. Olson. Notre Dame; L., 1980.

10 *Momigliano A.* Problèmes d'historiographie ancienne et moderne. P., 1983. P. 26–31. См. также: *Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А.* От Скифии до Индии: Древние арии: мифы и история. М., 1983.

11 *Miller D. G.* Improvisation, typology, culture and «The New Orthodoxy»: How «Oral» is Homer? Wash. (D. C.), 1982. P. 101–103. См. также новейший обзор дискуссии: *Schnapp-Gourbeillon A.* Naissance de l'écriture et fonction poétique en Grèce archaique // Ann. ESC. 1982. N 5/6. P. 714–720.

12 См. подробнее: *Коршунов А. М., Шаповалов В. Ф.* Творчество и отражение в историческом познании. М., 1984. С. 23–24.

13 *Charbonnier G.* Entretiens avec Claude Lévi-Strauss. P., 1961. P. 29–31.

14 *Греков Б. Д.* Киевская Русь. М., 1953. С. 400.

15 *Лихачев Д. С.* Национальное самосознание древней Руси. М.; Л., 1945. С. 5.

16 *Гуревич А. Я.* История и сага. М., 1972. С. 15; *Он же.* Норвежское общество в раннее средневековье: Проблемы социального строя и культуры. М., 1977. С. 269–274; *Он же.* «Эдда» и сага. М., 1979.

17 *Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 101.

18 *Лихачев Д. С.* Развитие русской литературы X–XVIII вв.: Эпохи и стили. Л., 1973. С. 59.

19 *Буганов В. И.* Русские летописи // Вопр. истории. 1984. № 6. С. 78.

20 *Лихачев Д. С.* О летописном периоде русской истории // Там же. 1948. № 9. С. 31. См.: *Он же.* Великое наследие. М., 1975.

21 *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. М., 1963. С. 347.

22 См.: Источниковедение истории Древнего Востока. М., 1984.

23 См.: *Бира Ш.* Монгольская историография XIII–XVII вв. М., 1978. С. 34. Сильнейший удар по устным преданиям арабов нанесла их кодификация в Коране и их запись в течение VIII–IX вв. Сказания о поступках и мыслях основателя ислама Мухаммеда – хадисы вначале распространялись изустно, их было огромное множество – около 300 тысяч. Многие из них являлись подложными. Поэтому были составлены 6 сборников хадисов, признанных ортодоксальными. После этого устная традиция приходит в упадок и ее заменяет книжное слово (см.: *Массэ А.* Ислам: Очерк истории. М., 1982. С. 72–74; Ислам: Крат. справ. М., 1983. С. 101, 119). О путях и особенностях развития историописания в арабском средневековом мире см. фундаментальную работу: *Rosenthal F.* A history of muslim historiography. Leiden, 1968.

24 *Кравцов Н. И., Лазутин Н. Г.* Русское устное народное творчество. М., 1983. С. 137–141, 292.

25 *Азадовский М. К.* История русской фольклористики. М., 1958. Т. 1. С. 81–91.

26 *Милюков П.* Главные течения русской исторической мысли. М., 1898. Т. 1. С. 57.

27 *Карамзин Н. М.* История государства Российского. СПб., 1842. Кн. 1. С. XVII.

28 *Пушкин А. С.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1976. Т. 7. С. 326.

29 *Овчинников Р.* Встреча в Оренбурге // Рифей: Уральский литературно-краеведческий сборник. Челябинск, 1981. Весь этот богатый по содержанию сборник является литературным памятником Пушкину от уральских краеведов.

[30] *Carr E. H.* What is history? L., 1962. P. 10.

[31] *Формозов А. А.* Историк Москвы И. Е. Забелин. М., 1984. С. 96.

[32] *Греков Б. Д.* Указ. соч. С. 7. Труды Грекова совершили «переворот в развитии русской медиевистики», справедливо пишет Б. А. Рыбаков. См.: Исследования по истории и историографии феодализма: К 100-летию со дня рождения академика Б. Д. Грекова. М., 1982. С. 115.

[33] *Рыбаков Б. А.* Указ. соч. С. 359. Как видим, последние слова книги Рыбакова перекликаются с началом книги Грекова, причем с одним существенным уточнением – былины лишены абсолютной хронологии, и датировка событий возможна только с помощью источников письменных.

[34] О жизни и деятельности В. Я. Проппа см.: *Чистов К. В.* В. Я. Пропп: легенды и факты // Сов. этнография. 1981. № 6. С. 52–63. Здесь, впрочем, взгляды Проппа по интересующей нас проблеме почти не рассматриваются.

[35] *Азбелев С. Н.* Историзм былин и специфика фольклора. Л., 1982. С. 20–23. 35–37, 201–203.

[36] Правда. 1981. 27 июля. Ученые-обществоведы справедливо ставят вопрос о расширении работ по изучению народного общественного сознания прошлого. Л. Н. Пушкарев считает, что источниковедческий аспект фольклора народов СССР и зарубежных стран почти не исследуется, и требует уделять больше внимания публикации материалов по этой теме (см.: Сов. этнография. 1984. № 2. С. 137). Еще решительнее Э. С. Маркарян, предложивший создать особую науку – традиционологию для комплексного изучения социально-культурных и исторических традиций (см.: *Маркарян Э. С.* Теория культуры и современная наука. М., 1983. С. 174–175).

[37] Известия. 1987. 8 сент.

[38] Проблема затронута в статьях В. А. Бейлиса и Э. С. Львовой в кн.: Источниковедение африканской истории. М.: 1977; См. также: *Урсу Д. П.* Устные источники по истории Западной Африки // Сов. этнография. 1976. № 6; *Он же.* Традиционная история и историческая традиция // Традиции и современность: Материалы выездной сессии Научного совета по проблемам Африки. М., 1983.

[39] *Lunghi M.* Oralità e transmissione in Africa Nera. Milan, 1979; Explorations in African systems of thought/Ed. I. Karp, C. Bird. Bloomington, 1980.

[40] Les traditions orales du Gabu: Actes du colloque international. Dakar, 1981. P. 7–19.

[41] *Урсу Д. П.* Современная историография стран Тропической Африки. М., 1983. С. 19–30. Соотнесению мифа и истории в плане возникновения религиозных верований посвящены многие труды крупнейшего буржуазного ученого-религиоведа М. Элиаде. См.: *Eliade M.* Le mythe de l'éternel retour. P., 1975; *Idem.* La nostalgie des origines: Méthodologie et histoire des religions. P., 1978; *Idem.* Images et symboles: Essais sur le symbolisme magico-religieux. P., 1979. О его научной деятельности см.: Myths and symbols: Studies in honour of Mircea Eliade/Ed. G. M. Kitogawa, C. Long. Chicago; L., 1969.

[42] *Vansina J.* De la tradition orale: Essai de méthodologie historique. Tervuren, 1961. P. 22–23.

[43] Ibid. P. 69. Недавно эта книга вышла в переработанном виде. См.: *Vansina J.* Tradition as history. Madison, 1985.

[44] *Vansina J.* The children of woot: A history of the Kuba peoples. Madison; L., 1980.

[45] Using oral sources: Vansina and beyond/Ed. K. Brown, M. Roberts. Wellington, 1980.

[46] *Те Ранги Хироа.* Мореплаватели солнечного восхода. М., 1959; *Simmons D. R.* The great New Zealand myth: A Study of the discovery and origin traditions of the Maori. Wellington, 1976.

[47] *Vansina J.* Memory and oral Tradition // The African past speaks: Essays on oral tradition and history/Ed. J. Miller. Folkestone, 1980. P. 276.

[48] Etudes africaines offertes à Henri Brunschvig. P., 1982. P. 3–4.
[49] *Henige D.* The chronology of oral tradition: Quest for a chimera. Oxford, 1974.
[50] Полемику Кларенс-Смита и Вансины см. в ежегоднике: Hist. Afr. 1977. N 4. P. 275–281; 1978. N 5. P. 351–356. Попытку соединить устную историю с методологией Броделя и «Анналов» предпринял Р. Хармс, предложив своеобразный гибрид под названием «диагональный нарратив». См.: *Harms R.* The wars of August: Diagonal narrative in African history // Amer. Hist. Rev. 1983. N 4. P. 814–819.
[51] *Урсу Д. П.* Изучение истории Африки в США // Вопр. истории. 1984. № 12.
[52] *Haley A.* Roots: The Saga of American family. N. Y., 1976.
[53] Народы Азии и Африки. 1978. № 1. С. 230–232.
[54] Oral Hist. 1978. N 2. P. 128–134.
[55] *Gyamfi K. E.* Traditional history of the Bono State: Archaeological approach. Legon, 1979; *Anquandah J.* Rediscovering Ghana's past. Accra, 1982.
[56] *Temu A., Swai B.* Historians and Africanist history: A critique: Post-colonial historiography examined. L., 1981. P. 111–115.
[57] *Henige D.* Truths yet unborn? Oral tradition as a casualty of culture contact // J. Afr. Hist. 1982. N 3. P. 395–412.
[58] Рукоп. отд. ЦНБ АН УССР. Ф. X. Ед. хр. 22 834.
[59] См.: *Ольдерогге Д. А.* Об изучении эпоса народов Африки: (Современное состояние) // Эпигамия: Избр. статьи. М., 1983.
[60] Ежегодно в нашей стране издается 850 млрд различных документов. Бумажная круговерть вызывает большие экономические и социальные издержки. См.: Известия. 1983. 3 окт.; Правда. 1984. 30 марта.
[61] Quaderni storici. 1977. N 35. P. 359.
[62] *Гунина А. Е.* О некоторых методологических проблемах американской буржуазной историографии // Американский ежегодник, 1983. М., 1983. С. 204; История США: В 4 т. М., 1983. Т. 1. С. 649. См. также: Интервью с профессором Северо-Западного университета Дж. Фредриксоном // Новая и новейшая история. 1983. № 6. С. 212.
[63] *Звегинцев В. А.* Язык и знание // Вопр. философии. 1982. № 1. С. 70–75; *Бутенко И. А.* «Практическая герменевтика» социологов-феноменологов // Там же. 1984. № 7. С. 104–106; Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 148, 334, 750, 753. См. также: *Фуко М.* Слова и вещи: Археология гуманитарных наук. М., 1977. Оценку вклада Фуко в науку дали французские марксисты в некрологе. См.: Humanité. 1984. 26 juin.
[64] Впрочем, изредка такие попытки оказываются тщетными. Достаточно вспомнить «Уотергейтское дело», в результате которого в национальном архиве США отложилось материалов на 6 тысяч часов звучания. Добавим красноречивый факт: для исследователей открыто только 12,5 часа прослушивания. См.: Лит. газ. 1980. 16 июля.
[65] *Урсу Д. П.* Архив ЮНЕСКО в Париже // Сов. арх. 1980. № 6. С. 61.
[66] *Бэрг М. П.* Устная история в Соединенных Штатах // Новая и новейшая история. 1976. № 6; *Кузнецова Н. П., Суринов В. М.* «Устная история» в практике работы зарубежных архивов и научных учреждений // Сов. арх. 1980. № 1; *Thompson P.* The voice of the past: Oral history. Oxford, 1978; *Hoover H.* Oral history in the United States // The past before US: Contemporary historical writing in the United States/Ed. M. Kammen. Ithaca; L., 1980; *Barker T. C.* Oral history in Britain // XV Congr. intern. sci. hist. 1: Grands thèmes et méthodologie. Bucarest, 1980. (Далее: XV Congr.).
[67] XV Congr. P. 464–465.
[68] *Thompson P.* Op. cit. P. 123–124, 205.
[69] Особенно много делается в этом плане в Алжире. См.: *Bouayed M.* L'histoire par la bande. Alger, 1974; Récits de feu: Temoignages sur la guerre de libération nationale. Alger, 1977; *Nacib Y.* Elements sur la tradition orale. Alger, 1981. На основе устных показаний очевидцев написана замечательная книга Ди Брауна по истории истребления индейцев США.

Желтый Волк из племени неперсе очень верно охарактеризовал фальшь официальной американской историографии в следующих словах: «Рассказы эти белых однобокие. Белые рассказывали себе на потребу. Многое в их рассказах неверно. Лишь о лучших своих делах и лишь о худших делах индейцев поведал белый человек» (*Ди Браун*. Схороните мое сердце у Вундед-Ни: История американского Запада, рассказанная индейцами. М., 1984. С. 277).

70 Такого мнения придерживается видный американский историк А. Шлесинджер, сам писавший много по проблемам дипломатической истории. См.: Amer. Archivist. 1980. N 4. P. 462–465.

71 XV Congr. P. 484.

72 Цит. по: *Тартаковский А. Г.* 1812 год и русская мемуаристика: Опыт источниковедческого изучения. М., 1980. С. 212.

73 Устное сообщение Б. С. Илизарова на IV Всесоюзной конференции по источниковедению (Днепропетровск, 31 окт. 1983 г.).

74 Ann. ESC. 1980. N 1. P. 125.

75 XV Congr. P. 550.

76 *Тартаковский А. Г.* Указ. соч. С. 62.

77 *Пушкарев Л. Н.* Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975. С. 228–229.

78 *Гольман Л. И.* Энгельс-историк. М., 1984. С. 44, 224, 234–235.

79 *Белкин А. М.* Слушаем Владимира Ильича: О грамзаписях речей Ленина. М., 1982. С. 42. См. также: *Аршинов А., Козюренко Ю.* Звучит голос вождя // Москва. 1986. № 4.

80 См.: *Морозов С. А.* Проблема исследования В. И. Лениным устных источников и источниковая база их научной разработки // Актуальные проблемы истории Восточной Сибири: Тез. докл. Иркутск, 1983. С. 8–9.

81 Звучащий мир. С. 125–129. К сожалению, историки до сих пор проходят мимо таких ценных фонодокументов, как старые грампластинки. См.: *Янин В. Л.* Старая граммофонная пластинка как объект источниковедения // Археографический ежегодник за 1977 г. М., 1978. С. 27.

82 Цит. по: *Горяева Т. М.* Радиогазета 20-х – начала 30-х годов как исторический источник // История СССР. 1984. № 1. С. 73. См. также статьи С. И. Бернштейна в сб.: Речевое воздействие: Пробл. прикл. психолингвистики. М., 1972.

83 Правда. 1980. 17 июня, 17 окт.; Известия. 1982. 28 авг.; 1985. 23 марта.

84 *Сивачев Н. В.* Политическая борьба в США в середине 30-х годов XX в. М., 1966; *Он же.* США: государство и рабочий класс. М., 1982.

85 *Седых В. Н.* Жак Дюкло. М., 1983; *Он же.* Размышления на площади Бастилии. М., 1981.

86 *Сванадзе Л. Н.* Великобритания: консерваторы и проблемы послевоенного развития, 1945–1955. М., 1984.

87 *Симонов К.* Сегодня и давно: Статьи. Воспоминания. Литературные заметки. О собственной работе. М., 1980. С. 580.

88 *Адамович А., Гранин Д.* Блокадная книга. М., 1982. С. 7–9.

89 *Тертерян И. А.* Испытание историей: Очерки испанской литературы XX в. М., 1973. С. 119–120. См. также: *Салов В. И.* Историзм и современная буржуазная историография. М., 1977. С. 85–86.

90 См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 24. С. 120–121.

91 Там же. Т. 18. С. 343.

92 *Грушин Б. А.* Мнения о мире и мир мнений: Проблемы методологии исследования общественного мнения. М., 1967. С. 223.

93 *Рутман В. К.* К вопросу о соотношении общественного бытия, общественного сознания и идеологии // Методологические вопросы современной науки в свете ленинских идей. Рига, 1981. С. 232.

94 *Чагин Б. А.* Структура и закономерности общественного сознания. Л. 1982; *Крутова О. Н.* Человек и история: (Проблема человека в социальной философии марксизма). М., 1982; *Келле В. Ж., Ковальзон М.* , Теория и история: (Проблемы теории исторического процесса). М., 198

95 *Пашуто В.* Научный историзм и содружество муз // Коммунист. 198 № 5.

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ИСТОРИЧЕСКОГО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ В ТРУДЕ А. С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО «МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ»

А. П. Пронштейн

Опубликованный в 1910—1913 гг. труд А. С. Лаппо-Данилевского «Методология истории» [1] был воспринят историками как последнее слово буржуазной науки в этой области знаний, но встретил разное отношение. Единомышленники автора всячески восхваляли его за открытую защиту им своего понимания хода истории и процесса его познания [2] Напротив, историки-марксисты М. Н. Покровский и В. И. Невский дали отрицательную оценку труду. Сосредоточив (в связи с переизданием в 1923 г. первого выпуска этого сочинения) свое внимание на трактовке излагаемых в нем общих проблем методологии истории, они коснулись взглядов автора и на теорию и методы изучения источников, подчеркнув отрицание Лаппо-Данилевским значения источника как «продукта классовой борьбы» [3].

Внимание научной общественности к теоретическим работам А. С. Лаппо-Данилевского вновь было обращено Л. В. Черепниным в 1949 г. Он отметил, что «в советской историографии до сих пор отсутствует марксистская критика теоретических взглядов Лаппо-Данилевского», и подробно изложил свое отношение к ним. Указав, что «Лаппо-Данилевский был ученым с большой эрудицией», что «он ввел в научный оборот ряд новых источников», Л. В. Черепнин вместе с тем дал отрицательную оценку пониманию Лаппо-Данилевским источника как продукта человеческой психики, классификации источников, в основе которой лежало противопоставление бытия сознанию, а также методам интерпретации и критики, основанным не на социальном, а на психологическом подходе. В итоге автор пришел к выводу, что вся методология Лаппо-Данилевского «в корне порочна и враждебна марксистско-ленинской науке», что его исторические работы — «показатель кризиса буржуазной науки периода империализма» [4].

С конца 50-х годов в советской исторической науке усилилось внимание к гносеологическим проблемам. Наряду с другими был поставлен и вопрос об отношении к наследству буржуазных ученых в области теории и методики исторических исследований, а в связи с этим и об отношении к «Методологии истории» А. С. Лаппо-Данилевского.

Историки этих и последующих лет считают, что Лаппо-Данилевский подходил к задачам истории и методики исторических исследований с неокантианских позиций, объясняя этим ограниченность его выводов по данным вопросам [5]. Но вместе с тем они отмечают его достижения в решении ряда проблем, особенно в области методики конкретного источниковедения. Так, Н. Е. Носов замечает, что «вряд ли правильна широко распространенная в советской историографии 40—50-х годов однозначная оценка его научного наследия лишь как проявления кризиса буржуазного источниковедения. Лаппо-Данилевский не был марксистом, но многие его начинания в области отечественного источниковедения заслуживают всестороннего и самого пристального изучения» [6]. Я. С. Лурье также писал: «А. С. Лаппо-Данилевский — выдающийся источниковед, стремившийся сделать критику источника строго научной теоретической дисциплиной» [7]. Но рядом с этим имеются и другие мнения. Резко отрицательно оценивает методологию работы с источниками Лаппо-Данилевского А. Т. Николаева. «Сводить метод познания источника,— пишет она,— только к более полному пониманию психики и культуры автора источника и к „переводу" этих явлений „на образ мыслей, свойственных историку",—чем, по ее мнению, ограничивает свою задачу Лаппо-Данилевский,— это махровый идеализм, не только ничего общего не имеющий с историческим материализмом, но даже с идеализмом историка С. М. Соловьева». «Можно удивляться еще и тому,— продолжает Николаева,— почему этот метод назвал Лаппо-Данилевский „историческим методом" [8]». Отрицательно оценивается методика источниковедения Лаппо-Данилевского и в работах В. И. Стрельского и А. А. Зимина [9].

В новейшей литературе наиболее подробно методология А. С. Лаппо-Данилевского проанализирована в трудах Г. М. Иванова и Л. Н. Хмылева, но они ограничили свою задачу изучением взглядов ученого на социальную природу исторических источников и их гносеологическую функцию [10]. Что касается решения им конкретных проблем источниковедения, то оно, по словам Л. Н. Хмылева, «еще ждет своего исследователя» [11].

В настоящей статье делается попытка проанализировать взгляды Лаппо-Данилевского на теорию и методику исторического исследования, выраженные в его труде «Методология истории».

С конца XIX в. в развитии буржуазной исторической науки в России все явственнее стали обнаруживаться черты идейно-методологического кризиса. Решающее влияние на это оказало распространение в трудах К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина материализма на область общественных явлений, понимание исторического развития как «единого, закономерного во всей своей громадной разносторонности и противоречивости процесса» [12] на основе последовательной смены общественно-экономических формаций. Как отмечают исследователи, этим самым «марксизм нанес сокрушительный удар по основным теоретико-методологическим принципам буржуазной науки вообще и обществознанию и

философии истории в особенности, показал их общую ограниченность и несостоятельность» [13].

В то время как передовая научная мысль развивалась под влиянием учения К. Маркса и В. И. Ленина, большинство буржуазных ученых в поисках ответа на волнующие их вопросы все более откровенно становились на идеалистические позиции. «Отчаяние,— писал В. И. Ленин,— в возможности научно разбирать настоящее, отказ от науки, стремление наплевать на всякие обобщения, спрятаться от всяких „законов" исторического развития, загородить *лес* — деревьями, вот классовый смысл... модного буржуазного скептицизма... мертвой и мертвящей схоластики» [14].

Однако передовые идеи марксизма-ленинизма оказывали свое влияние и на некоторых буржуазных ученых. Оно особенно сказалось на развитии специальных областей исторической науки, к числу которых принадлежало источниковедение. Активизация исследований в этой области в начале XX в., по словам А. М. Сахарова, «в разных аспектах отражала определенное поступательное движение научного познания, внося позитивный вклад в методику работы над источниками» [15]. Ученых конца XIX — начала XX в. уже не удовлетворял наивно-реалистический подход к источникам и заключенной в них информации. Они настойчиво искали пути к расширению эвристических возможностей источников, используя для этого, разумеется в приемлемых для них пределах, новейшие научные достижения. И хотя они решительно отвергали марксизм как систему научных взглядов, некоторые из них признавали важность диалектического подхода к исторической информации, необходимость специальной разработки процесса познания в исторической науке, совершенствования методики и техники исторических исследований, развития источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин [16].

В этих условиях развивалось научное творчество в области методологии истории А. С. Лаппо-Данилевского.

Формирование его научного мировоззрения происходило в условиях господства в русской буржуазной, как и в зарубежной, науке позитивизма. Это философское направление возникло в Европе в 30—40-х годах XIX в., а во второй половине столетия получило широкое признание. Глава позитивистов О. Конт и его последователи считали, что с позиции спекулятивной философии, в том числе и гегельянства, которое объясняло все происходящее саморазвитием божественного духа, невозможно дать удовлетворительный ответ на многие вопросы, выдвигавшиеся развитием науки. По их мнению, наука должна строить свои выводы не исходя из общих, философских построений, а опытным путем, на почве изучения конкретных фактов методом индукции. Только в этом случае она сможет понять, как все происходило в прошлом и совершается в настоящем. Такое знание они считали «позитивным», «истинно научным». При этом позитивисты не сомневались в том, что других фактов, кроме тех, которые получает наука опытным путем, не существует, а они, в свою очередь, просты

и доступны взгляду ученого и сводятся только к совокупности ощущений или представлений, складывающихся у ученого в ходе наблюдений [17]. Эти положения позитивисты относили в равной мере как к естественным, так и к гуманитарным наукам.

Поскольку и история, с их точки зрения, строит свои суждения на основе конкретных фактов, то они прежде всего сформулировали свое отношение к этому предмету. По их мнению, фактами истории как науки нельзя считать отдельные события или действия отдельных личностей, побуждаемые частными интересами. Такими фактами являются типические и коллективные события, массовые движения и общественные состояния, ибо только они выражают подлинный ход истории. Эти действия могут быть поняты не через индивидуально-психологическое мотивирование, а на основе законов всеобщей или коллективной психологии путем сравнения культуры различных эпох.

Для историков-позитивистов характерно наивно-реалистическое представление об исторических фактах и об исторических источниках. Они считали, что массовые, коллективные действия — «позитивные» факты исторической науки — столь же элементарны и просты, как и природные факты. Это «результаты» или «следы» человеческой деятельности (чувственно-данные историку «вещи»), которые сохранились в источниках в виде «остатка» или «предания», можно сказать, в полуготовом виде. Вся задача науки состоит в том, чтобы их выявить, а для этого требуется создать совершенную, отвечающую современным научным требованиям методику изучения исторических источников [18]. Стремление к этому отразилось во многих трудах по конкретным историческим проблемам, а также в работах, посвященных исследованию отдельных источников и их видов.

А. С. Лаппо-Данилевский, как и некоторые другие буржуазные историки конца XIX — начала XX в., испытал на себе влияние позитивизма. Однако от позитивистов он усвоил не столько представление о существовании объективного мира, сколько мысль о многофакторности исторического процесса, и прежде всего об определяющей роли идей в истории общества [19]. Более того, он был одним из немногих русских историков, кто попытался вывести русское источниковедение за рамки позитивизма, но философскую основу своего подхода к задачам изучения исторических источников он находил не в марксизме, получившем к этому времени уже широкое распространение, а в течении, которое вело открытую борьбу с марксизмом,— в неокантианстве [20].

Лаппо-Данилевский отрицательно относился к трудам своих предшественников-позитивистов, у которых «методология источниковедения получает характер обозрения источников» и перечня конкретных «приемов их изучения» [21]. К числу их он относил и В. С. Иконникова, который, правда, «сообщает много полезных библиографических указаний, выписок и соображений» о методах изучения источников, но «не дает систематического учения о них» [22]. Критически относился он к работам по исторической кри-

тике Н. И. Кареева и лишь с одобрением отмечал его стремление «высказаться... в пользу индивидуализирующей точки зрения на историю» [23]. С тех же позиций, но еще более решительно он критиковал марксизм, видя в нем одно из «номотетических» направлений в исторической науке, которое «не в состоянии удовлетворить нашего интереса к действительности», так как, оперируя общими понятиями, «историк легко упускает из виду или произвольно исключает из круга своих наблюдений факты (личности, события и т. п.), которыми история не может пренебречь» [24].

В отличие от позитивистов, в представлении которых успех в изучении источников зависел от применения конкретных приемов исследования, исходя только из природы источника, Лаппо-Данилевский придавал большое значение гносеологическому подходу к историческому исследованию: «Лишь в том случае,— писал он,— если историк, стремящийся к исторической правде, осознал те принципы и методы, которыми ему приходится пользоваться в процессе работы, он может ясно поставить себе известную познавательную цель, придавать систематическое единство своему знанию исторической действительности, не смешивая разных понятий, и производить свою работу систематически, путем исследования, постоянно контролируя ее ход» [25].

При разработке теории и методов изучения исторических источников Лаппо-Данилевский исходил из понимания исторического процесса как результата воздействия «сознания данной индивидуальности на среду, в особенности на общественную среду» [26]. Хотя при этом он считал, что такой индивидуальностью могло быть не только отдельное лицо, но также союз людей, город, общественный слой, государство и даже человеческое общество в целом, идеалистическая основа его представлений об историческом процессе от этого не менялась. Объективной закономерности в развитии человеческого общества он не признавал.

С этим был тесно связан его взгляд на историю как на «науку о духе», которая имеет дело главным образом с явлениями «психического порядка». «Историк,— писал он,— изучает историческую эволюцию с психогенетической, а не с чисто биологической точки зрения: он всегда предпосылает действительное существование одушевления той социальной группы, развитие которой он построяет; он прежде всего и главным образом интересуется развитием ее „души“» [27].

В таком подходе к задачам исторической науки, как уже отмечалось в советской литературе, выразился отказ от типичного для позитивистов стремления свести социальное к биологическому. Но, не видя истинных движущих сил истории, Лаппо-Данилевский, как и все неокантианцы, стремится объяснить социальные процессы психологическими моментами [28].

Поскольку закономерности исторического процесса являются продуктом сознания, пишет он далее, то и построение исторической теории должно зависеть от внешних обнаружений духовной жизни. При этом историк как познающий субъект противопола-

гает себя познаваемому объекту, «приписывая» ему «некую одушевленность» по аналогии со своим собственным сознанием. Историк, таким образом, «стремится перевоспроизвести в себе то именно состояние сознания, которое ему нужно для научного объяснения изучаемого им объекта»[29].

Исходя из всего сказанного, историк, в представлении Лаппо-Данилевского, может интересоваться изменениями в жизни людей с двух точек зрения: во-первых, с номотетической, или обобщающей, т. е. «искать в изучаемых исторических вещах или явлениях лишь свойства, общие им всем», а во-вторых, с идеографической, индивидуализирующей, т. е. выяснять отношение изучаемого факта к абсолютным ценностям, а точнее, «то значение, которое сознание вообще приписывает данному переживанию». При этом он обращал внимание не только на различие обобщающей и индивидуализирующей точек зрения, но и на общие черты у них. Каждая наука, писал он, отличается от других лишь «преобладанием одной из таких точек зрения»[30].

Что же касается наук об обществе, то, по словам Лаппо-Данилевского, обобщающий метод преобладает в социологии; в истории же основным является метод идеографический. Поскольку всякая действительность, как бы широка она ни была, индивидуальна, «обобщающие социологические построения приобретают для собственно историка лишь вспомогательное значение: историк-идеограф может пользоваться обобщениями в целях наилучшего выявления характерных черт той или иной исторической индивидуальности»[31].

Таким образом, взгляды А. С. Лаппо-Данилевского на историю как науку основывались на неокантианской общей теории знания в духе модной в то время критической философии истории[32]. Из его понимания исторического процесса как сугубо индивидуального и соответственно этому задач исторической науки, как науки прежде всего идеографической вытекало его представление о методологии исторического познания. Последняя в его освещении состояла из двух частей: методологии источниковедения и методологии исторического построения.

Переходя к рассмотрению во втором выпуске своего труда методологии источниковедения Лаппо-Данилевский прежде всего ставил вопрос о стоящих перед ней задачах. По его словам, они заключаются в том, чтобы «установить те критерии, на основании которых историк считает себя вправе утверждать, что факт, известный ему из данных источников, действительно произошел в настоящем или в прошлом развитии человечества»[33]. Вместе с тем он отмечал и прикладное значение методологии источниковедения, которая «рассматривает, что именно источники дают для нашего знания об исторической действительности и в какой мере оно доступно нам при данных условиях»[34].

Чтобы ответить на эти вопросы, Лаппо-Данилевский считал необходимым выяснить, что представляет собой источник исторических знаний, каковы его содержание и возможности в отраже-

ции прошлой жизни людей и формы, в каких эта жизнь выражалась. Вслед за историками-позитивистами он признавал источники основой исторических знаний, а также их объективное существование, определяя их как «реально данный объект», «продукт человеческого творчества в широком смысле» [35].

Однако сущность источников он раскрывал как идеалист, видя в них «реализованный продукт человеческой психики» [36]. Как и все позитивисты, он при этом не хотел замечать в функциях человеческой психики закономерного отражения реальных человеческих отношений, объективно существующих законов общественного развития. Отсюда сам собой напрашивается его вывод, что источник, будучи связан с жизнью, способен ее отразить, но, во-первых, главным образом ее духовную сторону, и, во-вторых, лишь субъективно, сквозь призму своей психологии.

На этом совпадение взглядов Лаппо-Данилевского с историками-позитивистами заканчивалось. В отличие от них он считал, что «реализованный продукт человеческой психики» может быть историческим источником только после того, как историк докажет его пригодность для воссоздания исторического прошлого. Самое понятие об источнике, пишет он, «включает уже понятие о нем как о средстве для достижения некоей познавательной цели; лишь в том случае, если данный объективированный продукт человеческой психики может служить ему материалом для ознакомления с каким-нибудь фактом из истории человечества, историк называет его историческим источником» [37]. При этом, как справедливо заметил Л. Н. Хмылев, у Лаппо-Данилевского «функция быть свидетельством о прошлом не навязывается остатку прошлого извне», а «является раскрытием одной из существенных внутренних сторон продукта прошлой человеческой деятельности, а именно того, что этот продукт есть отражение социального бытия прошлого» [38].

Исходя из этого, Лаппо-Данилевский проводил сопоставление между историческим источником и фактом. Всякий исторический источник как продукт деятельности людей, по его словам, уже является фактом. Но источником он становится тогда, когда историк использует его для познания факта независимо от того, является ли он частью источника или известием, возникшим объективно, независимо от этого источника [39].

В понимании источника, с одной стороны, как продукта предметной человеческой деятельности, а с другой — как результата познавательной деятельности человека (что позволяет раскрыть место источника в процессе исследования) советские историки видят определенный шаг вперед по сравнению с пониманием их в чисто онтологическом плане представителями позитивистского направления [40]. Однако при ограниченно истолковываемой психической деятельности человека как сугубо индивидуальной этот гносеологический подход к источнику, плодотворный по существу, принимал у Лаппо-Данилевского идеалистическую окраску, так как оказался в зависимости от взгляда

ученого на остаток прошлой жизни человеческого общества: «без субъекта не может быть перцепции объекта», заявлял он [41].

Оценивая свойства источника, Лаппо-Данилевский обращал внимание и на форму, в которой отражается в нем историческое прошлое. Она могла быть различной. Наиболее распространенная зависела, по его словам, от «того впечатления, которое исторический факт произвел на автора источника» [42]. А так как «впечатление» может найти свое выражение в самой различной форме, то в этом случае ее (форму) даже трудно заранее предугадать. Возникая таким путем, форма источника, по мысли Лаппо-Данилевского, мало помогает раскрытию его содержания.

Но рядом с этим он называл и другие случаи. Поскольку источник является прямым продуктом труда его создателя, то он принимает ту форму, которая создается данным трудом. Кроме того, каждый источник создается с определенной целью и, следовательно, тоже принимает ту форму, которая соответствует ее осуществлению. В этих случаях форма источника принимает вполне определенный вид и помогает раскрыть содержание исторического факта, который отразился в источнике [43].

Таким образом, в характеристике Лаппо-Данилевским содержания источника и его формы проявилось сочетание идеалистического и материалистического подходов. При этом идеалистический момент выступал более определенно, чем у его предшественников, представителей позитивизма в русском источниковедении второй половины XIX —начала XX в.

Из представления А. С. Лаппо-Данилевского о сущности исторического источника вытекал его взгляд на их классификацию.

Историки-позитивисты тоже понимали, что от видов источников зависят особенности научной критики их, но большого значения этому не придавали. В основу классификации они клали отношение источников к исторической действительности, выраженное в их материальной форме, а потому ограничивались делением их на остатки исторических фактов и предания о них, толкуя эти категории в онтологическом плане. Каждый из этих видов, в свою очередь, они делили на группы и подгруппы по тому же принципу.

Лаппо-Данилевский иначе подошел к этой проблеме. Главную цель классификации он видел не в «упорядочении» источников, т. е. в распределении источников «по разрядам» по их материальной форме, а в том, чтобы с помощью самой классификации полнее раскрыть эвристические возможности источников, их «познавательную ценность». К решению этой задачи он подходил главным образом с неокантианских позиций. «Историк,— писал он,— судящий о бывшей действительности на основании источников, в сущности заключает о внутреннем содержании источника только на основании его материального образа, доступного его чувственному восприятию». Однако «не все материальные образы источников способны вызвать в нем (историке.— *А. П.*) одинако-

вое впечатление реальности изучаемого им факта; следовательно, он может различать источники по большей или меньшей пригодности их материального образа для того, чтобы путем его восприятия испытывать впечатление реальности тех фактов, к которым они относятся»[44].

Опираясь на эти положения, Лаппо-Данилевский, однако, не отказался от принятого его предшественниками деления источников на остатки и предания. Но, прежде всего, он вложил в него другое содержание, обратив внимание на гносеологическую природу источника, на связь его с исследователем, а следовательно, на двойственную природу источника. Кроме того, он пришел к выводу, что нельзя ограничиваться делением источников по одному какому-нибудь признаку, что таких признаков может быть несколько, и попытался раскрыть смысл каждого из них.

Прежде всего он рассмотрел вопрос о классификации источников по происхождению. С этой точки зрения он делил все источники на основные и производные. К первым он относил те, которые ближе остальных «к изучаемому факту, возникают под его влиянием и непосредственно свидетельствуют о нем». Вторые сообщают о факте известия, «которые уже прошли одну или несколько передаточных инстанций»[45].

Рядом с этим Лаппо-Данилевский заметил, что источники поразному отражают прошлое и по материальной форме. Одни из них как бы изображают факт «в его остатках, в красках или звуках». От них историк «испытывает впечатления, однородные с теми, какие он испытывал бы, если бы воспринимал самый факт, а не один только источник». Другие источники лишь обозначают факт «путем каких-либо символических знаков (большей частью письменных)». На основе этих знаков, «символизирующих бывший факт в материальной форме, историк должен конструировать в себе его образ, для того чтобы получить возможность приступить к научному исследованию бывшего факта»[46].

По мнению Лаппо-Данилевского, каждая из этих групп, выделенная по принципу ее материальной формы, тоже не однородна. Большая часть источников, «изображающих факт», представляет собой памятники материальной культуры, т. е. непосредственные остатки прошлой жизни. Но в числе тех же источников имеются и современные изучаемой эпохе картины, которые в зрительной форме представляют тот же факт. При изучении тех и других источников историку не надо конструировать прошлое: оно предстанет перед ним в готовом виде. Поэтому он именует их источниками, изображающими факт. Но в первом случае они выступают перед ним в виде прямых остатков эпохи, а во втором в виде исторических преданий о ней.

Подобным образом неоднородны по своему характеру и источники, обозначающие факт. При изучении их на основании знаков, символизирующих бывший факт, историк должен конструировать в себе образ. Однако в числе этих источников имеются и рассказы о событиях, прямые остатки, части событий, помогающие вос-

становить их в целом, например юридический акт, договор и т. п.[47]

Предложенная Лаппо-Данилевским классификационная схема деления источников на изображающие факт и обозначающие его была шагом вперед по сравнению с предшествующими ей схемами, так как, по справедливой характеристике Г. М. Иванова, имела «глубокое объективное основание в самой отражательной природе исторического источника и тех средств, с помощью которых реализуется отражение действительности в источнике» [48]. Но при этом следует помнить, что в каждом историческом источнике он видел лишь «материал, отражающий психическую деятельность человека».

А. С. Лаппо-Данилевский далее указывал, что при классификации источников с точки зрения гносеологической основное значение имеет не их происхождение или материальный образ, а степень «близости познающего субъекта, т. е. историка, к объекту его изучения» [49].

С этой стороны он делил источники на остатки культуры и предания, но придавал им совсем иной, чем у прежних исследователей, смысл. Один и тот же источник, по его словам, в глазах историка может быть одновременно и остатком культуры и преданием о ней. Если источник отражает ту самую деятельность, продуктом которой он является, то такой источник для историка является остатком культуры, т. е. непосредственным результатом «некоей психофизической деятельности человека, ее след, запечатленный в образе, доступном восприятию историка». Тот же или другой источник будет считаться преданием, если историк будет рассматривать его как «отражение какого-нибудь исторического факта», как «результат того впечатления, которое он произвел на автора предания, реализовавшего его в данном материальном образе» [50].

Очень существенны дальнейшие рассуждения Лаппо-Данилевского об остатках и преданиях. В первом случае, пишет он, историк получает возможность «непосредственно заключать о том, что и факт, остаток которого доступен его исследованию, действительно существовал». По преданию же историк такого вывода сделать не может, и, «прежде чем утверждать действительность его (факта.— *А. П.*) существования, историк должен установить, на каком основании и в какой мере он может доверять преданию о факте» [51].

Руководствуясь тем же гносеологическим принципом, Лаппо-Данилевский проводил дальнейшую классификацию остатков культуры и преданий на группы. Первые он делит, исходя из того, «насколько такой остаток может дать историку непосредственное знание о факторах, породивших факт», и выделяет воспроизведения фактов, пережитки и произведения культуры, подробно характеризуя их [52]. При делении преданий он считает важным «различать источники, характерное содержание которых преимущественно имеет значение для познания того, что было,

от источников, содержание которых служит для познания того, что признавалось должным», выделяет источники с фактическим содержанием и источники с нормативным содержанием [53].

Последнее деление Лаппо-Данилевский распространял на все источники, указывая, что «под самопроизвольным творчеством можно разуметь такое, какое естественно порождает данный источник, не имея в виду нормативных целей», а «под регулирующим такое, которое сознательно задается целью или установить нормы (истины, добра, красоты), или подчинить себя данным нормам». Такое деление, заключает он, делается «в зависимости от того, какого рода факторы человеческой психики принимаются во внимание для объяснения... характерных особенностей» групп исторических источников [54].

Таким образом, внеся много нового в разработку классификации исторических источников и, что самое важное, подойдя к ней с гносеологических позиций, Лаппо-Данилевский не смог преодолеть идеализм в подходе к этой проблеме и не учел классовых, политических и прочих моментов, оказавших влияние на различие между формой и содержанием источников [55].

Первая задача, которая, по мнению Лаппо-Данилевского, стоит перед всеми, кто начинает изучать исторические источники, заключалась в их интерпретации. Это было ясно уже историкам XIX в., что послужило основанием для возникновения особой отрасли научных значений — герменевтики. Ее предметом было объяснение, истолкование, интерпретация смысла изучаемого документа. Однако содержание ее понималось по-разному. Ф. Бласс, Ш. Ланглуа и Ш. Сеньобос считали, что главным в герменевтике является «искусство распознавать и объяснять скрытый смысл текстов», их образы, метафоры и т. п.[56] По мнению же Лаппо-Данилевского, задачи герменевтики были значительно шире: «определить, какой именно исторический факт может быть восстановлен на основании данного источника», точнее, выявить «то самое значение, которое творец (автор) придавал своему произведению» [57].

Лаппо-Данилевский видел различие между внутренним содержанием источника и его внешней формой. Однако он считал, что «без некоторой связи между ними не может быть и источника». Следовательно, в конечном итоге все же можно установить «объективно данное значение или смысл исторического источника более или менее непосредственно по его материальному образу» [58].

Лаппо-Данилевский называл следующие виды интерпретации: 1) психологический, 2) технический, 3) типизирующий, 4) индивидуализирующий — и подробно проанализировал каждый из них. Он указывал, что «при интерпретации историк прежде всего стремится подыскать то психологическое значение источника, которое более всего соответствует данным его чувственного восприятия, т. е. материальному образу источника». А так как источник представляет собой результат психической деятельности

человека, то, заключал он, можно сказать, что «психологическое истолкование лежит в основе всех остальных методов исторической интерпретации источников». Суть этого метода состояла в том, чтобы добиться совпадения мысленного образа, возникающего у историка при изучении источника, с мысленным образом, отраженным в источнике. Историк, по словам автора, должен воспроизвести в себе «чужое представление», притом именно то, которое родилось в «чужом сознании» при создании источника. Ученый учитывал, что психика автора источника и психика историка не могут быть вполне адекватными и что значение каждого отдельного символа, выраженного в источнике, может быть истолковано по-разному. Поэтому историк должен, во-первых, каждое отдельное сообщение воспринимать в контексте, в его «отношении к целому или к другим частям», а во-вторых, с учетом целевого назначения источника, сквозь призму которого точнее раскрывается смысл каждого отдельного сообщения [59].

Идеалистическая основа такого метода интерпретации была настолько очевидна, что даже сам Лаппо-Данилевский пытался ее нейтрализовать. Поэтому в качестве дополнительного он предложил технический метод интерпретации. При этом он исходил из того, что форма источников тесно связана с их назначением. А так как остатки исторических фактов создавались непосредственными участниками событий, которые придавали им ту форму, какая способствовала осуществлению стоявших перед ними целей, то он считал возможным по форме источника судить о его содержании. Разумеется, в данном случае речь могла идти только об исторических остатках. Но так как всякий источник является остатком той культуры, в которой он возник, то Лаппо-Данилевский считал возможным с учетом соответствующих изменений применять технический метод интерпретации ко всем источникам. Однако и в этом случае он не освободился полностью от идеалистического подхода к задачам интерпретации, так как, по его словам, «историк пользуется техническим методом интерпретации материальных свойств изображающих и обозначающих остатков культуры главным образом для того, чтобы квалифицировать свою предпосылку о чужой одушевленности, обнаружившейся в данном источнике» [60].

Наряду с психологическим и техническим методами интерпретации Лаппо-Данилевский называл и собственно исторические.

Первый из них — типизирующий. Он должен был помочь историку определить место источника в той среде, в которой он возник. Этого можно было достичь, если понять роль источника, во-первых, в ряду тех событий, которые ему предшествовали и следовали за ним, а во-вторых, в структуре тех событий, которые происходили одновременно со временем существования данного источника. Первый вид типизирующей интерпретации он называл эволюционным, второй — систематическим. Применяя эволюционный и систематический методы, историк получает возможность установить «те родовые признаки источника, которые объясняют-

ся реальной его зависимостью от среды, т. е. от данного состояния или периода культуры» [61].

К числу исторических методов интерпретации Лаппо-Данилевский относил и индивидуализирующий. Толкуя источник, писал он, историк «стремится выяснить, что именно думал данный автор, когда он работал над своим творением,— имел ли он свои затаенные помыслы или мыслил то, что ему хотелось, чтобы мыслили и те, которые станут воспринимать его произведение». При таком подходе «исследователь точнее устанавливает тот смысл, в каком автор сам хотел, чтобы понимали его произведение» [62].

Если к названным Лаппо-Данилевским четырем типам интерпретации добавить проводимую им мысль о взаимной зависимости этих методов и необходимости для достижения успеха применять их в самых сложных комбинациях, а иногда и в совокупности [63], то можно увидеть тот крупный шаг вперед, который был сделан им по сравнению со своими предшественниками в разработке проблемы интерпретации исторических источников. И все же, оставаясь на неокантианских позициях, он, как показал Л. В. Черепнин, так и не понял, что интерпретация источников должна проводиться «в целях понимания их смысла как документов классовой, политической, партийной борьбы, в целях раскрытия, почему определенное содержание облечено в соответствующую форму, и выяснения, в какой мере данная форма источника отражает его социально-экономическое и политическое содержание, не отстала ли она в своем развитии от реальных отношений общественной жизни» [64]. Вне поля зрения Лаппо-Данилевского остались и методы, соответствующие этой задаче [65].

Наибольшее внимание уделил Лаппо-Данилевский вопросам критики исторических источников. Учитывая слабую разработанность этого вопроса в русской и зарубежной литературе, интерес главным образом к установлению «технических правил, нужных для того, чтобы различать ценное от неценного, годное от негодного и т. п.», он поставил своей целью изучить этот вопрос теоретически, и прежде всего установить общее понятие о критике, а затем изложить главнейшие принципы и методы критического рассмотрения источников [66].

Под критикой вообще Лаппо-Данилевский вслед за Риккертом и другими неокантианцами понимал «теоретическое отнесение данного объекта к общезначимой ценности». Поэтому критика может быть научной, моральной и эстетической, следовательно, оценивать каждый объект соответственно с точки зрения истины, добра и красоты. Историческую критику он относил прежде всего к научной, хотя и не исключал для историка подход к источникам и с других точек зрения [67].

Задача критики источников, по его словам, состоит в выяснении достоверности содержащихся в них сведений, прежде всего по отношению к «фактической» истине, иначе говоря, она «определяет научную ценность источника для построения действительности» [68].

Дав в целом вполне приемлемое определение задач критики исторических источников, Лаппо-Данилевский, однако, придавал им идеалистическую окраску. Поскольку, писал он, источники — «продукт психической деятельности человека», то задача их критики должна состоять прежде всего в выяснении психологии автора источника вообще и в частности в момент его создания. Лишь в таком случае возможно хоть в какой-то степени понять, как в представлении автора источника преломлялись исторические события [69].

Потребность в критике возникает тогда, когда у историка появляются «сомнения в исторической ценности или фактическом значении источника для научного построения исторической действительности», и автор подробно перечисляет возможные сомнения такого рода: когда автор источника отклоняется от мыслей, высказанных ранее, и вступает в противоречие сам с собой, когда налицо тенденциозность, когда свидетельства данного источника не совпадают с известиями, содержащимися в других, и т. п.[70]

Решение задач критики исторических источников, по мнению Лаппо-Данилевского, возможно путем применения номотетического и идеографического методов. Исходя из своих идеалистических представлений об историческом процессе, на первое место он ставил идеографический метод. Его разработкой занимались и его предшественники, но в отличие от них он искал средства, с помощью которых можно было бы не только обеспечить простое (как у них) описание фактов, а раскрыть их смысл, разумеется в рамках его представлений.

В предлагаемую им сложную систему методов исследования исторических источников Лаппо-Данилевский включал и приемы, разработанные формальной логикой: анализ и синтез, индукцию и дедукцию и пр. При этом отмечал, что «методы исследования собственно исторических источников отличаются большой сложностью и конкретностью: несколько отвлеченных, логически разделенных методов мышления сплетаются в каждом из них в одно целое; историк, интересующийся данным источником, пользуется не абстрактными методами дедукции или индукции вообще, а более или менее сложной их комбинацией, приноровленной к изучению данных своего исторического опыта, т. е. данного рода источников» [71].

Переходя к анализу этапов и разновидностей критики исторических источников, Лаппо-Данилевский характеризует разработку этого вопроса в трудах предшественников и, в частности, отмечает плодотворность деления ее В. О. Ключевским, Ф. Шлейермахером и В. Вундтом на критику филологическую и историческую, И. Г. Дройзеном — на критику подлинности и правильности (показаний) источника, А. Л. Шлецером и И. Г. Дройзеном — на критику низшую и высшую, Э. Бернгеймом, Ш. Ланглуа и Ш. Сеньобосом — на критику внешнюю и внутреннюю и Паулем — на критику текста и показаний. Однако

эти ученые, по его словам, недостаточно учитывали главное различие познавательных целей, которые ставит перед собой историк. С этой же точки зрения целесообразнее различать «два рода критики: критику, устанавливающую научно-историческую ценность источника как факта, и критику, устанавливающую научно-историческую ценность показаний источника о факте». Первый род критики проводится со всеми источниками, во втором же остатки не нуждаются, так как они дают, может быть, не полные, но достоверные и точные показания о факте, частью которого сами являются [72]. Однако автор при этом не учитывает, что остаток зачастую представляет лишь малую долю факта и понять по нему факт целиком можно лишь с помощью соответствующих приемов критического анализа [73].

Далее Лаппо-Данилевский подробно характеризует приемы, с помощью которых устанавливается научно-историческая ценность источника как факта. Прежде всего, пишет он, историк должен установить, что источник, которым он пользуется, подлинный, т. е. «тот самый факт, каковым этот источник представляется ему». И здесь, так же как и при истолковании источников, важнейшими критериями являются единство сознания источника с точки зрения той культуры, с которой он рассматривается, и соответствие его той культуре, к которой он относится [74].

При решении этих задач важная роль принадлежит установлению времени и места возникновения источника, личности его создателя, его формы: оригинал или копия и т. п. При этом, замечает Лаппо-Данилевский, подлинным может быть источник с самым фантастическим содержанием, так как «даже ложное известие есть объективно существующий по отношению к историку факт» [75].

В тесной связи с этим, по словам Лаппо-Данилевского, находится вопрос об отношении исследователя к источникам сводным, таким, например, как летописи. Можно ли считать их подлинными, если отдельные части их возникали в разное время, с промежутком нередко в несколько десятилетий? Практически, писал Лаппо-Данилевский, на летописном материале эту задачу решал его современник — А. А. Шахматов. Подобный вопрос встает и при выяснении достоверности источников однотипных и тесно связанных друг с другом, но возникших в разное время.

Обобщая проделываемую Шахматовым и другими историками работу над сводными или зависимыми друг от друга источниками, Лаппо-Данилевский сформулировал последовательность основных этапов деятельности историков по восстановлению достоверных источников. Необходимо, пишет он, прежде всего восстановить архетип, т. е. текст оригинала или первоначального источника, который повлиял на возникновение остальных производных членов группы. Затем важно выяснить отношение источников, возникших позже, к архетипу и их взаимозависимость между собой, а по выяснении того положения, какое каждый из них занимает в группе, составить генеалогическую схему, которая бы наглядно

обнаруживала изучение соотношения. Подводя итоги своим рассуждениям по этому вопросу, Лаппо-Данилевский замечал: «Решение таких задач достигается при помощи общего приема, который можно назвать критикой составных частей источника: она стремится выяснить, можно ли говорить о подлинности или неподлинности источника как целого или следует высказывать суждения подобного рода лишь порознь о каждой из частей» [76].

В связи с этим он разработал вопрос об отношении друг к другу оригинала и копий, оригинала и подражаний ему. Как правило, копии допускают уклонения от оригинала в разных деталях, существенных для автора, а подражания к тому же зачастую даже не передают его «дух» [77]. По этой причине текст копии или подражания оригиналу нуждается тоже в критической проверке. В таких случаях можно признать достоверным тот текст, который после анализа представляется историку единственно возможным или наилучшим из предполагаемых. При этом необходимо учитывать качество списков, в которых содержится интересующий историка отрывок, и ориентироваться, разумеется, прежде всего на лучший из них.

Такого рода проверку, в результате которой устанавливается предположительно достоверное сведение, Лаппо-Данилевский называл «конъектуральной и текстуальной эмендацией» [78].

В связи с проблемой подлинности источника он касается вопроса о плагиатах и подделках. По его словам, плагиат, т. е. умышленная выдача автором источника чужого текста за свой, может представлять интерес только как факт заимствования. Но даже в этом случае достоверность самого такого текста несущественна. Не имеет она значения и во всех других случаях [79].

Более сложным представляется Лаппо-Данилевскому вопрос о достоверности подделок. Он замечает, что не всякий искусственный продукт может считаться поддельным, а только тот, который создавался умышленно, чтобы путем лжи и обмана выдать его за настоящий. От обычной подделки он отличает подлог, который создается «для посягательства на чьи-либо правоохраненные интересы». Однако грань между ними поставить трудно до тех пор, пока не станет ясной цель составления такого документа [80].

Лаппо-Данилевский отличает полную подделку источника от частичной, когда фальсифицируется лишь его часть. Однако и в последнем случае сущность подделки сохраняется [81].

Все признаки подделок, детально рассмотренные в книге, лежат в основе методики выявления и использования их в исторических работах. Подделка, пишет автор, обнаруживается при использовании тех же приемов, с помощью которых выясняется время, место возникновения и автор источника. Но есть и особые признаки, которые «выдают» поддельный документ. С точки зрения его формы это искусственность его общего вида, «если представляемая им комбинация элементов оказывается при наличности данных условий невозможной или слишком маловероятной». А с точки зрения содержания это дисгармония между фактами,

идеями, представлениями и т. п., выраженными в данном источнике, и тем, что известно из однородных источников [82].

Подводя итоги характеристики задач и методов критики, устанавливающей поддельность документа или его частей как фактов исторической действительности, Лаппо-Данилевский замечает: «Критерии, в силу которых историк называет данный источник или какую-либо из его частей подделкой, оказываются довольно сложными и применяются к области продуктов человеческой психики, вызванных злой волей их составителей и преднамеренно выдаваемых ими за действительные источники» [83]. Как видим, в основе подделок как фактов исторической действительности и методов их выявления у Лаппо-Данилевского лежит тот же психологический подход. Он затушевывал научный взгляд на них как на реальные явления общественной жизни, создание которых вызывалось отношениями экономической, социальной и политической жизни. Поскольку автор этого не учитывал, то и методы выявления таких подделок имели у него ограниченный характер [84].

Вторая задача научной критики источников, по Лаппо-Данилевскому, состояла в установлении научно-исторической ценности содержащихся в них показаний об исторических фактах. Трудность ее решения, по его мнению, состоит в том, что в большинстве случаев историк имеет дело со сложными показаниями, состоящими из нескольких суждений, каждое из которых, прежде чем войти в систему взглядов историка, должно быть проверено [85]. Он считал, что свидетельство источника о факте представляется заслуживающим внимания, если оно позволяет историку научно судить об этом факте, говоря иначе, если бы он с помощью источника испытал в своем чувственном восприятии подлинный факт.

Такой вывод, по словам Лаппо-Данилевского, был приемлем и для позитивистов. Однако они, сопоставляя показания источника с исторической действительностью, не задумывались над тем, что она собой представляла. В отличие от них он полагал, что у разных источников может быть разное представление об этой действительности, а потому считал необходимым указать на те критерии, которые дают основания полагать, что историк по данному источнику мог испытать факт в своем чувственном восприятии.

Первый из них — «критерий абсолютной истины», или степень соответствия показаний источника «законам сознания» или «законам природы» [86]. Впоследствии этот способ был развит исторической наукой как метод методологических соображений. Но если советские историки опирались при этом на положения теории исторического материализма о законах развития общества [87], то Лаппо-Данилевский дальше представления о «логическом единстве сознания» не пошел [88].

Однако главным критерием истинности показаний источника Лаппо-Данилевский признавал критерий фактической истины.

В отличие от критерия абсолютной истины, который может свидетельствовать о том, что такое-то явление могло быть, а могло и не быть, этот критерий дает основания утвержать наличие данного факта. Основным показателем, выдвигаемым критерием фактической истины, он считал совпадение представлений, которые возникают при изучении источника, с представлением о том же факте тех, «кто испытал его в собственном своем чувственном восприятии»[89].

Наряду с этим Лаппо-Данилевский указывал на плодотворность логического подхода к известиям о конкретных фактах. С его точки зрения, заслуживают доверия показания о факте, которые противоречат основной тенденции, проводимой автором источника. Он признавал более достоверными рассказы живых свидетелей событий, чем известия, взятые из вторых рук, если, конечно, те и другие в равной мере свободны от тенденциозности[90]. Историк будет относиться с доверием к сообщаемым в источнике фактам, которые он не может проверить, и в том случае, если другие, проверенные факты оказались в этом же источнике достоверными. В то же время он отнесется с недоверием к источнику, если заметит «фактическое противоречие между изучаемым показанием и тем культурным целым, к которому оно будто бы относится»[91]. Резюмируя свои взгляды на этот вопрос, Лаппо-Данилевский писал: у историка возникает потребность во внутренней критике источника, «когда он не получает цельного впечатления от него; когда он замечает более или менее резкие уклонения от общепринятых или свойственных данному автору и уже известных его мыслей и форм изображения или речи; когда он усматривает действительные противоречия между его показаниями или заметную их односторонность; когда он вскрывает его тенденциозность или пристрастие; когда он наталкивается на разногласие между показанием данного источника и показаниями других источников, которое в случае, если последние заслуживают доверия, может привести к обнаружению ошибок и заблуждений автора источника, его тенденциозности или пристрастия» и т. п.[92]

При установлении фактической истины Лаппо-Данилевский не считал обязательным, чтобы показания разных источников полностью совпадали друг с другом. Наоборот, это может навести на подозрения, что у авторов разных источников был общий осведомитель или же один из них воспользовался известиями другого. Для признания фактов, содержащихся в разных источниках, в известной степени достоверными вполне достаточно, если они согласуются друг с другом. Мало того, в таком случае разноречивые, но не противоречивые показания дополняют друг друга, обеспечивая полноту представлений об историческом факте[93].

Согласованные показания встречаются чаще, но бывает, что независимые источники сообщают известия, которые не просто согласуются, но совпадают даже в деталях. Такие случаи Лаппо-Данилевский называл совпадением показаний. Однако он при этом замечал, что даже совпадение не всегда должно быть пол-

ным. Во-первых, потому, что может совпадать часть свидетельств, а другая часть не совпадать. Во-вторых, и в совпадающем свидетельстве мелкие детали могут освещаться по-разному. Но если они находятся в согласии друг с другом, то это обстоятельство, по его мнению, будет служить дополнительным доказательством независимости показаний друг от друга. Во всех случаях автор имеет в виду, что сравниваемые источники должны быть независимы друг от друга. Установление этого факта не нуждается в особых приемах, так как после выяснения места, времени возникновения и автора каждого источника легко определить отношение их друг к другу [94].

При выяснении фактической достоверности источника Лаппо-Данилевский считал важным обращать внимание и на те случаи, когда источник молчит о факте, который приведен в других источниках, или, наоборот, сообщает сведения, которых нет в них.

Как правило, исследователь, по словам Лаппо-Данилевского, не должен считаться с молчанием источника, если факт, о котором он молчит, был достаточно важным и автор источника не мог о нем не знать. Такие случаи он подводил под категорию argumentum ex sillentio (аргумент от молчания). Но при этом он считал возможными и другие случаи, когда автор источника, несмотря ни на что, о данном факте ничего не знал, или забыл о нем упомянуть, или не считал его достойным внимания и т. п. При решении этой проблемы плодотворно сравнивать не один факт, имеющийся в источниках и отсутствующий в других, а совокупность таких случаев. Однако даже она (совокупность) теряет силу, если приходит в противоречие с известием какого-нибудь одного источника (или с его молчанием), «которое не может быть устранено» [95].

Заключая свои рассуждения о критериях установления фактической истинности показания источника, Лаппо-Данилевский обращал особое внимание на значение личности автора источника. «Можно сказать,— писал он,— что понятие о личности показывающего в значительной мере обусловливает и ценность его показаний: ведь без понятия индивидуальности нельзя реально представить себе ни единства, ни непрерывности его сознания, ни того именно положения, которое показывающий субъект занял относительно показываемого объекта в данном культурном целом» [96]. Такой по существу субъективистский подход к свидетельствам источников о фактах ограничивал возможности историков в познании объективной действительности.

По мнению Лаппо-Данилевского, одним из важнейших способов выяснения фактической достоверности является установление генезиса того или иного показания. В этом случае, писал он, можно яснее представить, «почему данный субъект сказал правду или неправду, почему он сохранял или нарушал единство своей мысли и ее последовательность», какие известия принадлежат свидетелям событий, какие взяты из вторых рук и т. п.[97] Если на дающего показания внешняя среда не оказывает давления, то

при установлении степени достоверности его показаний необходимо тщательно проанализировать прежде всего условия чувственного восприятия событий автором, рассказывающим о них: был ли он участником или свидетелем их, мог ли охватить их в своем сознании. Как правило, показания, сделанные по живым следам событий, отличаются большой достоверностью и точностью. Однако даже свидетель, «часто невольно», говорит неправду; и знание ошибок, которые он допускает, необходимо тому, «кто желает определить ценность его показания». Это особенно относится к событиям сложным, которые «наблюдатель, даже хорошо подготовленный, не в состоянии обнять в своем чувственном восприятии» [98].

Ценность показания зависит часто и от того, насколько точно запомнил рассказчик события, которые он наблюдал. Дело тут не только в качествах свидетеля, но и в тех условиях, которые благоприятствовали бы запоминанию. В лучшем положении находятся те, кто мог зафиксировать свои наблюдения во время или сразу же после совершения событий. Тот, кому это не удается сделать, может многое перепутать, а кое-что и вообще забыть [99].

Важным фактором, определяющим качество свидетельских показаний, является и такой, как воображение рассказчика. «Утрачивая многое из испытанного,— писал Лаппо-Данилевский,— сам вспоминающий заполняет пробелы... конкретным содержанием, выдуманным им самим». К тому же рассказчики, как правило, уверены, что их роль в событиях была более значительной, чем на самом деле [100].

Нередко свидетели смешивают объяснение факта с его описанием, обобщают без достаточных оснований частные случаи, принимают возможное за уже бывшее и т. п. Качество известий часто зависит и от того, насколько свидетель был способен выразить то, что он даже хорошо знал, от его общей культуры, образованности и других факторов [101].

Рассматривая генезис свидетельских показаний, Лаппо-Данилевский разбирал главным образом те случаи, когда рассказчик хотел сказать правду. Наряду с этим он называл и другие, когда рассказчик, даже зная (или не зная) правду, не желал ее сообщить целиком или частично. Побуждением для этого могли быть сугубо личные интересы, например желание подчеркнуть свою роль в событиях, придать им драматизм. Но могли быть и более общие причины, например религиозные или политические интересы [102]. Однако им он придавал меньшее значение.

Помимо показаний, дававшихся свободно, без влияния внешних условий, Лаппо-Данилевский рассмотрел и те, которые возникали под давлением внешней среды. К их числу он относил случаи, когда социально-политические условия заставляли автора источника говорить так, а не иначе, вопреки личному желанию. Если в такой обстановке он говорил то, что хотел сказать, вопреки запрету, то выражал это намеками, «эзоповским языком», и т. п. К факторам внешней среды, которые оказывали давление

на автора источника, он относил цензуру, допросы в средневековом суде, действия инквизиции [103].

От свидетельских показаний Лаппо-Данилевский отличал известия, основанные на чужих рассказах или слухах. К ним он относился с меньшим доверием. Не зная истинного хода дел, рассказчики, по его словам, при передаче чужих известий могли допускать невольные ошибки. Но многие из авторов таких источников могли сознательно искажать факты. Чтобы по такому рассказу установить истину, необходимо найти источник, откуда взято данное известие, а если это невозможно, применять к ним те же приемы исследования, что и к свидетельским показаниям, но помнить, что известия, взятые из вторых рук, как правило, требуют к себе более осторожного подхода [104].

В заключение Лаппо-Данилевский старался выяснить общее значение исторических источников. Оно состоит прежде всего в их теоретической значимости для познания прошлого, без них «нельзя конструировать историю человечества, о которой можно узнать только из них». Знание, которое получает историк из источников, «оказывается лишь более или менее вероятным» из-за того, «что материал, которым он располагает, довольно случайного происхождения» и потому, что историку «редко удается достигнуть полного его понимания и надлежащей оценки». Правда, автор пытался ограничить свой скепсис и добавлял, что «благодаря тесной связи между проявлениями культуры... случайные пробелы одного рода источников иногда несколько восполняются данными, почерпываемыми из других источников», и что этого же иногда удается достичь «и путем реконструкции недостающего источника или его частей» [105]. Но, как видно из этих характеристик, Лаппо-Данилевский все же не выходил за пределы неокантианского подхода к возможности познания исторического процесса.

Скептическая позиция Лаппо-Данилевского усиливается следующим его рассуждением. «Каждый источник получает полное свое значение лишь по предварительной его научной обработке, т. е. главным образом благодаря его интерпретации и критике». Но «во многих отношениях интерпретация не может достигнуть вполне точных результатов и принуждена довольствоваться пониманием источника лишь более или менее приближающимся к истине, т. е. такими выводами, которые более или менее вероятны». Автор добавляет, что то же самое «можно сказать и о критике» [106].

Наконец, Лаппо-Данилевский указывал, что, помимо теоретического, источники имеют и практическое значение «для того, чтобы действовать и соучаствовать в культурной жизни человечества» [107]. Однако эта очень интересная мысль, впервые высказанная в русской исторической литературе, развернутой характеристики в его труде не получила [108].

Подводя итоги, следует отметить значительный вклад А. С. Лаппо-Данилевского в развитие буржуазного источникове-

дения в России. В его «Методологии истории» дано всестороннее освещение проблем теории и метода изучения исторических источников. Он решительно отверг позитивистский подход к задачам теории и методики исторического исследования, для которого успех в изучении источников зависел от применения конкретных приемов исследования, исходя только из природы источника. В отличие от позитивистов Лаппо-Данилевский впервые рассмотрел эти вопросы с гносеологических позиций и достиг заметных результатов.

Достоинством его труда является признание источника основой исторических знаний, продуктом человеческого творчества в широком смысле слова и в то же время средством для достижения определенной познавательной цели. Такой подход к источнику являлся шагом вперед по сравнению с пониманием его в чисто онтологическом плане как прямого остатка исторического прошлого, не связанного с познавательной деятельностью историка, как это считали представители позитивистского направления.

Принципиально иначе по сравнению со своими предшественниками подошел Лаппо-Данилевский к проблеме классификации источников. Цель ее он видел не в «упорядочении» источников, а в раскрытии их эвристических возможностей. В традиционное деление источников на остатки и предания он вложил иное содержание, обратив внимание на гносеологическую природу источника, на его возможности в отражении прошлого, а в связи с этим и на связь его с исследователем. Рядом с этим он делил источники на изображающие факт и обозначающие его, что имело глубокие основания в отражательной природе источников и в тех средствах, с помощью которых она реализуется.

Определенную научную ценность имеют взгляды Лаппо-Данилевского на интерпретацию источников, его мысли о том, что каждое отдельное сообщение надо брать в контексте и с учетом целевого назначения источника, о тесной связи формы и содержания источника, о связи его с исторической средой, о взаимной зависимости всех методов интерпретации.

Заметный шаг вперед по сравнению с историками-позитивистами сделан им в разработке методов исследования источников. По его характеристике, они отличаются большой сложностью, причем в каждом отдельном случае несколько логических приемов сплетаются в одно целое. Представляют интерес его соображения о критике источника как факта, предложенные им способы анализа сложных источников (например, летописей), копий, подделок и подлогов, а также детально разработанная система критики показаний источников о фактах с учетом особенностей личности автора источника и происхождения его показаний.

Однако на всех взглядах Лаппо-Данилевского лежал груз неокантианских представлений об «индивидуальном» и «психологическом» как силах, определявших исторический процесс; сказалась также идеалистическая теория исторического познания, сводящая его к выяснению сущности неповторимого, индивиду-

ального с точки зрения общезначимых ценностей. Все это препятствовало раскрытию социальной природы и функций исторических источников как явлений общественной жизни в широком смысле этого слова.

Идеализм Лаппо-Данилевского сказался и на выдвинутых им принципах классификации источников. Деля источники на группы с познавательной точки зрения, он клал в основу то впечатление, которое исторический факт производил на творца источника. Его идеализм проявлялся и при классификации источников с реалистической точки зрения в зависимости от факторов человеческой психики, принимавших участие в создании источников. Вне его поля зрения оставались классовые, политические и прочие моменты, оказывавшие влияние на различия в форме и содержании источников.

При всех достоинствах подхода Лаппо-Данилевского к задачам и методам интерпретации источников он в конечном счете решал эту проблему идеалистически в смысле подыскания того психического значения источника, «которое более всего соответствует данным его чувственного восприятия» [109], отказываясь от понимания источников как документов классовой, политической и партийной борьбы.

Сильное влияние неокантианского идеализма сказывается у Лаппо-Данилевского в решении задач критики исторических источников. Автор непрерывно подчеркивает, что историческая действительность не имеет никакого смысла, пока она не включена в орбиту сознания субъекта, что перцепция ее «есть акт индивидуального его сознания и, значит, подчинена его пределам» [110]. А это вело к построению исторических исследований на основе правил, вытекавших не из конкретного материала, а из априорно выработанных норм, основанных на психологическом толковании исторической действительности и соответствующих методов ее познания.

Из всего сказанного можно заключить, что в вопросах теории и методики источниковедения Лаппо-Данилевский сделал значительный шаг вперед по сравнению с историками-позитивистами. Однако на всем его труде лежит груз неокантианских представлений, который он до конца жизни так и не смог преодолеть. Попытки ученого найти выход из кризиса буржуазной исторической науки начала XX в. на базе неокантианства не дали положительных результатов. Но многие его характеристики и наблюдения в области теории и особенно методики источниковедения представляют интерес и для современной исторической науки.

[1] *Лаппо-Данилевский А. С.* Методология истории. СПб., 1910–1913. Вып. 1–2.

[2] См. статьи «Памяти академика А. С. Лаппо-Данилевского» И. М. Гревса, Н. И. Кареева, А. Е. Преснякова и др. (Рус. ист. журн. 1920. Кн. 6).

[3] См.: *Покровский М. Н.* О книге акад. Лаппо-Данилевского // Под знаменем марксизма. 1923. № 4/5; *Невский В. И.* Рецензия на книгу А. С. Лап-

по-Данилевского «Методология истории» // Печать и революция. 1923. № 7. С. 181–183.

[4] *Черепнин Л. В.* А. С. Лаппо-Данилевский – буржуазный историк и источниковед // Вопр. истории. 1949. № 8. С. 31, 50–51.

[5] См., напр.: *Пашуто В. Т.* Некоторые вопросы летописного источниковедения // Источниковедение отечественной истории. М., 1973. С. 72–73; *Иванов Г. М.* Исторический источник и историческое познание. Томск, 1973. С. 37; *Хмылев Л. Н.* Проблемы методологии истории в русской буржуазной историографии конца XIX – начала XX в. Томск, 1978. С. 111–112.

[6] *Носов Н. Е.* Основные научные направления и проблематика ежегодника «Вспомогательные исторические дисциплины» // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1981. Вып. 12. С. 8–9.

[7] *Лурье Я. С.* Сигизмунд Натанович Валк // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 30. См. также: Очерки исторической науки в СССР. М., 1963. Т. 3. С. 620; *Фарсобин В. В.* К определению предмета источниковедения // Источниковедение истории советского общества. М., 1969. Вып. 2. С. 428; *Шмидт С. О.* Современные проблемы источниковедения // Источниковедение: Теоретические и методические проблемы. М., 1969. С. 12; *Литвак Б. Г.* О путях развития источниковедения массовых источников // Там же. С. 104–105.

[8] *Николаева А. Т.* Вопросы историографии русского источниковедения. М., 1970. С. 49–51.

[9] *Стрельский В. И.* Теория и методика источниковедения истории СССР. Киев, 1968. С. 103; *Зимин А. А.* Трудные вопросы методики источниковедения // Источниковедение: Теоретические и методические проблемы. С. 427–449.

[10] *Иванов Г. М.* Указ. соч.

[11] *Хмылев Л. Н.* Указ. соч.

[12] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 26. С. 58.

[13] *Ковальченко И. Д., Шикло А. Е.* Кризис русской буржуазной исторической науки в конце XIX – начале XX в. // Вопр. истории. 1982. № 1. С. 20–21.

[14] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 25. С. 44.

[15] *Сахаров А. М.* Историография истории СССР: Досоветский период. М., 1978. С. 210.

[16] См.: *Петрушевский Д. М.* О задачах всеобщей истории как науки // Образование. 1899. № 2. С. 4–8; *Он же.* Очерки из истории средневекового общества и государства. М., 1907. С. 7, 11–12; *Тарле Е. В.* Чем объясняется современный интерес к экономической истории // Сочинения. М., 1957. Т. 1. С. 300. Подробно о развитии исторической науки в эпоху империализма см.: Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1963. Т. 3. С. 239–269; *Ковальченко И. Д., Шикло А. Е.* Указ. соч. С. 18–35.

[17] См.: *Нарский И. С.* От позитивизма к неопозитивизму // Вопр. философии. 1966. № 9.

[18] См.: *Кон И. С.* Позитивизм в социологии. Л., 1964; *Гутнова Е. В.* Место и значение буржуазной позитивистской историографии второй половины XIX в. в развитии исторической науки // Средние века. М., 1964. Вып. 25; *Иванов Г. М., Коршунов А. М., Петров Ю. В.* Методологические проблемы исторического познания. М., 1981. С. 77–88, 158–169.

[19] См.: *Шапиро А. Л.* Русская историография в период империализма. Л., 1962. С. 36–37.

[20] См.: *Иванов Г. М.* Указ. соч. С. 26–27; *Хмылев Л. Н.* Указ. соч. С. 116–118.

[21] *Лаппо-Данилевский А. С.* Указ. соч. Вып. 2. С. 350.

[22] Там же.

[23] Там же. Вып. 1. С. 45.

[24] Там же. С. 162, 114–115, 119.

[25] Там же. Вып. 2. С. 9.

[26] Там же. С. 322. См. также: Вып. 1. С. 111.

[27] Там же. Вып. 1. С. 118, 133.

[28] См.: *Кон И. С.* Указ. соч. С. 54.
[29] *Лаппо-Данилевский А. С.* Указ. соч. Вып. 2. С. 315.
[30] Там же. Вып. 1. С. 64–66, 112–113, 239, 290.
[31] Там же. С. 151, 174–175, 221.
[32] См.: *Пресняков А. Е.* А. С. Лаппо-Данилевский как ученый и мыслитель // Рус. ист. журн. 1920. Кн. 6. С. 89.
[33] *Лаппо-Данилевский А. С.* Указ. соч. Вып. 2. С. 357.
[34] Из методологии источниковедения Лаппо-Данилевский исключал вопросы техники работы с источниками, в том числе разработку правил собирания и хранения источников, их публикации, наведения библиографических справок и т. п. См.: Там же. С. 340–342.
[35] Там же. С. 356, 367.
[36] Там же. С. 374.
[37] Там же.
[38] *Хмылев Л. Н.* Указ. соч. С. 117.
[39] *Лаппо-Данилевский А. С.* Указ. соч. Вып. 2. С. 367–368.
[40] См.: *Варшавчик М. А.* Вопросы логики исторического исследования и исторический источник // Вопр. истории. 1968. № 10. С. 76; *Хмылев Л. Н.* Указ. соч. С. 117–118.
[41] *Лаппо-Данилевский А. С.* Указ. соч. Вып. 2. С. 688. См. также: *Пушкарев Л. Н.* Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975. С. 41.
[42] *Лаппо-Данилевский А. С.* Указ. соч. Вып. 2. С. 387.
[43] Там же. С. 428, 440, 442–443, 445–448, 486, 502.
[44] Там же. С. 381.
[45] Там же. С. 378.
[46] Там же. С. 381–382.
[47] Там же. С. 382, 387.
[48] *Иванов Г. М.* Указ. соч. С. 36.
[49] *Лаппо-Данилевский А. С.* Указ. соч. Вып. 2. С. 385.
[50] Там же. С. 387.
[51] Там же. С. 385. Подробно об этом см.: *Хмылев Л. Н.* Указ. соч. С. 123–124.
[52] *Лаппо-Данилевский А. С.* Указ. соч. Вып. 2. С. 389–398.
[53] Там же. С. 401–402.
[54] Там же. С. 402.
[55] См.: Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 3. С. 567.
[56] *Бласс Ф.* Герменевтика и критика. Одесса, 1891. С. 59–60; *Ланглуа Ш., Сеньобос Ш.* Введение в изучение истории. М., 1899. С. 121–123.
[57] *Лаппо-Данилевский А. С.* Указ. соч. Вып. 2. С. 408.
[58] Там же. С. 409.
[59] Там же. С. 408, 436. 423, 416, 426.
[60] Там же. С. 441–451, 453.
[61] Там же. С. 493.
[62] Там же. С. 494.
[63] Там же. С. 503–514.
[64] *Черепнин Л. В.* Указ. соч. С. 45.
[65] Ср.: *Пронштейн А. П.* Методика исторического источниковедения. Ростов н/Д, 1976. С. 147–183.
[66] *Лаппо-Данилевский А. С.* Указ. соч. Вып. 2. С. 515, 518.
[67] Там же. С. 518.
[68] Там же. С. 520.
[69] Там же. С. 374.
[70] Там же. С. 521–523.
[71] Там же. С. 357–358.
[72] Там же. С. 524–529.
[73] См.: *Пронштейн А. П.* Указ. соч. С. 324–332 и др.
[74] *Лаппо-Данилевский А. С.* Указ. соч. Вып. 2. С. 532, 533.
[75] Там же. С. 546–563, 528.
[76] Там же. С. 572–573.
[77] Там же. С. 575.

[78] Там же. С. 581.
[79] Там же. С. 596–597.
[80] Там же. С. 598–600, 603, 605.
[81] Там же. С. 603.
[82] Там же. С. 610, 611.
[83] Там же. С. 617.
[84] Ср.: *Зимин А. А.* К изучению фальсификации актовых материалов в Русском государстве XVI–XVII вв. // Тр. МГИАИ. 1963. Т. 1; *Введенский А. А.* Лекции по документальному источниковедению истории СССР. Киев, 1963. С. 75–115; *Сивков К. В.* Подпольная политическая литература в России в конце XVII в. // Ист. зап. М., 1946. Т. 19. С. 65, 69–70; *Пронштейн А. П.* Указ. соч. Гл. 7 и др.
[85] *Лаппо-Данилевский А. С.* Указ. соч. Вып. 2. С. 619.
[86] Там же. С. 625.
[87] См., напр.: *Быковский С. Н.* Методика исторического исследования. Л., 1931. С. 146–147.
[88] *Лаппо-Данилевский А. С.* Указ. соч. Вып. 2. С. 626.
[89] Там же. С. 630–631, 636.
[90] Там же. С. 636–639.
[91] Там же. С. 640–641, 643.
[92] Там же. С. 521–522.
[93] Там же. С. 644.
[94] Там же. С. 647–648, 650, 660–661.
[95] Там же. С. 660, 664–666, 668, 672.
[96] Там же. С. 674.
[97] Там же. С. 676.
[98] Там же. С. 681, 683–684, 687–688.
[99] Там же. С. 690–692.
[100] Там же. С. 696–697.
[101] Там же. С. 698–699, 703–704.
[102] Там же. С. 721–725.
[103] Там же. С. 744–746.
[104] Там же. С. 749–761.
[105] Там же. С. 767–770.
[106] Там же. С. 771–772.
[107] Там же. С. 765.
[108] См.: Там же. С. 794–796.
[109] Там же. С. 408.
[110] Там же. С. 688.

ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ В ТРУДАХ В. И. БУГАНОВА

А. И. Плигузов

В нашей жизни все происходит медленно, только время летит быстро. Шестьдесят лет исполнилось Виктору Ивановичу Буганову, тридцать один год назад появилась в журнале «История СССР» первая его статья. Сейчас Виктор Иванович — один из виднейших историков, чьи труды широко известны специалистам по средневековой истории России во всем мире, чей высокий научный авторитет непрерывно подкрепляется новыми и новыми творческими исследованиями.

Диапазон научных интересов В. И. Буганова широк — это разрядные книги XVI—XVII вв., рассматриваемые как источник по политической истории Русского государства (основные исследования опубликованы во второй половине 50-х — первой половине 60-х годов), ленинские приемы обработки статистических сборников (статьи конца 50-х — начала 60-х годов), московские восстания второй половины XVII в. (статьи, книги и публикации 60-х годов), источниковедение и историография русских летописей (60—70-е годы), источниковедение и история классовой борьбы XVII—XVIII вв. (вторая половина 70-х — 80-е годы), теория и практика советского источниковедения (70—80-е годы).

Уже сегодня им сделано очень много — 17 книг, более 180 статей, не считая научно-популярных журнальных и газетных публикаций, около 50 рецензий. И мы видим, как он, не научившийся отдыхать, преодолевая многолетнюю усталость, увлеченно работает над новыми темами.

В первом исследовании В. И. Буганова — его кандидатской диссертации, защищенной в 1955 г.[1],— рассматривались вопросы источниковедения разрядных книг. Эта тема была подсказана автору его учителем — академиком М. Н. Тихомировым и составляла часть обширного плана исследований аппарата Русского государства XVI столетия. Предполагалось заново изучить и издать круг сводных источников, отразивших персональный состав крупных и средних феодалов: в 1950 г. А. А. Зимин опубликовал Дворовую тетрадь 1551/52 г.[2], а впоследствии комплекс родословных книг был изучен и частично издан М. Е. Бычковой [3].

Представления об истории разрядных книг, бытовавшие в нашей историографии, восходили к схеме И. Д. Беляева (1849 г.)[4], и последним словом науки считалась статья П. Н. Милюкова, опубликованная в 1887 г.[5] Милюков разделил известные ему списки разрядов на три редакции — частную, официальную и компилятивную, первым официальным разрядом назвал Государев родословец 1556 г., а все более ранние разрядные записи последней четверти XV — первой половины XVI в. приписал инициативе частных лиц. Списки так называемой компилятивной редакции (или пространной редакции разрядных книг), наиболее богатые сведениями о службах феодалов, Милюков считал малодостоверными, возникшими на основе официальных разрядов и частных списков и утверждал, что «издавать компилятивные разряды нет никакой надобности»[6]. Неудачные попытки Милюкова классифицировать немногочисленные известные ему списки разрядных книг дали основание для скептических суждений Н. П. Лихачева («деление сохранившихся разрядных книг на редакции по их внутреннему содержанию дело весьма рискованное»[7]), призывавшего, однако, к «внимательному осмотру *по возможности всех*... разрядных рукописей»[8].

Сравнительное изучение всех сохранившихся списков разрядных книг и было впервые предпринято В. И. Бугановым. Он описал 46 рукописей государевых разрядов 1556, 1584, 1585, 1598 и 1604 гг.[9], 122 рукописи пространной редакции разрядов (1 — по публикации)[10], 3 списка частной редакции 1605 г.[11], 59 списков (2 — по публикациям) «дворцовых разрядов» XVII в. и 30 списков так называемых «подлинников» 1613—1636 гг.[12] Если предшественники В. И. Буганова строили свои выводы на анализе двух-трех десятков рукописей, то теперь в научный оборот введено 260 списков разрядных книг XVI—XVII вв. Если Милюков первостепенное внимание уделял сопоставлению разрядных книг со свидетельствами описи архива Посольского приказа 1626 г. и с цитатами государственных разрядов в местнических делах[13], то широкое изучение рукописной традиции позволило В. И. Буганову впервые применить к разрядным книгам методы текстологического анализа. В результате чрезвычайно трудоемкого сквозного постатейного сравнения списков разрядных книг автору удалось построить полную классификацию редакций и изводов официальных и частных разрядов. Впервые подробную характеристику получили пространная редакция разрядных книг[14], частная сокращенная редакция 1605 г.[15], так называемые «подлинники» 1613—1636 гг.[16], Государев разряд 1637/38 г.[17], «дворцовые разряды» первой половины XVII в.[18]

Принципиальное значение имеет вывод В. И. Буганова, впервые сформулированный им в 1957 г.: «Составлению „Государева разряда“ 1556 г. предшествовала большая работа по ведению пусть еще несовершенного, но все же довольно ясно выраженного официального разрядного делопроизводства»[19]. Разрядные дьяки, в чьем ведении находились списки «нарядов» государевой

службы, упоминаются во всяком случае с 1537 г.[20], т. е. за двадцать лет до составления первого «Государева разряда» 1556 г.; в «описи государственного архива» XVI в. упоминаются выписки разрядного характера, хронологически предшествующие древнейшему официальному разряду[21],— на основании этих фактов, а также анализа разрядных записей с 1475 г. В. И. Буганов предположил, что древнейшее разрядное делопроизводство отразилось в пространной компилятивной редакции разрядных книг, составленной около 1605 г. Этот вывод, принятый другими исследователями[22], значительно повысил источниковое значение пространной редакции разрядов, которая прежде, после категорических суждений П. Н. Милюкова, была совершенно забыта исследователями источников XV—XVI столетий. В. И. Буганов описал этапы редактирования официальных разрядных книг в 1584, 1585 (две редакции), 1598, 1604—1605 гг. Он охарактеризовал частную редакцию 1605 г. как сокращение текста пространных разрядных книг и гипотетически приписал инициативу ее создания семейству Кикиных[23]. Специальные исследования были посвящены источникам пространной редакции разрядных книг — летописным заметкам, восходящим, по-видимому, к Московскому своду конца XV в., духовным грамотам, «памятям» и разрядным записям (не древнее 60-х годов XV в.)[24]. Интересны наблюдения автора о составлении «дворцовых разрядов» XVII в. не в Приказе Большого дворца, как считали в XIX в., а в Разрядном приказе[25]. Отметим и новое в научной литературе выделение двух типов разрядных «подлинников» XVII в.— типа разрядной 1629/30 г. и типа разрядной, посвященной русско-польской войне 1632—1634 гг.[26] Следует упомянуть и характеристику, данную В. И. Бугановым новонайденным спискам засечной книги 1638 г.— источнику, близкому по типу разрядным записям (засечные книги отражают ход ремонтных работ на старых засеках и содержат данные по истории военного дела, перечни служб и географические описания различных порубежных земель)[27].

Впервые проведенный В. И. Бугановым внимательный анализ состава различных разрядных книг позволил ему ввести в научный оборот целый ряд важных памятников, инкорпорированных в состав пространной редакции разрядов и отдельно неизвестных.

Это Сказание о смерти царя Федора Ивановича и о воцарении Бориса Годунова, составленное в начале XVII в. и вписанное в разрядные книги под 1598 г.[28], грамота ливенскому воеводе И. О. Полеву 1595 г. о посылке стоялых голов с Ливен для контроля сторожевых постов и о посылке их с Ливен для сбора вестей о передвижениях крымцев и казаков[29], описание похода С. Ф. Курбского и И. Н. Салтыка Травина 1499/1500 г. в Югорскую землю[30], повесть о набеге крымцев в 1572 г.[31], грамота Ивана Грозного боярину И. В. Шереметеву Меньшому ноября—декабря 1573 г. (в 1844 г. издавалась Д. А. Валуевым по дефект-

ному списку сокращенной редакции 1605 г.)[32], частное описание похода на Полоцк 1563 г., составленное в 1570 — начале 1580-х годов, вероятно, по инициативе Д. И. Черемисинова[33].

Источниковедческая школа М. Н. Тихомирова, которой многим обязан В. И. Буганов, предполагала неразрывную связь между исследованием и изданием памятников. Изучая разрядные книги XVI—XVII вв., разбирая недостатки предшествующих изданий, неполных и нередко осуществленных по случайным спискам, В. И. Буганов постепенно готовил обширную серию публикаций, начатую в 1966 г. Тогда В. И. Бугановым по семи спискам был опубликован обширный «Государев разряд» 1598 г. (в том числе подведены разночтения по изданию П. Н. Милюкова, напечатавшего в 1901 г. «Государев разряд» 1556 г.)[34], в 1974 г. совместно с Л. Ф. Кузьминой В. И. Буганов издал «Государев разряд» 1604 г. (по двум спискам), «подлинник» 1613—1614 гг., «Государев разряд» 1637/38 г.[35] В том же году Л. Ф. Кузьмина под редакцией В. И. Буганова подготовила к печати сокращенную частную редакцию разрядов 1605 г. (по трем спискам)[36], а в 1975—1976 гг.— сокращенную редакцию 1636 г. (по двум спискам)[37]. В 1977 г. Н. Г. Савич, а затем Л. Ф. Кузьмина под редакцией В. И. Буганова начали издавать по пяти спискам пространную редакцию разрядных книг; начиная с первой части третьего тома (1984 г.) к изданию в разночтениях был привлечен еще один список, принадлежавший Хованским и обнаруженный Я. Н. Щаповым в Вюртенбергской земельной библиотеке Штутгарта; выпуск 1987 г. доведен до известий 1591/92 г.[38] В 1983 г. В. И. Бугановым, Л. Ф. Кузьминой и А. П. Богдановым был опубликован новонайденный список «подлинника» 1637/38 г.[39] Таким образом, к настоящему времени опубликованы все важнейшие разряды XVI в. и наиболее авторитетные памятники официального разрядного делопроизводства первой половины XVII в.

Необходимость установления достоверности данных, вошедших в государевы разряды 1584, 1585, 1598 гг., а также в пространную редакцию разрядных книг, потребовала специального изучения документов о военных действиях 50—80-х годов XVI в. В 1959 г. В. И. Буганов опубликовал материалы Разрядного приказа, рассказывающие о сражении 1572 г. при Молодях: наказ воеводе кн. М. И. Воротынскому и войсковые росписи (частично издавались С. М. Середониным в 1896 г.), а также в записи пространной редакции разрядных книг грамота Девлет-Гирея Ивану IV от 23 августа 1572 г. об условиях установления мира[40]. В 1962 г. В. И. Бугановым были описаны и опубликованы две росписи ржевских воевод и отрывки из наказов воеводам пограничных городов 1581 г., извлеченные из столбцов Московского стола Разрядного приказа, а также изданы три документа 1578—1579 гг., сохранившиеся лишь в составе разрядных книг: наказы М. И. Внукову и В. И. Белоголовому Ростовскому о сборе детей боярских Водской пятины, сбежавших с военной

службы в Ливонии, и грамота воеводам Мариенбурга С. Ф. Сабурову и другим о доставке хлеба в ливонские города[41].

В. И. Буганов охарактеризовал разрядные книги как источник вторичного происхождения, обобщающий содержание своих первоисточников — наказов воеводам, росписей войск, отписок с театров военных действий, местнических дел и т. д.[42] Первые исследования автора были посвящены анализу той стороны источника, где вторичность его была особенно заметна,— перекрестных влияний списков и редакций разрядных книг, а в дальнейшем появились статьи, ближе подходящие к содержанию документов, включенных в разряды: статья 1974 г. о местничестве[43], статья 1975 г. о структуре Государева двора в XVI в.[44] и статья 1980 г. об истории пограничной обороны Русского государства конца XV — первой трети XVII в.[45]

Изучение материалов о Ливонской войне позволило В. И. Буганову выявить в фондах 64, 141 и 159 ЦГАДА документы центрального учреждения, о котором прежде почти ничего не было известно[46]. В 1951 г. О. А. Яковлева впервые обратила внимание на упоминание Городового приказа в 70-х годах XVI в., а А. А. Зимин в 1954 г. предположил, что этот приказ был реорганизован и получил имя Приказа Каменных дел (1584 г.)[47]. В. И. Буганову удалось обнаружить остатки документального комплекса, восходящего к делопроизводству Городового приказа 1577—1578 гг.; анализ этих документов позволил судить о функциях недавно созданного приказа. В годы Ливонской войны (1558—1582) на Городовой приказ вместе с Приказом Казанского и Мещерского дворца, Посольским и Разрядным приказами были возложены снабжение русских служилых людей низших категорий (стрельцов, пушкарей и др.) хлебными припасами, денежным жалованием и т. д., а также заботы о постройке и ремонте городских укреплений[48]. Большая часть перечисленных функций, по-видимому, была передана Городовому приказу в качестве экстраординарной военной меры, но последняя — строительство внутри городской черты,— очевидно, являлась прерогативой именно этого приказа. Найденная С. М. Каштановым указная грамота Ивана IV от 18 марта 1583 г. с упоминанием Городового приказа[49] позволила определенно говорить о существовании приказа на протяжении не менее семи лет, в 1577—1583 гг.

Споры о методике источниковедения в советской исторической науке конца 50-х — начала 60-х годов предполагали специальное изучение ленинского наследия, научной лаборатории В. И. Ленина — экономиста и историка. Этой теме В. И. Буганов посвятил пять статей, которые образуют цикл и могут рассматриваться как книга из трех глав с историческим введением. Начиная с 1923 г. выходили статьи и монографии Н. А. Савицкого, И. Гладкова, Б. М. Волина, В. К. Яцунского и других исследователей, описывавших работу В. И. Ленина над материалами земской статистики[50]. В. И. Буганов, не повторяя выводов своих предшественников, заново проанализировал все земские

статистические сборники и бюджетные обследования, которыми пользовался В. И. Ленин для реферата «По поводу так называемого вопроса о рынках», при написании статей и книг «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?», «Кустарная перепись 1894/95 года в Пермской губернии и общие вопросы „кустарной“ промышленности», «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни», «Развитие капитализма в России», «Аграрный вопрос и „критики Маркса“». В. И. Ленин, обращаясь к огромному массиву статистической информации, был вынужден постоянно разбивать приемы «народнической экономии», когда сводные данные сваливали в одну кучу разные формы промышленности; ему приходилось заново группировать и выделять экономические типы промысловых хозяйств. В перечисленных ленинских работах содержатся лишь скупые итоговые данные, отличающиеся от таблиц В. Е. Постникова, сборника Ф. Щербины, «Наглядного изложения результатов» баденской сельскохозяйственной анкеты и других публикаций, изученных В. И. Лениным. В. И. Буганов предпринял плодотворную попытку восстановить весь ход ленинской работы. Следуя за ленинской мыслью, он воссоздал основные промежуточные стадии расчетов (к сожалению, не все эти материалы опубликованы), наглядно представив методы отбора и группировки материалов, позволившие В. И. Ленину отказаться от «средних цифр» земских статистиков и обосновать тезис о развитии капиталистического хозяйства в России [51].

В конце 50-х годов В. И. Буганов был привлечен М. Н. Тихомировым к изданию замечательного памятника летописания Усть-Выми и Вологды, восходящего к московскому своду начала 70-х годов XV в.— Вологодско-Пермской летописи. Этот обширный свод по трем спискам впервые охарактеризовал А. А. Шахматов в 1900 г., в 1940 г. появилась статья М. Н. Тихомирова, который временем составления древнейшей редакции свода назвал конец XV — начало XVI в., но отметил, что ему известны лишь четыре списка позднейших обработок этого свода, доведенные до 1526 и 1539 гг., а первоначальный свод «в чистом виде... пока не найден» [52]. Особый интерес М. Н. Тихомирова к проблемам истории Пермской земли и Вологды конца XV в., отразившийся в статье о «Правосудии митрополичьем» [53] и в последующей статье одного из учеников М. Н. Тихомирова — Б. Н. Флори о Коми-Вымской летописи [54], обусловил и спешную публикацию Вологодско-Пермского свода в томе 26 «Полного собрания русских летописей» (1959 г.) по спискам двух позднейших редакций. В. И. Буганов совместно с Т. Н. Протасьевой, М. Н. Тихомировым и М. В. Щепкиной готовил это издание. Лишь на заключительной стадии, когда основной текст был набран, из Лондона пришел микрофильм рукописи, содержащей первоначальную редакцию Вологодско-Пермской летописи, доведенную по 1499 г. Разночтения этого списка были указаны в приложении к тому.

Впоследствии В. И. Буганов продолжил изучение новонайденной Лондонской рукописи Вологодско-Пермской летописи, копии XIX в. с нее двух львовских списков, обнаруженных Я. Н. Щаповым. Результаты исследования были изложены в статье, включенной в сборник, подготовленный к 70-летию М. Н. Тихомирова (1963 г.) В. И. Буганов показал, что четыре новых списка восходят к одному древнему протографу — тексту первой редакции Вологодско-Пермской летописи, и вслед за М. Н. Тихомировым связал возникновение этой редакции с деятельностью пермского епископа Филофея, датировав ее 1499—1502 гг.[55] Принципиальный вывод В. И. Буганова впоследствии получил подтверждение и развитие в наблюдениях Б. М. Клосса и в специальных статьях Я. С. Лурье[56] и позволил историкам древнерусской литературы точно датировать летописную редакцию «Сказания о Мамаевом побоище», содержащуюся в Вологодско-Пермской летописи[57].

Продолжение работы над памятниками русского летописания было отложено В. И. Бугановым на десять лет, чтобы освободить время для другой проблемы — изучения московских восстаний второй половины XVII в.

«Медный бунт» 1662 г., так называемая «Хованщина» 1682 г. и стрелецкий «мятеж» 1698 г. стали темой докторской диссертации В. И. Буганова, защищенной в 1968 г. Верный принципу параллельного изучения и издания источников, автор опубликовал монографию о восстании 1662 г. (1964)[58] и в том же году выпустил в свет сборник документов о восстании[59], а затем после издания капитальной книги о событиях 1682 и 1698 гг. (1969)[60] руководил публикацией двух томов, где собраны основные свидетельства о «Хованщине» (1976)[61] и стрелецком восстании (1980)[62]. Источники о московских «мятежах» 1648 г. и второй половины XVII в. издавались В. И. Бугановым и отдельно в серии специальных статей[63].

В советской науке «Медный бунт» 1662 г. монографически изучался К. В. Базилевичем (1936 г.)[64], но его книга, написанная добросовестно и талантливо, все же не решила многих проблем восстания, ибо в первую голову была посвящена денежной реформе Алексея Михайловича и не содержала описания событийной канвы, не включала очерка основных источников о восстании. В. И. Буганов построил свою работу на гораздо более прочном документальном фундаменте. Если его предшественники удовлетворялись следственным делом 1662 г., опубликованным А. Н. Зерцаловым (1890), то В. И. Буганов впервые показал, что публикация Зерцалова опускает примерно треть оригинала (ЦГАДА, ф. 210, д. 327) и что существует второе, неизвестное в науке сыскное дело 1662 г.— материалы розыска, предпринятого боярской комиссией в Москве (комиссия пользовалась аппаратом Разрядного приказа, в делопризводстве которого сохранилось следственное дело: ЦГАДА, ф. 210, д. 959). К разбору этих документов В. И. Буганов присоединил анализ переписки Разряд-

ного приказа с воеводами и данных переписной книги Оружейной палаты (обнаружена В. А. Кучкиным). Особый раздел источниковедческой главы в книге 1964 г. посвящен запискам современников, недооцененным К. В. Базилевичем,— Г. К. Котошихина (1664—1667 гг.), Г. Н. Собакина (начала 80-х годов XVII в.), анонимного летописца 1691 г. автора жития Ф. Ртищева, а также иностранцев — П. Гордона, А. Мейерберга, А. Эберса и анонимного автора статьи в «Theatrum Europeum» 1672 г. Ни один из названных источников не содержит полного описания хода восстания, но, как пишет автор, «все источники дополняют друг друга», поэтому прагматическую историю событий «нужно составлять как мозаику из различных показаний участников восстания» [65].

Источниковедческий очерк материалов о «Хованщине» 1682 г., данный В. И. Бугановым в монографии 1969 г., представляет значительный шаг вперед по сравнению с исследованиями А. Н. Штрауха и С. К. Богоявленского. Он тем более необходим, что не сохранился комплекс следственных дел и ход восстания приходится реконструировать на основании документальных источников, «рожденных в гуще событий», публицистических и летописных заметок русских современников и сообщений наблюдателей-иностранцев. Особое внимание автор уделяет «Созерцанию краткому» Сильвестра Медведева [66], запискам А. А. Матвеева, анонимной «Истории о невинном заточении» А. С. Матвеева, запискам И. А. Желябужского, «Истории о вере» Саввы Романова, «Слову на Никиту Пустосвята» и «Увету духовному» патриарха Иоакима, летописным повестям и свидетельствам Розенбуша и Келлера, Б. Таннера, И. Давида и И. Корба.

Специальный анализ следственного дела 1698 г. лег в основу источниковедческого очерка о стрелецком бунте. В. И. Буганов отмечает «необычайную сложность и запутанность розыска»; данные следственного дела проверяются автором материалами переписки Петра I с Ф. Ю. Ромодановским и другими лицами, статейными списками «великого посольства» 1697—1698 гг., сообщениями современников — А. А. Матвеева, И. А. Желябужского, П. Гордона, И. Корба, донесениями послов, информацией пяти позднейших летописцев. Если при анализе материалов о «Медном бунте» В. И. Буганов специально отмечал взаимно дополнительный характер показаний источников, то сообщения о розыске 1698 г. оцениваются им как комплекс подчас противоречивых свидетельств («различный подход к оценке восстания 1698 г. имел место уже в XVIII в.» [67]) — эта оценка предполагает иной путь исследования: не «складывание мозаики», а независимую разработку каждой из источниковых версий хода событий 1698 г.

В 1967 г. В. И. Буганов в соавторстве с А. А. Зиминым публикует статью, предлагающую новое решение вопроса датировки исторических песен о Ермаке. Этот цикл, как показали авторы, возник не ранее чем спустя столетие после похода Ермака, так

как в исторических песнях о покорении Сибири отразилась судьба Степана Разина [68].

Совместно с В. И. Корецким и А. Л. Станиславским в 1974 г. В. И. Буганов опубликовал «Повесть како отомсти», которая представляет собой первоначальную редакцию «Повести как восхити» — публицистического памятника Смуты, переработанного в 20-х годах XVII в. и вошедшего в состав «Иного Сказания» (вывод Е. Н. Кушевой, пересмотревшей предшествующие построения С. Ф. Платонова). Автором «Повести» предположительно назван Стахий, книгохранитель Троице-Сергиева монастыря, а время составления памятника определено как конец мая — начало июня 1606 г.[69]

Анализу так называемой «Велесовой книги» — фальсификата XIX в., опубликованного эмигрантом С. Лесным и выдаваемого издателем за древнейшие киевские летописные фрагменты, посвящена статья В. И. Буганова, написанная вместе с Б. А. Рыбаковым и Л. П. Жуковской [70].

В конце 60-х годов, готовя к печати книгу о московских восстаниях второй половины XVII в., В. И. Буганов возвращается к теме, которой начал заниматься под руководством М. Н. Тихомирова еще десять лет назад, когда в 1959 г. вошел в только что созданную летописную группу Института истории АН СССР по изучению русских летописей. В этот момент наука о летописании переживала трудное время. В 1965 г. умер академик М. Н. Тихомиров, возобновивший прерванную в 20—30-х годах серию «Полного собрания русских летописей». При жизни М. Н. Тихомирова и под его руководством вышли в свет 25, 26, 27-й (ответственный редактор 27-го тома — А. Н. Насонов), 28—30-й тома ПСРЛ. Преемникам М. Н. Тихомирова предстояло решить, продолжать ли серию, у которой немало недостатков (различные летописи опубликованы по разным правилам, неудовлетворительны их названия, устарели археографические легенды к томам, отдельные памятники изданы по худшим спискам и т. д.), или основать новое издание и все начать сначала. Вопрос этот имел большое значение для нашей науки, потому что носил не только эдиционно-археографический характер: остановка серии означала обращение летописной группы и всех знатоков летописания к древнейшим памятникам XI—XIV вв., которыми предстояло открыть новую серию ПСРЛ, продолжение же ПСРЛ предполагало вовлечение в научный оборот неопубликованных и неизвестных памятников и списков, в частности позднего патриаршего и областного русского летописания XVII—XVIII вв.

В 1965 г., когда летописную группу возглавил академик Б. А. Рыбаков, а его заместителем стал В. И. Буганов, было принято решение продолжать серию, и это решение предопределило появление исследований Б. М. Клосса, Л. Л. Муравьевой, К. Н. Сербиной, Н. Н. Улащика, В. И. Корецкого [71], а также конкретно-археографических и обобщающих работ В. И. Буганова. Совместно с В. И. Корецким он изучил и опубликовал мос-

ковский летописец второй половины 30-х годов XVII в. из Музейного собрания ГБЛ (указан авторам И. М. Кудрявцевым)[72], дал обзор летописных заметок о московских восстаниях второй половины XVII в.[73], напечатал краткий московский летописец конца XVII в. из фондов Ивановского областного краеведческого музея[74], совместно с Ф. А. Грекулом написал введение к публикации славяно-молдавских летописей XV—XVI вв.[75] В. И. Буганов стал автором первой в нашей науке историографической книги, посвященной изучению русских летописей в XX в.; монография подробно характеризует работы более чем двухсот исследователей — археографов, лингвистов, литературоведов, искусствоведов и историков[76].

Достижения классиков в изучении летописей — А. А. Шахматова, М. Д. Приселкова, А. Н. Насонова — предстояло использовать в издательской практике. Совершенствованию серии ПСРЛ был посвящен доклад В. И. Буганова, прочитанный 20 мая 1971 г. на заседании секции ученого совета Института истории СССР АН СССР. Отвечая на рецензию известного американского историка Э. Кинана, предлагавшего издавать реконструкции летописных текстов[77], автор утверждал, что «задачей летописной археографии является введение в научный оборот летописных памятников как единого целого; их же источниковедческое, текстологическое исследование, разложение на составные части — задача не археографа, а исследователя — источниковеда, текстолога»[78]. В докладе разбирались проспект будущего издания летописей (к настоящему времени план выполнен до 37-го тома включительно), спорные названия летописных сводов, правила их публикации. Были намечены конкретные шаги по продолжению факсимильного переиздания ПСРЛ, фототипическому изданию важнейших списков, названы важнейшие поисковые темы: начальные этапы русского летописания (впоследствии на эту тему была написана книга А. Г. Кузьмина), происхождение Никоновской летописи (см. книгу Б. М. Клосса), генеалогия московских сводов XIV—XV вв. (см. монографию Я. С. Лурье), реконструкция митрополичьего и патриаршего летописания второй половины XVI — начала XVII в. (см. книгу В. И. Корецкого), изучение летописных сводов XVII — начала XVIII в. (см. статьи А. В. Лаврентьева), кратких летописцев XVII—XVIII вв. (см. статьи А. П. Богданова, М. Я. Шайдаковой и др.). Если эти задачи, поставленные в докладе В. И. Буганова, успешно разрешаются, то важнейшая поисковая тема, сформулированная автором в 1971 г.,— «Археография русских летописей» — до сих пор остается открытой[79].

Как продолжение специальных источниковедческих штудий по истории классовой борьбы второй половины XVII в. В. И. Буганов в 1974 и 1978 гг. публикует статьи о второй Крестьянской войне под предводительством Степана Разина, разбирая разинские прокламации и предлагая пути реконструкции «повстанческого архива» разинского войска[80].

В. И. Буганов знает цену традициям в науке, умеет всесторонне оценить и использовать в своей работе опыт ученых старшего поколения, своих сверстников и младших товарищей. О тех, кого он близко знал, с кем работает сегодня, В. И. Буганов написал серию умных, добрых статей в жанре историографии источниковедения — это очерки об учителе Михаиле Николаевиче Тихомирове [81], об Исааке Уриелевиче Будовнице [82], Любомире Григорьевиче Бескровном [83], Арсении Николаевиче Насонове [84], Александре Ильиче Клибанове [85], Сигизмунде Натановиче Валке [86], Владимире Терентьевиче Пашуте [87], Борисе Александровиче Рыбакове [88], Николае Николаевиче Улащике [89], Вадиме Ивановиче Корецком [90], Александре Александровиче Зимине [91].

В. И. Буганов немало работал не только в столичных фондах, но и в периферийных собраниях, куда редко заглядывают московские ученые: в Тобольске он обнаружил список хроники Литовской и Жмойтской, впоследствии положенный в основу публикации т. 32 ПСРЛ [92], в Иванове — летописец «от Адама» конца XVII в.[93], в Киеве, Ульяновске, Томске — летописные заметки о московских восстаниях второй половины XVII в.[94], во Львове изучал два списка Вологодско-Пермской летописи, найденные Я. Н. Щаповым [95]. В архиве Франке в Гаале (ГДР) он отыскал краткий летописец начала XVII в.[96], а в Финляндии обнаружил неизвестный список Синодика опальных Ивана Грозного [97].

Материалы Департамента рукописей Парижской национальной библиотеки, частично описанные в 1962 г. Л. В. Черепниным, составили предмет обзорной статьи 1979 г.[98] и пяти публикаций В. И. Буганова. Им были изданы жалованные грамоты молдавских господарей Стефана III Великого 1491 г. (в 1913 и 1954 гг. публиковались по тому же парижскому списку румынские переводы этого документа), Петра Хромого 1575 и 1576 гг., Радула 1624 г.[99], десять неизвестных прежде актов Кирилло-Белозерского монастыря 1621—1687 гг.[100], два рапорта Верхнекамчатской приказной избы 1767—1768 гг., написанные на бересте (первый документ в 1891 г. был неточно воспроизведен Г. Афанасьевым) [101], поместные акты 1646 и 1694 гг.[102] и именной указ Анны Иоанновны 1736 г. купцам А. Еремееву с товарищами на право заведения суконной фабрики в Москве (отрывок был ранее издан в ПСЗ, т. 9, № 7060) [103].

Вслед за С. М. Строевым (1841 г.), Г. З. Кунцевичем (1912 г.) и К. Гюнтером (1960 г.) [104] В. И. Буганов с предельной тщательностью описал девять русских рукописей библиотеки герцога Августа в Вольфенбюттеле, среди них — сборник с отрывками из Степной книги и Пчелы, со «Сказанием о Мамаевом побоище» и чинами венчания Дмитрия-внука 1498 г. (в летописной редакции) и Ивана IV 1547 г., сборник с Проскинитарием Арсения Суханова, «Новый Маргарит» Андрея Курбского; в приложении к описанию опубликовал три документа 1720—1733 гг.[105]

Глубокое знание источников, внимание к достоверности каждого факта, составляющие стержень всех специально источниковедческих исследований В. И. Буганова, в равной степени определяют и строгую научную канву обобщающих трудов и книг, написанных для широкого читателя, будь то книга об эволюции феодализма в России (1980 г.)[106], очерк о Куликовской битве (1980; 2-е изд. 1985)[107], книги о Смуте и крестьянских войнах в России (1976)[108], о городских восстаниях в Москве в XIV—XVIII вв. (1986)[109], о классовой борьбе XI—XVIII вв. (1986)[110], об истории и документальных богатствах Центрального государственного архива древних актов (1986)[111], беллетризованные биографии Е. И. Пугачева (1984)[112], К. Ф. Булавина (1989)[113], Петра I (1988)[114].

Собственные исследования В. И. Буганова, многолетнее редактирование им документальных публикаций разрядных книг, «Полного собрания русских летописей», а с недавнего времени и «Актов Русского государства», сборников статей «Летописи и хроники», «Источниковедение отечественной истории», работа в редколлегии журнала «Советские архивы», руководство сектором источниковедения истории СССР дооктябрьского периода позволили ученому сформулировать важнейшие проблемы развития советского источниковедения, наметить и поддерживать наиболее перспективные направления[115]. Среди новых тем, начатых под его руководством, отметим изучение и издание посольских книг, анализ публицистических сочинений второй половины XVII в., публикацию материалов и реконструкцию состава крупнейших церковных архивов XIV—XVI вв. В. И. Буганов стал одним из организаторов источниковедческих исследований в СССР, представлял нашу науку на авторитетных международных конгрессах и симпозиумах. Пятнадцать его учеников защитили кандидатские диссертации, один — докторскую.

Десять лет В. И. Буганов проработал на посту заместителя директора Института истории СССР АН СССР, когда высокое напряжение административной деятельности, чрезвычайно широкий круг общения, многочисленные командировки не способствовали углубленному занятию русской историей. Однако В. И. Буганов не изменил себе — остался ученым, выкраивал время, чтобы плодотворно поработать в библиотеке, архиве, поразмышлять над новой статьей или книгой.

Сегодня, как и всегда, Виктор Иванович доброжелателен, отзывчив, полон идей и творческих планов. И работает, как в юности, увлеченно, с полной отдачей.

[1] *Буганов В. И.* Разрядные книги последней четверти XV – первой половины XVII в. как исторический источник // АКД. М., 1955.
[2] Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. М.; Л., 1950.
[3] *Бычкова М. Е.* Родословные книги XVI—XVII вв. как исторический источник. М., 1975; Редкие источники по истории России. М., 1977. Ч. 2.

[4] Временник МОИДР. М., 1849. Кн. 1. С. X–XVI; *Буганов В. И.* «Записка» И. Д. Беляева об издании разрядных книг // Археографический ежегодник за 1969 г. М., 1971. С. 236–241.
[5] *Милюков П. Н.* Официальные и частные редакции древнейшей разрядной книги // ЧОИДР. 1887. Кн. 2, отд. 2. С. 3–20.
[6] Там же. С. 20.
[7] *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки XVI в. СПб., 1888. С. 329–330.
[8] Там же. С. 332.
[9] *Буганов В. И.* Разрядные книги последней четверти XV – начала XVII в. М., 1962. С. 79–96.
[10] Там же. С. 30–79; Разрядная книга, 1475–1605. М., 1984. Т. 3, ч. 1. С. 3–4.
[11] *Буганов В. И.* Разрядные книги... начала XVII в. С. 96–98; *Он же.* Сокращенная редакция разрядных книг 1559–1605 гг. // Археографический ежегодник за 1957 г. М., 1958. С. 88–101.
[12] *Буганов В. И.* «Государев разряд» первой половины XVII в. // Проблемы источниковедения. М., 1959. Вып. 8. С. 361–371; *Он же.* Сокращенная редакция разрядных книг 1550–1636 гг. // Там же. М., 1961. Вып. 9. С. 270–279; *Он же.* Описание списков разрядных книг XVII в. // Археографический ежегодник за 1972 г. М., 1974. С. 276–282; *Он же.* Новый список разрядной книги («подлинника») 1637/38 г. (в фондах Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина) // Зап. ОР ГБЛ. 1986. Вып. 45. С. 5–10.
[13] *Милюков П. Н.* Официальные и частные редакции... С. 6–17; ср.: *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки... С. 306–315; *Маркевич А. И.* Местнические случаи в сочинении Н. П. Лихачева... Одесса, 1895.
[14] *Буганов В. И.* Разрядная книга Д. М. Пожарского // Записки ОР ГБЛ. 1958. Вып. 20. С. 90–101; *Он же.* Разрядные книги... начала XVII в. С. 109, 156.
[15] *Буганов В. И.* Сокращенная редакция... С. 88–101.
[16] *Буганов В. И.* «Книги разрядные» («подлинники») 1613–1636 гг. // Ист. зап. 1976. Т. 97. С. 290–303.
[17] *Буганов В. И.* «Государев разряд» первой половины XVII в.
[18] *Буганов В. И.* «Дворцовые разряды» первой половины XVII в. // Археографический ежегодник за 1975 г. М., 1976. С. 252–258.
[19] *Буганов В. И.* «Государев разряд» 1556 г. и реформы 50-х годов XVI в. // История СССР. 1957. № 5. С. 221.
[20] Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 59. С. 65.
[21] *Зимин А. А.* Государственный архив России XVI столетия: Опыт реконструкции. М., 1978. С. 344–345, 368, 396–397; ср.: Там же. С. 281.
[22] Там же. С. 358; *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. С. 148.
[23] Редакция 1605 г. послужила темой недавней статьи Ю. Н. Мельникова (см.: *Мельников Ю. Н.* Источники и происхождение разрядной книги 1559–1605 гг. // ВИД. Л., 1987. Вып. 19. С. 69–93). Автору удалось выделить в годовых статьях разряда 1605 г. четыре пласта, отражающие небольшие по объему разрядные книги частного происхождения – Сабуровых (с начала, с известий 1558/59 г.), Плещеевых (с 1559/60 г.), Засекиных (с 1564/65 г.) и Вельяминовых (с 1571/72 г.). На этом основании Ю. Н. Мельников предлагает считать составителями книги семейство Сабуровых, хотя более вероятно полагать, что составителю должен принадлежать текст позднейшего хронологического пласта разрядов, т. е. редакцию 1605 г. составили либо Вельяминовы, либо все те же Кикины, так как книгу замыкают обычные речи 12 февраля 1604 г. о З. П. Ляпунове – местническом противнике Ф. И. Кикина.
[24] *Буганов В. И.* Разрядные книги... начала XVII в. С. 99–131; *Он же.* Источники разрядных книг последней четверти XV – начала XVII в. // Ист. зап. М., 1965. Т. 76. С. 216–229.
[25] *Буганов В. И.* «Дворцовые разряды»...
[26] *Буганов В. И.* «Книги разрядные» («подлинники»)...

[27] *Буганов В. И.* Засечная книга 1638 г. // Зап. ОР ГБЛ. 1960. Вып. 23. С. 181–252.

[28] *Буганов В. И.* Сказание о смерти царя Федора Ивановича и воцарении Бориса Годунова (записи в разрядной книге) // Там же. 1957. Вып. 19. С. 167–184.

[29] *Буганов В. И.* Грамота ливенскому воеводе Ивану Осиповичу Полеву 1599 г.: (Из истории организации сторожевой и станичной службы на юге России в конце XVI в.) // Там же. 1958. Вып. 20. С. 177–185.

[30] Хрестоматия по истории СССР с древнейших времен до конца XV в. М., 1960. С. 113.

[31] Хрестоматия по истории СССР XVI–XVII вв. М., 1962. С. 121; *Буганов В. И.* Повесть о победе над крымскими татарами в 1572 г. // Археографический ежегодник за 1961 г. М., 1962.

[32] *Буганов В. И.* Послание Ивана Грозного 1573 г. // Ист. арх. 1962. № 3. С. 221–223.

[33] *Буганов В. И.* «Взятье полоцкое литовские земли» – описание похода 1563 г. в разрядной книге Музейного собрания // Зап. ОР ГБЛ. 1969. Вып. 31. С. 213–224.

[34] Разрядная книга 1475–1598 гг./Подгот. текста, ввод. статья и ред. В. И. Буганова. М., 1966.

[35] Разрядные книги 1598–1638 гг./Сост. В. И. Буганов, Л. Ф. Кузьмина. М., 1974.

[36] Разрядная книга 1559–1605 гг./Сост. Л. Ф. Кузьмина; Отв. ред. В. И. Буганов. М., 1974.

[37] Разрядная книга 1550–1636 гг./Сост. Л. Ф. Кузьмина; Отв. ред. В. И. Буганов. М., 1975–1976. Ч. 1–2.

[38] Разрядная книга 1475–1605 гг./Сост. Н. Г. Савич, Л. Ф. Кузьмина; Под ред. В. И. Буганова. М. Т. 1, ч. 1–2. 1977; Т. 1, ч. 3. 1978; Т. 2, ч. 1. 1981; Т. 2, ч. 2. 1982; Т. 3, ч. 1. 1984; Т. 3, ч. 2. 1987.

[39] Разрядная книга 1637/38 г. М., 1983.

[40] *Буганов В. И.* Документы о сражении при Молодях в 1572 г. // Ист. арх. 1959. № 4. С. 166–183.

[41] *Буганов В. И.* Документы о Ливонской войне // Археографический ежегодник за 1960 г. М., 1962. С. 264–272.

[42] *Буганов В. И.* Разрядные книги... начала XVII в. С. 5.

[43] *Буганов В. И.* «Враждотворное» местничество // Вопр. истории. 1974. № 11. С. 118–132.

[44] *Буганов В. И.* К изучению состава «Государева двора» XVI в. // Общество и государство в феодальной России. М., 1975. С. 55–61.

[45] *Буганов В. И.* Разрядные книги как источник по истории пограничной обороны Русского государства конца XV – первой трети XVII в. // Источниковедение отечественной истории: Сб. статей, 1979. М., 1980. С. 206–218.

[46] *Буганов В. И.* О Городовом приказе в России XVI в. // Вопр. истории. 1962. № 10. С. 211–214. Документы ф. 64 (Лифляндские и Эстляндские дела) были указаны В. И. Буганову Б. Н. Флорей.

[47] *Зимин А. А.* О сложении приказной системы на Руси // Доклады и сообщения Института истории. М., 1954. Вып. 3.

[48] *Буганов В. И.* Материалы ЦГАДА как источник по истории управления Прибалтикой в годы Ливонской войны // Археографический ежегодник за 1968 г. М., 1970. С. 349–353.

[49] *Каштанов С. М.* Еще раз о Городовом приказе XVI в. // Вопр. истории. 1963. № 11. С. 211–213.

[50] *Буганов В. И.* Советская литература о приемах работы В. И. Ленина с источниками // Там же. 1970. № 9. С. 129–136.

[51] *Буганов В. И.* Методы работы В. И. Ленина над статистическими источниками // Там же. 1960. № 7. С. 44–58; *Он же.* Земская статистика крестьянского хозяйства в работе В. И. Ленина «Развитие капитализма в России» // Проблемы источниковедения. М., 1962. Вып. 10. С. 19–49; *Он же.* О некоторых приемах научного исследования статистических

источников в работах В. И. Ленина 1890-х годов // Археографический ежегодник за 1960 г. С. 112–128.

52 *Тихомиров М. Н.* О Вологодско-Пермской летописи // Проблемы источниковедения. М.; Л., 1940. Вып. 3. С. 243.

53 *Тихомиров М. Н.* «Правосудье митрополичье» // Археографический ежегодник за 1963 г. М., 1964.

54 *Флоря Б. Н.* Коми-Вымская летопись // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967.

55 *Буганов В. И.* О списках Вологодско-Пермского летописного свода конца XV – начала XVI в. // Проблемы общественно-политической России и славянских стран. М., 1963. С. 158–165.

56 *Лурье Я. С.* Никаноровская и Вологодско-Пермская летописи как отражение великокняжеского свода начала 70-х годов XV в. // ВИД. Л., 1973. Вып. 5. С. 219–250; *Он же.* The London and L'vov MSS of the Vologda-Perm' chronicle: The problem of reconstructing grand-princely chronicle-writing of the early 1470's // Oxford Slavonic Pap. N. S. 1972. Vol. 5. P. 89–100.

57 *Дмитриев Л. А.* Литературная история памятников Куликовского цикла // Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 335.

58 *Буганов В. И.* Московское восстание 1662 г. М., 1964.

59 Восстание 1662 г. в Москве: Сб. докумеятов/Сост. В. И. Буганов. М., 1964.

60 *Буганов В. И.* Московские восстания конца XVII в. М., 1969.

61 Восстание в Москве 1682 г.: Сб. докумеятов/Сост. Н. Г. Савич; Коммент. В. И. Буганова и Н. Г. Савич; Отв. ред. В. И. Буганов. М., 1976.

62 Восстание московских стрельцов, 1698 г.: (Материалы следственного дела): Сб. документов/Сост. А. Н. Казакевич; Под ред. В. И. Буганова. М., 1980.

63 *Буганов В. И.* Описание Московского восстания 1648 г. в Архивном сборнике // Ист. арх. 1957. № 4. С. 227–230; *Он же.* Новые источники о Московском восстании 25 июля 1662 г. // Проблемы источниковедения. М., 1959. Вып. 7. С. 348–356; *Он же.* Следствие о Московском восстании 1662 г. // Ист. зап. 1959. Т. 65. С. 278–302; *Он же.* К вопросу о Московском восстании 1662 г. // Вопр. истории. 1959. № 5. С. 160–175; *Он же.* Записки современника о Московских восстаниях 1648 и 1662 гг. // Археографический ежегодяик за 1958 г. М., 1960. С. 98–113; *Буганов В. И., Кучкин В. А.* Новые материалы о московских восстаниях XVII в. // Ист. арх. 1961. № 1. С. 144–153; *Буганов В. И.* Новый документ о ссылке участников «Медного буята» 1662 г. // Там же. 1962. № 4. С. 233–234; *Он же.* Сыскные дела о Московском восстании 1662 г. // Проблемы источниковедеяия. М., 1963. Вып. 11. С. 322–337; *Он же.* Новый источник о Московском восстании 1682 г. // Тр. ЛОИИ. 1964. Вып. 7. С. 318–324; *Он же.* Источниковедческий анализ документов о Московском восстании 1682 г. // Вопр. архивоведения. 1965. № 1. С. 52–55; *Он же.* Летописные известия о Московском восстаяии 1682 г. // Новое о прошлом нашей страны. С. 310–319; *Он же.* Документы о Московском восстании 1682 г. // Сов. арх. 1968. № 5. С. 60–65; *Он же.* Летописные заметки о московских восстаниях второй половины XVII в. // Летописи и хроники: Сб. статей, 1973. М., 1974. С. 338–346.

64 *Базилевич К. В.* Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г. М.; Л., 1936.

65 *Буганов В. И.* Московское восстание 1662 г. С. 32.

66 См. последующую полемику об зтом памятнике: *Волков М. Я.* «Созерцание краткое» как источник по истории общественяо-политической мысли // Общество и государство феодальной России. М., 1975; *Богданов А. П.* К истории текста «Созерцания краткого» // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1983; *Он же.* К вопросу об авторстве «Созерцания краткого лет 7190, 91 и 92, в них же часто содеяся во гражданстве» // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1987.

67 *Буганов В. И.* Московские восстания конца XVII в. С. 57.

[68] *Буганов В. И., Зимин А. А.* Поход Ермака на Казань и возникновение исторических песен о Ермаке // Учен. зап. Казан. пед. ин-та. 1967. Т. 50. С. 3–13.
[69] *Буганов В. И., Корецкий В. И., Станиславский А. Л.* «Повесть како отомсти» – памятник ранней публицистики Смутного времени // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 231–254.
[70] *Буганов В. И., Жуковская Л. П., Рыбаков Б. А.* Мнимая древнейшая летопись // Вопр. истории. 1977. № 6. С. 202–205.
[71] *Клосс Б. М.* Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. М., 1980; *Муравьева Л. Л.* Летописание Северо-Восточной Руси XIII – начала XV в. М., 1983; *Сербина К. Н.* Устюжское летописание XVI–XVIII вв. Л., 1985; *Улащик Н. Н.* Введение в изучение белорусско-литовского летописания. М., 1985; *Корецкий В. И.* История русского летописания второй половины XVI – начала XVII в. М., 1986.
[72] *Буганов В. И., Корецкий В. И.* Неизвестный московский летописец XVII века из Музейного собрания ГБЛ // Зап. ОР ГБЛ. 1971. Вып. 32. С. 127–167.
[73] *Буганов В. И.* Летописные заметки о московских восстаниях второй половины XVII в. // Летописи и хроники: Сб. статей, 1973. С. 338–346.
[74] *Буганов В. И.* Краткий московский летописец конца XVII в. из Ивановского областного краеведческого музея // Летописи и хроники: Сб. статей, 1975. М., 1976. С. 283–293.
[75] Славяно-молдавские летописи XV—XVI вв. М., 1976.
[76] *Буганов В. И.* Отечественная историография русского летописания: Обзор сов. лит. М., 1975.
[77] Kritica. 1966. Vol. 3, N 1. P. 1–13.
[78] *Буганов В. И.* Об издании русских летописей // Археографический ежегодник за 1971 г. М., 1972. С. 21.
[79] См. последующие выступления автора на ту же тему: *Буганов В. И.* Публикации летописных источников по истории Сибири и Урала // Уральский археографический ежегодник за 1971 г. Свердловск, 1974. С. 47; *Он же.* Об издании и изучении русских летописей // Конф. по истории средневековой письменности и книги: Тез. докл. Ереван, 1977. С. 16; *Он же.* Описание и факсимильное издание русских летописей // Всесоюз. науч. конф. «Проблемы научного описания и факсимильного издания памятников письменности»: Тез. докл. Л., 1979. С. 22–25; *Буганов В. И., Клосс Б. М., Корецкий В. И., Муравьева Л. Л.* Основные проблемы изучения русского летописания // III Всесоюз. конф. по источниковедению и спец. ист. дисциплинам. М., 1979. С. 170–173; *Буганов В. И.* Издание и изучение русских летописей в XVIII в. // Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки. М., 1981. С. 327–334; *Он же.* Русские летописи // Вопр. истории. 1984. № 6. С. 77–91; *Буганов В. И., Клосс Б. М., Корецкий В. И., Кучкин В. А., Муравьева Л. Л.* Некоторые проблемы изучения русского летописания на современном этапе // Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин. М., 1984. С. 6–16.
[80] *Буганов В. И.* Прокламации С. Т. Разина и его сподвижников // Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв.: Проблемы, поиски, решения. М., 1974. С. 63–72; *Он же.* К изучению «повстанческого архива» Второй Крестьянской войны в России // Проблемы аграрной истории (с древнейших времен до XVIII в.). Минск, 1978. Ч. 1. С. 46–56.
[81] *Буганов В. И.* Источниковедение в трудах академика М. Н. Тихомирова: (К 70-летию со дня рождения) // Проблемы источниковедения. Вып. 11. С. 514–523; *Он же.* Михаил Николаевич Тихомиров // Ист. зап. 1965. Т. 76. С. 292–307; *Он же.* Памяти М. Н. Тихомирова // История СССР. 1965. № 5. С. 217–232; *Он же.* М. Н. Тихомиров как исследователь русского летописания // Археографический ежегодник за 1973 г. М., 1974. С. 173–177; *Он же.* М. Н. Тихомиров и отечественное летописеведение // Летописи и хроники: Сб. статей, 1975. М., 1976. С. 5–11; *Буганов В. И., Глушакова Ю. П.* М. Н. Тихомиров в Институте истории АН СССР // Ист. зап. 1986. Т. 112. С. 305–312.

[82] *Буганов В. И., Устюгов Н. В.* Исаак Уриелевич Будовниц // Ист. зап. 1963. Т. 74. С. 286–297.

[83] *Буганов В. И.* Л. Г. Бескровный: Творческий путь // Историческая география России XII – начала XX в. М., 1975. С. 96–112; *Он же.* Л. Г. Бескровный – археограф и источниковед: (К 70-летию со дня рождения) // Археографический ежегодник за 1975 г. М., 1976. С. 172–177; *Буганов В. И., Водарский Я. Е.* Л. Г. Бескровный // История СССР. 1981. № 5. С. 150–156.

[84] *Буганов В. И.* Труды А. Н. Насонова о русском летописании // Археографический ежегодник за 1974 г. М., 1975. С. 218.

[85] *Буганов В. И.* Проблемы реформационных движений и общественно-политической мысли России в трудах А. И. Клибанова // Ист. зап. 1977. Т. 98. С. 257–275.

[86] *Буганов В. И.* Историография отечественного источниковедения и археографии в трудах С. Н. Валка // Археографический ежегодник за 1975 г. С. 302–305.

[87] *Буганов В. И.* Труды В. Т. Пашуто по истории отечественного летописания // Летописи и хроники: Сб. статей, 1980. М., 1981. С. 207–214; *Он же.* В. Т. Пашуто как источниковед // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исслед. М., 1986. С. 44.

[88] *Буганов В. И.* Русское летописание в трудах Б. А. Рыбакова // Летописи и хроники: Сб. статей, 1984. М., 1984. С. 3–12.

[89] *Буганов В. И.* Н. Н. Улащик – источниковед и археограф // Источниковедение отечественной истории: Сб. статей, 1975. М., 1976. С. 365–374; *Буганов В. И., Плигузов А. И.* Памяти Николая Улащика (1906–1986) // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1987. С. 225–228.

[90] *Буганов В. И.* История феодальной России в трудах В. И. Корецкого // История СССР. 1986. № 2. С. 113–128.

[91] *Буганов В. И.* А. А. Зимин – источниковед // Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988.

[92] См.: *Улащик Н. Н.* Введение в изучение белорусско-литовского летописания. С. 75.

[93] *Буганов В. И.* Краткий московский летописец конца XVII в.

[94] *Буганов В. И.* Летописные заметки о московских восстаниях второй половины XVII в.

[95] *Буганов В. И.* О списках Вологодско-Пермского летописного свода.

[96] *Буганов В. И., Клосс Б. М., Корецкий В. И., Кучкин В. А., Муравьева Л. Л.* Указ. соч. С. 13.

[97] *Буганов В. И.* Новый список Синодика опальных Ивана Грозного // Источниковедение отечественной истории: Сб. статей, 1988 (в печати).

[98] *Буганов В. И.* Русские документы конца XV–XVIII вв. в хранилищах Парижа // Вопр. истории. 1979. № 3. С. 137–141.

[99] *Буганов В. И.* Славяно-молдавские грамоты конца XV – первой четверти XVII в. // Источниковедение отечественной истории: Сб. статей, 1981. М., 1981. С. 272–279.

[100] *Буганов В. И.* Акты Кирилло-Белозерского монастыря XVII в. в Парижской Национальной библиотеке // Сов. арх. 1979. № 4. С. 34–43.

[101] *Буганов В. И.* Два документа о Камчатке 60-х годов XVIII в. из Парижской Национальной библиотеки // Там же. 1981. № 4. С. 71–73.

[102] *Буганов В. И.* Поместные акты XVII в. в Парижской Национальной библиотеке // Там же. № 3. С. 47–52.

[103] *Буганов В. И.* Жалованная грамота 1736 г. московским купцам из Парижской Национальной библиотеки – источник по истории московской текстильной промышленности России второй четверти XVIII в. // Археографический ежегодник за 1979 г. М., 1981. С. 315–320.

[104] См. один из томов новейшего описания.

[105] *Буганов В. И.* Русские рукописи Библиотеки герцога Августа в Вольфенбюттеле (ФРГ) // Сов. арх. 1983. № 2. С. 24–30.

[106] *Буганов В. И., Преображенский А. А., Тихонов Ю. А.* Эволюция феодализма в России: Социально-экономическое развитие, IX в.– 1861 г. М., 1980.
[107] *Буганов В. И.* Куликовская битва. М., 1980.
[108] *Буганов В. И.* Крестьянская война в России начала XVII в. М., 1976; *Он же.* Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. М., 1976.
[109] *Буганов В. И.* Страницы летописи Москвы: Народные восстания XIV–XVIII вв. М., 1986.
[110] *Буганов В. И.* Очерки истории классовой борьбы в России XI–XVIII вв. М., 1986.
[111] *Автократова М. И., Буганов В. И.* Сокровищница документов прошлого. М., 1986.
[112] *Буганов В. И.* Пугачев. М., 1984.
[113] *Буганов В. И.* Булавин. М., 1988.
[114] *Буганов В. И.* Россия эпохи Петра I. М., 1988.
[115] *Буганов В. И.* Источниковедение истории советского общества // История СССР. 1966. № 1. С. 164–167; *Он же.* Основные направления исследований по источниковедению отечественной истории доктябрьского периода // Там же. 1976. № 6. С. 224–227; *Он же.* Источниковедение и специальные исторические дисциплины (доктябрьский период) // Северный археографический сборник. Сыктывкар, 1977. Вып. 4. С. 23–36; *Буганов В. И., Трукан Г. А.* Актуальные проблемы источниковедения истории СССР // Вопр. истории. 1977. № 3. С. 3–15; *Буганов В. И.* Развитие источниковедения отечественной истории доктябрьского периода в 1970–1975 гг. // Советская историческая наука от XXIV к XXV съезду КПСС: Доктябрьский период. М., 1978; *Он же.* Документальные богатства государственных архивов СССР и их значение для развития советской исторической науки // Сов. арх. 1978. № 3. С. 35–42; *Он же.* Источниковедение отечественной истории доктябрьского периода: Некоторые итоги и перспективы развития // III Всесоюз. конф. по источниковедению и спец. ист. дисциплинам; *Буганов В. И., Зимин А. А.* О некоторых задачах специальных исторических дисциплин в изучении и издании письменных источников по истории русского средневековья // История СССР. 1980. № 1. С. 117–131; *Буганов В. И.* Источниковедческие исследования по отечественной истории // Изучение отечественной истории между XXV и XXVI съездами КПСС. М., 1982. С. 564–580; *Буганов В. И., Трукан Г. А.* Источниковедение отечественной истории на современном этапе // Вопр. истории. 1983. № 3. С. 3–16; *Буганов В. И.* Изучение проблем отечественного источниковедения доктябрьского периода // Изучение истории СССР доктябрьского периода в советской историографии, 1980–1984 гг. М., 1985. С. 205–228.

ТРОИЦКАЯ ЛЕТОПИСЬ В НАУЧНОМ ОБОРОТЕ XVIII — НАЧАЛА XIX в.

Л. Л. Муравьева

Троицкая пергаменная летопись начала XV в. в научном обороте была сравнительно недолго, сгорев в московском пожаре 1812 г. вместе с библиотекой Общества истории и древностей российских. Это один из немногих современных описываемому времени и оказавших заметное влияние на последующее развитие летописания памятников, которые сохранились до XVIII в., когда в России приступили к систематическому сбору, изданию и изучению летописных источников. Она являлась одной из двух известных нам общерусских летописей по истории начального периода образования единого Русского государства и его общественно-политической мысли. Поэтому понятен неослабевающий интерес к Троицкой летописи (далее — Тр.) и ее судьбе. Данный памятник исчез из оборота во время подготовки к изданию Лаврентьевской летописи (далее — Лавр.), где он был привлечен для подведения вариантов. В связи с проведением этой работы в 1804—1812 гг. Х. А. Чеботаревым и Н. Е. Черепановым, а затем Р. Ф. Шимковским было напечатано 10 листов, излагающих события до 906 г., и 13 листов — до 1020 г., где тексты Тр. читаются в виде разночтений-вариантов. Одновременно над рукописью Тр. с 1804 г. работал Н. М. Карамзин, который оставил значительный корпус выписок из нее. В XIX в. к материалу Тр. эпизодически обращались разные авторы[1]. В 1897 г. при третьем издании Лавр. Археографической комиссией был воспроизведен материал первого издания, который был перепечатан в 1913 г. в серии ПСРЛ — т. XVIII. В этом томе были собраны также конкретно означенные выписки Карамзина из Тр. Ее изучение связано в основном с именами А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова, проведшего реконструкцию утраченного памятника. В настоящее время среди занимающих внимание специалистов вопросов о Тр. немаловажное значение приобрела тема о ее бытовании в XVIII — начале XIX в., которая впервые была поставлена Приселковым. Об этом писали Л. А. Кавелин (архимандрит Леонид), С. И. Кочетов, Г. Н. Моисеева, В. П. Козлов и автор настоящей статьи. Речь идет прежде всего о использовании Тр. до Карамзина и предположительном снятии с нее копии.

Основной задачей предлагаемого исследования является обобщение достигнутого в решении этих вопросов и продолжение их разработки; оно проведено с целью установления по возможности

более полной и точной картины, связанной с бытованием не дошедшей до нас пергаменной летописи начала XV в.

Занимаясь реконструкцией Тр., Приселков обращался к так называемому сборнику М. Оболенского [2], в котором дано сообщение о хранящемся в Архиве Министерства иностранных дел под № 45 экземпляре печатной «Кенигсбергской (Радзивиловской) летописи 1767 г. (далее — Кенигсб.), с пометами Г. Ф. Миллера, представляющими разночтения Тр. Приселков полагал, что сличение двух летописей (три страницы до 898 г.) историограф провел в 60-х годах XVIII в. и первым дал название пергаменному памятнику. Второе использование Тр. ученый связывал с работой Карамзина над «Историей государства Российского». По его мнению, Карамзин передал эту летопись в лавру в 1804 г., когда Общество истории и древностей российских приступало в своих «Чтениях» к первому изданию Лавр. Приселков указал на ошибочность идущего от архимандрита Леонида отождествления двух троицких рукописей — пергаменной XV в. и бумажной XVI в. (ГБЛ, МДА, № 69) [3].

Полезную работу провел С. И. Кочетов, собрав и сведя воедино материал (почерпнутый из изданий по истории Троице-Сергиева монастыря, его семинарии и т. п.) о времени появления Тр. в монастырском хранилище и передаче ее в семинарскую библиотеку, а также высказав суждения о пересылке данной рукописи в распоряжение Синода, обращении к ней Миллера и Карамзина и возвращении ее обратно в Троицкую семинарию [4]. Впервые Тр. упоминается в описях монастырской библиотеки под № 822 за 1723 г. и под № 823 за 1729 г.: «628. Книга Летописец в десть писана, кончится нашествием на Москву Эдигея князя Ордынского при князе Василие Дмитриевиче, на телятине». Затем она встречается под № 230 в передаточной описи 1747 г., появившейся в связи с созданием семинарской библиотеки и выделением туда части рукописей. В первой описи книг вновь созданной библиотеки лавры она значилась под № 210 с поздней пометкой на полях: «См. дело под № 4 1779 г.» В свое время об этом высказывался и архимандрит Леонид [5]. В 1768 г. в лавре по запросу Сената от имени Екатерины II был составлен список из 6 книг, которые затем отправили в Петербург. В черновом экземпляре списка, подготовленного (как и беловой) местным префектом М. И. Ильинским, была записана Тр. («Летописец российский, в малый лист, писан на пергамене самым древним уставным письмом. Начинается от Рурика и продолжается до великого князя Василия Дмитриевича, на 371 листе»), но зачеркнута. Кочетов думает, что в тот раз упомянутая Троицкая рукопись осталась в семинарии. Спустя 10 лет Синод от имени Екатерины II отдал распоряжение о сборе по крупным монастырям (включая Троице-Сергиев) «достойных примечания летописцев» с целью подготовки их к печати. В связи с этим в начале 1779 г. в лавре были отобраны 7 рукописей, в том числе под № 3 — «Летописец со времени Рурика полнейший и обстоятель-

нейший, писаный на пергамене в лист...», и высланы митрополиту Платону, который передал их в Московскую синодальную типографию. В это время с ней работал Г. Ф. Миллер. В 1791 г. из Троице-Сергиева монастыря по требованию Синода были пересланы двумя партиями еще 13 и 8 рукописей в Петербург. Среди них Тр. не было, она оставалась в Москве. Во втором «Реестре» конца 1791 г. был указан список книг, взятых в лавре в 1779 г., где упомянута пергаменная летопись XV в. и отмечено, что шесть других рукописей возвращены в семинарию. Тр. оказалась там позднее. В 1804 г. она поступила в распоряжение Карамзина, который вернул ее обратно после 1805 г.

Г. Н. Моисеева обнаружила в «Портфелях Миллера» (ЦГАДА, ф. 199, д. 150, ч. 1, № 6) неизвестную копию первых трех листов Тр., снятую рукой историографа (с переводом приписок на рус. яз. Н. Н. Бантыш-Каменского). Судя по «старой» пагинации (л. 93—96), этот отрывок был частью какого-то большого «дела». По словам исследовательницы, он представляет собой незавершенную работу ученого по снятию полной копии с пергаменной рукописи, которую он не успел осуществить, и ее сличение с Кенигсб. в виду пересылки троицких книг в 1779 г. в Петербург (а не в Москву). В данном случае Моисеева, возразив Кочетову, поддержала мнение Леонида, писавшего, что пергаменная рукопись в то время была «вытребована из Семинарской библиотеки» для отправки в Петербург [6]. При этом она ссылается на показание Карамзина, узнавшего во время посещения Троице-Сергиева монастыря, что «все исторические рукописи были из Троицкой лавры посыланы к Екатерине Великой» [7], и на то, что в описание Эрмитажного собрания конца XVIII в. было включено несколько рукописей и их списков, взятых из лавры, как, например, «из Троицкой лавры Большой летописец. Часть 1-я, 2-я и 3-я». (Некоторые из них, в том числе в копиях, находятся и сейчас в составе Эрмитажного собрания ОРИК ГПБ.) Кроме того, здесь же указано на упоминание о «Троицком летописце (in folio)», которое содержится в Описании Кабинета Екатерины II, сделанное Н. Мурзакевичем на основании дневниковых записей 1793—1795 гг. секретарей императрицы [8]. Моисеева полагает, что это была копия Тр., спятая с пергаменной рукописи, пересланной в Петербург в 1779 г.[9] Поиск привел Моисееву в Архив Екатерины II в ЛОИИ, в котором под № 66 (оп. 1, л. 5) хранится документ 1778 г., свидетельствующий, по ее мнению, о возврате «по реестру» в том году Тр. в числе других рукописей Троице-Сергиева монастыря в Москву, где планировалось печатание летописей в Синодальной типографии. Все они, во всяком случае шесть (в том числе «Летописец российский до княжения великого князя Василия Дмитриевича, на 371 листе») были высланы в Петербург еще в 1767—1768 гг. по запросу Сената от имени Екатерины II, которая познакомилась с каталогами книг Троицкой лавры во время ее посещения в 1762 г. В «Реестре», посланном в 1778 г. в Москву, Тр. описывается под

№ 4 как Летописец «со времени также Рурика, гораздо полнейший и обстоятельнейший (писаной на пергамине, в лист), кончится же нашествием на Москву Едигея, князя Ордынского, при князе Василие Дмитриевиче». Моисеева считает, что копия Тр. послужила одним из основных источников в работе Екатерины II над историческим трудом «Записки касательно Российской истории» (доведен до конца XIV в.) [10]. Этот вывод сделан путем сопоставления материала «Записок» и текста реконструированной Приселковым пергаменной летописи [11]. Такое заключение прозвучало в литературе впервые. Кроме того, путем подобного же сравнительного анализа Моисеева обратила внимание, что Тр. была в числе источников сочинения по истории России конца XVIII в., написанного профессором Московского университета А. А. Барсовым и Х. А. Чеботаревым по указанию Екатерины II для ее занятий историей. Это сочинение выслали в Петербург в 1795—1796 гг., но оно не было, по словам исследовательницы, привлечено в качестве материала «Записок» Екатерины II (в том числе уточнения, связанные с Тр.) [12].

В. П. Козлов опубликовал список 34 реестров рукописей, присланных в 1791—1798 гг. в Синод из разных подведомственных ему учреждений. Исследователь нашел их в коллекции Н. П. Дурова (ГБЛ, ф. 96, д. 101), которые владелец приобрел в 1870 г. при распродаже собрания А́. И. Сулакадзева [13]. В этом списке указаны ведомость (под № 5) и два реестра (под № 4 и 19) 1791 г., поступившие в Синод из Троице-Сергиевой лавры и ее Семинарской библиотеки от имени московского митрополита Платона. В ведомости упоминается о снятии копий (списков) с трех троицких рукописей и их отсылке Екатерине II. В «реестре» под № 19 имеется описание пяти рукописей, включая № 35 (230) Летописец, писанный полууставом на пергамене: «Оный летописец начинается от лета мироздания 3368-го (так.— *Л. М.*) и кончается по лето того же мироздания 3913-е (так.— *Л. М.*). В нем, кроме действий российских князей, воеваний их на Царьград, Смоленск и разные российские грады, описывается их рождение, строение... пришествие ратью на русскую землю Едигея, чем оный летописец и оканчивается. Листов в нем 371...» Козлов отмечает, что в этом «реестре» содержится наиболее полное из известных описаний пергаменной Летописи 1408 г., против копии которого на полях имеется поздняя пометка: «В[зято]». На основании показаний Е. Болховитинова [14] и И. Н. Болтина [15], он предполагает, что какое-то время после 1791 г. в руках обер-прокурора Синода А. И. Мусина-Пушкина были два пергаменных памятника: Лавр, и, вероятно, Тр.— «летописи Нестора гораздо старее и исправнее столь уважаемого Кенигсбергского списка», поступившей в Московскую синодальную типографию в 1779 г. Она значилась в реестре книг Синода и реестре книг, принадлежащем Мусину-Пушкину, которые были составлены в конце XVIII в.

Нами проведен поиск дошедших до нас рукописей исторического сочинения конца XVIII в., авторами которого были Барсов и Чеботарев. Удалось обнаружить 9 рукописей, составляющих две трети неоконченного труда 1783 г. (до 1380 г.) и 1796 г. (до 1409 г.). Они находились в фонде Эрмитажного собрания, представляющего собой источники, собранные для занятий Екатерины II историей; написаны на основе различных летописных памятников с привлечением Тр. Подтвердив в данном случае это весьма важное положение Моисеевой, нельзя согласиться с тем, что Барсов и Чеботарев широко использовали в своем труде пергаменную летопись начала XV в. Она была вспомогательным материалом в этом труде. Рассмотрен также вопрос о летописных источниках «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина за период конца XIII — начала XV в., где Тр. послужила для историографа основным материалом [16].

Таковы коротко итоги изучения темы о бытовании Тр. до ее исчезновения из научного оборота. Они достаточно плодотворны, но ряд вопросов остаются открытыми и спорными. Явно постановочный характер носит важный вывод о Тр. или ее копии как источнике «Записок касательно Российской истории». Требуется самостоятельное разыскание. Автор настоящей статьи предпринимает такую попытку.

В нашем распоряжении имеется публикация «Записок» с обширным Приложением, включая Опись материалов, послуживших источниками этого незавершенного сочинения Екатерины II, и Примечаниями ее издателя А. Н. Пыпина [17]. Об источниках, которыми располагала Екатерина II, свидетельствуют описи Эрмитажного собрания, начало которому практически положила коллекция Кабинета императрицы, сформированная в середине 60-х — середине 90-х годов XVIII в. В отчете Публичной библиотеки за 1852 г., куда была передана тогда часть Эрмитажной библиотеки, записано: «Собрание хранившихся в Эрмитаже рукописей почти в полном составе... среди них многочисленное собрание летописей, хронографов и исторических сказаний, большею частью в списках, снятых в конце прошлого столетия для императрицы Екатерины II и для историка князя Щербатова с подлинников, рассеянных тогда по библиотекам монастырей и частных лиц» [18]. Думаем, что интересный материал для размышления дают уже проведенные ранее изыскания и новый предпринятый автором поиск.

Начнем с вопроса об основных летописных источниках «Записок» и об отражении в них текста Тр. В целом главным источником описания событий в «Записках» служат летописи, и изложение материала в них проведено в пределах хронологических статей с сохранением в основном содержания и стиля летописных статей. Ко времени начала работы над этим сочинением и в процессе ее (по 1796 г.) в Кабинете Екатерины II для ее занятий было собрано значительное количество летописей (и их копий) и многих других источников и литературы как русских ав-

торов (Татищев, Ломоносов), так и иностранных (Кипам, Далип и др.). В числе их были вспомогательные сочинения, составленные преимущественно из текстов разных летописей и выполненные по заказу императрицы, как, например, упомянутый выше труд Барсова и Чеботарева, «Выпись хронологическая из истории Русской», «Выпись краткая современников Игоря от 879 по 945 год», «Разные происшествия, случившиеся в королевстве Польском и в Великом княжестве Литовском, выбранные из летописцев имянитыми гражданами витебскими...» (пер. с поль.), «Свод летописей с начала царствования великого князя Ивана Васильевича с 6970-го по 6982-й год», Реестры с данными о князьях «рода Рюрикова», полученные из «Летописца Новгородского», «Выписка из летописей о вел. кн. Дмитрии Ивановиче Донском» и т. д.[19] Источники, собранные для «Записок», находятся в Исторической коллекции Эрмитажного собрания, которое хранится в ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Как уже упоминалось выше, в ее составе содержатся, в частности, материалы из инвентарной описи рукописей названного собрания конца XVIII в., обнаруженной Д. Н. Альшицем [20]. О пересылке в распоряжение Екатерины II рукописей (или их копий) могут свидетельствовать и сохранившиеся отдельные реестры архивов и библиотек монастырей различных епархий, в том числе Троице-Сергиевой лавры [21]. Некоторые из них были включены в опись Эрмитажного собрания конца XVIII в. (№ 245, 247). В этой ранней описи, составленной после смерти Екатерины II, названы также интересные для нас: № 15, в лист — Летописец князя Кривоборского (Владимирский летописец, далее — Вл.), № 17 — Харатейный Новгородский летописец (далее — HI), № 22 — Псковская летопись за 862—1646 гг., № 24 — Выписка из Алатырского летописца за 1222—1347 гг. (список Воскресенской летописи, далее — Воскр.), № 79 — «Татищева летопись» и др. Отметим отдельно № 16 — «Летописец Новогородский», который в современной описи, опубликованной в 1967 г., определен под № 10 как копия второй половины XVIII в. Московского свода 1480 г. (далее — МС), изданного по другому списку в ПСРЛ, том 25 [22]. В бумагах императрицы упоминаются, например, такие летописи, как «Русская летопись по Никонову списку, печ. в Санкт-Петербурге, 1767—68; Библиотека российская... 1767; Царственный летописец... 1772; Древний летописец... 1774; Царственная книга, т. е. царствование царя Иоанна Васил[ьевича], 1769» [23].

В семи томах «Записок» текст (выборки) сопровожден редкими примечаниями, некоторые из них касаются источников описываемых событий. Но эти примечания, как правило, «глухие», т. е. не имеют указаний на конкретную летопись, автора сочинения и т. п.: «писатели сказывают», «российские писатели сказывают», «летописцы говорят», «летописцы кладут Корсунь», «летописец новгородский говорит», «по сказаниям», «новгородский летописец сказывает», «российские древние писатели, както Иоаким и Нестор», «Плиний сказывает», «Нестор точно ска-

зывает», «по сказанию Абульгази», «Летописцы Литовские», «Кормчая книга», «в Ливонской хронике написано», «сия грамота» и т. д.[24] «Записки» написаны на основе разных летописных источников. Об этом говорит не только факт наличия в руках императрицы большого количества летописей или сводных летописных сочинений. Обследуемый труд имеет повторы и смещение в расположении статей, обнаруживая дополнение известий одной летописи другой[25]. Это подтверждает характер указанных примечаний к его тексту. Вместе с тем, по всей вероятности, можно думать, что Екатерина II в целом придерживалась преимущественно текстов одной небольшой группы летописных памятников (в литературе отмечено влияние на «Записки» Синопсиса)[26]. Для решения выдвинутой задачи, т. е. выявления в «Записках» текстов Тр., нами проведен сравнительно-текстологический анализ данного труда и «троицкой» семьи сводов в пределах с 1276 по 1393 г., (т. е. до конца). За конец XIII — начало XV в. Тр. была главным источником Карамзина, и он оставил за этот период наибольшее число выписок из данной летописи, которые являются для нас основным сопоставляемым материалом. Сам факт использования в «Записках» более ранних летописей наряду с их пространными и поздними разновидностями не вызывает сомнения. Судя по Примечаниям к изучаемому труду, Екатерина II сравнивала материал источников («летописцы разно говорят», «другие полагают»), упоминала особо Нестора и других «древних писателей», отмечала, что «летописцы старинные сказывают»[27] и т. п. Сравнительно-текстологическое обследование за указанный период показало, что среди летописных источников «Записок» были прежде всего Никоновская летопись (далее — Ник.), а также HI, МС и Воскр.

Г. Н. Моисеева указывает, что Ник. была их основным источником после 1408 г., а до этого — Тр. Но проведенное ею выборочное сравнение с трудом Приселкова «Троицкая летопись» недостаточно. Необходимо принимать во внимание существование «троицкой» группы памятников, т. е. самой Тр. (в отрывках) и наиболее близко отразивших ее традицию Симеоновской (далее — Сим.) летописи, Рогожского летописца (далее — Рог.) и Ник. Иначе говоря, в названных памятниках летописания читается общий и, более того, часто идентичный текст. При этом, располагая определенными сведениями о том, что Тр. была в распоряжении Екатерины II, мы не имеем прямых ссылок на ее использование в «Записках». Допуская вероятность такого использования, исследователь испытывает трудности для выделения в этом труде ее материала. Достаточно определенно говорить о материале Тр. в «Записках» можно (с учетом некоторого сокращения и поновления в них текста) только при условии, очевидно, прежде всего одинаковых с ними записей у Карамзина, в Сим. и Рог. (последние летописи не были известны в XVIII в.), которые имеют отличия в Ник., МС и Воскр. Соблюдая данное условие, автору удалось выявить такие сходные тексты названных источников.

Но в начале разберем все указанные Моисеевой примеры использования Тр. в «Записках» [28].

1196 г.— о женитьбе кн. Константина Всеволодовича (с точной датой). Согласно Карамзину, такое сообщение имела Тр., которое сходно с Сим. А в «Записках» имеется дополнительное указание на имя дочери кн. Мстислава Романовича — Агафьи, которая стала супругой сына вел. кн. Всеволода.

1206 г.— о смерти княг. Марии, супруги вел. кн. Всеволода. По данным Карамзина, упомянутое известие было написано одинаково в Тр. и Ник.

1230 г.— о мире вел. кн. Юрия с волжскими болгарами. В «Записках» названное сообщение по сравнению с выпиской Карамзина из Тр. и Сим. сопровождено неизвестными этому сочинению сведениями о присылке болгарским князем богатых даров вел. кн. Юрию, встрече послов и т. п.

1296 г.— о татарской рати Неврюя. Глухая выписка Карамзина и более подробная запись Сим. об этом событии не соответствуют целиком здесь рассказу «Записок».

1298 г.— о походе кн. Федора Ростиславича на Смоленск против «братанича своего князя Александра Глебовича Смоленского». Карамзин не оставил выписки о последнем известии, Сим. имеет тут несколько иной текст.

1302 г.— о смерти кн. Ивана Переяславского и связанных с ней событиях. Данное сообщение «Записок» наиболее близко Ник.

1302 г.— о поездке вел. кн. Андрея в Орду. То же самое. В обоих последних случаях выписки Карамзина из Тр. и Сим. сохраняют присущие им особенности текстов [29].

Что касается общего замечания Моисеевой о «перекрытиях» «Записками» кратких летописных сообщений в выписках Карамзина из Тр. до 1393 г., в том числе в отношении описания тверских и ростовских событий, то это скорее говорит не о сокращении историографом материала Тр., а об использовании Екатериной II других источников, включая Ник., известную богатством тверского материала.

Теперь обратимся к выделенным нами текстам и оговорим особо, что в «Истории Российской» В. Н. Татищева, материалами которой пользовалась Екатерина II, читаются заключенные в них известия в записях, сходных с Ник.[30] В перечисленных далее случаях имеет свои особенности и Вл.

1277/78 г.— О смерти кн. Бориса Васильевича в Орде и его захоронении в Ростове (с точными датами). Здесь «Записки» близки только к глухой выписке Карамзина; Сим. и Ник. имеют несколько другую запись о событии, а МС и Воскр. сокращают ее.

О походе вел. кн. Дмитрия Александровича из Новгорода на Корелу. Такое сообщение дает под 1277 г. со ссылкой па Тр. Карамзин. «Записки» ошибочно дополняют его известием о взятии тогда Дедякова Ясского. Во Вл. нет сведения о Новгороде; Ник. тут сходна с Тр., но помещает данный текст под 1278 г.

МС и Воскр. опускают сообщение о походе на Корелу; НI пишет об этом иначе и тоже под 1278 г.[31]

1278/79 г.— О смерти княг. Евдокии, супруги кн. Владимира (Константиновича) в Угличе поле. Данное известие «Записок» соответствует выписке-пересказу Карамзина; Вл. и Ник. называет княгиню Овдотьей; МС и Воскр. имеют другую запись[32].

О «недуге» зимой среди многих людей. Тексты выписки Карамзина и сопоставляемых летописей в этом месте сходны, но Вл. не упоминает о людях, Ник.— указание на «зиму», которое имеется в «Записках»[33].

1280 г.— О смерти кн. Давыда Константиновича (с полной датой). Наиболее близкое чтение дает выписка Карамзина, Сим., МС, Воскр.; Вл. и Ник. не знают даты события, которая несколько сокращена в названных источниках[34].

1290 г.— О постройке в Твери каменной церкви св. Спаса Преображения и ее «великом священии» еп. Андреем (с точной датой). Такую выписку Карамзина Приселков отнес к тексту Тр., так как в летописях, кроме Сим, и Вл., нет указания на «великое священие», а в Ник. к тому же отсутствует и дата[35].

1291 г.— О пострижении княж. Софьи, дочери вел. кн. Ярослава, в иноческий чин в Девичьем монастыре (с точной датой). Это известие сходно с выпиской Карамзина и Сим.; МС, Воскр, не знают его, в Ник. нет даты[36].

1313 г.— О поздке митр-та Петра с вел. кн. Михаилом в Орду к новому хану Узбеку. В отличие от сравниваемых летописей (включая и Вл.) у Карамзина и в Сим., как и в «Записках», отмечено, что «царь Озбяк обесерменился»[37].

1331 г.— О смерти вел. княг. Елены, супруги вел. кн. Ивана Даниловича (с точной датой). Сходную запись о событии имеют выписка Карамзина и Сим., Ник. опускает дату, МС и Воскр. излагают его под 1332 г. и иначе[38].

1337 г.— О пожаре в Москве, в котором сгорело 18 церквей (с точной датой). Близкое сообщение имеют Сим., Рог. выписка Карамзина (правда, в ней указано не 3 июня, а 13); МС, Воскр. и Ник. опускают дату[39].

1339 г.— Об убийстве «братаничем» Василием сыном Пантелеева козельского кн. Андрея Мстиславича (с точной датой). Подобное сообщение находим у Карамзина, в Сим. и во Вл.; МС и Воскр. имеют иную запись, в последней указан июнь, вместо июля; Ник. опускает известие[40].

1340 г.— О смерти вел. кн. Ивана Даниловича (с точной датой). В этом известии Ник. по сравнению Сим. тоже не дает дату; Вл. имеет отличия; в МС и Воскр. другая запись, которая читается под 1341 г.[41]

1345 г.— О смерти вел. княг. Анастасии (с точной датой). Данное известие «Записок» наиболее близко изложено у Карамзина; Сим. и Рог. имеют полную дату; Ник. опускает ее целиком; Воскр. сокращает запись[42].

1349/50 г.— О рождении у вел. кн. Семена Ивановича сына Михаила (с точной датой). Здесь Ник., в отличие от Тр. и Сим., также не знает даты; Вл. пишет об этом под 1350 г.; МС и Воскр. опускают известие о княжиче Михаиле [43].

1350 г.— О рождении у кн. Ивана Ивановича сына Дмитрия (с точной датой). В этом сообщении Сим. имеет полную дату; Вл. и МС несколько сокращают запись и дают ее, как и Воскр., под 1351 г. «Записки», как и Воскр., указывают на время года, но во втором случае названы Иван великим князем, а Дмитрий — Донским, а также месяц и число. Ник. не упоминает, что событие произошло осенью. Карамзин оставил сходную выписку с точной датой [44].

1365 г.— О смерти кн. Андрея Константиновича Суздальского (с точной датой). Сим. имеет здесь полную дату, Карамзин вместо 2 июня указывает 2 июля, МС и Воскр. дают расхождение в чтении записи, в Ник. отсутствует дата события [45].

1367 г.— О смерти тверского еп. Феодора (с точной датой). Общее известие об этом событии Тр., Сим., Ник. и «Записок» отличается полнотой записи; Ник. опускает, Сим. называет открытую дату. Наиболее близкое «Запискам» изложение события у Карамзина, но имеется расхождение в дате, в первом случае описка — указано 21 марта (вместо 20) [46].

1374 г.— О смерти в Москве последнего тысяцкого Василия (с точной датой). Сходное чтение этого известия содержат выписка Карамзина, Сим., Рог. и «Записки». Правда, Карамзин сокращает иноческое имя Варсонофий; МС имеет несколько иную запись; Воскр. называет Василия сыном Протасьевича вместо Вельяминовича; Ник. опускает дату [47].

1389 г.— О пожаре в Москве (с точной датой). Подобная запись известия у Карамзина и в Сим.; в Ник., МС и Воскр. оно читается несколько иначе, в одном случае нет упоминания о Кремле, а в другом — о церкви св. Афанасия; Вл. не знает об этом пожаре [48].

На наш взгляд, все указанные тексты дают известное основание предполагать, что в разбираемом труде в качестве одного из летописных источников была Тр. Это привлечение, наверное, носило эпизодический характер и имело место в тех случаях, когда Тр. давала по сравнению, в частности, с Ник. (или другим главным источником «Записок») дополнительные показания к общим сообщениям или опущенное ими известие. Установить использование в «Записках» сочинения Барсова, Чеботарева, где Тр. послужила сравнительным материалом, не удается. Следует иметь в виду сокращенный вариант передачи Екатериной II, Барсовым и Чеботаревым описания событий в летописях и незначительное количество материала (в том числе в черновике) в сочинении московских профессоров, который можно отнести к Тр. Заметим также, что одна часть (до 1380 г.) названного сочинения была отослана в Петербург в 1783 г., другая (до 1425 г.) — в 1794—1795 гг. (В описи рукописей Эрмитажного собрания конца

XVIII в. они записаны под № 56 и № 128 — в четверку) [49]. В 1796 г. Екатерина II умерла и вряд ли успела ими, во всяком случае полностью, воспользоваться. В одном из писем, датируемом августом 1794 г., она упоминала, что ее работа над летописями идет медленно и она остановилась на 1368/69 г.[50] Поэтому трудно допустить опосредственное, через труд Барсова, Чеботарева, влияние Тр. на «Записки».

В результате сравнительно-текстологического обследования «Записок» за 1276—1393 гг. обнаружены лишние московские, тверские, нижегородские и другие известия и дополнительные чтения к известным сообщениям по сравнению с материалами примечаний Карамзина, Сим., Рог., Вл., МС, Воскр. и Ник.[51]. Не исключено, что некоторые из них принадлежали тексту Тр. Но это предмет особого изыскания (необходимо определение всего круга источников «Записок»).

Переходим к рассмотрению вопроса о возможности снятия копии с Тр. (состояние рукописи которой неудовлетворительно) для личного собрания рукописей императрицы. Начнем с того факта, что составление каталогов и собирание рукописей по архивам и библиотекам монастырей и частных лиц, проходившее по указам императрицы и распоряжениям Сената и Синода в 1767, 1778, 1791 гг. с целью подготовки (после соответствующего отбора) к печати, сопровождались нередко снятием с них копий. Так, в 1778 г. Синод получил распоряжение печатать летописи, «списав под смотрением надежных людей копии с тех рукописей, которые к разобранию были бы подвержены затруднению» [52]. Некоторые из них пересылались в Петербург и «оседали» в Кабинете Екатерины II. Пополнение этой коллекции осуществлялось и по отдельным запросам императрицы, в которых встречаются и прямые указания о снятии копий с привлекших ее внимание рукописей. В руках «державного историка» побывало 150 летописцев, в том числе в «списках» [53]. (По описи 1958 г., их осталось 50 [54], остальные еще при жизни Екатерины II были возвращены в прежние библиотеки, или были отданы в дар и обмен крупным коллекционерам, или переданы потом в другие хранилища.) Широкое копирование рукописей было тогда весьма распространенным явлением, почти практикой (к которой в своей работе прибегали крупные историки). Упомянем здесь и о специальном указе от июня 1804 г., свидетельствующем о праве пользования вновь организованного Общества истории и древностей российских рукописями оригинальных русских летописей и хронографов, хранившимися «частью в Государственном архиве иностранных дел и С.-Петербургской Академии наук, частью в Патриаршей и Типографской Синодальной библиотеках, в Троицкой лавре и других монастырях», с которых «для сохранения их в целости» предписывалось снимать точные копии (списки), и только при заготовке таких «списков с лучших летописей» приступать к их изданию [55]. Из числа 429 рукописей, внесенных в описание Эрмитажного собрания конца XVII в., многие записаны как

списки, включая копии Харатейной Новгородской летописи, Летописца Новгородского до 1473 г. (в лист, № 18), Летописца о многих мятежах (в лист, № 43), рукописей, касающихся до Российской истории (на нем. и рус. яз., в лист, № 89), Аркадьевского летописца из Типографской Библиотеки, книги Степенной великих князей Российских (в четверку, № 4) и т. п.[56] Представляет интерес наличие копии с Ник. Троице-Сергиева списка (вторая половина XVIII в.), которая упоминается под № 7 в современной описи Исторической коллекции того же собрания. В целом в обеих названных описях зарегистрировано несколько троицких рукописей, среди них еще три названы «списками» — Летопись Авраамия Палицына, История о Сибирском царстве, «Сказание, что делалось в дому св. живонач. Троицы...»[57] Упоминания о Тр., которая вместе с другими рукописями лавры находилась, очевидно, какое-то время в Петербурге, тут нет. Г. Н. Моисеева видит эту «интересующую» ее летопись в описи конца XVIII в. под № 13 — «Из Троицкой лавры Большого летописца. Часть 1-я, 2-я и 3-я». Это предположение вызывает возражение. Подобное название рукописи № 13 не имеет близкой аналогии в известных нам описаниях пергаменной летописи начала XV в. Кроме того, в данной описи указывается на харатейность регистрируемых рукописей, а в разбираемом случае такое показание отсутствует[58]. Представляется, что рукопись № 13 является копией в трех частях Ник., которая значится в современной описи под № 7. Две ее части имеют на переплете белые наклейки с надписью: «Из Троицкой лавры Большого летописца»[59]. О настоящем летописце упоминается и в дневниковых записях секретарей Кабинета Зимнего дворца 1793—1795 гг., повествующих о собранных там материалах, служащих источниками для Екатерины II в ее исторических упражнениях. Здесь он назван под № 11 — «Троицкий летописец, Часть 1 и 3-я in folio».

По данным описи «Книг в Кабинете Зимнего дворца мая 19-го дня 1795 г.» отмечено: «на столе подле бюро» — «Из Троицкого большого летописца. Часть 1 и 3-я», а по такой же описи от 13 августа 1795 г.: «на боковом бюро в 1-м ряду» — «Троицкого большого летописца. Часть 2-я in 4°»; «в третьем ряду» — «in folio Троицкого летописца. Часть 1 и 3-я»[60]. Мы имеем упоминание об этом источнике и в протоколах заседания Археографической комиссии от марта 1838 г. Здесь он указывается, как и в описи Эрмитажного собрания конца XVIII в., под № 13 и характеризуется как «Список с Троицкой лавры Большого летописца», который «начинается Повестью временных лет и оканчивается 1550 г.» (Донесение председателя комиссии М. К. Коркунова о 429 рукописях, обнаруженных им при осмотре библиотеки Эрмитажного собрания)[61]. Но в дневниковой «Записке» от 5 сентября 1793 г. среди книг «на столах» отмечена рукопись, представляющая собой «сокращение из летописи Троице-Сергиева монастыря до 1533 г.». По всей вероятности, она соответствует № 14 описи Эрмитажного собрания конца XVIII в. (Сокращенный ле-

тописец. Из Летописца Троице-Сергиева монастыря. О делах и подвигах великих князей Российских) и протоколов Археографической комиссии 1838 г. (Список краткого Русского летописца, припадлежащего Троице-Сергиевой лавре). Такое совпадение номеров рукописей не случайно. В обследуемой описи конца XVIII в. на первом листе имеется запись: «Сей каталог рукописям заменен другим, составленным в 1838 г.»[62]. Вместе с тем Н. Мурзакевич, подготовивший издание дневниковых записей секретарей Кабинета Зимнего дворца, писал, что в них упоминаются рукописи, которые, по его мнению, наверное, не знал Карамзин. И среди них указываются (после № 11 — «Троицкого летописца. Часть 1 и 3-я») под № 12 — «Выписки из Троицкого летописца»[63]. Это может быть уже названная рукопись № 14 или выписки из рукописи № 11, но не исключено — из Тр. В разных вариантах упоминается «Древний летописец», например, «Летопись древней российской истории. Прибавление к сей летописи», указана «Выписка из Несторова летописца и собственноручные исторические записи», названия которых нуждаются в «расшифровке». Что касается сомнения Мурзакевича о возможном неведении Карамзина о некоторых летописях, находившихся в распоряжении Екатерины II, то оно полностью не подтверждается. (Он знал, например, указанные им Воскр., летопись Кривоборского[64].) Добавим к вышесказанному еще, что в дневниковых записях перечислены не все имевшиеся в 90-х годах XVIII в. в Кабинете Зимнего дворца материалы коллекции рукописей. В них говорится о наличии там специальных «сундуков», в том числе «сундука» с 17 рукописями, записанными в «особливый реестр» (в котором названа, в частности, рукопись под № 4 — «Княжение великого князя Василия Дмитриевича с 1370 по 1418 г.»)[65].

Следует более определенно уяснить местонахождение Тр. после 1768 г., связанное с описанием и отправкой данной рукописи из Троицкой семинарии, затем с возвращением обратно в семинарскую библиотеку, где ее обнаружил в начале XIX в. Н. М. Карамзин. У нас нет прямых сведений об отсылке в 1768 г. Тр. из лавры по первому запросу из Петербурга. Нельзя не учитывать, что она была вычеркнута из составленного тогда реестра рукописей, отобранных во исполнение этого запроса. Что касается находящегося на хранении в ЛОИИ «Реестра» Синода с упоминанием среди 10 рукописей под № 4 Тр., то, думается, речь идет о «Реестре», составленном после указов от ноября 1778 г. на основании присланных из разных епархий и монастырей списков-ведомостей книг, в том числе из Троице-Сергиевого монастыря. В январе 1779 г. в Синод от архимандрита лавры Платона была выслана опись 15 троицких рукописей, включая Тр. под № 4[66]. В делах монастыря был оставлен документ 1778 г. «Об отыскании в лаврской библиотеке касающиеся Российской империи летописцев, примечания достойных»[67]. В «Реестре, учиненном из присланных епархий и монастырей ведомостей» уже было указа-

но, что упомянутые в нем книги «Синодом определено к изданию в печать рассмотреть Синодальному члену преосвященному Московскому». До ЛОИИ этот документ (или подобный экземпляр), может быть, хранился в БАН среди автографов и рукописей Екатерины II, и он является своего рода копией документа, посланного в Москву[68]. Думается, вслед за этим в сентябре 1779 г. директор Московской типографии А. Пельский прислал в Синод реестр рукописей, предназначенных к печати (с предварительным их рассмотрением)[69]. В феврале 1779 г. Тр. в числе 7 троицких рукописей под № 3 поступила от ректора семинарии в распоряжение митрополита Платона, который передал их директору Московской Синодальной типографии. Возможно, в связи с отсылкой из лавры Тр. была сделана тогда и указанная выше пометка в первом семинарском Каталоге книг: «См. дело № 4 1779 г.» (В «Реестре» Синода 1779 г. он имеет, как упоминалось, № 4). Этой летописи нет в Каталоге семинарской библиотеки 1781 г., который заменил Каталог 1762 г.[70] К сожалению, Кочетов не дает ссылки на документ, говорящий о поступлении 7 троицких рукописей именно в Москву, хотя это наиболее вероятно. Через 12 лет, в октябре 1791 г., 13 рукописей, присланных из лавры по прежнему указу, были высланы Платоном из Москвы в Петербург, в том числе три книги в копиях. В дневнике секретаря Екатерины II А. В. Храповицкого имеется запись от 29 октября 1791 г.: «Получены вновь Летописцы от митрополита Платона, и мне два раза подтверждено, чтоб скорее переплесть»[71]. Тр. упоминается в числе четырех других троицких рукописей под № 35 (230) в реестре № 19 Московской Типографской конторы, посланном в Синод в ноябре 1791 г. и составленном на основании присланных книг из Синодальной, Типографской и разных консисторий библиотек. Названная выше приписка, которая читается в реестре № 19 на полях против Тр.: «В[зято]», может говорить о выдаче тогда рукописи во временное пользование, о котором писал А. Ф. Бычков, или о работе над ней. В фонде 270 ЦГАДА под № 45 числится копия «Реестра» находившихся у тайного советника, обер-прокурора Синода А. И. Мусина-Пушкина книг по русской истории. Здесь указаны, в частности, рукописи из Троице-Сергиева монастыря, в том числе под № 35/230 «Летописец исторический», известный нам по Реестру № 19 как Тр. Он внесен в сохранившийся в бумагах Мусина-Пушкина под № 46 «Реестр, сочиненный при св. Синоде из присланных в оный по высочайшему ея императорского величества повелению из разных духовных мест книг» (не ранее 1791 г.). Реестр содержит 205 названий, и Тр. имеет тут № 114 («Летописец, писанный на пергамене», который оканчивается описанием «пришествия с войсками на Рускую землю Едигея»)[72].

Таким образом, в соответствии с имеющимися в настоящее время данными у нас нет оснований писать определенно о нахождении какое-то время Тр. в Петербурге, но предполагать, что она

была там и тем более о снятии с нее копии для Екатерины II, вполне правомерно. Кроме разобранных материалов, в том числе непосредственно относящихся к коллекции Эрмитажного собрания, в литературе опубликованы и другие дела и документы, свидетельствующие об интенсивной пересылке в Петербург рукописей или их списков по разным каналам, как ведомственным, так и частным (Мусин-Пушкин, Болтин, Барсов, Крекшин и др.). Так, опубликованы выписки входящих и исходящих документов Московского архива Министерства иностранных дел за 1783—1784 гг., говорящие об отправке Екатерине II вытребованных ею из этого хранилища большого количества (в ящиках) исторических рукописей, их копий (и возвращении этих рукописей) [73]. Среди них указаны миллеровские и троицкие рукописи, как, например, «Выписки из старых летописцев в 14 пиесах, сочинение г-на Миллера», «Выписка из Несторова летописца и его продолжателей по 1024 г. на 86 стран.», «Выписка на немецком языке из Летописца Троице-Сергиева монастыря, 2 главы, на 6 стр., копия рукописи № 6». (Заметим, что под этим номером в ЦГАДА ф. Г. Ф. Миллера, портфель № 150, сегодня значится сделанная историографом выписка из Тр. на трех листах.) Необходимо также иметь в виду, что большая часть собираемых по указам Екатерины II по всей России рукописей (и их реестры) с целью их издания поступала в Синод, который должен был «из него (реестра.— *Л. М.*) взнести к ея императорскому величеству» [74]. Известно, что только с 1791 по 1798 г. описано и выявлено около 600 рукописей; приблизительно половина из них была прислана в Синод [75]. Следует при этом принять во внимание и отмеченное Г. Н. Моисеевой свидетельство Карамзина о пересылке Екатерине II всех исторических книг Троице-Сергиева монастыря. Прямым подтверждением высказанного выше предположения служит допущение об использовании в «Записках», написанных Екатериной II, материала Тр.

Для прояснения разбираемого вопроса представляет интерес определение точного времени работы над Тр. Г. Ф. Миллера, А. А. Барсова, Х. А. Чеботарева и связанного с ней копирования текста рукописи этой пергаменной летописи. Как уже отмечалось, существует два мнения о времени сличения Миллером начальной части Тр. с печатной Кенигсб.— непосредственно вскоре после выхода последней в свет (Приселков, Моисеева) и после 1779 г. (Кочетов). Издание Кенигсб. осуществлено при Академии наук в Петербурге в 1767 г. И. С. Барковым. Первоначально в подготовке его принял, очевидно, участие и Миллер. В архиве Миллера (ЦГАДА, ф. 199, № 248, д. 1) имеется «Связка, заключающая в себе дела, касающиеся до Академии наук», где на втором листе по поводу этого записано: «...то издание упомянутой российской библиотеки поручается особливо канцелярии советнику и унтер-библиотекарю Тауберту с конференц-секретарем и профессором г. Миллером» (май 1759 г., копия). Но в марте 1765 г. Миллер переехал в Москву, а год спустя он работал уже

в Московском архиве Иностранной коллегии[76], в котором вскоре стал управляющим. Здесь до сих пор хранится названный экземпляр Кенигсб. Поэтому Миллер, по всей вероятности, не мог иметь в своем распоряжении Тр. до 1778 г. (если она или ее копия все-таки была в Петербурге с 1768 г.). В 1778 г. он побывал в Троице-Сергиевой лавре[77]. В Москве, по общему мнению, Тр. появилась в 1779 г. В связи с этим Миллер имел возможность работать над Тр. в течение 4—5 лет, с 1779 по 1783 г., когда он умер. А может быть и меньше. В 1782—1783 гг. он выезжал в археографическую экспедицию в Московскую губернию.

По поводу сохранившейся копии начальных листов Тр., снятой Миллером, следует высказать предварительное суждение, что она представляет часть проведенной им работы по копированию пергаменного памятника в качестве списка или отдельных выписок-извлечений, как историограф обычно поступал в отношении иных летописей и других источников. В «Портфелях Миллера», где находятся собранные им многочисленные материалы и документы, имеются списки летописей и выписки из них за отдельные отрезки времени (на рус. и нем. яз.). Иногда они переплетены в «книги», содержащие извлечения из разных источников[78]. Кроме справедливо указанного Г. Н. Моисеевой факта, что скопированные ученым листы с Тр. являются отрывком какого-то «дела» (может быть, связка выписок из летописей), следует обратить внимание и на другие моменты. Этот отрывок-копия имеет архивное название «Исправный список первых листов Нестора летописца на 3-х листах» (открывающийся словами: «Повести временных лет. Откуда...»), который обрывается на фразе: «...и быша три братия...». При этом половина последнего листа оставлена пустой[79]. Что касается сверенного Миллером текста Тр. с печатной Кенигсб., то он превышает более чем в два раза объем известной нам ее копии на трех листах; варианты и разночтения Тр. на полях Кенигсб. читаются до изложения статьи 898 г., а точнее — тоже обрываются в начале большого абзаца о словенах[80]. Сказанное выше дает вполне определенное основание допускать, что Миллер планировал более обширную работу над Тр., которая могла прерваться в связи с его смертью и, наверно, сохранилась или обнаружена не вся. Имеется в виду снятая им копия.

В 1784 г. опись архива Миллера, состоящая из 11 реестров, была отправлена для ознакомления в Петербург Екатерине II, которая затем представила список заинтересовавших ее материалов. Снятые с них копии были высланы ей; среди них преобладали летописные и исторические статьи, выписки из старых летописцев о событиях по русской истории[81]. Это еще один из возможных путей, через который копия Тр. или выписки из нее могли оказаться у императрицы. Упомянем здесь находящиеся в Эрмитажном собрании (нем. яз.), к примеру, «Выписки из русских летописей, хранящихся в Портфелях Миллера под № 12 за время Рюрика до 1704 г.» (1784 г.), где содержатся названные

ранее «Выписки из Несторова летописца и его продолжателей по 1024 г., на 86 стран[ицах]» (Летописец Сильвестра, игумена монастыря св. Михаила) или «Выписка из Летописца из Троицкого-Сергиева монастыря, 2 главы, на 6 стр[аницах]» [82].

Констатируя проведение работы Миллером над Тр. до 1783 г., необходимо учитывать, что к этому году Барсов и Чеботарев написали (и переслали в Петербург) часть заказанного им Екатериной II сочинения по русской истории (до 1380 г.), где была привлечена в качестве вспомогательного источника данная пергаменная летопись. Следовательно, после 1779 и до 1783 г. Тр. использовалась в Москве не одним ученым, в обоих случаях — или в одном — она могла находиться в работе как летописный список — копия. Отметим, что, по сведениям Барсова и Чеботарева, они имели в своих руках такие источники, как копии Никоновской и Псковской летописей [83]. В 1795—1796 гг. Чеботарев, продолживший один выполнение заказа императрицы после смерти Барсова, прервал написание сочинения, доведя его до 1425 г. А Тр. оказалась, очевидно, в лавре не позднее начала XIX в., если учесть даже возможную отправку оригинала или ее копии митрополитом Платоном вместе с другими троицкими рукописями в Петербург в 1791 г. Она находилась в семинарской библиотеке тогда недолго; начиная с 1804 г. данная пергаменная летопись поступила в распоряжение Карамзина. Но до гибели Тр. в московском пожаре она была вытребована из троицкой семинарии во вновь созданное Общество истории и древностей российских, в котором в 1804 г. приступали при участии Х. А. Чеботарева и Н. Е. Черепанова к подготовке издания Лавр. с подведением вариантов по Тр. и Кенигсб. Как известно, первое издание пергаменной летописи XIV в. было неполным, проходило медленно и прекратилось в 1811 г., когда новую работу по подготовке и сличению текста Лавр. начал (и тоже не закончил) Р. Ф. Тимковский. В связи с рассматриваемым автором вопросом следует обратить внимание на тот факт, что работа по изданию Лавр. осуществлялась с копии ее рукописи (оригинал был выслан в Петербург). Так могло обстоять дело и с Тр. Как уже отмечалось ранее, согласно указу от июня 1804 г., Обществу разрешалось брать рукописи из разных хранилищ и вменялось в обязанность снимать точные копии с летописей, выбранных для издания [84]. Кроме того, Карамзин получил в 1805 г. официальную отсрочку на требование троицкой семинарии о возвращении пергаменной летописи начала XV в. в ее библиотеку для передачи Обществу [85]; и Чеботарев с Черепановым действительно могли проводить сопоставление Лавр. с Тр. по двум одновременно сделанным спискам (а может быть, по миллеровской или чеботаревской копии последней). У нас нет точных данных, когда Карамзин вернул Тр. в лавру; в 1810 г. он еще нуждался в ней, описывая княжение Василия Дмитриевича Московского, в период княжения которого и появился «Свод 1408 г.» [86]. Можно думать, что эта летопись была возвращена им к 1811 г. — по окончании

V тома своей «Истории» или несколько позднее (с учетом большого количества сделанных историографом выписок из нее). По донесению члена Общества М. Т. Каченовского от февраля 1812 г., рассмотревшего «отношения» духовных консисторий, в том числе правления семинарии Троице-Сергиева монастыря, устанавливается, что «Харатейный список Несторова Летописца № 105, находившийся у г. историографа Карамзина, ныне считается за Обществом истории и древностей российских» [87]. Не исключено при этом наличие у Карамзина собственной копии сравнительно небольшой Тр. (так же как существование у него копии такой летописи, как Лавр.).

Итак, находясь короткое время в научном обороте, с конца 60-х, а скорее всего с 70-х годов XVIII в. и до июня 1812 г., замечательный пергаменный памятник начала XV в.— Тр. была использована для исторических занятий Миллером, Барсовым и Чеботаревым, Екатериной II, Карамзиным, Черепановым и Тимковским (Татищев, Щербатов, Болтин, Шлецер, Стриттер, Каченовский не обращались к ней). Она была описана, копировалась (в частности, в виде выписок), ее материал послужил источником сочинений по русской истории, изучался, привлекался при сопоставлении с другими древними летописями для подведения разночтений и вариантов, в том числе при издании Лавр. Благодаря этому в целом до нашего времени сохранился значительный массив текстов Тр. Особенно много оставил выписок из нее Карамзин, первым наиболее глубоко оценивший данный памятник. Его Примечания к «Истории» с этими выписками, как известно, послужили основой реконструкции М. Д. Приселкова. В настоящее время мы вполне обоснованно можем говорить о вероятном существовании копии или копий — списков с Тр. (не только в виде сохранившегося миллеровского отрывка), сделанных в Москве и Петербурге во время работы над ней. Но, до тех пор пока такая копия не будет обнаружена (или найдено прямое свидетельство об этом), безусловно утверждать высказанное заключение преждевременно. Ввиду гибели в 1812 г. архивов и библиотек Общества истории и древностей российских, Карамзина, Мусина-Пушкина, Барсова, Чеботарева, Болтина круг ее розыска сравнительно небольшой. Но она (или данные о ней) могла сохраниться, например, в архивах Сената, Синода, Эрмитажа, Академии наук, Московской духовной академии, Г. Ф. Миллера, а также И. Э. Стриттера, М. М. Щербатова, Н. Н. Бантыш-Каменского (тесно связанных лично с Карамзиным и судьбой его архивного собрания). И поиск там копии Тр., думается, не бесперспективен.

[1] См., напр.: [*Арцыбашев Н. С.*] Повествование о России. М., 1838. Т. 1, кн. 1–2; *Миллер О. Ф.* О древнерусской литературе по отношению к татарскому игу // Древняя и новая Россия. Б., 1876. VII.II, № 5. С. 49–60; *Васильковский С.* Русская история в источниках: Пособие для сред. учеб. заведений. М., 1880. Ч. 1; и др.

[2] [*Оболенский М.*] Несколько замечаний для издателей русских летописей // Сборник князя Оболенского. М., 1840. № 11. С. 1–51.

[3] *Приселков М. Д.* Троицкая летопись: Реконструкция текста. М.; Л., 1950. Введение. С. 8–10, 15–16.
[4] *Кочетов С. И.* Троицкий пергаменный список летописи 1408 г. // Археографический ежегодник за 1961 г. М., 1962. С. 18–24.
[5] *Леонид.* Новые сведения о Троицком списке Несторовой летописи, погибшей в московском пожаре 1812 года // ЧОИДР. 1880. Апр.– июнь, кн. 2, отд. 2. С. 47–50.
[6] Там же. С. 49. Леонид предполагал, что Тр. была послана, «вероятно, в Академию наук».
[7] *Карамзин Н. М.* Исторические воспоминания и замечания на пути к Троице // Сочинения Карамзина. СПб., 1848. Т. 1. С. 481. Г. Н. Моисеева ошибочно пишет, что Карамзин посетил лавру в 1804 г., а не в 1802 г.
[8] [*Мурзакевич Н.*] Кабинет Зимнего дворца императрицы Екатерины II (с 5-го сентября 1793 г. по 13 августа 1795 г.) // Журн. М-ва нар. просвещения, 1872. Ч. 112, № 8. С. 329–330.
[9] *Моисеева Г. Н.* Отрывок из Троицкой пергаменной летописи // ТОДРЛ. Л., 1971. Т. 26. С. 93–99.
[10] Они были опубликованы (до 1276 г.) отдельными частями в «Собеседнике любителей русского слова» в 1783–1784 гг. Конец рукописи издан в 1906 г.
[11] *Моисеева Г. Н.* Троицкая летопись 1408 г. в сочинениях Екатерины II // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 30. С. 263–271.
[12] *Моисеева Г. Н.* Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII в. Л., 1980. С. 82–90.
[13] *Козлов В. П.* Новые материалы о рукописях, присланных в конце XVIII в. в Синод // Археографический ежегодник за 1979 г. М., 1981. С. 86–99.
[14] См.: *Бычков А. Ф.* О словарях русских писателей митрополита Евгения // Сб. ОРЯС. СПб., 1868. Т. 5, вып. 1. С. 256.
[15] *Болтин И. Н.* Ответ генерал-майора Болтина на письмо князя Щербатова, сочинителя Российской истории. СПб., 1789. С. 115.
[16] *Муравьева Л. Л.* Рукописи сочинения по истории России профессоров Московского университета А. А. Барсова и Х. А. Чеботарева // Археографический ежегодник за 1982 г. М., 1983. С. 121–133; *Она же.* Летописные источники «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина (т. IV–V) // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1983. С. 4–34. Ротапр.
[17] Сочинения императрицы Екатерины II на основании подлинных рукописей с объяснительными примечаниями ак. А. Н. Пыпина. СПб., 1906. Т. 11. (Далее: Сочинения). Здесь напечатан текст «Записок» с 1276 по 1393 г., являющийся черновой частью их рукописей, и Приложение с описанием автографов и других рукописей Екатерины II, находившихся в Государственном архиве и Библиотеке Академии наук.
[18] Отчет имп. Публичной библиотеки за 1852 г. СПб., 1853. С. 66.
[19] Сочинения. Т. 11. Прил. С. 354, 358, 380, 385, 390, 457, 460–461, 463–464.
[20] [*Альшиц Д. Н.*]. Историческая коллекция Эрмитажного собрания рукописей: Памятники XI–XVIII вв.: Описания. М., 1968. С. 145–158.
[21] Сочинения. Т. 11. Прил. С. 471–489.
[22] *Тихомиров М. Н.* Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962. С. 22; [*Альшиц Д. Н.*] Указ. соч. С. 16, 145, 147, 152, 154.
[23] Сочинения. С. 406.
[24] ЦГАДА. Ф. 10. Д. 366. Ч. 1. Л. 80 об., 93 об., 100 об., 129 об., 135, 142, 146 об., 150, 158; Ч. 2. Л. 6 об., 8, 82; Сочинения. Т. 11. С. 56, 58, 62, 127, 180, 223; Прил. С. 357, 358, 371, 461, 463 и др.
[25] Сочинения. С. 59, 61, 70, 148–149, 152, 153, 162, 163 и др.
[26] *Коялович М. О.* История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. СПб., 1884. С. 145.
[27] ЦГАДА. Ф. 10. Д. 366. Ч. 1. Л. 135, 150; Ч. 2. Л. 42, 75, 83 и др.
[28] *Моисеева Г. Н.* Древнерусская литература... С. 85–87.
[29] *Приселков М. Д.* Указ. соч. С. 289, 311, 347, 348, 350; *Карамзин Н. М.* История государства Российского. СПб., 1852. Т. III. Примеч. 142, 351;

Т. IV. Примеч. 188; ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 18. С. 54, 83–84, 85; ПСРЛ. М., 1965. Т. 10. С. 174. (Фототип. воспроизведение текста издания 1885 г.).

[30] *Татищев В. Н.* История Российская. М.; Л., 1965. Т. 5. С. 53, 54, 55, 65, 72, 86, 89, 93, 98, 104, 115, 118, 126, 175.

[31] Сочинения. С. 4, 6; *Карамзин Н. М.* История... Т. IV. Примеч. 159, 160; ПСРЛ. Т. 18. С. 75; Т. 10. С. 154, 156; ПСРЛ. М., 1965. Т. 30. С. 95; М.; Л., 1949. Т. 25. С. 152; ПСРЛ. СПб., 1856. Т. 7. С. 173, 174; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 323.

[32] Сочинения. С. 7; *Карамзин Н. М.* История... Т. IV. Примеч. 182; ПСРЛ. Т. 30. С. 95; Т. 10. С. 156; Т. 25. С. 152; Т. 7. С. 174.

[33] Сочинения. С. 7; *Карамзин Н. М.* История... Т. IV. Примеч. 172; ПСРЛ. Т. 18. С. 76; Т. 30. С. 95; Т. 10. С. 156.

[34] Сочинения. С. 9; *Карамзин Н. М.* История... Т. IV. Примеч. 182; ПСРЛ. Т. 18. С. 77; Т. 25. С. 152; Т. 7. С. 174; Т. 30. С. 96; Т. 10. С. 157.

[35] Сочинения. С. 28; *Карамзин Н. М.* История... Т. IV. Примеч. 182; *Приселков М. Д.* Указ. соч. С. 345; ПСРЛ. Т. 18. С. 82; Т. 30. С. 98; Т. 10. С. 168.

[36] Сочинения. С. 29; *Карамзин Н. М.* История... Т. IV. Примеч. 182; ПСРЛ. Т. 18. С. 82; Т. 10. С. 168.

[37] Сочинения. С. 63; *Карамзин Н. М.* История... Т. IV. Примеч. 216; ПСРЛ. Т. 18. С. 88; Т. 30. С. 102.

[38] Сочинения. С. 103; *Карамзин Н. М.* История... Т. IV. Примеч. 325; ПСРЛ. Т. 18. С. 91; Т. 10. С. 204; Т. 7. С. 203.

[39] Сочинения. С. 109; *Карамзин Н. М.* История... Т. IV. Примеч. 322; ПСРЛ. Т. 18. С. 92; М., 1965. Т. 15. С. 48. Фототип. воспроизведение текста издания 1922 г.; Т. 25. С. 171; Т. 7. С. 205; Т. 10. С. 208.

[40] Сочинения. С. 113; *Карамзин Н. М.* История... Т. IV. Примеч. 320; ПСРЛ. Т. 18. С. 92; Т. 30. С. 106; Т. 25. С. 172; Т. 7. С. 205.

[41] Сочинения. С. 116; ПСРЛ. Т. 18. С. 93; Т. 10. С. 211; Т. 30. С. 106; Т. 25. С. 172; Т. 7. С. 206.

[42] Сочинения. С. 134–135; *Карамзин Н. М.* История... Т. IV. Примеч. 364; ПСРЛ. Т. 18. С. 95; Т. 15. С. 56; Т. 10. С. 216; Т. 25. С. 175; Т. 7. С. 209.

[43] Сочинения. С. 148; *Карамзин Н. М.* История... Т. IV. Примеч. 367; ПСРЛ. Т. 18. С. 97; Т. 10. С. 221; Т. 30. С. 109; Т. 25. С. 177; Т. 7. С. 215.

[44] Сочинения. С. 149; *Карамзин Н. М.* История... Т. IV. Примеч. 372. ПСРЛ. Т. 18. С. 97; Т. 25. С. 178; Т. 7. С. 215; Т. 30. С. 109; Т. 10. С. 222.

[45] Сочинения. С. 188; *Карамзин Н. М.* История... Т. V. Примеч. 2; ПСРЛ. Т. 18. С. 103–104; Т. 25. С. 182–183; СПб., 1859. Т. 8. С. 13; Т. 11. С. 4. Фототип. воспроизведение текста издания 1897 г.

[46] Сочинения. С. 194; *Карамзин Н. М.* История... Т. IV. Примеч. 367; Т. V. Примеч. 137; ПСРЛ. Т. 18. С. 106; Т. 11. С. 8.

[47] Сочинения. С. 259; *Карамзин Н. М.* История... Т. V. Примеч. 32; ПСРЛ. Т. 18. С. 115; Т. 15. С. 108; Т. 25. С. 189–190; Т. 8. С. 21; Т. 11. С. 21.

[48] Сочинения. С. 319; *Карамзин Н. М.* История... Т. V. Примеч. 254; ПСРЛ. Т. 11. С. 121; Т. 25. С. 218; Т. 8. С. 59; Т. 30. С. 120.

[49] [*Альшиц Д. Н.*]. Историческая коллекция... Прил. С. 155, 157.

[50] Сб. РИО. 1915. Т. 23. С. 604.

[51] Сочинения. С. 30, 46, 57, 61, 63, 67, 68, 95, 127, 145, 148, 149, 162, 187, 323 и др.

[52] [*Поленов Д. В.*]. О летописях, изданных от св. Синода // Зап. имп. Акад. наук. 1864. Т. 4. С. 174.

[53] *Пыпин А. Н.* Исторические труды Екатерины II // Вестн. Европы. 1901. Т. 5. С. 182; *Иконников В. С.* Императрица Екатерина II как историк // Воен.-ист. вестн. 1911. № 1/2. С. 15.

[54] [*Альшиц Д. Н.*]. Обзор русских рукописей XI–XVII вв. в Эрмитажном собрании // Тр. ГПБ. 1958. Т. 5(8). С. 171–172.

[55] *Попов Н.* История имп. Московского Общества истории и древностей российских // ЧОИДР. 1884. Кн. 1. С. 49, 73.

[56] [*Альшиц Д. Н.*]. Историческая коллекция... С. 145, 146, 154.

[57] Там же. С. 40 (№ 7), 43 (№ 15), 47 (№ 31), 145 (№ 13 и 14), 148 (№ 117), 149 (№ 136), 154 (№ 7), 156 (№ 63).

58 Там же. С. 145 (№ 17), 150 (№ 166).
59 Там же. С. 40 (№ 7).
60 [*Мурзакевич Н.*]. Кабинет Зимнего дворца... С. 329, 335, 338.
61 Журн. М-ва нар. просвещения. 1838. Ч. 18, № 1/6. С. 293–294.
62 [*Альшиц Д. Н.*]. Историческая коллекция... С. 145, 158.
63 [*Мурзакевич Н.*]. Кабинет Зимнего дворца... С. 329.
64 *Строев П.* Ключ к «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. М., 1836. Ч. 2. С. 258, 259.
65 [*Мурзакевич Н.*]. Кабинет Зимнего дворца... С. 329, 333–334; Сочинения. Примеч. С. 656–661.
66 [*Поленов Д. В.*]. Указ. соч. С. 181.
67 ЦГАДА. Ф. 1204. Оп. 1. Ч. 1. № 6(762). С. 74 об.
68 Сочинения. Прил. С. 455, 471, 480–484, 647.
69 [*Поленов Д. В.*]. Указ. соч. С. 185.
70 *Кочетов С. И.* Указ. соч. С. 23.
71 Сочинения. Введ. С. XV.
72 Об этих реестрах упоминал В. П. Козлов. См.: *Козлов В. П.* Указ. соч. С. 99, сн. 75.
73 Сочинения. Примеч. С. 673–683.
74 Там же. С. 647–648.
75 *Козлов В. П.* Указ. соч. С. 98.
76 *Пекарский П.* История имп. Академии наук в Петербурге. СПб., 1870. Т. 1. С. 390–393. В просьбе взять в собой в Москву Кенигсб. и несколько печатных книг из академической библиотеки Миллеру было отказано.
77 Там же. С. 418.
78 *Голицын Н. В.* Портфели Г. Ф. Миллера. М., 1899. С. 4, 18–23, 53. Часть архива Г. Ф. Миллера была в середине XIX в. передана в Петербург (см.: Там же. С. 58–60).
79 ЦГАДА. Ф. 181. Д. 150. Ч. 1. № 6.
80 Заметим, что три листа миллеровской копии Тр. не являются во всех случаях идентичными текстами, которые приводит М. Д. Приселков в издании 1950 г. «Троицкой летописи» (на с. 51–54) как сверку пергаменной летописи с Кенигсб. Необходимо учитывать, что он пользовался соответствующими поправками Миллера, указанными Оболенским в своем «Сборнике...» (№ 11).
81 *Голицын Н. В.* Указ. соч. С. 56. В описании рукописей Эрмитажного собрания конца XVIII в. упоминаются, например, «Журнал действ и походов государя имп. Петра Великого. Список с списка г-на Миллера», «Выписки из летописей, на немецком языке», «Списки с рукописей, касающихся до Российской истории (на нем. и русском яз.)» и т. п. См.: [*Альшиц Д. Н.*]. Историческая коллекция... С. 147.
82 ГПБ. Эрмитажное собрание (Нем.). № 133. Л. 1–1 об., 17, 86. См. также № 132, 141. В «Выписке... по 1024 г.» отдельные тексты переведены на рус. яз.; записи за 6406, 6532 гг., например, совпадают со сверкой в этих местах Миллера Тр. с Кенигсб. (см.: *Приселков М. Д.* Указ. соч. С. 61, 131).
83 *Муравьева Л. Л.* Рукописи сочинения... С. 133 и др.; Сочинения. Прил. С. 469, сн. 2.
84 *Попов Н.* Указ. соч. С. 49, 70, 73.
85 *Кочетов С. И.* Указ. соч. С. 24.
86 *Старчевский А.* Жизнь Николая Михайловича Карамзина // Библиотека для чтения. СПб., 1849. Т. 93, ч. 3. С. 137.
87 *Попов Н.* Указ. соч. С. 231, 232.

4 Заказ № 3140

КОНКРЕТНО-ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ВОЕННО-КОНСКИЕ ПЕРЕПИСИ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX в.

Д. А. Тарасюк

В дореволюционной России до 1916 г. не проводилось сельскохозяйственных переписей. Поэтому в распоряжении исследователей нет достаточно достоверных источников, по которым можно было бы составить четкое представление о группах русского крестьянства в пореформенное время. Единственный материал для характеристики расслоения крестьянства содержится в сводных данных земской статистики и военно-конской переписи о распределении рабочего скота между крестьянскими дворами. В. И. Ленин один из первых использовал для этой цели данные военно-конских переписей 1888, 1891 и 1893—1894 гг. в «Развитии капитализма в России», а во втором издании книги (1908) целый параграф (XI) второй главы посвятил сравнению данных 1888—1891 гг. с новейшими для того времени данными военно-конских переписей 1896 и 1899—1901 гг. Ссылался он на эти данные и в других работах [1].

Исследователи проблем русской деревни конца XIX — начала XX в., как правило, ссылаются на выводы В. И. Ленина из данных военно-конских переписей, используют материалы этих статистических источников в своих работах [2]. Однако нам известны лишь две работы, в которых анализируются материалы военно-конских переписей в источниковедческом плане [3]. Настоящая статья представляет попытку освещения истории организации и проведения военно-конских переписей, а также анализа содержащихся в них статистических данных.

* * *

Несмотря на то что Россия была страной преимущественно земледельческой, а животноводство в некоторых местностях имело первенствующее значение, статистика этой отрасли народного хозяйства в целом была поставлена плохо [4]. Однако статистика коневодства в России периода капитализма находилась в относительно лучшем состоянии, что объясняется тем важным значением, какое она имела для военного ведомства [5].

Наряду с введением всеобщей воинской повинности в Военном министерстве при участии представителей других ведомств началась разработка проекта Положения о комплектовании войск лошадьми на случай войны. Введение военно-конской повинности как единственного способа удовлетворения потребностей армии в лошадях в военное время самым непосредственным образом затрагивало основы народного хозяйства страны. Эта мера отражалась прежде всего на хозяйстве той части народа, трудом которой кормилось все население страны и которая обеспечивала бо́льшую часть государственных доходов. Крестьянство кормило страну, а лошадь — крестьянина. Поэтому закон о военно-конской повинности должен был быть составлен таким образом, чтобы можно было обеспечить армию необходимым числом годных для военной службы лошадей, сохранив в то же время коневые силы для народного хозяйства страны [6].

Не дожидаясь окончания работы по составлению проекта, Военное министерство и Министерство внутренних дел летом 1875 г. пришли к соглашению о производстве пробной конской переписи в трех губерниях: Ковенской, Могилевской и Рязанской. Одним из инициаторов и ревностных сторонников этой операции был председатель Статистического совета П. П. Семенов, заслуги которого перед русской статистикой общеизвестны. Свою заинтересованность и полное понимание необходимости переписи, что вполне естественно, проявил военный министр Д. А. Милютин, а самое непосредственное и активное участие в подготовке и проведении ее принимал полковник Генерального штаба Я. А. Гребенщиков [7].

Одна из главных причин, вызвавших необходимость пробной переписи, заключалась в неудовлетворительном в то время состоянии учета конского поголовья. Обремененный многочисленными обязанностями полицейский чиновник не имел физической возможности ежегодно объезжать всех владельцев лошадей, не говоря уже о том, что он не располагал правом проверять показания владельцев. Поэтому полиция ограничивалась рассылкой запросов в волостные правления и к определенному сроку суммировала итоги полученных сведений, не обращая внимания на то, из всех ли сельских обществ поступили данные. Неудивительно, что сведения, имевшиеся в полиции, были ниже действительного количества лошадей. Это обстоятельство подтвердила перепись 1875 г. (см. табл. 1).

Пробная перепись проводилась в летнее время. На это надо обращать внимание при сравнении различных источников, относящихся к одному календарному году. Внутригодичная численность скота отличается резко выраженной сезонностью: в начале года она минимальна; затем, с февраля, по мере появления приплода она почти непрерывно растет, достигая максимальной величины к концу осени, чтобы после осеннего убоя опять снизиться до минимума. Специалисты считают, что численность скота на конец весны в нормальном году в дореволюционной России при-

Таблица 1

Соотношение числа лошадей по полицейским сведениям и по переписи 1875 г.*

Губерния	По переписи	По полицейским сведениям	Разность
Ковенская	323 533	298 800	+24 733
Могилевская	415 121	271 200	+143 921
Рязанская	437 741	356 584	+81 157

* Конская перепись в Европейской России: Ковенская губерния: По данным 1875 г. СПб., 1877. С. VII.

мерно отвечала среднегодовой [8]. Статистика ветеринарного управления учитывала численность скота на конец года. Все остальные источники регистрируют скот почти в один и тот же период — на весну или начало лета.

Конская перепись в трех губерниях проводилась под наблюдением представителей от МВД и Военного министерства. В каждом уезде были образованы комиссии, куда вошли: предводитель дворянства (председатель), уездный воинский начальник, исправник, городские головы, члены земских управ и уездных по крестьянским делам присутствий, а в земской Рязанской губ.— еще и мировой посредник. Военное министерство командировало в каждый уезд по два офицера. Комиссии предварительно составили списки населенных пунктов, определили переписные участки и разослали через становых приставов переписные листки. Они же осуществили проверку представленных данных.

Порядок проведения переписи состоял в следующем. Каждая волость составляла переписной участок, причем к нему относились не только крестьяне, но и постоянно или временно проживающие на ее территории лица, не входившие в состав сельского общества (торговцы, ремесленники, священники, содержатели постоялых дворов, мельниц и т. п.). Дворяне и землевладельцы других сословий относились к участку ближайшего от их усадеб или хуторов волостного селения. Города составляли отдельные переписные участки.

Землевладельцы и лица, временно или постоянно проживавшие в районе волости, вписывали свои показания о лошадях на отдельных для каждого хозяйства бланках. Крестьяне записывались по сельским обществам с указанием имени и фамилии главы каждого домохозяйства. Вписывать требовалось как наличное, так и отсутствующее число лошадей с распределением их по полу и возрасту. Заполненные листки следовало возвратить на сборный пункт переписного участка: в уезде — в волостное правление, в городе — в полицейское управление. Этим завершалась первая часть работы. Вторая ее часть заключалась в проверке полученных данных. Прикомандированные офицеры и члены

Таблица 2

Распределение лошадей по возрастным группам в городах и уездах по переписи 1875 г.*

Владельцы лошадей	Всего лошадей	В том числе		На 100 лошадей — малолетков
		рабочих	малолетков	
Ковенская губерния				
Городские жители	2 709	2 573	138	5,0
Крестьяне	228 957	184 986	43 971	19,2
Землевладельцы	45 863	35 886	9 977	21,8
Другие лица, проживающие в уездах	46 004	38 345	7 659	16,6
Итого в городах и уездах	323 533	261 790	61 743	19,1
Могилевская губерния				
Городские жители	6 098	5 265	833	13,7
Крестьяне	362 486	270 098	92 388	25,5
Землевладельцы	21 676	16 964	4 712	21,8
Другие лица, проживающие в уездах	24 864	19 964	4 900	19,7
Итого в городах и уездах	415 121	312 291	102 830	24,8
Рязанская губерния				
Городские жители	4 302	3 999	303	7,0
Крестьяне	382 488	270 884	111 604	29,2
Землевладельцы	39 238	25 748	13 490	34,1
Другие лица, проживающие в уездах	11 713	8 601	3 112	27,2
Итого в городах и уездах	437 741	309 232	128 509	29,4

* Конская перепись... 1875 г. Табл. I (во всех вып.). С. 1—2.

местных комиссий по заранее установленному маршруту посещали каждое селение и каждую помещичью усадьбу, проверяли точность показаний и распределяли лошадей по росту и их пригодности к использованию в различных родах войск.

Для регулярной армии нужны были главным образом лошади четырех видов: 1) верховые (кавалерия, конная и пешая артиллерия); 2) артиллерийские (для перевозки орудий и снарядных ящиков); 3) обозные и 4) подъемные (для вспомогательных обозов, формируемых из мобилизованных у населения повозок).

Таблица 3

Отношение числа лошадей к числу крестьянских дворов по переписи 1875 г.*

Уезд	Всего лошадей	В том числе		На 100 лошадей-малолетков	Всего дворов	На 1 двор — лошадей
		рабочих	малолетков			
Ковенская губ.						
Вилькомирский	31 153	25 461	5 692	18,3	14 681	2,1
Ковенский	19 194	16 103	3 091	16,1	7 974	2,4
Новоалександровский	27 660	22 625	5 035	18,2	13 962	2,0
Поневежский	39 256	31 950	7 306	18,6	15 883	2,4
Россеинский	41 230	32 278	8 952	21,7	14 270	2,9
Тельшевский	32 652	25 903	6 753	20,7	13 390	2,4
Шавельский	37 808	30 666	7 142	18,9	14 957	2,5
Могилевская губ.						
Быховский	35 196	25 548	9 648	27,4	8 927	3,9
Гомельский	39 838	37 791	8 047	20,2	14 362	2,8
Горецкий	28 632	21 143	7 489	26,2	9 232	3,1
Климовичский	32 484	23 895	8 589	26,4	11 518	2,8
Могилевский	22 041	16 923	5 118	23,2	7 691	2,9
Мстиславский	22 148	16 029	6 119	27,6	6 690	3,3
Оршанский	33 734	25 489	8 245	24,4	11 948	2,8
Рогачевский	56 902	42 157	14 745	25,9	14 716	3,9
Сеннинский	39 952	23 406	9 546	28,9	10 782	3,0
Чаусский	20 379	15 408	4 971	24,4	6 959	2,9
Чериковский	38 180	28 309	9 871	25,9	11 417	3,3
Рязанская губ.						
Дашковский	34 539	21 546	12 993	37,6	14 005	2,4
Егорьевский	17 040	15 791	1 249	7,3	18 338	0,9
Зарайский	23 060	16 443	6 617	28,7	16 421	1,4
Касимовский	29 069	25 094	3 975	13,7	21 179	1,4
Михайловский	36 308	21 414	14 894	41,0	17 720	2,0
Пронский	25 286	16 297	8 989	35,5	13 357	1,9
Раненбургский	42 182	26 386	15 796	37,4	19 290	2,2
Ряжский	31 737	21 030	10 707	33,7	16 126	2,0
Рязанский	32 118	24 764	7 354	23,0	21 084	1,5
Сапожсковский	39 182	29 337	9 845	25,1	19 668	2,3
Скопинский	39 064	26 972	12 092	30,9	17 524	2,2
Спасский	32 903	25 810	7 093	21,6	18 876	1,7

* Конская перепись... 1875 г. Табл. II. С. 3—27 (по Ковенской и Могилевской губерниям), 3—53 (по Рязанской губ.).

В связи с этим отобраннные для использования в армии лошади должны были удовлетворять определенным требованиям: возраст — не ниже четырех лет (позднее низший предел был установлен в пять лет); наименьший рост — 1 аршин 14 вершков, более рослые предназначались для кавалерии и артиллерии. Подготовленность к использованию привлекаемой в войска лошади должна быть полной: табунная лошадь, не объезженная и не приспособленная к зерновому корму, не подходила для этой цели.

Результаты переписи были обработаны и изданы ЦСК в трех губернских выпусках. Каждый выпуск снабжен идентичным предисловием, в котором кратко изложен порядок осуществления переписи, и общими выводами из цифровых данных, разработанных в шести таблицах. В табл. 1 и 2 рассматривается распределение лошадей по городам, уездам и переписным участкам губернии с указанием числа их, приходящегося на одну квадратную версту и на одного жителя. Данные, собранные в ходе переписи, показали, что это распределение зависело от характера занятий основной массы населения, размеров лугов, плодородия почвы, наличия травосеяния за недостатком лугов и некоторых других причин. Интересную картину дают сведения о распределении лошадей вообще и малолетков в частности по категориям владельцев (табл. 2). В текстовой части такие данные приводятся по уездам, так как обобщающие данные по губернии нивелируют поуездные различия (табл. 3). Так, рассматривая отношение малолетков к общему числу лошадей, скажем, у крестьян, можно сделать выводы о том, в какой мере убыль лошадей рабочего возраста могла восполняться за счет приплода, а в какой за счет покупки на стороне. Об этом подробно говорится в текстовом приложении о состоянии коневодства. Из табл. 3 следует, что в уездах Ковенской губ. малолетки составляли от 16,1 до 21,7%, в Могилевской — от 20,2 до 28,9%, в Рязанской — от 21,6 до 41,0%, что явно указывает на коневодческий характер последней. Лишь Егорьевский (7,3%) и Касимовский (13,7%) уезды выпадают из общего правила по причине, по-видимому, широкого распространения в этих уездах неземледельческих промыслов. Последнее подтверждает и средняя величина лошадности на один двор. Приводятся также данные о лошадях-подростках (от одного до четырех лет), которые составляли в Рязанской губ. 2/3 всех малолетков и почти 1/5 всего числа лошадей, в Ковенской соответственно — 2/3 и 1/8, в Могилевской — 2/3 и 1/6 [9]. Лошади-подростки имели немалое экономическое значение в крестьянском быту, так как крестьяне употребляли их с раннего возраста для легких работ, например для боронования. В этом состояла одна из причин того, что обыкновенно крестьянские лошади не достигали надлежащего роста и отличались слабосилием. Мало связанное с рынком, крестьянское хозяйство должно было обеспечивать самовоспроизводство всего инвентаря, в том числе его важнейшего элемента — рабочего скота. Содержание же молодняка требовало больших материальных затрат, на которые

Таблица 4

Число рабочих лошадей, годных для использования в армии по переписи 1875 г.*

Владельцы лошадей	Всего рабочих лошадей	Не было на осмотре	Годные для армии
Ковенская губерния			
Горожане	2 573	124	1 141
Крестьяне и другие лица, проживающие в селениях	223 331	1 231	43 446
Землевладельцы	35 886	353	14 161
Итого в городах и уездах	261 790	1 708	58 748
Могилевская губерния			
Горожане	5 265	135	2 603
Крестьяне и другие лица, проживающие в селениях	290 062	1 031	46 799
Землевладельцы	16 946	140	8 520
Итого в городах и уездах	312 291	1 306	57 922
Рязанская губерния			
Горожане	3 999	440	3 602
Крестьяне и другие лица, проживающие в селениях	279 485	9 917	196 934
Землевладельцы	25 748	763	22 812
Итого в городах и уездах	309 232	11 120	223 148

* Конская перепись... 1875 г. Табл. III. С. 28—31 (по Ковенской и Могилевской губерниям), 54—57 (по Рязанской губ.).

крестьяне без крайней необходимости не шли. На эти обстоятельства на основании данных конской переписи 1882 г. обратил внимание П. Г. Рындзюнский [10].

Далее рассматривается разделение лошадей рабочего возраста по полу, что, как известно, имело существенное значение в хозяйстве не только крестьянина, но и крупного землевладельца. Первые стремились иметь больше самок, которые и представляли собой рабочую силу и обеспечивали приплод. Вторые, имея достаточно рабочего скота, могли себе позволить вести самостоятельное коневодство, в то время как крестьяне вынуждены были за плату обращаться к соседним землевладельцам. В тексте выводится и анализируется также процентное соотношение полов рабочего скота в территориальном разрезе, т. е. по уездам, волостям и переписным участкам.

Рост лошадей, как сказано, представлял одно из важнейших условий для использования их в армии (табл. 4 и 5). В публикации содержится материал о проценте лошадей, вообще годных

Таблица 5

Распределение рабочих лошадей разных владельцев по пригодности для использования в войсках (на 100 лошадей) по переписи 1875 г.*

Владельцы лошадей	Рабочих лошадей			
	От 1 аршина 14 вершков до 2 аршин	выше 2 аршин	артиллерийских	верховых
Ковенская губерния				
Горожане	21,4	22,9	13,5	3,1
Крестьяне и проживающие в селениях	17,8	1,7	0,9	0,5
Землевладельцы	28,4	11,1	6,0	2,3
Итого	19,3	3,2	1,7	0,8
Могилевская губерния				
Горожане	28,7	20,8	11,0	0,8
Крестьяне и проживающие в селениях	14,6	1,1	0,5	0,1
Землевладельцы	34,2	16,0	8,7	2,1
Итого	16,3	2,3	1,2	0,2
Рязанская губерния				
Горожане	22,4	62,8	34,4	15,4
Крестьяне и проживающие в селениях	53,8	16,7	6,5	12,4
Землевладельцы	40,4	48,2	23,6	12,0
Итого	52,3	19,9	8,3	13,1

* Конская перепись... 1875 г. Табл. III. С. 28—31 (по Ковенской и Могилевской губерниям), 54—57 (по Рязанской губ.).

для этой цели, о распределении их по территориям и по категориям владельцев. Несмотря на кажущийся лишь «военный» аспект данных таблиц, из них можно извлечь немало ценных сведений для характеристики социального и экономического положения русской деревни. Так, из таблиц следует, что если городские и землевладельческие рослые лошади (т. е. выше 1 арш. 14 верш.) составляли в Ковенской губ. 44,3 и 39,5%, то у крестьян – лишь 19,6%; в Могилевской соответственно 49,5, 50,2 и 15,7%; в Рязанской – 85,2; 88,6 и 72,5%. Хотя в Рязанской губ. у крестьян и других лиц, проживавших в селениях, лошади тоже преимущественно выше 1 арш. 14 верш., но у них лошадей высшего сорта, т. е. выше 2 арш., было всего 16,7%, в то время как в городах они составляли 62,8%, а у землевладельцев – 48,2%.

Таблица 6

Распределение крестьянских дворов по числу лошадей по переписи 1875 г.*

Группа хозяйств	Дворы			Лошади		На 1 двор лошадей
	всего	%		всего	%	
Ковенская губерния						
Безлошадные	4 896	5,1	34,5	–	–	–
С 1 лошадью	27 990	29,4		27 990	12,2	1
С 2 лошадьми	22 256	23,4		44 512	19,4	2
С 3 »	17 734	18,7	42,1	53 211	23,2	3
С 4 лошадьми и более	16 238	23,4		103 244	45,2	6,3
Итого	89 114	100		228 957	100	2,4
Могилевская губерния						
Безлошадные	1 328	1,2	16,9	–	–	–
С 1 лошадью	17 875	15,7		17 875	4,9	1
С 2 лошадьми	29 102	25,5		58 204	16,1	2
С 3 »	26 256	23,0	57,6	78 768	21,6	3
С 4 лошадьми и более	39 681	34,6		207 639	58,4	5,5
Итого	114 242	100		362 486	100	3,2
Рязанская губерния						
Безлошадные	56 383	26,4	52,4	–	–	–
С 1 лошадью	55 518	26,0		55 518	14,5	1
С 2 лошадьми	42 271	19,8		84 542	22,1	2
С 3 »	27 987	13,1	27,8	83 961	21,9	3
С 4 лошадьми и более	31 531	14,7		158 467	41,5	5
Итого	213 690	100		382 486	100	1,8

* Конская перепись... 1875 г. Табл. V. С. 68 (по Ковенской губ.), 70 (по Могилевской губ.), 130 (по Рязанской губ.).

Табл. 5 и 6 содержат данные о распределении крестьянских дворов по числу лошадей как всех возрастов, так и только рабочего возраста. Эти таблицы являются наряду с другими красноречивым источником для характеристики хозяйственного положения русского, белорусского и литовского крестьянства трех губерний в середине 70-х годов. В таблицах по губерниям в целом, по уездам, а также по каждой волости приводятся данные о распределении крестьянских дворов по числу лошадей (дифференцированно от одной до десяти и более), а также о числе безлошадных дворов. Именно из аналогичных таблиц последующих конских переписей В. И. Ленин почерпнул данные для своих группировок крестьянских дворов по числу рабочего скота, на-

глядно подтвердивших его выводы об имущественном расслоении русского крестьянства в пореформенное время.

Из табл. 6 следует, что безлошадные и однолошадные дворы в Ковенской губ. составляли 34,5% и в их распоряжении было 12,2% всех лошадей рабочего возраста, а зажиточные (три и более лошадей на двор) составляли 42,1% и владели они 78,4% лошадей рабочего возраста в губернии. Средняя группа (две лошади на двор) составляла 23,4%, и в ее руках было 19,4% лошадей. Такая же примерно группировка была в Могилевской губернии. Что касается такой типичной для Центрально-Черноземной области губернии, как Рязанская, то в ней в 1875 г. низшая группа крестьян, составлявшая 52,4% дворов, распоряжалась всего 14,5% лошадей, а зажиточная группа, составлявшая всего 27,8% дворов, владела 63,4% лошадей. Такое распределение рабочего скота явилось прежде всего прямым результатом сохранявшихся в пореформенной русской деревне на протяжении десятилетий пережитков крепостничества.

Во время переписи 1875 г .наряду с цифровыми данными требовалось собрать у населения сведения о состоянии коневодства в каждом переписном участке и попытаться вывести процент лошадей, негодных к отбыванию воинской повинности по болезни или старости. Из-за разного понимания вопроса вывести такой процент не удалось, но собранный материал в текстовом виде помещен вслед за таблицами. Здесь по уездам даны краткие характеристики основного занятия крестьян, хозяйственного использования ими лошадей. Приводятся данные о состоянии стада, кормах, воспроизводстве, болезнях и т. п.

Так, мы узнаем, что в Вилькомирском уезде Ковенской губ. из-за недостатка пастбищ и хороших лугов крестьяне ограничивались лишь крайне необходимым числом лошадей, а в неурожайные годы продавали их. Между тем срочные летние работы вынуждали крестьян прибегать к использованию молодняка с 2-летнего возраста, что губительно сказывалось на породе, слабевшей и мельчавшей год от года. В Быховском уезде Могилевской губ. в крестьянском коневодстве приплод получался мелкий, не достигал надлежащего развития при малопитательном корме, небрежном уходе и преждевременном употреблении в работу. Небольшое число лучших лошадей можно было встретить только у особенно зажиточных крестьян или у помещиков и лишь изредка у крестьян среднего достатка, живших в селениях, располагавших хорошими пастбищами. В Данковском уезде Рязанской губ. крестьяне занимались обработкой не только своих полей, но и нанимаемых у крупных землевладельцев. В зимнее же время крестьяне некоторых волостей промышляли извозом. Вследствие частых неурожаев они были вынуждены из-за недостатка корма уменьшать число лошадей и употреблять 2—3-летних в непосильные по возрасту работы. Развивавшиеся в лошадях по этой причине слабосилие и худосочие приводили к мельчанию породы [11].

Ограничившись приведенными примерами, отметим, что текстовой материал представляет значительный интерес особенно для локальных исследований, так как, составленный по ответам и оценкам самих крестьян и других владельцев лошадей во время переписи, он содержит много важных историко-экономических, бытовых и этнографических сведений (использование и содержание лошадей, воспроизводство стада, заготовка кормов, купля-продажа лошадей, конокрадство, состояние дорог, повозки, телеги, тарантасы, упряжь и т. п.). В конце каждого выпуска помещен неполный, по признанию самих составителей, описательный материал о конских заводах (относительно более подробные сведения были собраны по Рязанской губ.).

Значение опыта пробной переписи для постановки правильных с научно-статистической точки зрения периодических военно-конских переписей трудно переоценить. Именно на основе опыта этой переписи была завершена работа над проектом Положения о комплектовании войск лошадьми на случай войны и Правил о конских переписях. 8 мая 1875 г. военный министр Д. А. Милютин записал в своем дневнике: «Присутствовал в совещании, составленном из делегатов разных министерств и нескольких военных лиц для обсуждения основных начал военно-конской повинности. Самое деятельное участие в прениях приняли члены от Министерства внутренних дел: Беклемишев, Барыков и Семенов (Петр Петрович, статистик). Спорили почти до 6 часов; к счастью, совещание не осталось без результата» [12]. В ноябре того же года Д. А. Милютин в письме к министру внутренних дел А. Е. Тимашеву высказал пожелание, чтобы в связи с тем, что до 1 января 1876 г. предполагалось внести в Государственный совет проект постоянного Положения о конской повинности, одновременно был бы представлен и проект Правил конской переписи [13]. Вскоре проект, разработанный комиссией под руководством П. П. Семенова, поступил на заключение военного министра [14].

Не возражая против представленного проекта, военный министр предложил дополнить его статьей, в соответствии с которой оба министерства имели бы право, по опыту пробной переписи 1875 г., по взаимному соглашению командировать от каждого министерства по одному чиновнику на несколько губерний «для наблюдения за однообразным применением правил Положения и для согласования действий гражданского и военного ведомств» [15].

П. П. Семенов решил воспользоваться переписью конского поголовья для проведения подготовительной работы к предстоявшей переписи населения [16]. Имелось в виду составление списков населенных мест, а также сбор сведений о числе дворов и количестве земель, состоявших в наделе и собственности крестьян и в собственности владельцев всех других сословий [17]. Однако Министерство финансов воспротивилось этому, сославшись на то, что, по его мнению, сбор любых необходимых сведений входил в

круг прямых обязанностей губернских статистических комитетов. Министр М. Х. Рейтерн возражал также против проведения каких-либо подготовительных работ к переписи населения, так как в то время еще не было утвержденного положения о ней [18].

А. Е. Тимашев, имея в виду возражения министра финансов, в частности, писал Д. А. Милютину, что губернские статистические комитеты не в состоянии принести существенной пользы делу переписи, ибо собирать необходимые сведения так, как это делалось раньше, в данном случае нельзя было. Полиция всегда исполняла подобные требования только формально, и от нее можно было бы получить сведения скорее вымышленные, чем отвечающие действительности [19].

Ввиду того что к предполагавшемуся сроку (1 апреля) не было возможности провести военно-конскую перепись в полном объеме, Д. А. Милютин, учитывая позицию Министерства финансов, предложил провести таковую лишь в западных губерниях, а в остальной части империи ранней весной следующего 1877 г.[20] Царь согласился с соображениями военного министра. 21 августа 1876 г. МВД направило губернаторам циркуляр о проведении необходимых подготовительных работ (образование военно-конских участков, назначение заведующих ими, разверстание лошадей по участкам, снабжение участков необходимым инвентарем, бланками, инструкциями и т. д.). К дополнительному циркуляру, в котором разъяснялся порядок организации военно-конских участков, была приложена составленная Главным штабом разверстка потребного для нужд армии числа различных лошадей. В Ковенской, Могилевской и Рязанской губерниях основанием для разверстки должна была служить проведенная в 1875 г. перепись. В остальных губерниях составленная присутствиями по воинской повинности разверстка должна была быть по окончании переписи скорректирована с полученными данными [21]. В циркуляре от 3 сентября разъяснялся порядок проведения самой переписи [22].

Перепись проводилась в 33 губерниях [23] путем общего сбора к заранее назначенному дню всех лошадей участка в волостное село, а в городах — на сборные пункты. В состав губернских и городских по воинской повинности присутствий включались на время переписи секретарь или один из членов губернского статистического комитета, а в столице представитель ЦСК. В крестьянских обществах должны были составляться списки входивших в него домохозяев в порядке селений, в каждом селении — подворные списки; по каждой волости — общий список лиц, проживающих на собственных землях, но приписанных к волостям. Составлялся также список всех частных землевладений (в том числе казны и различных учреждений), принадлежавших лицам всех сословий, не приписанных к волостям, с обозначением всех находившихся в данном поселке дворов. Каждое сельское общество записывалось на одном бланке: по селениям, составлявшем данное общество, записывались под отдельными номерами домо-

хозяева, имевшие лошадей, а затем отдельной нумерацией посторонние лица, имевшие дома на земле общества. Каждое отдельное землевладение, в котором имелись один или несколько поселков, также записывалось на одном бланке: сначала записывались лошади владельца, затем — лиц, проживавших в усадьбе, и далее, под чертою — лиц, проживавших в отдельных поселках на земле владельца. Заверенные копии переписных бланков заведующие участками направляли в уездное воинское присутствие, а последнее с общим заключением по всему уезду — в губернское воинское присутствие.

26 октября 1876 г. царь утвердил Положение о комплектовании войск лошадьми. В соответствии с законом поставке в войска подлежали все годные к военной службе лошади, за исключением принадлежавших: членам императорской фамилии; иностранным посольствам и миссиям; генералам и некоторым высшим офицерам и чиновникам, в соответствии с особым для каждого чина положением; чиновникам исполнительной полиции; почтовому ведомству; городским пожарным командам; государственным и частным конным заводам. Для поставки лошадей в войска каждый уезд разделялся на военно-конские участки, которые образовывались из земель частных владельцев и принадлежавших к одной волости сельских обществ. Для определения числа годных лошадей каждого сорта предусматривалось проведение через каждые шесть лет переписи, а в промежутках между ними через каждые два года должна была проводиться проверка состояния высших сортов лошадей, т. е. артиллерийских и верховых. У каждого владельца могло быть взято в войска не более половины имевшихся у него годных лошадей. За каждую принятую на сдаточном пункте лошадь владельцу выдавалось вознаграждение в размере установившейся в данном уезде торговой цены в обычное время с надбавкой 10%. Приемная комиссия обязана была выдавать квитанцию, которая оплачивалась в ближайшем к месту сдачи лошади казначействе [24]. Таким образом, на деле предусматривалась принудительная продажа государству для комплектования войск наиболее ценных лошадей.

Представленный одновременно с упомянутым Положением проект Правил о конских переписях, на которых, собственно, и было основано выполнение этого Положения, был возвращен Государственным советом Военному министерству для доработки. Однако начавшаяся подготовка к войне с Турцией потребовала применения нового закона о поставке населением лошадей. Военному министру было разрешено провести конскую перепись в западной части государства сокращенным способом. Сохранившиеся в делах (11 из 13) уездных по воинской повинности присутствий Московской губернии копии ведомостей, относящихся к переписи конского поголовья 1876 г., говорят об отсутствии какого-либо единообразия в представленных данных. По одним уездам показано общее количество лошадей с подразделением по полу, возрасту и пригодности к использованию в войсках, по

другим — только число годных лошадей без разделения. В некоторых ведомостях вместо общего числа лошадей показано только число представленных на сборный пункт. Время переписи также указано разное: «в 1876 г.» «в октябре», «на 1 декабря». В ведомостях не оказалось данных о коневладельцах, о распределении лошадей по сословиям [25]. Разумеется, эти материалы имеют известную ценность для характеристики состояния коневодства в каждом уезде в отдельности, для некоторых сравнений с данными последующих переписей, но для сводки и подведения каких-то общих итогов по губернии они вызывают значительные трудности. Проведенная наспех перепись дала в целом результаты настолько неудовлетворительные с точки зрения основной цели мероприятия, что ЦСК не счел возможным их публикацию.

В конце 1878 — начале 1879 г. Военное министерство вновь обратилось к вопросу о конской переписи. 6 марта 1879 г. по согласованию с Военным министерством МВД внесло проект о конской переписи в Государственный совет [26]. После довольно длительных, присущих бюрократическому аппарату многочисленных согласований в декабре 1879 г. проект был возвращен для доработки. 21 марта 1880 г. статс-секретарь МВД Л. С. Маков сообщил военному министру о провале проекта. 23 июля того же года Д. А. Милютин направил в МВД проект временных правил конской переписи и просил внести их на утверждение. 30 сентября 1880 г. новый министр внутренних дел М. Т. Лорис-Меликов, вполне соглашаясь с временными правилами, предложил военному министру самому внести их на утверждение в связи с пересмотром Положения о военно-конской повинности. Вместе с тем он сообщал, что в случае утверждения временных правил МВД примет все меры, от него зависящие, для выполнения столь важного для государственной обороны дела [27].

В 1882 г. были наконец разработаны временные правила, на основании которых было решено произвести военно-конскую перепись. В циркуляре МВД губернаторам от 24 июля 1882 г. были изложены правила переписи, проведение которой возлагалось на губернские по воинской повинности присутствия при участии секретарей губернских статистических комитетов [28]. Переписи подлежала почти вся Европейская Россия (не обследовались Область Войска Донского, Архангельская губ., части Бессарабской, Вологодской и Пермской губерний, а также лошади Оренбургского и Астраханского казачьих войск, калмыков и киргизов).

При участии командированных Военным министерством офицеров с 15 августа по 15 октября 1882 г. была проведена полная проверка конского поголовья во всех уездах Европейской России, за исключением упомянутых ранее ее частей. Для наблюдения за ходом переписи и единообразным применением правил, а также для разрешения возникающих на местах недоразумений были командированы 12 наблюдателей (по 6 от Военного министерства и МВД). На этих лиц, учитывая печальный опыт неудачной

переписи 1876 г., возложили задачу обучения приемам переписи офицеров, командированных в каждую губернию, которые, в свою очередь, проинструктировали членов местных комиссий.

В ряде пунктов, предварительно определенных Главным штабом, наблюдающие в присутствии губернских инструкторов проводили пробные переписи, а затем инструкторы объезжали уездные города и разъясняли подробности инструкции заведующим военно-конскими участками. Организаторы переписи принимали все меры для того, чтобы не повторять ошибок неудачной переписи 1876 г. Тем не менее и на этот раз не обошлось без накладок. Так, некоторые заведующие военно-конскими участками в графы, указывающие разделение лошадей по росту, вносили только число годных к немедленному употреблению в работу, в то время как это требование относилось ко всем лошадям[29]. Все подготовительные мероприятия проводились под общим руководством председателя Статистического совета П. П. Семенова.

Одна из особенностей переписи 1882 г. состояла в том, что еще в начале года Главное управление государственного коннозаводства решило провести конскую перепись только по сельским обществам в 34 губерниях, в которых были введены земские учреждения. МВД по просьбе главноуправляющего государственным коннозаводством издало циркулярное распоряжение об оказании содействия в предоставлении необходимых сведений. Одновременно министр внутренних дел выразил пожелание, чтобы бланки переписи были предварительно рассмотрены в ЦСК. По предложению П. П. Семенова было решено воспользоваться этим случаем для сбора по разработанной им форме сведений не только о крестьянских, но и о помещичьих лошадях. Проведение переписи намечалось с 1 по 22 сентября. Кроме цифровых данных, агенты Главного управления государственного коннозаводства должны были доставить описательный материал о лошадях данной местности. Почти одновременно с подготовкой к этой переписи в связи с заявлениями ряда губернских по воинской повинности присутствий о невыполнимости составленной в 1881 г. Главным штабом разверстки поставки населением лошадей для войск в случае войны Военное министерство признало необходимым для уточнения мобилизационных расчетов проведение конской переписи.

В конце 1882 г. стали поступать материалы в Главное управление коннозаводства, а в начале 1883 г. была начата их обработка. Одновременно была образована под председательством П. П. Семенова комиссия по разработке собранных материалов для целей военного ведомства в составе 12 лиц, осуществлявших наблюдение за ходом военно-конской переписи. Так как обе переписи могли дополнить одна другую и даже служить в какой-то мере проверкой данных как той, так и другой, П. П. Семенов предложил объединить все материалы и выразил готовность взять на себя руководство при разработке статистических данных и подготовке их к печати. Главноуправляющий коннозаводством И. И. Воронцов-Дашков согласился с предложением П. П. Семе-

нова, несмотря на то что пришлось даже несколько изменить первоначальную программу. По результатам обработки материалов в ЦСК в течение 1883 и частично в 1884 г. была подготовлена и прекрасно издана публикация «Конская перепись 1882 г.».

В этом издании статистический материал представлен в 10 таблицах. В первой таблице показано общее число лошадей в сельских обществах и в городах с распределением по полу, возрасту и росту, а также по отношению к пространству и населению (на 100 верст и на 100 чел.). Во второй таблице показано распределение лошадей только сельских обществ по полу и возрасту, соотношение общего числа дворов и безлошадных[30], а также соотношение численности крестьянского населения мужского пола и количества земли всей и пахотной, находившейся в пользовании крестьян. Третья таблица отражает распределение лошадей, принадлежавших землевладельцам, по полу и возрасту и с показом отношений малолетков к общему числу лошадей, а также ко всей и пахотной владельческой земле. Четвертая таблица показывает распределение по полу, возрасту и росту лошадей в городах с конским поголовьем свыше 1000. Пятая-десятая таблицы содержат сведения, касающиеся состояния государственного и частного коневодства в стране.

Порядок расположения губерний в таблицах алфавитный, но, так как не для всех губерний можно было привести одинаковые данные, составители разделили их на три группы: а) 45 губерний, по которым (за исключением Бессарабской, где отсутствовали данные о пахотной земле) были собраны сведения по полной программе; б) 3 Прибалтийские, по которым у составителей не оказалось данных о крестьянском населении, числе дворов и землевладении; в) 10 Привислинских, по которым не было сведений о населении и землевладении.

Кроме данных, полученных во время конской переписи 1882 г., составители привлекли сведения из других источников. Так, цифры об отношении лошадей к населению были исчислены на основании данных, опубликованных ЦСК в 1875 г. («Статистический временник Рос. имп.», вып. 10), с добавлением среднего прироста за 12 лет, за исключением столиц, для которых были приняты цифры последних переписей (в Петербурге — в 1881 г. и в Москве — в 1882 г.). Следует иметь в виду, что в рубриках, относящихся к сельским обществам, показаны лошади, принадлежавшие не только крестьянам, но и другим лицам, проживавшим на землях сельских обществ, так же как в рубриках, относящихся к землевладельцам, показаны лошади владельческие и лиц, проживавших во время переписи на землях частных владельцев.

В материалах, поступивших в Главное управление коннозаводства из 34 земских губерний, по некоторым уездам отсутствовали сведения о численности крестьянского населения и количестве дворов, а по некоторым уездам по ряду причин материалы

не были приняты [31]. По этим уездам данные о числе дворов (в том числе безлошадных) основаны на материалах военно-конской переписи, а о крестьянском населении — взяты из «Статистики поземельной собственности и населенных мест Европейской России». Но в последней наличное население приведено на 1877 г., поэтому население 1882 г. исчислено на основании среднего прироста, выведенного в этом издании. Из него же заимствованы данные для остальных 11 губерний, по которым Главное управление коннозаводства данных не собирало (Астраханская, Виленская, Витебская, Вологодская, Гродненская, Киевская, Ковенская, Минская, Могилевская, Оренбургская, Подольская) [32]. В ряде случаев, указанных в предисловии к изданию, из-за отсутствия или неполноты сведений составители вынуждены были прибегнуть к интерполяции.

Разработка материалов, вошедших в данное издание, осуществлена крупными для своего времени специалистами, принимавшими непосредственное участие в производстве военно-конской переписи: М. П. Каблуковым, П. В. Охочинским, Г. Г. Ершовым, Р. А. Рейнботом под руководством П. П. Семенова, составившего общий обзор коневодства Европейской России. В нем рассматривается распределение всей массы лошадей по полу и возрасту в сравнении с рядом зарубежных стран, анализируются собранные сведения по 15 различным по характеру коневодства группам губерний или областям [33]. П. П. Семенов характеризует главные элементы конской статистики: отношение конского поголовья к пространству, к численности населения, возрастное распределение лошадей, т. е. пропорция рабочих лошадей и жеребят (сосунов), зависимость половой структуры стада от местных условий. Далее он анализирует одну из важнейших сторон переписи — распределение лошадей рабочего возраста по росту: ниже мерки, имевшие рост от 1 арш. 14 верш. до 2 арш. и от 2 арш. и выше. Большое значение имеет разработка данных о распределении лошадей между владельческими и крестьянскими хозяйствами. По всем обследованным губерниям распределение было следующим: 85,9% принадлежало крестьянам, 11,7 — землевладельцам и 2,4% — городам. «Какое значение имеют лошади в крестьянских хозяйствах,— читаем в обзоре Семенова,— видно из того, что крестьяне в Европейской России (кроме Царства Польского и Прибалтийских губерний) держат на каждые 100 дес. своей надельной земли по 14 лошадей, между тем как у владельцев на 100 дес. владеемой ими земли приходится немного более 2-х лошадей, что, конечно, объясняется отчасти и тем, что в крестьянских наделах состоит большая пропорция пашен, чем во владельческих землях [34], но и по отношению к количеству пашни у крестьян несравненно более лошадей, чем у владельцев, а именно на 100 дес. пашни у первых приходится 25 лошадей, а у вторых 9». Такое положение объяснялось еще и тем, что крестьянскими лошадьми обрабатывалась в значительной мере и помещичья пашня, но, во всяком случае, делает вывод П. П. Се-

менов, это обстоятельство ставило крестьян в лучшие условия относительно удобрения почвы, чем помещиков [35].

Некоторый излишек лошадей у крестьян обусловливался особенностями мелкого хозяйства, владелец которого стремился не прибегать к найму инвентаря у более состоятельных соседей, а также меньшей работоспособностью крестьянской лошади по сравнению с лошадью помещика. Соотношение же количества лошадей с размером пашни у землевладельцев свидетельствует о расчетах последних на использование рабочего скота наемщиков земли. К такому выводу пришел П. Г. Рындзюнский на основании составленной им таблицы среднего числа десятин пашни, приходившейся на 1 лошадь у частных владельцев и крестьян в 1881—1882 гг. Он пишет, «что к концу первого двадцатилетия после реформы помещики в основной своей массе ориентировались на эксплуатацию труда крестьянина, вооруженного его собственными примитивными орудиями производства» [36]. Следует также иметь в виду то, что, по мнению ряда специалистов, в России число лошадей по отношению к культурной площади вообще было ненормально высоким,— обстоятельство, являвшееся одним из выражений общей отсталости сельского хозяйства страны [37].

Далее в обзоре П. П. Семенова анализируется отношение числа лошадей к числу крестьянских дворов. Из приведенных данных видно, что наибольшее число лошадей на двор (в среднем по Европейской России, если отбросить безлошадные дворы, оно составляло 2,35 лошади) приходилось в тех областях, где крестьянство занималось по преимуществу земледелием, и тем большее, чем обильнее были кормовые средства. Этому общему правилу не соответствуют украинские губернии, где в крестьянских хозяйствах рабочие лошади в значительной мере заменялись волами.

В названных губерниях наблюдалась и наибольшая пропорция безлошадных дворов (от 40 до 50%). В среднем по Европейской России безлошадные дворы составляли 27,5%. Близко к средней пропорция безлошадных была в областях, в которых в связи с быстрым увеличением населения и, следовательно, усилением малоземелья многие крестьяне вынуждены были переходить к неземледельческим занятиям или наниматься в батраки. Менее средней пропорция была в областях, где наделы были выше (например, Юго-Восточная, Степная, Уральская, Озерная), либо там, где и при небольших наделах можно было пользоваться сервитутными пастбищами или дешевым наймом земли (Литовская и Белорусская области).

П. П. Семенов полемизировал со сторонниками точки зрения, высказывавшейся в тогдашней печати, что количество безлошадных беспрерывно и быстро увеличивалось, что число лошадей в крестьянских хозяйствах сильно уменьшалось и что все зто являлось доказательством упадка крестьянского хозяйства и ухудшения благосостояния сельского населения вообще на протяже-

нии всего пореформенного двадцатилетия. Относительно украинских губерний основная причина уменьшения в хозяйствах лошадей, по его мнению, заключалась в замене лошади волом. Во всех остальных областях число безлошадных дворов сильно увеличилось, хотя и до реформы их было много. Основная причина дальнейшего роста числа безлошадных после 1861 г., по мнению П. П. Семенова, заключалась в том, что после освобождения от крепостной зависимости при быстром росте населения и при неизменном наделе все большая часть крестьянских хозяйств переходила к неземледельческим занятиям и, следовательно, тем большая часть их становилась безлошадной. В связи с более быстрым по сравнению с дореформенным временем ростом населения, еще более усиливавшимся вследствие раздела числа дворов (что раньше искусственно сдерживалось крепостным правом), многие из дворовладельцев утратили возможность самостоятельного хозяйничанья, превратились в безлошадных, батрацких или занимавшихся только отхожими промыслами. Но такое положение, пишет П. П. Семенов, бывало чаще всего временным: стоило батраку или отхожему промышленнику заработать себе небольшой оборотный капитал, как он возвращался на сданный им временно в пользование односельчанина земельный участок, покупал себе лошадь, и безлошадный двор снова становился конным. Поэтому, по его мнению, по пропорции безлошадных дворов нельзя было судить об уровне крестьянского благосостояния [38].

С этим утверждением П. П. Семенова нельзя согласиться безоговорочно, ибо, как правило, безлошадный крестьянин располагал и нищенским наделом. Живучесть барщинной формы эксплуатации, длительность и грабительский характер выкупной операции, сохранение в течение десятилетий пережитков крепостничества — вот основные причины поляризации и буржуазной дифференциации деревни. На одном полюсе вырастала небольшая горстка деревенской буржуазии, на другом — беднота, пауперы, среди которых большинство составляли безлошадные и однолошадные крестьяне.

Отвергает П. П. Семенов и распространенное в то время мнение относительно быстрого уменьшения общей численности лошадей в Европейской России. Хотя имевшиеся в ЦСК данные о конском поголовье 1864 и 1870 гг., как уже отмечалось, были получены не в результате переписи, а полицейским порядком, П. П. Семенов, определив погрешность для первого случая в 12%, а для второго в 10%, счел возможным провести сравнение с данными переписи 1882 г. Сравнение показало, что за 18 лет при максимальной поправке на 12% общая численность лошадей с 1864 по 1882 г. возросла на 23%, что превышало процент прироста населения за тот же период [39]. Расчеты П. П. Семенова, по-видимому, справедливы для первого пореформенного двадцатилетия. В дальнейшем, как мы увидим, происходил процесс уменьшения численности лошадей за счет главным образом пау-

перизации деревни, разорения крестьянства, увеличения ее беднейшей части, а также как результат внедрения в хозяйствах сельской буржуазии усовершенствованных сельскохозяйственных орудий и машин.

Вслед за обзором П. П. Семенова в публикации помещена написанная секретарем Главного управления коннозаводства, членом Статистического совета М. Т. Каблуковым статья о значении заводских конюшен в деле улучшения пород лошадей, а затем — отредактированные П. П. Семеновым при участии директора канцелярии управления И. К. Мердера краткие описания-справки по всем обследованным губерниям, содержащие сведения, собранные членами местных комиссий во время переписи.

В издании помещены образцы переписных бланков, а также в извлечениях текст циркуляра МВД губернаторам от 24 июля 1882 г. о производстве конской переписи [40].

В мае 1884 г. Положение о комплектовании войск лошадьми во время войны было значительно обновлено. В связи с этим военному министру было поручено совместно с заинтересованными ведомствами, прежде всего с МВД, завершить разработку проекта Положения о конской переписи, с тем чтобы он мог быть утвержден до 1 января 1888 г. Работа по проекту была возложена на комиссию в составе представителей Главного штаба, МВД, Министерства финансов, а также ведомств Государственного коннозаводства и Государственного контроля [41].

8 февраля 1888 г. было наконец утверждено постоянное Положение о военно-конской переписи [42]. Этим была завершена начатая в 1874 г. военная реформа. В соответствии с указанным Положением на территории, определенной по взаимному соглашению военного министра и министра внутренних дел, переписи подлежало все конское поголовье в 41 губернии западной и центральной России [43]. В те районы переписи, в которые входило по нескольку губерний, в целях единообразия в применении установленных правил и для устранения возможных недоразумений были назначены особые уполномоченные от Военного министерства и МВД.

Перепись проводилась с 15 августа по 15 октября 1888 г. Она, как и предыдущая, была разделена на две части, без промежутка следовавшие одна за другой. Первая часть состояла в самой переписи, т. е. в исчислении общего количества лошадей по каждому военно-конскому участку с подразделением их на малолетков и рабочих, а вторая — в измерении лошадей рабочего возраста с подразделением затем на полномерных (т. е. выше 1 арш. 14 верш.), по сортам (верховые, артиллерийские, обозные, вьючные) и в определении числа лошадей каждого сорта, годных к поставке в войска.

По окончании переписи заведующие военно-конскими участками составили свод сведений, заключенных в переписных бланках, а совместно с прикомандированными офицерами составили сводку описаний условий и характера местного коневодства и

через уездные и губернские по воинской повинности присутсвия представили весь материал в ЦСК, Главный штаб и в земский отдел МВД. В ЦСК материал был разработан и отпечатан в виде предварительного свода данных, необходимых военному ведомству. Однако громадный объем собранных сведений побудил ЦСК, не ограничиваясь разработкой данных, необходимых для мобилизационных целей, попытаться извлечь из переписных бланков все, что могло быть полезно для административных и научных целей.

В публикации[44] материалы переписи 1888 г. разработаны в 10 таблицах. В таблице I «Общие результаты военно-конской переписи» отражены сведения по губерниям о числе конных дворов и лошадей в них с подразделением их по возрасту, а рабочих по полу; об отношении количества лошадей к пространству и населению; сравнительные данные с переписью 1882 г. Следует подчеркнуть (это относится ко всем таблицам), что при разработке материалов переписи рабочий возраст для лошадей был принят с 5 лет, в то время как в предыдущей переписи он начинался с 4 лет. По заявлению составителей пятилетний возраст был принят потому, что, как показал опыт, до достижения этого возраста лошади оказывались не вполне годными для военных целей. Такой начальный возраст для рабочей лошади, конечно, не соответствовал общепринятому, в особенности у крестьян, которые к работе приучали лошадей на третьем и четвертом годах, четырехлетки же почти во всех хозяйствах использовались как на сельских, так и на других работах[45].

В таблицах II—IV представлены поуездные данные о лошадях с подразделением их по полу, возрасту и росту (отдельно у крестьян, землевладельцев и других лиц, не принадлежавших к сельским обществам, и горожан). В графах сельских обществ показано общее число дворов, число и процент безлошадных. В таблице V по каждому уезду отражены сведения о коневладельцах по числу имевшихся в их распоряжении лошадей также по названным трем категориям. В таблицах VI—VIII отражено распределение в хозяйствах всех категорий владельцев лошадей по числу, возрасту и полу, и в том числе только рабочих лошадей. Таблица IX содержит сравнительные данные переписей 1882 и 1888 гг. по уездам и категориям владельцев. В ней показано также число крестьянских лошадных дворов, за исключением трех Прибалтийских губерний, по которым отсутствовали подобные данные за 1882 г. В таблице X, итоговой по губерниям, отражено сословное распределение коневладельцев (по рубрикам: дворяне, духовенство, купцы, мещане, крестьяне, общества и учреждения, прочие) с указанием у них как общего числа лошадей, так и распределения лошадей по возрасту и полу отдельно для землевладельцев и других лиц, проживавших в уездах, и горожан.

Вступительная статья составителя публикации А. А. Сырнева построена примерно по тому же плану, что и обзор П. П. Се-

менова конской переписи 1882 г. Приводятся сравнительные данные с зарубежными странами по числу лошадей на 100 чел. и на одну квадратную версту. В те времена только в США на население приходилось лошадей почти столько же, сколько в России (соответственно 20,5 и 20,8), а в Западной Европе лишь в Дании этот процент был значительным (17,5). Несмотря на обширность территории Российской империи, лишь в двух густонаселенных государствах (Бельгии и Дании) отношение лошадей к пространству было выше (10,5 и 10,3), чем в России (8,7).

Далее рассматривается указанное соотношение по губерниям. Оно зависело от экономических условий, прежде всего от густоты населения, характера его основного занятия, уровня жизни, а также от характера местности, который обусловливал большую или меньшую необходимость пользоваться лошадью, больший или меньший размер луговых и пастбищных угодий. Автор статьи не смог рассмотреть соотношение количества лошадей с площадью посевов, луговых и пастбищных угодий по отдельным местностям, так как к этому времени в ЦСК еще не была завершена разработка статистических данных о распределении земель по угодьям, собранных в результате переписи 1887 г.[46]

А. А. Сырнев отметил интересную закономерность: обратную пропорциональность количественного и качественного соотношения лошадей рабочего возраста. Многие из губерний, которые по отношению лошадей к пространству были последними, по качеству их являлись первыми. Причем, как следует из анализа цифровых данных, в большинстве случаев более сильные лошади были вместе с тем и более рослыми. Что касается распределения лошадей по росту, то и здесь выявляется уже отмеченная закономерность: рослые принадлежали преимущественно горожанам, затем землевладельцам и другим лицам, проживавшим в уездах, и в последнюю очередь крестьянам, хотя были и отдельные исключения из общего правила.

Из распределения лошадей по полу и из отношения рабочих лошадей к малолеткам, в особенности к сосунам, можно составить представление о состоянии коневодства в той или иной местности: большая пропорция малолетков — признак коневодческой области, меньшая — наоборот.

Среди разных категорий владельцев лошади, что вполне естественно, распределялись неравномерно. В общем по всем обследованным губерниям крестьянам, входившим в сельские общества, принадлежал 81,7% всех лошадей, а если сюда прибавить лошадей, принадлежавших крестьянам, проживавшим вне сельских обществ, то общее количество крестьянских лошадей составляло 84,4% всех учтенных в 1888 г. В среднем же на каждый лошадный двор всех категорий приходилось 2,2 лошади, а на крестьянский двор вообще — 1,6 лошади. Выше среднего был процент лошадей в губерниях, где крестьяне занимались преимущественно земледелием, ниже — в неземледельческих гу-

берниях либо в таких земледельческих губерниях, где у многих крестьян на сельских работах лошадь заменялась волом.

Пропорция безлошадных дворов у крестьян зависела от названных причин, а также от процента дарственников. По сравнению с 1882 г. процент безлошадных дворов увеличился в Киевской, Гродненской, Нижегородской, Тульской, Ковенской, Курской, Ярославской, Тамбовской, Владимирской и Харьковской губерниях (от +3,7% до +0,2%), уменьшился в Волынской, Минской, Воронежской, Петербургской, Калужской, Черниговской, Псковской, Орловской, Рязанской, Тверской, Смоленской, Полтавской, Витебской, Могилевской, Московской, Виленской, Новгородской и Подольской (от –5,1% до – менее 1%) [47].

Из 31 губернии Европейской России (мы не принимаем в расчет 10 Привислинских) по сравнению с переписью 1882 г. уменьшение общего числа лошадей произошло лишь в Курской, Нижегородской, Тульской, Харьковской и Эстляндской губерниях, что можно объяснить, вероятно, отвлечением в этих местностях значительной массы сельского населения в развивавшуюся промышленность, железнодорожное строительство и другие неземледельческие промыслы.

В публикации материалов военно-конской переписи 1888 г., кроме принятого разделения владельцев на три указанные категории, лица, проживающие в уездах, и горожане разделены по сословиям. Оказалось, что, например, крестьяне по числу лошадей занимали третье место среди землевладельцев и других лиц (после дворян и мещан) и второе – среди городских жителей (после мещан).

Как сказано, в переписи 1882 г. не были разработаны данные о распределении коневладельцев по числу имевшихся у них лошадей, поэтому сравнение с такими данными переписи 1888 г. не представляется возможным.

В июле 1891 г. была проведена перепись конского поголовья в 17 губерниях Европейской России, в которых таковая не проводилась в 1888 г., и на Кавказе, куда, в частности, для наблюдения за ходом переписи был командирован директор ЦСК Н. А. Тройницкий, который по распоряжению министра внутренних дел И. Н. Дурново составил «Предварительный свод данных военно-конской переписи на Кавказе» [48].

В июне 1893 г. военно-конская перепись была проведена в губерниях: Воронежской, Казанской, Курской, Нижегородской, Оренбургской, Орловской, Пензенской, Рязанской, Самарской, Саратовской, Симбирской, Тамбовской, Тульской, Уфимской, а 1894 г.– в губерниях: Виленской, Витебской, Владимирской, Волынской, Гродненской, Калужской, Киевской, Ковенской, Курляндской, Лифляндской, Минской, Могилевской, Московской, Новгородской, Подольской, Полтавской, Псковской, Петербургской, Смоленской, Тверской, Харьковской, Черниговской, Эстляндской, Ярославской, а также в 10 Привислинских губерниях.

Обработанные материалы этих переписей были изданы со-

вместно[49]. Из первых 14 губерний в 7 (Воронежской, Тамбовской, Рязанской, Нижегородской, Тульской, Курской и Орловской) была отмечена убыль лошадей по сравнению с переписью 1888 г. от 30 до 13%, а в абсолютном исчислении почти на 3 млн голов. Несколько меньший процент убыль составила в других 7 губерниях, в которых перепись была проведена всего с двухгодичным перерывом. Из 24 губерний, обследованных в 1894 г., только в 9 (Минской, Гродненской, Виленской, Эстляндской, Витебской, Полтавской, Псковской, Петербургской, Харьковской) наблюдалась прибыль лошадей, причем значительная только в первых трех (5,4; 11,4 и 14,3%), а в остальных 15 губерниях оказалась убыль конского поголовья[50]. Основной причиной убыли лошадей явился неурожай 1891 г., от которого больше всего пострадали 14 губерний, обследованных в 1893 г. В них при незначительном увеличении общего числа крестьянских дворов, произошло значительное увеличение безлошадных дворов. У помещиков этих же пострадавших губерний убыль лошадей была ничтожной, а в губерниях, обследованных в 1894 г., произошло даже некоторое увеличение их числа[51].

В 1896 г. перепись была проведена в Астраханской, Бессарабской, Екатеринославской, Таврической, Херсонской губерниях и на Кавказе[52]. По сравнению с предыдущей переписью во всех обследованных губерниях, за исключением Астраханской, произошло значительное увеличение общего числа лошадей у всех владельцев, в том числе у крестьян, что, очевидно, было вызвано ростом населения этих губерний, а также благоприятными условиями содержания лошадей (обширные степные пространства).

Материалы военно-конских переписей 1893—1894 и 1896 гг. были разработаны и изданы под редакцией А. А. Сырнева по тому же плану, что и перепись 1888 г., за исключением того, что группа остальных (кроме рабочих и сосунов) лошадей подразделена на «малолетков до 4-х лет» и «4-х летков». Это обстоятельство следует иметь в виду, учитывая ту роль, которую в крестьянском хозяйстве играли лошади 4-летнего возраста. Кроме того, такое подразделение дает возможность сравнивать данные этих и последующих переписей с данными переписи 1882 г., при проведении которой именно такая грань была установлена между рабочим и нерабочим возрастом лошадей. В данной публикации в таблицы по кавказским губерниям прибавлены сведения о числе мулов (малолетков и рабочего возраста).

Результаты каждой военно-конской переписи, проведенной в начале XX в., были изданы в отдельности[53], а затем обобщены в одной публикации[54]. В трех таблицах последней публикации в погубернских итогах указаны численность и состав лошадей, число конских заводов, конских ярмарок и базаров и некоторые другие сведения. Поскольку в публикации объединены сведения переписей, проводившихся в разное время, в основной (первой) таблице в отдельной графе указан год переписи, что позволяет вводить при необходимости поправки. Что касается сведений о

конских заводах, ярмарках и базарах, то такие сведения собирались и ранее, но разработаны были впервые в этом издании. Кроме того, приведены в виде таблиц (V и VI) цифровые данные Ветеринарного управления за 1903 г. о главнейших болезнях лошадей и об организации ветеринарной службы.

В текстовой части публикации сравниваются основные показатели о количестве лошадей по отношению к пространству и населению в России и других государствах. В двух таблицах (в абсолютных и относительных величинах) показано положение коневодства по крупным регионам: 1. Северный и Озерный; 2. Прибалтийский и Северо-Западный; 3. Центральный и Средневолжский; 4. Заволжский; 5. Днепровский и Волжско-Донской; 6. Южный степной; 7. Заднепровский; 8. Предкавказский; 9. Закавказский. Колебания, наблюдавшиеся в густоте лошадей отдельных регионов, а также в их относительной численности на 100 жителей, как отмечалось, находились в прямой зависимости как от общих причин, т. е. от размеров территории и густоты населения, так и от частных причин, в первую очередь от способа обработки полей и от большей или меньшей степени использования лошадей в качестве средств передвижения и перевозки грузов. Из распределения конского поголовья между владельцами видно, что наибольшая часть его (84,2%) находилась в руках крестьян, что вполне согласуется с численностью их в стране (около 83,3%, по переписи 1897 г.).

В публикации анализируются данные о возрастной и половой структуре стада, о численности породистых и улучшенных лошадей по упомянутым регионам. Бо́льшая часть конских заводов (государственных и частных) была сосредоточена в Днепровском и Волжско-Донском районах и на Кавказе. Торговля лошадьми производилась преимущественно на ярмарках и базарах; в пределах Европейской России и Кавказа на 2137 базарных пунктах проводилось около 5500 ярмарок. По количеству ярмарок первое место занимали Днепровский и Волжско-Донской районы; наименее была развита торговля лошадьми в Закавказье. Наиболее интенсивно торговля лошадьми велась весной и осенью, а летом в разгаре страды она значительно сокращалась и резко падала в зимнее время.

Несмотря на громадную численность поголовья лошадей, экспорт в зарубежные страны был незначительным, что является свидетельством того, что в России вся масса лошадей была необходима ее населению, прежде всего крестьянству, как сравнительно дешевая и удобная в использовании рабочая сила.

В анализируемой публикации, впервые опять же по районам, рассматривается статистика распространения болезней лошадей. В наиболее благоприятном положении были районы Прибалтийский, Северо-Западный и Закавказье, в наименее благоприятном — Северный и Озерный. В тесной связи с заболеваниями находилась и организация ветеринарной службы. В целом по Европейской России одна больница или амбулатория приходилась на

35,5 тыс. лошадей, одна аптека — на 43,9 тыс., один ветеринар — на 5,4 тыс. лошадей.

Последние переписи конского поголовья в дореволюционной России были проведены в 1908 [55] и в 1912 гг.[56] Первая проводилась в четырех губерниях Сибири (Енисейской, Иркутской, Тобольской и Томской) и двух областях Средней Азии (Акмолинской и Семипалатинской) и охватывала только оседлое население. Полученные данные разработаны в 9 таблицах по плану предшествующих переписей.

Большой интерес для исследователей представляет военно-конская перепись 1912 г. Собранные данные были разработаны в ЦСК по оправдавшему себя плану предыдущих публикаций. Переписью была охвачена почти вся территория государства, а именно 78 губерний и областей Российской империи. Впервые путем одновременного обследования удалось установить действительную величину конского поголовья во всей стране. По заключению ЦСК, отсутствие данных по нескольким, не имевшим существенного значения в коневодстве уездам не могло оказать какого-либо влияния на общий итог [57].

Цифровые данные переписи разработаны в 10 таблицах, а также отражены в 12 картограммах. Общие выводы из материалов переписи содержатся в вводной статье редактора ЦСК П. А. Бечаснова. Во всех таблицах, кроме общего итога по 78 губерниям и областям, выделяются итоги по 50 губерниям Европейской России, Кавказу, Сибири и Средней Азии. Вслед за вступительной статьей помещена таблица относительных данных, в которой по губерниям приведены сведения о том, сколько приходилось на 100 лошадей сосунов, малолетков, четырехлеток и лошадей рабочего возраста (5 лет и старше), сведения о половом составе и распределении по ростам лошадей только рабочего возраста и о среднем числе лошадей на один крестьянский двор. Первая таблица отражает общие результаты переписи по каждой губернии. В остальных таблицах в уездных и губернских итогах показаны данные по категориям владельцев о количестве, возрастной и половой структуре стада, о распределении лошадей по ростам в соответствии с установками военного ведомства. К первым четырем таблицам прилагаются таблицы сведений о мулах в губерниях и областях Кавказа. Отдельной строкой в таблицах выделены данные о лошадях, принадлежавших казакам. В таблицах отмечены уезды, по которым отсутствовали сведения. Одна из таблиц (IX) показывает увеличение или уменьшение числа лошадей сравнительно с предыдущими переписями (с общими, губернскими и уездными итогами).

Согласно переписи, в 78 губерниях и областях империи были учтены 32 835 963 лошади, из которых в рабочем возрасте (5 лет и старше) было 22 984 291 лошадь, или 70%, четырехлеток — 1 809 986, или 5,5%, малолетков — 5 750 886, или 17,5%, сосунов — 2 290 000, или 7,0%. В России накануне первой мировой войны было почти вдвое больше лошадей, чем во всей Западной

Таблица 7

Группировка лошадных хозяйств по переписи 1912 г.*

Группа хозяйств	Владельцы всех лошадей и мулов		У них лошадей и мулов	
	всего	%	всего	%
С 1 лошадью	5 615 094	43,7	5 615 094	17,4
С 2 лошадьми	3 799 241	29,5	7 598 482	23,6
С 3 »	1 432 812	11,1	4 298 436	13,3
С 4 лошадьми и более	3 018 998	15,7	14 690 662	45,7
Итого	12 866 145	100,0	32 202 674	100,0

Группа хозяйств	Владельцы только рабочих лошадей и мулов		У них рабочих лошадей и мулов	
	всего	%	всего	%
С 1 лошадью	6 681 982	56,0	6 681 982	29,6
С 2 лошадьми	3 461 280	29,1	6 922 560	30,6
С 3 «	794 291	6.6	2 382 873	10,5
С 4 лошадьми и более	975 852	8,3	6 616 312	29,3
Итого	11 913 405	100,0	22 603 727	100,0

* Военно-конская перепись 1912 г. С. VI.

Европе. Между двумя переписями (начала века и 1912 г.) численность лошадей уменьшилась в 39 губерниях. По данным таблиц можно составить представление о группировках лошадных хозяйств (табл. 7).

Из табл. 7 следует, что в стране 56% владельцев имели по одной рабочей лошади (29,6% всех лошадей), около 30% владельцев двух рабочих лошадей располагали 30,6% их общего числа, а в руках владельцев 3—4 и более рабочих лошадей (около 40% всех коневладельцев) находилось почти 40% всех лошадей рабочего возраста. Рассмотрим распределение всех лошадей по категориям владельцев (табл. 8).

Из таблицы видно, что большинство лошадей принадлежало крестьянам сельских обществ (87,5%); процент этот повысится, если присоединить сюда крестьян из двух других категорий коневладельцев (более 30 млн лошадей, или 91,6%)[58]. Из 17 308 000 крестьянских дворов во всех обследованных губерниях и областях почти 5 540 000, или 32%, были безлошадными. В Европейской России на один лошадный двор в среднем приходилось 2 лошади.

Таблица 8

Распределение лошадей между категориями владельцев по переписи 1912 г.*

Лошади	У крестьян в сельских обществах		У других владельцев в уездах		У горожан	
	всего	%	всего	%	всего	%
Всего	28 714 637	87,5	3 354 290	10,2	767 036	2,3
Из них:						
малолетков	8 757 898	30,4	1 020 075	30,4	73 699	9,6
рабочих	19 956 739	69,9	2 334 219	69,6	693 337	90,4
В числе рабочих лошадей:						
малорослых от 1 арш.	5 983 735	30,0	567 869	24,3	80 716	11,4
14 верш.	8 683 585	43,5	614 564	26,3	184 642	26,6
от 2 арш. и выше	5 289 419	26,5	1 151 782	49,4	427 979	61,7

* Военно-конская перепись 1912 г. С. IX.

В работе «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин из материалов военно-конских переписей 1888 и 1891 гг. выделил данные по 49 губерниям Европейской России (сведения по Области Войска Донского были неполными) и, соединив их, установил, что у 55,9% безлошадных и однолошадных крестьянских дворов было 17,2% рабочих лошадей, а 22% владельцев свыше 3 лошадей имели в своем распоряжении 56,3% рабочих лошадей. Рассмотрев для сравнения данные переписи 1893—1894 гг. по 38 губерниям Европейской России, В. И. Ленин выявил, что разрыв между крайними группами увеличился: у 16,5% зажиточных крестьян было 48,6% всех лошадей. «Если пятая доля дворов сосредоточивает половину всего числа лошадей,— писал он,— то отсюда безошибочно можно заключить, что в ее руках не менее (а вероятно, более) половины всего земледельческого производства крестьян»[59]. Именно это состоятельное меньшинство превращалось в сельскую буржуазию, в наибольших размерах пользовалось трудом батраков и поденщиков, являлось товаропроизводителем. Положение безлошадного и однолошадного крестьянства обратное: оно было наименее обеспечено надельной землей и за неимением инвентаря и семян зачастую вынуждено было сдавать ее состоятельным односельчанам. Безлошадному крестьянину, писал В. И. Ленин, своим хозяйством «никогда не прокормиться, и главным источником средств к жизни являются у него „промыслы“ или „заработки“, т. е. продажа своей рабочей силы. Это — класс наемных рабочих с наделом, батраков, поденщиков, чернорабочих, строительных рабочих и пр. и пр.»[60].

Таблица 9

Группировка крестьянских хозяйств 48 губерний Европейской России по данным 1888–1891 гг.*

Группа хозяйств	Крестьянские дворы			У них лошадей			На 1 двор — лошадей
	всего	%		всего	%		
Безлошадные	2 765 970	27,3	55,8	–	–		–
С 1 лошадью	2 885 192	28,5		2 885 192	17,1		1
С 2 лошадьми	2 240 574	22,2		4 481 148	26,5		2
С 3 »	1 070 250	10,6	22,0	3 210 750	18,9	56,4	3
С 4 лошадьми и более	1 154 674	11,4		6 333 106	37,5		
Всего	10 116 660	100		16 910 196	100		1,6

* См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 3. С. 135.

Данные последующих переписей подтверждают установленную В. И. Лениным закономерность. Соединив 5 южных губерний (по переписи 1896 г.) и 43 губернии (по переписи 1899—1900 гг.), В. И. Ленин вывел данные по 48 губерниям Европейской России. Исключив в целях сравнимости из данных 1888—1891 гг. сведения по Архангельской губ., в которой перепись не проводилась в 1900 г., получим данные о группировке крестьянских хозяйств для конца 80-х годов XIX в.[61] (табл. 9).

Применяя ленинскую группировку крестьянских хозяйств, рассмотрим эволюцию процесса расслоения в начале XX в., т. е. сравним данные двух военно-конских переписей — 1888—1891 и 1912 гг. Для сравнимости с ленинской таблицей из данных по 50 губерниям Европейской России исключим данные по Архангельской губ. и Области Войска Донского (табл. 10).

Сравнение данных табл. 9 и 10 свидетельствует о все усиливавшейся экспроприации крестьянства в начале XX в. Число дворов с 1888 по 1900 г. увеличилось почти на 1 млн, а к 1912 г.— более чем на 2 млн; число лошадей за этот же период уменьшилось на 4 млн. Быстро росло число безлошадных, а вместе с однолошадными они составляли свыше 9 млн по сравнению с 5,5 млн в 1888 г., т. е., как отмечал В. И. Ленин, весь рост числа дворов происходил за счет дворов бедноты. Процент богатых по числу лошадей значительно уменьшился (с 22% в 1888 г. до 6,1% в 1912 г.). Число средних по лошадности дворов осталось почти без изменений.

Приведенные данные полностью подтверждают наблюдавшийся в пореформенное время постоянный рост нищеты и экспро-

Таблица 10

Группировка крестьянских хозяйств в 48 губерниях Европейской России по данным 1912 г.*

Группа хозяйств	Крестьянские дворы			У них лошадей			На 1 двор — лошадей
	всего	%		всего	%		
Безлошадные	4 153 976	33,3	73,8	—	—		—
С 1 лошадью	5 051 353	40,5		5 051 353	39,0		1
С 2 лошадьми	2 499 193	20,1		4 998 386	38,5		2
С 3 »	432 770	3,4	6,1	1 298 310	10,0	22,5	3
С 4 лошадьми и более	309 615	2,7		1 581 307	12,5		5,1
Всего	12 446 907	100		12 929 356	100		1,2

* Военно-конская перепись 1912 г. Табл. VII—VIII.

приации крестьянства, чему способствовала и столыпинская аграрная политика. Соотношение между высшей и низшей группами крестьянства изменялось в сторону все большего разрыва. Крестьянство в целом также стало беднее лошадьми, так как и число и процент многолошадных уменьшились. Это, с одной стороны, по-видимому, говорит об упадке всего крестьянского хозяйства страны, а с другой — могло быть вызвано более широким применением машин и усовершенствованных сельскохозяйственных орудий и частичным восстановлением нормального отношения рабочего скота к размеру пашни у крестьянской буржуазии [62].

Разумеется, по одним лишь данным об изменениях в распределении лошадей нельзя судить об эволюции крестьянского хозяйства и крестьянства как сословия в пореформенную эпоху. В. И. Ленин по этому поводу писал: «Чтобы осмысленно взглянуть на разложение крестьянства, надо взять все в целом: и аренду, и покупку земель, и машины, и заработки, и рост торгового земледелия, и наемный труд» [63]. Именно в таком направлении идет изучение русской деревни советской исторической наукой в последние десятилетия.

Данные военно-конских переписей являются не только достоверным источником для освещения истории социального расслоения крестьянства. Они позволяют проследить изменения, происшедшие в конце XIX — начале XX в. в количественном и качественном составе лошадей. На основании этих источников, в частности военно-конских переписей 1888—1891 и 1912 гг., И. Д. Ковальченко в монографии о всероссийском аграрном рынке проанализировал данные о распределении рабочего скота

по отдельным регионам. Оказалось, что различия в распределении рабочего скота прежде всего были обусловлены характером развития земледельческого производства.

Данные военно-конских переписей привлечены исследователем также для анализа состояния рынка на рабочий скот. Последний использовался в основном в земледельческом производстве, что доказывается соотношением удельного веса районов в том и другом. Военно-конские переписи отражают чрезвычайную подвижность конского поголовья в количественном отношении, в территориальном распределении и в сословной принадлежности. Эта подвижность была, вероятно, следствием того, что «рынок рабочего скота был значительно более широким и свободным, чем рынок земельный» [64].

Подведем некоторые итоги. Мы стремились относительно подробно осветить историю подготовки и проведения военно-конских переписей, чтобы подчеркнуть то внимание, какое уделялось этому делу учреждениями и видными деятелями, в той или иной мере причастными к обеспечению безопасности государства. У истоков этого вида статистики стояли такие видные ученые и государственные деятели, как П. П. Семенов и Д. А. Милютин, принимавшие непосредственное участие в выработке методологии военно-конских переписей.

Специалисты-статистики признают, что данные военно-конских переписей являются более достоверными, чем статистические данные о других видах скота, так как проводились они для военных целей, при участии и под контролем военных властей, а в промежутках между переписями, как отмечалось, в соответствии с законом осуществлялась проверка состава высших категорий лошадей. Высоко оценивает достоинства этого источника В. Э. Ден, а историк русской статистики А. И. Гозулов выделяет их на фоне неудовлетворительного изучения животноводства в целом и относит статистику конского поголовья к числу выдающихся работ правительственной статистики [65]. А. Л. Вайнштейн также считает данные военно-конских переписей относительно (по сравнению с другими источниками) более точными. Они, по его мнению, мало пригодны для установления абсолютных итогов, так как значительно преуменьшены против действительности, в особенности по молодняку, не интересовавшему военное ведомство с точки зрения мобилизационных целей [66]. Имея в виду перепись 1912 г., проводившуюся в относительно благоприятных условиях, Вайнштейн установил, что значительный недоучет оказался в ней в результате пропуска крестьянских хозяйств (по его подсчетам, около 6%). В отчетах Ветеринарного управления, в которых давались сведения на конец календарного года, т. е. учитывалось минимальное поголовье, указано число лошадей несколько большее, чем по военно-конской переписи. Некоторое преуменьшение Вайнштейн обнаружил при сопоставлении анализируемой им переписи 1912 г. с подворными переписями [67]. Между тем относительно военно-конских переписей 80-х годов

такое сравнение приводит к противоположному выводу. Для 112 уездов, по земским переписям, проведенным в основном в первой половине 80-х годов, число крестьянских лошадей показано всего на 0,55% больше соответствующего итога конской переписи 1882 г. В 1888 г. для 7 уездов цифра земских переписей числа лошадей была на 0,87% ниже цифры, полученной в этих уездах военно-конской переписью того же года [68].

Приведенные примеры подтверждают мнение о том, что сведения военно-конских переписей достаточно точны. Разумеется, достоинства не должны заслонять и присущие им недостатки. Наиболее серьезным из них, по признанию составителей публикаций, является неодновременность обследования всей территории страны. Неточно выполнялось требование Положения 1888 г. о периодическом производстве переписей: в один год они производились в одних губерниях, в другой — в других губерниях. Поэтому общий конский состав при своей крайней подвижности не может быть точно установлен к определенному моменту, за исключением, быть может, как отмечалось, переписи 1912 г., итоговые данные которой относительно близки к истине.

Военно-конские переписи благодаря единообразию правил их проведения и устойчивости методики обработки данных в ЦСК правильно отражают динамику развития конского поголовья в стране. Динамика, а не установление абсолютных итогов интересовало прежде всего В. И. Ленина. Вероятно, можно согласиться с Вайнштейном в том, что, если ввести в итоги военно-конских переписей поправки на недоучет поголовья, картина расслоения крестьянства предстанет еще в более ярком и выпуклом виде, так как сокрытие рабочих лошадей и недоучет молодняка могли иметь место прежде всего среди зажиточных хозяйств [69]. Именно динамика во временном, территориальном и сословном распределении лошадей, а не абсолютные итоги, также вполне близкие к истине, интересуют и советских историков, привлекающих к своим исследованиям материалы военно-конских переписей.

Публикации данных военно-конских переписей являются выдающимся памятником русской статистики и ценнейшим источником по социально-экономической истории России периода капитализма.

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 3. С. 133, 135, 138–140; Т. 16. С. 199–200; Т. 17. С. 115.

[2] Сошлемся в этой связи на два капитальных исследования: *Ковальченко И. Д., Милов Л. В.* Всероссийский аграрный рынок, XVIII – начало XX в.: Опыт количеств. анализа. М., 1974. С. 283–317; *Рындзюнский П. Г.* Утверждение капитализма в России, 1850–1880 гг. М., 1978. С. 152–184.

[3] *Вайнштейн А. Л.* Из истории предреволюционной статистики животноводства: (О численности поголовья скота к началу и изменениях ее в годы первой мировой войны) // Очерки по истории статистики в СССР. М., 1960. Вып. 3. С. 86–115; *Островский А. В.* О достоверности материалов военно-конских переписей как источника по истории социаль-

ного расслоения крестьянства // Северный археографический сборник. Вологда, 1978. Вып. 6. С. 108–122.

[4] Подробные сведения об источниках статистики животноводства вообще см.: *Фортунатов А. Ф.* Сельскохозяйственная статистика Европейской России. М., 1893; *Добротворский М.* Опыт истории и методологии статистики животноводства. СПб., 1909; Юбилейный сборник ЦСК МВД. СПб., 1913; *Ден В. Э.* Курс экономической географии. М.; Л., 1928.

[5] См.: *Гребенщиков Я. А.* Конская повинность в народнохозяйственном и военном отношении. СПб., 1874; *Ден В. Э.* Указ. соч. С. 300–301; *Вайнштейн А. Л.* Указ. соч. С. 91.

[6] Подробнее об этом см.: *Гребенщиков Я. А.* Указ. соч.

[7] Я. А. Гребенщиков является также автором «Статистических очерков губерний относительно средств для исполнения натуральных повинностей», первый выпуск которых (СПб., 1875) посвящен юго-западным губерниям.

[8] *Вайнштейн А. Л.* Указ. соч. С. 95.

[9] Конская перепись... по сведениям 1875 г.: Рязанская губ. С. XIII; Ковенская губ. С. XII; Могилевская губ. С. XII.

[10] *Рындзюнский П. Г.* Указ. соч. С. 165–166.

[11] Конская перепись... По сведениям 1875 г.: Ковенская губ. С. 75; Могилевская губ. С. 77; Рязанская губ. С. 143.

[12] Дневник Д. А. Милютина, 1873–1875. М., 1947. Т. 1. С. 197.

[13] ЦГИА СССР. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 108. Л. 1.

[14] Там же. Л. 4.

[15] Там же. Л. 8.

[16] Рассматривая проведение всеобщей переписи населения России как важнейшую государственную и научную задачу, П. П. Семенов использовал любую возможность, чтобы напоминать об этом руководителям ведомств, от которых ее осуществление зависело. Однако, как известно, перепись населения была проведена лишь через 20 лет, а тогда ученому удалось осуществить перепись поземельной собственности и населенных мест Европейской России.

[17] ЦГИА СССР. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 108. Л. 9–13.

[18] Там же. Л. 14–20.

[19] Там же. Л. 21 об.

[20] Там же. Л. 23, 32 об., 33, 42–43.

[21] ЦГИА г. Москвы. Ф. 63. Оп. 1. Д. 715. Л. 1–6.

[22] ЦГИА СССР. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 108. Л. 58–62; ЦГИА г. Москвы. Ф. 63. Оп. 1. Д. 715. Л. 7–9.

[23] Бессарабская, Варшавская, Виленская, Витебская, Волынская, Гродненская, Екатеринославская, Калишская, Калужская, Киевская, Курляндская, Курская, Келецкая, Лифляндская, Ломжинская, Люблинская, Минская, Московская, Орловская, Петроковская, Плоцкая, Каменец-Подольская, Полтавская, Псковская, Радомская, Санкт-Петербургская, Смоленская, Сувалкская, Седлецкая, Тверская, Херсонская, Черниговская, Эстляндская.

[24] См.: Свод законов Российской империи. СПб., 1899. Т. 4. Ст. 746–798, особенно ст. 746, 748, 759–760, 788.

[25] ЦГИА г. Москвы. Ф. 63. Оп. 1. Д. 40. Т. 3. Л. 4 об., 34, 36: Т. 4. Л. 6, 9–10; Т. 6. Л. 3; Т. 7. Л. 15; Т. 8. Л. 14; Т. 9. Л. 11 об; Т. 10. Л. 6; Т. 11. Л. 14; Т. 12. Л. 12–13; Т. 13. Л. 7; Т. 14. Л. 10, 19.

[26] ЦГИА СССР. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 108. Л. 71, 74 об., 85, 99–103 об.

[27] Там же. Л. 125 об.– 131.

[28] Там же. Д. 203. Л. 45–101, 108–111. Циркуляр опубликован: Правительств. вестн. 1882. № 162.

[29] Конская перепись 1882 г. СПб., 1884. С. IV.

[30] К сожалению, отсутствует распределение дворов по числу рабочих лошадей, что было бы важно для установления группировок крестьян в начале 80-х годов XIX в. и для сопоставления с данными последующих переписей.

[31] Уезды эти следующие: Ясский (Бессарабской губ.), Александровский и Судогодский (Владимирской), Новохоперский (Воронежской), Сарапульский (Вятской), Солигалчский (Костромской), Дмитриевский (Курской), Верейский (Московской), Макарьевский (Нижегородской), Белозерский, Крестецкий (Новгородской), Пудожский (Олонецкой), Орловский, Елецкий, Малоархангельский (Орловской), Кунгурский (Пермской), Раненбургский (Рязанской), Новоузенский (Самарской), Шлиссельбургский (Санкт-Петербургской), Саратовский, Балашовский, Вольский и Кузнецкий (Саратовской), Вяземский, Ельнинский и Юхновский (Смоленской), Бердянский, Евпаторийский, Мелитопольский и Перекопский (Таврической), Борисоглебский (Тамбовской), Алексинский (Тульской), Валковский (Харьковской), Тираспольский (Херсонской), Новгород-Северский (Черниговской), Ростовский и Угличский (Ярославской).

[32] Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России. СПб., 1880–1885. Вып. 1–8. К этому времени были опубликованы 1-й, 2-й и 5-й выпуски, а остальные, подготовленные к печати, имелись в ЦСК. Об этой статистической публикации см.: *Тарасюк Д. А.* Поземельная собственность пореформенной России: Источниковед. исслед. по переписи 1877–1878 гг. М., 1981.

[33] Поскольку в данном случае в основу районирования положено состояние коневодства, состав районов отличается от районирования, примененного в те же годы П. П. Семеновым в «Статистике поземельной собственности и населенных мест Европейской России». Эти области следующие: Озерная (Санкт-Петербургская, Олонецкая, Новгородская, Псковская губ.); Балтийская (Эстляндская, Лифляндская, Курляндская губ.); Литовская (Виленская, Ковенская, Гродненская губ.); Белорусская (Витебская, Минская, Могилевская, Смоленская, Черниговская губ.); Юго-Западная (Киевская, Подольская, Волынская губ.); Малороссийская (Полтавская, Харьковская губ.); Новороссийская (Екатеринославская, Таврическая, Херсонская, Бессарабская губ.); Центрально-коннозаводческая (Воронежская, Тамбовская, Орловская, Курская, Саратовская губ.); Центральная переходная (Рязанская, Тульская, Калужская губ.); Московская промышленная (Московская, Тверская, Владимирская губ.); Отхоже-промысловая (Ярославская, Костромская, Вологодская губ.); Средневолжская (Нижегородская, Казанская, Симбирская, Пензенская губ.); Уральская (Вятская, Уфимская, Пермская губ.); Юго-Восточная степная (Самарская, Оренбургская, Астраханская губ.). 15-я область – Привислинские губернии.

[34] Об этом см.: *Тарасюк Д. А.* Указ. соч. С. 72, табл. 5.

[35] Конская перепись 1882 г. С. XXI–XXII. Сведения о пахотных землях взяты П. П. Семеновым из материалов обследования распределения земель по угодьям, проведенного ЦСК в 1881 г., изданных позднее. См.: Распределение земель по угодьям в Европейской России. СПб., 1884.

[36] *Рындзюнский П. Г.* Указ. соч. С. 143–144.

[37] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 3. С. 138–139.

[38] Конская перепись 1882 г. С. XXVII.

[39] Там же. С. XXVII–XXVIII.

[40] Следует обратить внимание на возрастную градацию, принятую для этой переписи: малолетками считались лошади до 4 лет, а с 4 лет и старше относились к рабочему возрасту.

[41] ЦГИА СССР. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 270. Л. 1–2, 7. Полный текст Положения о поставке лошадей см.: Свод законов Российской империи. Т. 4. С. 746–798.

[42] ЦГИА СССР. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 352. Л. 1; Свод законов Российской империи. Т. 4. С. 799–821. В 1891 г. особые правила об учете лошадей были изданы для уральского казачьего войска, а в 1893 г.– для Привисленских губерний.

[43] Кроме 10 Привислинских губерний, перепись была осуществлена в следующих губерниях Европейской России: Виленской, Витебской, Владимирской, Волынской, Воронежской, Гродненской, Калужской, Киевской, Ковенской, Курляндской, Курской, Лифляндской, Минской,

Могилевской, Московской, Нижегородской, Новгородской, Орловской, Подольской, Полтавской, Псковской, Рязанской, Санкт-Петербургской, Смоленской, Тамбовской, Тверской, Тульской, Харьковской, Черниговской, Эстляндской, Ярославской.

[44] Военно-конская перепись 1888 г. СПб., 1891. (Статистика Рос. империи; Вып. 20).

[45] Там же. С. VII.

[46] См.: Главнейшие данные поземельной статистики по обследованию 1887 г. СПб., 1895.

[47] Губернии расположены по мере убывания процента увеличения или уменьшения числа безлошадных.

[48] ЦГИА СССР. Ф. 1290. Оп. 2. Д. 352. Л. 1; Военно-конская перепись 1891 г. СПб., 1894. (Статистика Рос. империи; Вып. 31).

[49] Военно-конская перепись 1893 и 1894 гг. СПб., 1896. (Статистика Рос. империи; Вып. 37).

[50] Там же. С. VI–VII.

[51] Там же. С. XX, 225, 231.

[52] Военно-конская перепись 1896 г. СПб., 1898. (Статистика Рос. империи; Вып. 44).

[53] Военно-конская перепись 1899–1901 гг. СПб., 1902. (Статистика Рос. империи; Вып. 55); Военно-конская перепись 1903–1904 гг. СПб., 1906. (Статистика Рос. империи; Вып. 61); Военно-конская перепись 1905 г. СПб., 1907. (Статистика Рос. империи; Вып. 65); Военно-конская перепись 1906 г. СПб., 1908. (Статистика Рос. империи; Вып. 68).

[54] Коневодство в 60 губерниях Европейской России и Кавказа: По данным военно-конских переписей 1900–1906 гг. СПб., 1908.

[55] Военно-конская перепись 1908 г. СПб., 1910. (Статистика Рос. империи; Вып. 72).

[56] Военно-конская перепись 1912 г. Пг., 1914. (Статистика Рос. империи; Вып. 83).

[57] См.: Юбилейный сборник ЦСК МВД. СПб., 1913. С. 85.

[58] Среди владельцев в уездах крестьяне составляли 46,9%, а лошадей у них было 35,1%, а среди горожан – соответственно 30,1 и 28,0%, причем на один двор у первых приходилось 3,2, у вторых – 2,0 лошадей в среднем.

[59] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 3. С. 135–136.

[60] Там же. С. 137.

[61] Там же. С. 135.

[62] Ср.: Там же. С. 138–139.

[63] Там же. С. 140.

[64] *Ковальченко И. Д., Милов Л. В.* Указ. соч. С. 284, табл. 20.

[65] *Ден В. Э.* Указ. соч. С. 300–301; *Гозулов А. И.* История отечественной статистики. М., 1972. С. 106, 128.

[66] *Вайнштейн А. Л.* Указ. соч. С. 92, 98.

[67] Там же. С. 97–98.

[68] *Фортунатов А. Ф.* Указ. соч. С. 29–31.

[69] *Вайнштейн А. Л.* Указ. соч. С. 92, примеч.

ПРОМЫШЛЕННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РОССИИ XIX в.

(к вопросу об эволюции законодательных источников)

Ю. Я. Рыбаков

Под промышленным законодательством имеются в виду различные узаконения и сводные законодательные нормы, принятые российским абсолютизмом и непосредственно касавшиеся промышленности: условий открытия и содержания предприятий, производства различных изделий, правил найма и работы, обеспечения кадрами рабочих и специалистов, кредитования и финансирования, налогов с рабочих и владельцев предприятий, управления и мер надзора за фабриками и заводами, охраны собственности на технические изобретения и новую технологию, выставок изделий промышленности, официальной фабрично-заводской статистики, промышленных обществ и съездов и т. п.

Законодательные акты прошлого столетия о промышленности давно и прочно входят в состав источниковой базы различных исследований по истории России. Изучая законы о фабриках, заводах и мануфактурах как проявления политики царизма в эпоху разложения и кризиса феодально-крепостнического хозяйства, утверждения и развития капитализма в России, используя различные законодательные акты в историко-политических и историко-экономических работах обширной проблематики, в специальных источниковедческих исследованиях, советские историки опираются на богатейший опыт анализа фабрично-заводского законодательства основоположниками марксизма-ленинизма. В трудах К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина была раскрыта классовая природа фабрично-заводского законодательства, его эволюция, значение для рабочего класса. Так, законы России второй половины XIX — начала XX в. об условиях труда и правах рабочих подвергнуты критическому рассмотрению в цикле брошюр и статей В. И. Ленина: «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах», «Новый фабричный закон», «О промышленных судах», «Ценное признание», «Проект нового закона о стачках», «Эра реформ», «Закон о вознаграждении рабочих, потерпевших от несчастных случаев». Уже один такой перечень является свидетельством пристального ленинского внимания к фабрично-заводскому законодательству. В. И. Ленин дал разносторонний анализ законов о штрафах 1886 г., о сокращении рабочего дня на фабриках и заводах и установлении праздничного отдыха 1897 г., ряда законов начала

XX в., законопроекта 1863 г. о введении промышленных судов с выборными судьями от фабрикантов и рабочих.

Говоря об изучении советскими историками промышленного законодательства XIX в., мы можем отметить обстоятельный источниковедческий анализ ряда важнейших законов. В числе них можно назвать гильдейскую реформу 1824 г.[1], положения о создании при Министерстве финансов мануфактурного и коммерческого советов 1828—1829 гг., акт о создании Петербургского технологического института 1828 г.[2], законы 1807 и 1836 гг. об акционерных компаниях[3], узаконения о дополнительном процентном и раскладочном сборах с предприятий 1885 и 1887 гг.[4] и некоторые другие.

Из работ, поднимающих общие проблемы использования законодательных источников XIX в., следует упомянуть статьи Б. М. Кочакова[5], ряд учебников и учебных пособий по источниковедению истории СССР[6].

Сравнительно недавно исследователи начали изучать деятельность законодательного механизма российского абсолютизма, отдельных органов и целых звеньев государственного аппарата, особенности делопроизводства учреждений, причастных к разработке торгово-промышленной политики XIX в.[7]

Итогов источниковедческого анализа законодательства России второй половины XIX в. коснулась С. В. Воронкова, отметив фрагментарный характер изучения отдельных актов или их групп определенного назначения и содержания. Она затронула ряд проблем эволюции законодательных материалов в комплексе с другими источниками периода капитализма[8].

В настоящей статье поставлена задача продолжить рассмотрение отдельных сторон промышленного законодательства XIX в., свидетельствующих о его состоянии. Сравнивая ряд показателей, характеризующих корпус промышленных узаконений дореформенного и пореформенного времени, хотим еще раз затронуть вопрос о специфике эволюции данного направления законодательства.

Неограниченные законодательные права российского абсолютизма XIX в. нашли наиболее полное и разностороннее выражение в «Основных государственных законах» — акте, с которого начинался «Свод законов Российской империи»[9]. Они не давали определения закона, хотя идея об исключительном праве самодержца на принятие, изменение и отмену законов многократно варьировалась в разных статьях.

Изучая состав промышленного законодательства, включенного в Полное собрание законов Российской империи или по каким-либо причинам не опубликованного в нем, мы встречаем разнообразные по названию, происхождению, содержанию и назначению акты. Обязательным атрибутом законодательного акта являлось лишь одобрение его носителем верховной власти. Факт утверждения царем превращал законопроект в закон, а дата утверждения становилась датой закона. Заметим, что опубликован-

ные свидетельства об утверждении промышленных узаконений XIX в. носили характер письменной санкции.

В документации, исходившей из министерств финансов и внутренних дел, больше других ведомств XIX в. причастных к разработке промышленных законов, также выявляется большой и разнообразный массив нормативных материалов: распоряжений, циркуляров, инструкций и других документов, утвержденных министрами или товарищами министров. Ведомственная нормативная документация имела большое значение в проведении промышленной политики, в разъяснении, дополнении, а иногда и фактическом изменении действовавших законодательных норм. Так, разработанные в Министерстве финансов, согласованные с другими ведомствами и отпечатанные инструкции становятся в пореформенное время типичным документом, рассылавшимся вместе с законами и вслед за ними в местные административно-финансовые инстанции. Инструкции позволяли ограничить текст соответствующих законодательных актов более общими нормами и правилами, устраняли выявившиеся неясности и неточности в формулировках законов в желательном для Министерства финансов направлении. Спустя некоторое время нормы ряда инструкций, получив «высочайшую санкцию», превращались в форму и норму закона. Но до утверждения царем инструкции трактовались только как административно-исполнительные документы по отношению к законодательным актам. Так подходили ведомства, Второе отделение императорской канцелярии, Кодификационный отдел Государственного совета к определению состава Полного собрания законов, к отбору законодательства для систематизации в статьях и уставах Свода законов и его продолжений.

В источниковедческой литературе, затрагивающей общие и методические вопросы изучения законодательства России XIX в., принято выделять следующие стадии создания законодательного акта: 1) инициатива (почин); 2) разработка (составление проекта и обсуждение); 3) утверждение носителем верховной власти; 4) обнародование (опубликование). Рассмотрение промышленного законодательства показывает, что очертания и границы отдельных стадий, их содержание и последовательность прослеживаются не с одинаковой отчетливостью, что различные стадии соединяли в себе разный объем работы по разработке законов. Начальный этап подготовки — законодательный почин — обычно составлял единое целое с разработкой законопроекта. Для многих законов об отдельных стадиях их создания можно говорить лишь условно.

Вопрос о конкретных лицах, от которых исходила инициатива в разработке новых фабрично-заводских норм и правил XIX в., обычно источниковедчески может быть обоснован лишь на уровне самой верхней части чиновничьей бюрократии ведомства, откуда выходил законопрект. В сохранившихся материалах фондов Министерства финансов изредка говорилось об отдельных предложениях, выдвигавшихся чиновниками по особым поручениям при

министре, чаще — о директорах Департамента мануфактур и внутренней торговли, Департамента торговли и мануфактур, министрах финансов. Может быть, имена лиц, выдвигавших законопредложения, безвестно потонули в недрах министерских отделений, канцелярий, департаментов? Или, действительно, инициатива шла только от чиновников, представлявших высшие бюрократические инстанции? Решая эти вопросы, необходимо учитывать, что министерская форма управления, установленная в начале XIX в., была основана на принципе единоначалия. Вся полнота власти принадлежала министру, а основная масса чиновников рассматривалась как технические исполнители [10]. Данный принцип был закреплен в законодательстве о создании министерств, в «Основных законах Российской империи». Это не способствовало рождению законодательской мысли на более низком чиновничьем уровне.

Внутристадийное развитие процесса разработки отдельного акта не всегда являлось движением по инстанциям законодательного механизма только в одном направлении. Так, обсуждение проекта в высшем законосовещательном учреждении могло внести коррективы в представленный центральным ведомством текст. Такое рассмотрение становилось как бы частью общей разработки законопроекта.

Обычно в течение своего создания законодательный акт дважды проходил через носителя верховной власти: при получении санкции для внесения проекта на рассмотрение в высшую инстанцию и при окончательном утверждении.

Если для одних актов обсуждение в Государственном совете носило исключительно формальный характер, ограничивалось одним заседанием, то для других оно выливалось в длительные дебаты, особенно активные на уровне департаментов совета.

Заслуживают внимания отдельные факты, когда законопроекты становились законами по непосредственным докладам министров, минуя Государственный совет или другое высшее учреждение. Так, отмена налога на соль последовала по докладу министра финансов А. А. Абазы без рассмотрения законопроекта в высшем законосовещательном учреждении [11]. В принятии таких законов особенно наглядно видна неограниченная сущность самодержавия в законодательной деятельности.

Для подавляющего большинства законов вслед за утверждением самодержцем была характерна их официальная публикация, на которую должны были опираться исполнители, используя законодательные нормы и требования. Основными официальными публикациями законодательства XIX в. являлись «Полное собрание законов Российской империи» и «Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемых при Правительствующем Сенате» (с 1863 г.). Стадия обнародования также иногда имела свою специфику.

Отдельные законы о фабриках и заводах остались неоглашенными в традиционных изданиях текущего законодательства.

Так, утвержденное 18 июня 1840 г. мнение Государственного совета «О началах, на которых должен быть основан закон о постепенной ликвидации посессионных фабрик» не было включено в Полное собрание законов, что само по себе является показателем политики царизма по отношению к посессионному производству в предреформенное время. Этот акт вызвал противоречивые оценки у исследователей. Некоторые историки даже отказались назвать его законом [12]. Однако такая трактовка акта не может быть принята, поскольку невключение его в хронологическую сводку законодательства не устранило законодательных черт и функций «высочайше утвержденного» мнения от 18 июня 1840 г.

В тексте закона от 2 июня 1897 г. о сокращении рабочего времени содержались нормы, не предназначавшиеся для печати «во всеобщее сведение». На этот факт оперативно откликнулись социал-демократы специальной публикацией, включавшей секретные статьи закона и некоторые другие материалы по его подготовке, чтобы «обыкновенная публика» могла «проникнуть в тайну канцелярий, в которых вырабатываются русские законы и определяется направление русской политики» [13].

При оценке законов XIX в. как исторических источников и изучении их происхождения важно учитывать особенности процессов разработки, обсуждения, утверждения отдельных актов, способов доведения до исполнителей их норм.

Каковы общие количественные параметры комплекса промышленных узаконений XIX в.?

Конечно, сложность промышленности как экономического и социального организма, разнообразие процессов, явлений, норм и факторов, влиявших на состояние и развитие промышленного производства, затушевывание законодательством своей направленности, нечеткое и противоречивое официальное понимание фабрики и завода и тому подобные причины не могут не отражаться на точности количественных характеристик нормативных актов о промышленности. Промышленное законодательство предстает перед нами не только различного рода индивидуальными актами, но и систематизированными статьями «Свода законов Российской империи», статьями «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных».

При всей условности и приблизительности наших подсчетов следует подчеркнуть, что промышленная политика российского абсолютизма XIX в. получила воплощение и отражение в значительном количестве законодательных актов. С 1801 по 1860 г. в «Полном собрании законов Российской империи» мы насчитали около тысячи узаконений о фабрично-заводской промышленности, или более 2% от общего числа опубликованных актов. За 1861—1900 гг. численность фабрично-заводских законов составляла уже 5,7 тыс. актов, или 12,6% от общего количества узаконений того же издания. Иначе говоря, если в дореформенное время примерно каждый пятидесятый опубликованный закон

касался фабрик, заводов и мануфактур, то за последние четыре десятилетия XIX в.— в среднем каждый восьмой.

Доля этого законодательства в общей массе законодательной продукции пореформенного времени неуклонно возрастала. Так, если в 1861—1870 гг. промышленное законодательство составляло 7,9% от общего числа законов, то в 1891—1900 гг.— 19,3%, т. е. к концу века уже каждый пятый акт был посвящен вопросам, связанным с фабрично-заводской промышленностью. Таким образом, налицо процесс роста интереса царизма к промышленной политике, существенное увеличение общего потока актов о фабрично-заводской промышленности, возрастание места узаконений о фабриках и заводах в общей законодательной деятельности.

Одна из статей «Основных государственных законов» касалась формы законов: «Законы издаются в виде уложений, уставов, учреждений, грамот, положений, наказов (инструкций), манифестов, указов, мнений Государственного совета и докладов, удостоенных высочайшего утверждения» (ст. 53). В примечании к статье также назывались рескрипты и приказы — «высочайшие повеления в порядке управления».

В этом перечне разновидностей среди законодательных актов о промышленности не находим лишь уложений. В то же время дополнительно к этим видам актов встречаем докладные записки, наставления, условия, постановления, предписания, повеления, образования, привилегии, штаты, табели, выписки из журналов. Следовательно, в законодательной практике XIX в. состав употребленных разновидностей различных актов оказался шире, чем это было определено в Основных законах.

Обращаясь к Полному собранию законов, устанавливаем частоту использования в течение XIX в. различных видов актов. Число отдельных разновидностей промышленных законов в целом за XIX в., а также одной разновидности в разные годы существенно колебалось. Единичными актами предстают перед нами «высочайше утвержденные» правила, расписания, манифесты, учреждения, наказы, инструкции, образования, выписи из журналов и некоторые другие. В то же время можно говорить о своеобразных актах-«фаворитах» за отдельные годы и XIX в. в целом: указах, уставах, положениях, мнениях Государственного совета, докладах.

Наиболее распространенной формой узаконений о промышленности следует считать указы. За первую половину XIX в. они составляли 23% от общей численности актов изучаемой проблематики, за вторую половину XIX в.— 17%. Указы представлены разнообразными вариациями названий: сенатскими указами, именными указами, данными Сенату, именными указами, объявленными Сенату, сенатскими указами «вследствие именных», сенатскими указами «с изъявлениями именных», сенатскими указами «по высочайше утвержденным докладам». Кроме Сената, к изданию отдельных указов о промышленности были причастны

Совет министров, министры внутренних дел, финансов, военный, морской, юстиции, товарищи министров финансов, Верховное грузинское правительство, Академия наук, действительные тайные советники Захаров и Трощинский и т. д. Четких правил в употреблении каких-то наименований указов не наблюдаем.

Интерес к указной форме законодательного акта о промышленности резко падает лишь в два последних десятилетия XIX в. За 1861—1870 гг. мы насчитали 426 указов, за 1871—1880 гг.— 541 указ, что составляло более половины промышленного законодательства тех лет. Последним годом массового употребления указа как формы актов был 1880 год (37% от изучаемых законов). Затем за 1881—1890 гг. насчитывается 16 указов, за 1891—1900 гг.— 14 указов. В отдельные годы к указной форме вообще не обращались (1882, 1883, 1889, 1890 гг.).

Изменение отношения к традиционной форме законодательного акта о промышленности в конце XIX в. отражало общее уменьшение употребления указов в это время. Известный историк права Н. М. Коркунов писал по этому поводу: «Законодательство нашего времени как бы избегает этого выражения»[14].

Ответ на причину сокращения указной формы законов о промышленности, на наш взгляд, надо искать в структуре промышленного законодательства 80—90-х годов XIX в., в увеличении в составе этих законов числа других актов, отражавших потребности отдельных капиталистических предприятий, а это выявляется при рассмотрении внутривидовой специфики всего корпуса промышленных актов.

В начале XIX в. распространенной формой законов стали утвержденные царем доклады министров внутренних дел, финансов, коммерции, военного, морских сил, управляющего Кабинетом, Сената, главноуправляющего гоф-интендантской конторой (иногда «высочайше утвержденные доклады» шли одновременно от нескольких министерств или других центральных ведомств).

В 1801—1810 гг. такие доклады составляли около 30% от численности промышленных узаконений Полного собрания законов. Затем их количество и удельный вес сокращаются. За 1811—1820 гг. они дают около 5% изучаемых актов. В последующие годы роль докладов как официально признанной разновидности нормативного акта еще более падает. За 30-е годы составители общей хронологической сводки российского законодательства включили в нее лишь два доклада, затрагивавшие фабрично-заводское производство (они были представлены на утверждение царя управляющим Кабинета его императорского величества и председателем Петербургского опекунского совета). За 20—30-е годы встречаются близкие докладам формы актов — «высочайше утвержденные докладные записки» и «высочайше утвержденные записки». Они исходили от министров финансов, военного, императорского двора и уделов, инспекторского и комиссариатского департаментов, генерал-фельдцейхмейстера и некоторых других. Но среди промышленных узаконений в это время они не

получили такого распространения, как утвержденные доклады в начале XIX в.

За 1861—1900 гг. мы насчитали лишь 17 докладов, связанных с вопросами промышленного производства, признанных в качестве законов. Это свидетельствует о сохранении в законодательном обиходе российского самодержавия данной формы узаконения, несмотря на сокращение ее употребления уже в дореформенное время.

Среди высших учреждений России XIX в., с которыми была связана разработка промышленного законодательства, кроме Сената, значительную роль играли Государственный совет и Комитет министров.

Около 8% узаконений о фабрично-заводской промышленности первой половины XIX в. составили утвержденные мнения Государственного совета. Уже этот показатель свидетельствует, что Государственный совет, который по предположению М. М. Сперанского должен был централизовать предварительное рассмотрение всех законопроектов, не стал единственным высшим законосовещательным учреждением России. Во второй половине XIX в. удельный вес законов о промышленности, прошедших через Государственный совет, несколько сокращается (до 4%), но он сохранил значение высшего законосовещательного учреждения по важнейшим вопросам промышленной политики.

С Комитетом министров было связано рассмотрение таких актов, как проекты уставов предприятий, обществ, фирм и компаний, подготовка положений этого высшего административного учреждения России. Число промышленных законов, прошедших через Комитет министров, на протяжении XIX в. заметно растет. За первую половину XIX в. положения Комитета министров, утвержденные царем, составляли более 15% от общей численности промышленных узаконений этого времени, уступая только числу сенатских указов.

Уставная форма актов, единичная в начале XIX в., к середине века становится одной из основных разновидностей промышленных законов, во второй половине XIX в. ее численность и удельный вес продолжают расти.

К уставам различного рода частных торгово-промышленных предприятий по своим функциям были близки положения об отдельных казенных фабриках и заводах, условия деятельности в России иностранных фирм и обществ, акты об изменении основных капиталов предприятий, продлении сроков оплаты паев и др.

Это законодательство обильным потоком выливается на страницы Полного собрания законов. Так за 1861—1870 гг. мы насчитали 186 уставов и актов об их изменении (10,8% от общей численности законов о промышленности). За 1891—1900 гг. численность таких актов составила 1519 (62,1% от общего числа промышленных узаконений). Таким образом, в последнее десятилетие XIX в. почти $^{2}/_{3}$ принятых законов фиксировали усло-

вия деятельности, состояние капиталов и другие вопросы, касавшиеся отдельных капиталистических предприятий.

Законодательное изменение отдельных уставов нередко происходило вскоре после утверждения их первоначального текста. Это приводило к обилию актов об одних и тех же акционерных обществах, компаниях, банках и т. п. Например, только в 1877 г. было принято три закона о заводе «Збруч»: 13 августа — «Об увеличении основного капитала товарищества свеклосахарного и рафинадного завода „Збруч“ [15]»; 19 сентября — «Об изменении некоторых параграфов устава товарищества свеклосахарного и рафинадного завода „Збруч“ [16]»; 12 октября — «Об изменении параграфов 40 и 50 устава товарищества сахарного и рафинадного завода „Збруч“ [17]».

Такого рода законопроекты и становились предметом рассмотрения Комитета министров. За 1881—1890 гг. об этом свидетельствуют 678 нормативных актов (69% промышленных узаконений тех лет). В 1891—1900 гг. через Комитет министров прошло свыше 2 тыс. проектов промышленных законов (85% от общего количества узаконений о промышленности последнего пореформенного десятилетия). Обилие промышленных узаконений за 80—90-е годы XIX в., одобренных в узком кругу высших чиновников, каким являлся Комитет министров, говорило и об усилении формально-административного характера промышленного законодательства России.

С. Ю. Витте, вступивший на пост председателя Комитета министров в 1903 г., называл его учреждением, на рассмотрение которого «вносится масса административного хлама... а также важнейшие законодательные акты, которые рисковали встретить систематическое и упорное сопротивление со стороны Государственного совета» [18]. Историкам еще предстоит решить, в какой мере проявлялись различные качества российского законодательства в деятельности Комитета министров.

В связи с обильным включением к концу XIX в. в Полное собрание законов акционерного законодательства вызывает недоумение точка зрения Б. М. Кочакова, пионера изучения законодательных источников, о том, что после 1885 г. акты об акционерных предприятиях перестали публиковаться. В подтверждение такого вывода он сослался на закон от 11 июня 1885 г. («О дальнейшем издании Полного собрания законов Российской империи»), который, по его мнению, дал «точное определение состава ПСЗ» [19]. Действительно, данный акт провозгласил: «Из числа обнародованных Правительствующим Сенатом узаконений и высочайших повелений в Полном собрании законов не помещаются: Уставы акционерных компаний, обществ и товариществ, а также городских, земских и частных кредитных установлений, за исключением уставов, утвержденных законодательным порядком, нормальных и тех, которыми правительству представляется право контроля или определяются исключительные права и обязанности...» [20]. Вероятно, эта формулировка и сыграла злую

шутку с исследователем законодательства дореволюционной России, подвергшим суровой критике Полное собрание законов за неполноту его содержания, ошибки в передаче текста, опечатки, за неудовлетворительное археографическое оформление издания и другие недостатки, не проверив выполнение законодательных требований.

Названия многих промышленных актов XIX в. являлись комбинацией различных наименований узаконений. Так, некоторые сенатские указы соединялись с мнениями Государственного совета или положениями Комитета министров, уставы акционерных компаний объединялись с положениями Комитета министров, положения о технических учебных заведениях — с мнениями Государственного совета и т. п. Встречаем, например, такие названия: «сенатский с прописанием именного повеления, последовавшего на положение Комитета министров»; «высочайшее положение Комитета министров, прописанное в указе Сената»; «высочайше утвержденное положение Комитета министров, объявленное Сенату министром финансов» и т. д. Подобные названия отражали состав законов, особенности их разработки, ведомственную обособленность действия утвержденного акта. Соединение в одном названии различных разновидностей актов еще больше увеличивает общую пестроту внешней формы законов о промышленности.

Внутривидовое название какого-либо промышленного узаконения, используемого в качестве исторического источника, является не только свидетельством определенной стороны процесса законотворчества, показателем внимания российского абсолютизма к тем или иным актам, признаком устойчивости их использования. Название закона одновременно может выражать его общую специфику, является важным показателем общих информационных возможностей узаконения, соотношения в нем конкретных сведений по определенному вопросу и устанавливаемых норм, правил, требований. Так, «всеподданнейшие доклады» министров внутренних дел и финансов содержали обширный фактический материал по истории отдельных фабрик и заводов, производств, отдельных категорий рабочих и т. п. Признанные законодательными актами и включенные в Полное собрание законов, они не утрачивали своих внешних особенностей как докладов, сохраняли характерный для них обширный цифровой и иной фактический материал. Значительным систематизированным цифровым материалом выделяются «высочайше утвержденные» штаты и табели. Содержание же различных указов, положений, постановлений, наставлений было более нацелено на их нормативную часть, на те требования и правила, которые становились действующим правом.

Выявляя изменение частоты употребления ряда разновидностей актов, неравномерность использования тех или иных разновидностей в течение XIX в., мы в то же время должны отметить, что в составе промышленного законодательства пореформенного времени не было каких-либо новых наименований актов по срав-

нению с дореформенным периодом, что государственный аппарат XIX в., участвовавший в разработке промышленных законопроектов, удовлетворялся одной номенклатурой законов.

Консерватизм формы промышленного законодательства был органически связан с состоянием всего законодательного механизма царизма XIX в. на уровне как разработки отдельных проектов, так и их утверждения.

Ведущую роль в разработке законодательства о фабрично-заводской промышленности России играли два ведомства, осуществлявшие административно-полицейский и фискальный надзор за фабрично-заводской промышленностью: Министерство финансов и Министерство внутренних дел. В составе Министерства финансов подготовка отдельных проектов была сосредоточена преимущественно в Департаменте мануфактур и внутренней торговли (с 1864 г. Департамент торговли и мануфактур). Участие Министерства внутренних дел в разработке различных законов о промышленности было наиболее значительно до 1819 г., когда это ведомство выступало основным проводником промышленной политики в стране, а также с 70-х годов XIX в. в отношении проектов законов, касавшихся регулирования порядка работы на промышленных предприятиях и мер административно-полицейского надзора за фабриками и заводами.

Для выработки отдельных законопроектов нередко прибегали к специальным, «высочайше утвержденным» межведомственным комиссиям, в которые назначались чиновники высших, центральных, столичных и иногда некоторых губернских учреждений (например, управляющие ряда казенных палат). Комиссии для пересмотра промышленного законодательства определенной проблематики чаще всего также создавались под эгидой министерств финансов и внутренних дел. Ни одна комиссия XIX в., причастная к разработке фабрично-заводских проектов, не имела значения особого совещания с правом непосредственного доклада ее председателя царю.

В качестве высших инстанций при рассмотрении законопроектов о промышленности в XIX в. преимущественно выступали Государственный совет и Комитет министров.

Второе отделение собственной е. и. в. канцелярии, игравшее ведущую роль в подготовке Полного собрания законов и Свода законов, при разработке новых промышленных узаконений обычно выступало как формальная инстанция, с которой лишь согласовывались предлагавшиеся нормы и правила (как с министрами юстиции, государственных имуществ и др.), причем и эта деятельность в пореформенное время становится все менее заметной. В декабре 1881 г. вопрос о судьбе Второго отделения рассматривался в особом совещании под председательством великого князя Михаила Николаевича (председателя Государственного совета). Было предложено включить Второе отделение в состав Государственного совета в качестве его отдела. Это предложение воплотилось в законе о Кодификационном отделе Государственного со-

вета, который своей деятельностью должен был устранить ведомственный разрыв между обсуждением законопроектов, их редактированием и составлением законодательных сводок[21]. Однако реорганизация Второго отделения стала формально-бюрократическим актом, не оставившим заметных последствий в законодательном механизме самодержавия. Таким образом, проводником промышленно-законодательной деятельности в пореформенное время остался в основном тот же государственный аппарат, который выполнял эти функции в дореформенное время. Другим показателем стабильности законодательного механизма второй половины XIX в., сохранения его в том виде, как он сложился в дореформенную эпоху, является незыблемость «Основных государственных законов» в комплексе вопросов, касавшихся государственного управления, высших и центральных учреждений и др.

Сохранение на протяжении XIX в. основных звеньев государственной машины российского самодержавия, способствовавшей рождению потока законов о фабриках и заводах в неизменном виде, сказалось и на составе документации, призванной обеспечить разработку и утверждение новых актов.

Изучая различные этапы создания законодательного акта второй половины XIX в., мы часто сталкиваемся с теми же разновидностями документов, которые употреблялись в дореформенное время. Так, «всеподданнейшие доклады» министров финансов сохранили не только свое предназначение, но и такие характерные черты, как мелкотемье подавляющего большинства вопросов, затрагивавшихся в них. Изложение хода рассмотрения в Государственном совете законопроектов находило отражение в журналах департаментов, а также в мемориях общего собрания и департаментов[22]. Поэтому можно говорить лишь о некотором развитии и частичном дополнении документов и их систем, возникавших в делопроизводстве, которые и прежде использовались в действии законодательного механизма царизма. Традиции делопроизводственной практики наглядно отразились в сохранившихся документальных комплексах, посвященных разработке отдельных законов.

Подготовка промышленного законодательства в центральных и высших учреждениях, в узких по своему составу межведомственных комиссиях — свидетельство отсутствия гласности и публичности в законодательной деятельности царизма, что сочеталось с формально-бюрократическим продвижением проектов по отдельным стадиям их формирования.

Для второй половины XIX в. можно отметить, что разработка и обсуждение некоторых проектов законов сопровождались элементами гласности и публичности. Они проявились в рассылке Министерством финансов проектов на отзывы местным совещательным и сословным органам (Московскому отделению Мануфактурного совета, а с 1872 г.— Московскому отделению Совета торговли и мануфактур, Московскому биржевому комитету и др.), в издании «Трудов комиссии, учрежденной для пересмотра уста-

вов фабричного и российского», включавшем законопроекты нового промышленного устава, в публикации на страницах «Вестника финансов, промышленности и торговли», «Правительственного вестника» ряда проектов, в издании отчетов Государственного совета со сведениями о рассмотрении проектов в высшем законосовещательном учреждении России и др.

Однако отдельные факты гласности обсуждения законопроектов не затронули сущности законодательной деятельности в целом, не коснулись подавляющего большинства законов о промышленности, не привели к публичности каких-либо звеньев законодательного механизма, участвовавшего в разработке проектов.

Царизм расценивал публичность обсуждения как посягательство на монополию своих законодательных прав, как противоречие сущности своего законодательного механизма.

В 1881 г. государственный секретарь Е. А. Перетц, высказывая председателю Государственного совета великому князю Константину Николаевичу свое мнение о неприемлемости публичности в работе высшего законосовещательного учреждения России, заявил: «Публичность суждений имеет, конечно, много за себя, но в отношении к нашему совету едва ли оно применимо» [23].

Боязнь рабочего движения являлась заметным ускорителем процесса разработки отдельных узаконений, приводила к отказу от устоявшейся последовательности некоторых процедур в ходе подготовки и рассмотрения проектов, заставляла быть более оперативными в своих действиях. Так, в «Изложении дела» в связи с внесением в Государственный совет законопроекта «О надзоре за заведениями фабричной промышленности и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих» были ясно сформулированы причины его разработки: «Исследованиями местных властей по поводу происходивших в конце прошлого и начале нынешнего года беспорядков на некоторых фабриках Московской и Владимирской губерний было выяснено крайне угнетенное положение фабричных рабочих, заработок коих, с одной стороны, под влиянием постепенного сокращения, даже вопреки заключенному договору рабочего времени... а с другой, при посредстве совершенно произвольных весьма значительных штрафов уменьшается нередко на 40 и более процентов» [24]. Такая трактовка объясняла интерес к нуждам рабочих не рабочими выступлениями против произвола предпринимателей, а в первую очередь деятельностью местной власти. Но и она показывает, что страх перед рабочим движением определял действия министров внутренних дел и финансов, представивших законопроект о штрафах. В их «отношении» государственному секретарю говорилось, что заключение министра юстиции по законопроекту будет доставлено прямо в Государственный совет. И государственный секретарь не счел, как обычно, это за формальный повод к задержке рассмотрения проекта в законосовещательном учреждении.

Но факты более ускоренного рассмотрения отдельных законопроектов не изменили общей картины крайней медлительности

государственной машины, обеспечивавшей создание законов о фабриках и заводах.

Касаясь содержания промышленного законодательства XIX в., ограничимся самой общей констатацией основной направленности его проблематики.

В начале XIX в. в центре внимания промышленного законодательства находились вопросы управления мануфактурами, фабриками и заводами, обеспечения их владельцев принудительной рабочей силой, удовлетворения потребностей армии в сукне.

В дальнейшем, когда система государственных учреждений, осуществлявших административно-финансовый надзор за промышленностью, была создана, лишь эпизодические законодательные акты определяли цели, состав и функции совещательных учреждений Министерства финансов, касались переименования названий отдельных учреждений и др.

Интерес законодательства к предприятиям, производившим различную продукцию для обмундирования и вооружения армии, не ослабевал в течение всей первой половины XIX в.

Постепенно законодательство о рабочих перестало касаться исключительно прикрепления к фабрикам и заводам посессионных людей, а затронуло и условия выхода из посессионного состояния, особенности фабрично-заводского найма крепостных крестьян, отпущенных на срок своими помещиками.

Значительное число узаконений первой половины XIX в. было посвящено прямым и косвенным налогам с владельцев предприятий, с отдельных видов промышленной продукции. Особенно большое развитие в дореформенное время получает акцизное законодательство (акциз на соль, водку, вино, пиво, табак, свекловичный сахар и некоторые другие предметы массового потребления).

Охране прав собственности предпринимателя отвечали законы о клеймении изделий фабрик и заводов, о выдаче привилегий на технические изобретения и открытия; созданию рекламы промышленной продукции — законы о всероссийских промышленных выставках; содействию в обеспечении фабрик и заводов техническими специалистами, в техническом переоборудовании отдельных предприятий — законы о Петербургском технологическом институте, ряде коммерческих училищ, о губернских механиках и др.

Большинство узаконений первой половины XIX в. было посвящено вопросам открытия и работы отдельных предприятий, конкретным частным нуждам и потребностям. Они затрагивали главным образом одну сторону правового регулирования промышленности — государственный надзор за промышленными предприятиями, содействие со стороны официальной власти предпринимателям. Подход к решению законодательством своих задач в значительной степени определялся сословным составом владельцев предприятий или отраслей промышленности, исходил из преимущественного удовлетворения интересов дворянства. Законодательство было призвано задержать процесс ликвидации

посессионного производства, в котором вплоть до реформы 1861 г. сохраняло прочные позиции дворянство. Оно способствовало развитию дворянского предпринимательства в ряде отраслей производства (особенно в винокурении, свеклосахарной промышленности, суконном ткачестве). Активные функции царизма в самых различных аспектах промышленности проявились в обильном текущем законодательстве и в статьях «Свода законов Российской империи».

Слабое отражение в дореформенном законодательстве получило правовое регулирование отношений владельцев промышленных заведений со своими рабочими, и то преимущественно по предприятиям, использовавшим не вольнонаемный, а принудительный и покупной труд.

Некоторое регулирование условий найма, труда малолетних рабочих появляется в единичных законах второй четверти XIX в. Они утверждали нормы без установления надзора за их выполнением, без наказания владельцев фабрик и заводов за нарушение закона. При отсутствии законодательства о взаимных правах и обязанностях предпринимателей и рабочих, как и при бесконтрольности в действии правовых норм, фабрикант выступал как «абсолютный законодатель» [25] в отношениях со своими рабочими.

Предоставляя различные привилегии и льготы российским промышленникам, покровительствуя отдельным отраслям производства, правительства Александра I и особенно Николая I не были щедры на предоставление денежных кредитов фабрично-заводским предпринимателям. Законодательство первой половины XIX в. показывает, что система промышленного кредитования не получила развития.

После отмены крепостного права следует назвать прежде всего узаконения, касавшиеся условий увольнения крепостных, посессионных и удельных рабочих. Крепостные рабочие помещичьих фабрик попадали под юрисдикцию общего и местного положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, а условия увольнения крепостных рабочих стали основой для увольнения посессионных людей. Ликвидация посессионной зависимости не стала единовременным актом, и законы о посессионной промышленности остались составной частью законодательства не только 60-х, но и 70-х годов XIX в.

Ознакомление с проблематикой пореформенного промышленного законодательства показывает, что оно во многом характеризуется теми же особенностями, что и законодательство первой половины XIX в. Так, примерно 700 узаконений (более 12% от общего количества промышленных законов 1861—1900 гг.) свидетельствовали о фискальных интересах политики царизма. Наряду с государственным прямым и косвенным обложением в законодательстве определялись условия взимания земских и городских налогов на промышленные предприятия.

Свойственное дореформенному законодательству установление мер надзора за фабриками и заводами в пореформенный период

все более приобретает полицейский характер. Усиление полицейского надзора прослеживается по законам, посвященным отдельным предприятиям, техническим учебным заведениям, промышленным выставкам и ярмаркам.

С 80-х годов можно говорить о так называемом рабочем законодательстве как отдельном направлении законодательной деятельности царизма. Оно включало законодательные шаги по некоторому регулированию условий найма и работы на фабриках и заводах малолетних рабочих, женщин, по общему нормированию продолжительности рабочего дня, взимания с рабочих штрафов. Для контроля за выполнением этих законов была создана фабричная инспекция. В этом законодательстве мизерность вынужденных уступок рабочим, представленных как попечительство о труде рабочих со стороны самодержавия, сочеталась с драконовскими мерами полицейского надзора за рабочими. Законы, касавшиеся деятельности фабричной инспекции, также все более подчиняли ее местному административно-полицейскому аппарату. Появление рабочего законодательства явилось, таким образом, новым аспектом полицейского надзора [26].

Среди новых направлений промышленного законодательства пореформенного времени следует назвать поток актов о банках и кредитных учреждениях. Законодательство о банках включало акты о крупных торговых, промышленных, ссудных и учетных банках, таких, как Петербургский частный коммерческий банк, Московский купеческий банк, Нижегородский купеческий банк и др., о местных отделениях Государственного банка, о самых многочисленных банковских учреждениях — городских общественных банках. Наиболее интенсивный период законодательства о банках приходился на 60—70-е годы. На это же время падает близкое к нему по своему характеру многочисленное законодательство о кредитных обществах. Но сеть кредитных обществ, судя по законодательству, отраженному в Полном собрании законов, не была так широка, последовательна в стремлении к единообразному охвату территории России, как сеть банковских учреждений.

Дореформенное законодательство санкционировало открытие очень ограниченного числа учебных заведений для подготовки технических специалистов. Внимание к вопросам технического образования в стране в пореформенном законодательстве растет. Большинство таких актов относилось к отдельным конкретным учебным заведениям, включая ряд институтов, сеть различных ремесленных, коммерческих, механико-технических, технических, промышленных училищ, ремесленных, технических и тому подобных школ. Отметим, что относительно массовым законодательное оформление среднего и низшего звена специальных учебных заведений в России стало лишь в конце XIX в.

Упомянем интерес пореформенного законодательства к местным биржам, обществам для содействия отечественной промышленности, к отраслевым и региональным съездам промышленни-

ков, хотя численность узаконений о сословных и общественных организациях буржуазии была в целом невелика.

Как и в дореформенное время, пореформенное законодательство в подавляющей своей массе было посвящено конкретным, частным вопросам. На протяжении XIX в. общий сепаратизм промышленных узаконений еще более усилился. В отдельные годы это качество законодательства проявляется особенно заметно. Так, с конца 40-х годов и до отмены крепостного права среди законов, касавшихся фабрик и заводов, мы почти не видим актов, поднимавших какие-то общие вопросы, отличавшихся большой масштабностью своих норм. За 1861—1900 гг. примерно 2/3 актов промышленного законодательства относились к конкретным промышленным или торгово-промышленным заведениям.

С доминированием в составе промышленного законодательства частных узаконений теснейшим образом связан паллиативный характер большинства законов о фабриках и заводах. В своей основной массе они являлись полумерами, представляли «ту или иную уступку духу времени»[27]. Паллиативный характер законодательных мер приводил к неспособности на длительное время и устойчиво решать стоявшие перед самодержавием задачи. Так, отдельные акты начала XIX в., разработанные по инициативе министра внутренних дел О. П. Козодавлева, не стали последовательной программой протекционизма в области промышленности. Отдельные попечительные заявления, законодательные меры и действия 80—90-х годов XIX в. не вылились в какую-либо цельную программу «государственного попечительства».

Отсутствие программности в промышленно-законодательной деятельности царизма, паллиативный характер решений приводили к обилию в принимавшихся законах различного рода оговорок, сословных, временных, отраслевых, территориальных, ведомственных и иных ограничений в действии законодательных норм, в результате чего последующая корректировка законов становилась типичной чертой промышленного законодательства.

На примере промышленного законодательства XIX в. полностью подтверждаются ленинские наблюдения о чрезмерной централизации всей государственной машины царизма, его стремление пропустить через консервативный механизм этой машины огромное количество вопросов, касавшихся фабрик и заводов. На всем протяжении XIX в. централизация всех форм и проявлений промышленной деятельности не ограничивалась изданием общих норм и правил, а оставалась методом мелочного контроля за развитием промышленности. Законы, как инструмент политического воздействия на это развитие, определяли не только формы деятельности новых акционерных обществ или предприятий, но и незначительные изменения в их уставах. Допуская деятельность отдельных сословных и общественных организаций в системе Министерства финансов, российское законодательство до мелочей регламентировало их состав и функции. Чрезмерная централиза-

ция также способствовала стремительному росту промышленного законодательства, формально-бюрократическому процессу разработки и утверждения законов.

Приведенный материал позволяет высказать общие соображения о характере эволюции промышленного законодательства России XIX в.

Пожалуй, ни в одном виде источников, получивших развитие в XIX в., эволюционные процессы не были так непосредственно связаны с надстроечными явлениями в целом, а «логика саморазвития вида»[28] не была столь ограниченной, как в законодательстве.

С. В. Воронкова, обращаясь к проблеме изучения эволюции источников в России в период капитализма, отметила консерватизм законодательства XIX — начала XX в. как сложившегося устойчивого вида источников, проявившийся в факте полного отсутствия новых разновидностей. Эволюция законодательства, по ее мнению, выражалась в основном в содержательном изменении памятников, в расширении законодательством сферы правового регулирования[29]. Изучение промышленного законодательства XIX в. подтверждает эти оценки. В 80-е годы XIX в.— начале XX в. в качестве характерной черты этапа ею называется появление фабрично-заводского законодательства[30]. (К этому законодательству отнесены законы о некотором регулировании отдельных сторон фабрично-заводского труда.) Исходя из данной характеристики этапа можно заключить, что автор включает законодательство как вид источника в предлагаемую им схему развития документов. Однако, не будучи подкрепленной каким-либо конкретным материалом о свойствах законодательства на других этапах, о его соответствии названным особенностям каждого этапа, эта периодизация в отношении законодательства представляется нам неубедительной и несколько схоластичной. Лишено, на мой взгляд, последовательности рассмотрение Воронковой частного (сепаратного) законодательства как массовых источников, когда вслед за этим говорится: «В целом законодательные акты, каждый из которых имеет конкретно-индивидуальное происхождение... — это уникальные по своему характеру источники»[31].

Работа Воронковой, обобщив итоги изучения различных источников периода капитализма, показывает необходимость дальнейшего новидового рассмотрения отдельных материалов, выявления и учета специфики процесса их эволюции.

При общей оценке степени эволюции законодательных источников XIX в. необходимо учитывать, что корпус действовавшего законодательства соединял в себе не только акты, утвержденные в это время, но и обширное, официально не отмененное законодательство предшествующей эпохи. Во второй половине XIX в. продолжали действовать многие узаконения, касавшиеся различных форм промышленности, принятые не только в первой половине XIX в., но и в XVIII в. Так, для ремесленного производства, несмотря на ряд законодательных коррективов, до конца XIX в.

основным действующим законодательным актом официально признавался Цеховой устав 1799 г. Ссылки на законы XVIII — первой половины XIX в. в пореформенных изданиях Свода законов (под отдельными статьями в качестве их источников) — наглядное подтверждение этому.

Отдельные законодательные шаги буржуазного характера осуществлялись в рамках действовавших правовых норм феодального периода, направленных на сдерживание развития капиталистических отношений. Новые нормы и правила нередко соседствовали с прежними, наслаивались на них, но не отменяли их.

Процесс эволюции убедительно проявился далеко не на всех сторонах промышленного законодательства XIX в. Несомненно, что значительный рост общей интенсивности законодательства о фабрично-заводской промышленности за это время, возникновение и развитие ряда новых аспектов и направлений в действовавшем промышленном праве, отражая развитие как самой фабрично-заводской промышленности, так и мощи, организованности рабочего движения, являются важными показателями происшедших изменений в российском законодательстве.

Но эти процессы сочетались с сохранением однообразия основных бюрократических звеньев государственной машины, причастных к подготовке промышленного законодательства, с консерватизмом методов, форм и основных черт законодательной деятельности царизма.

Поэтому корпус принятого и действовавшего в XIX в. промышленного законодательства отразил в себе многие противоречивые процессы и явления, архаизм одних сторон законодательных актов и развитие других. Это не было только противоречием между старой формой и новым содержанием законов, поскольку и в содержании промышленных законов, призванных направлять развитие фабрично-заводской промышленности и происходившие в ней процессы по желательному для самодержавия пути, на всем протяжении XIX в. было много общих черт и свойств. Общая направленность промышленного законодательства, весь процесс и механизм его разработки, внутривидовая характеристика были тесно связаны между собой, определяя особенности эволюции законодательных материалов XIX в.

[1] *Рындзюнский П. Г.* Гильдейская реформа Канкрина 1824 г. // Ист. зап. 1952. Т. 40. С. 110–139; *Он же.* Городское гражданство дореформенной России. М., 1958.

[2] *Предтеченский А. В.* История основания Мануфактурного совета // Изв. АН СССР. Отд-ние обществ. наук. 1932. № 5. С. 375–393; *Кипяпина Н. С.* Политика русского самодержавия в области промышленности (20–50-е годы XIX в.). М., 1968.

[3] *Шепелев Л. Е.* Акционерные компании в России. Л., 1973.

[4] *Ананьич Н. И.* К истории податных реформ 1880-х годов // История СССР. 1979. № 1.

[5] *Кочаков Б. М.* Русский законодательный документ XIX–XX вв. // Вспомогательные исторические дисциплины. М.; Л., 1937. С. 319–371; *Он же.*

Законодательные материалы как исторический источник // Арх. дело. 1940. № 3 (53). С. 17–31.

[6] *Никитин С. А.* Источниковедение истории СССР, XIX в. (до начала 90-х годов). М., 1940. Т. 2; *Миронова И. А.* Законодательные памятники пореформенного периода (1861–1900 гг.). М., 1960; *Стрельский В. И.* Источниковедение истории СССР: Период империализма. Конец XIX в.– 1917 г. М., 1962; Источниковедение истории СССР XIX – начала XX в. М., 1970; Источниковедение истории СССР. М., 1973; 2-е изд. М., 1981; *Антонова С. И.* Материалы законодательства по истории СССР периода капитализма. М., 1976; и др.

[7] *Ерошкин Н. П.* Министерства России первой половины XIX в.– фондообразователи центральных государственных архивов СССР. М., 1980; *Он же.* Крепостническое самодержавие и его политические институты (первая половина XIX в.). М., 1981; *Шепелев Л. Е.* Царизм и буржуазия во второй половине XIX в.: Проблемы торгово-промышленной политики. Л., 1981; *Он же.* Некоторые проблемы источниковедческого и историко-вспомогательного изучения делопроизводственных документов XIX – начала XX в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1983–1985. Т. 15–16; и др.

[8] *Воронкова С. В.* Проблемы источниковедения истории России периода капитализма: (Итоги и задачи изучения). М., 1985. С. 36.

[9] Свод законов Российской империи. СПб., 1832. Т. 1.

[10] См. об этом: *Литвак Б. Г.* Очерки источниковедения массовой документации XIX – начала XX в. М., 1979; *Ерошкин Н. П.* Крепостническое самодержавие...; и др.

[11] Дневник Е. А. Перетца, государственного секретаря (1880–1883). М.; Л., 1927. С. 11.

[12] См.: *Панкратова А. М.* Рабочее движение в России в XIX в. М., 1955. Т. 1, ч. 1. С. 88.

[13] Тайные документы, относящиеся к закону 2-го июня 1897 г.: Изд. РСДРП. Женева, 1898. С. 9.

[14] *Коркунов Н. М.* Указ и закон. СПб., 1894. С. VI.

[15] ПСЗ-II. Т. 52. № 57642.

[16] Там же. № 57716.

[17] Там же. № 57766.

[18] *Витте С. Ю.* Воспоминания. М., 1960. Т. 2. С. 259.

[19] *Кочаков Б. М.* Законодательные материалы как исторический источник // Архив. дело. 1940. № 3 (53). С. 20.

[20] Дневник Е. А. Перетца... С. 17.

[21] *Ерошкин Н. П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968. С. 251.

[22] См.: *Шепелев Л. Е.* Некоторые проблемы... Т. 16. С. 29–32.

[23] Дневник Е. А. Перетца... С. 19.

[24] ЦГИА СССР. Ф. 1152. Оп. 10. Д. 211. Л. 2.

[25] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 2. С. 405.

[26] Наиболее ярко это проявилось в законе от 30 мая 1903 г. «О порядке и пределах подчинения чинов фабричной инспекции начальникам губерний и о некоторых изменениях во внутренней организации ее» (ПСЗ-III. Т. 23. № 23041).

[27] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 7. С. 326.

[28] *Курносов А. А.* К вопросу о природе видов источников // Источниковедение отечественной истории: Сб. статей, 1976. М., 1977. С. 21.

[29] *Воронкова С. В.* Указ. соч. С. 148.

[30] Там же. С. 154.

[31] Там же. С. 150.

ИСТОЧНИКИ О ФОРМИРОВАНИИ БЮРОКРАТИИ В РОССИИ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в.

А. Н. Медушевский

Изменения в социальной структуре в связи с развитием аппарата управления в России периода феодализма еще недостаточно изучены. Между тем численность, имущественное и правовое положение состава аппарата управления, его социальная дифференциация и положение в феодальной иерархии должны приниматься во внимание при анализе развития социально-экономических отношений этого периода [1]. В ходе функционирования центральных и местных учреждений их состав и особенно исполнительская, основная по численности часть приказных и коллежских чиновников отражались в источниках недостаточно. Лишь в особых случаях состав аппарата управления становился предметом специального внимания и тогда лучше отражался в источниках. Так произошло в первой четверти XVIII в. в связи с поиском форм приспособления госаппарата к новым задачам управления.

Целью настоящей статьи является анализ источников о формировании бюрократии в России первой четверти XVIII в. Источниковую базу ее составляют документы центральных государственных учреждений петровского времени, образовавшиеся в результате реформ госаппарата и хранящиеся в ЦГАДА. В соответствии с задачами работы были привлечены источники сводного и учетного характера, поддающиеся статистической обработке. Это в первую очередь архивные документы Сената, одной из функций которого был учет состава государственного аппарата и верхушки господствующего класса (ф. 248). Материалы коллегий позволяют дополнить эти данные по отдельным отраслям государственного управления, освещая организацию административной службы и функционирование госаппарата. Фонд Штатс-контор коллегии (ф. 279) содержит документацию о распределении денежных средств в системе госаппарата во время проведения коллежской реформы, финансировании новых учреждений и упорядочении отчетности доходов и расходов. В делах Главной провиантской канцелярии (ф. 339) содержатся сведения о ценах на хлеб, важные для установления объема расходов на содержание аппарата управления. Сведения о социально-экономическом положении представителей господствующего класса имеются в фонде Юстиц-коллегии (ф. 284), в документах судебно-следственных учреждений, в фонде Ракетмейстерской конторы (ф. 393), Герольдмейстерской конторы (ф. 286), других учреждений петровского времени. Материалы отражают ход формирова-

ния штатов учреждений, материальное обеспечение и организацию отчетности, показывают, как в практике управления происходила реализация решений вышестоящих органов управления и какие отклики с мест это вызывало.

Для решения проблемы рассмотрим группы источников о динамике численности чиновников госаппарата, их имущественном положении и социальной дифференциации. Первостепенное значение для раскрытия темы имеют сведения о численности государственного аппарата, собиравшиеся Сенатом и его Канцелярией для практических целей реформы.

Для периода проведения петровских реформ управления можно выявить три взаимосвязанные группы источников о численности и составе аппарата управления во время перехода от приказной системы к коллегиальной (1711—1721 гг.). Приступив к подготовке реформы, Сенат затребовал из приказов сведения о численности подьячих в каждом из них [2], чтобы судить о возможности их использования при формировании новых учреждений [3].

В дальнейшем учетные данные о численности аппарата управления обобщались в Сенате в таблицы, которые хорошо дополняются делопроизводственной перепиской, свидетельствующей о способах получения, проверки и обобщения данных. Особый интерес представляют наиболее полные сведения о центральном и местном аппарате управления России на 1715 г.[4] Они были собраны и обобщены ввиду предстоявшей коллежской реформы: следовало выяснить численность состава аппарата центральных и местных учреждений для соответствующих расчетов штатов и средств вновь создаваемых коллегий, «чтобы по тому качеству и коллегии устроить». Следующая группа источников относится к началу деятельности коллегий, датируется по делопроизводственной переписке Сената 1721 г. и подводит первые итоги численности штатов новых центральных учреждений [5].

Перейдем к рассмотрению сводных данных о численности чиновников на 1711, 1715 и 1721 гг*, которые представлены в публикуемых нами ниже таблицах 1—3. Анализируя присланные в Сенат ведомости о подьячих центральных учреждений в 1711 г. (табл. 1), отметим прежде всего итоговую цифру — 1906 человек. Показана сеть учреждений в это время, когда при начавшемся упразднении приказов функции некоторых из них были переданы администрации Московской губернии. Распределение подьячих между отдельными учреждениями неравномерно: наибольшее число их занято традиционными поместными, земскими и ратушскими делами, в Военном, Монастырском и Посольском приказах. Новые учреждения еще не обладали большими штатами (Адмиралтейство, Артиллерия, Печатный, Аптекарский приказы). Можно установить соотношение различных категорий: старых подьячих, средней статьи и молодых — в каждом учреждении.

* При публикации данных таблиц мы стремились по возможности сохранить структуру и язык оригинального текста.

Таблица 1

Численность приказных подьячих в 1711 г.

	Подьячие			
	старые	средней статьи	молодые	всего
В мастерской				4
В артиллерии	6	3	23	32
В духовном	5	6	18	29
В Московской губернии				
У губернских дел	16	18	72	106
У доимки	5	4	20	29
У земских дел	30	24	167	221
У дворцовых дел	18	2	32	52
У поместных дел	79	65	135	279
У ямских дел	8	3	42	53
У провиантских дел	38	23	116	177
У ратушских дел	45	29	317	391
В Посольском	13	64 *		77
В Большой Казне	12	27 *		39
В Военном	15	18	110	143
В Сибирском	6	1	24	31
В Монастырском	23	2	81	106
В Оружейной	4	3	15	22
В Казенном	4	2	8	14
В Печатном	4	17 *		21
В Адмиралтейском	7	9	20	36
В Рудном	2	8		10
В Преображенском	6	3	10	19
В Аптекарском	1	—	2	3
В Приказе военных и морских дел	3	2	11	16
Итого в вышеписанных приказах	330	213	1363	1906

* Данные о подьячих средней статьи и молодых в источнике даны суммарно (ЦГАДА. Ф. 248. Оп. 1. Кн. 4. Л. 231—234).

Наибольшее число старых подьячих выполняли традиционные функции поместных и земских дел. Таково было положение дел на период начала деятельности Сената. Сведения о чиновниках управляющей группы в это время не собирались: важно было определить резерв исполнителей, чтобы сразу приступить к его перераспределению. Именно в это время Канцелярия Сената сформировала свой штат из подьячих ряда приказов [6].

Сенатский указ 1711 г. о представлении сведений о приказных подьячих требовал впредь подачи этих сведений ежегодно. Необ-

Таблица 2

Численность штатов центральных учреждений и размеры денежного и хлебного жалованья служащих на 1715 г.*

Канцелярии и приказы и в них обретающимся судьям и комиссарам, секретарям, дьякам и приказным людям	Число людей	Деньги, руб.	Хлеб, четверти
Канцелярия Сената и с теми, что на Москве у отправления Сенатских дел	103	6 954	2 962
Адмиралтейской	163	17 099	4 150
Военной	95	6 269	2 162
Артиллерийской	62	3 196	1 362
Поместной и соляной	180	11 156	5 942
Большие казны	32	1 185	640
Монастырского	43	1 615	880
Оружейных	15	1 530	630
Провиантских	42	3 228	1 873
Ближней и печатных	33	2 205	1 180
Патриарших, Дворцового, Казенного, Духовного	53	1 650	1 060
Городовой	35	2 530	832
Расправной	48	1 330	620
Рудной	36	824	380
Подрядной здесь и в губерниях	100	3 918	2 026
Итого	1218	80 667	26 699
Посольский	178	15 955	—
Итого	1396	96 622	26 699

* ЦГАДА. Ф. 248. Оп. 2. Кн. 42. Л. 276.

ходимые документы собирались и обобщались в Канцелярии Сената, где сосредоточилась подготовка будущей реформы. Решая вопрос о штатах коллегий и расходах на них государственных средств, Петр I в указе Сенату писал: «Надлежит первее ведать, сколько во всех канцеляриях как государственных, так и губернских жалованья, дабы ведав, по тому качеству и коллегии устроить». Указ был получен в Сенате 19 мая 1718 г., и для ответа на него уже имелись необходимые данные [7]. Наиболее полной является «Ведомость о чинах гражданских, сколько оных у дел обретается и что им идет денежного и хлебного жалованья по определению 715 году (о сем и печатными указы объявлено)» [8]. Назначение этого документа — обобщение полных сводных данных о штатах государственных учреждений и об окладах денежного и хлебного жалованья чиновникам центральных (табл. 2) и губернских (табл. 3) учреждений. Они и должны были послу-

Таблица 3

Численность штатов губернских учреждений и размеры денежного и хлебного жалованья служащих в 1715 г.*

В них обретающимся губернатором, судьям, ландрихтам, комиссаром, приказным людем и протчим	Число людей	Деньги, руб.	Хлеб, четверти
Санкт-Петербургской	615	24 652	15 292
Московской	1164	31 486	23 726
Киевской	299	10 320	7 385
Рижской	285	9 001	5 074
Казанской	787	22 998	15 218
Азовской	163	7 550	3 860
Архангелогородцкой	585	13 565	7 860
Сибирской	184	6 426	4 586
Итого	4082	125 998	83 001

* ЦГАДА. Ф. 248. Оп. 2. Кн. 42. Л. 276—276 об.

жить исходными в деле о штатах и окладах новых учреждений. Вся эта работа проводилась в Сенате и его Канцелярии под непосредственным контролем Петра I и при его постоянном личном участии, что говорит о высокой степени полноты и достоверности данных. В заголовок табл. 2 вынесена дата — 1715 год, но работа над ними продолжалась и позднее: это, в частности, видно из примечаний, в которых приводится соотношение хлебного жалованья с ценами на хлеб: «хлебу цена положена надвое: которые в Санкт-Петербурге, тем по Санкт-Петербурхской средней цене 716 году — мука по рублю по 16 алтынам по четыре деньги. Овес по рублю четь, а которые в губерниях, тем против оного в треть ценою» [9].

Ведомость 1715 г. показывает:

1) какие центральные учреждения существовали в это время;

2) категории гражданских чинов, в том числе судьи, комиссары, секретари, дьяки и приказные люди;

3) общее число чиновников по каждому приказу;

4) общую сумму денежного и хлебного жалованья по каждому учреждению;

5) категории служащих местных учреждений: губернаторы, судьи, ландраты, комиссары, приказные люди и прочие;

6) число их по каждой губернии;

7) суммы денежного и хлебного жалованья им по каждой губернии.

Число чиновников в центральных учреждениях на 1715 г. составляло 1396 человек, а вместе со штатами губернских учреждений — 5478 человек. Данные эти представляют особый интерес

Таблица 4

Численность штатов центральных учреждений в 1711 и 1715 гг.*

Учреждения	1711 г.	1715 г.
Приказы		
Монастырский	106	43
Дворцовый, Казенный, Духовный	96	53 (вместе с Патриаршим)
Поместных дел	279	180 (вместе с Соляным)
Большой казны	39	32
Адмиралтейский	36	163
Посольский	77	178
Рудный	10	36
Канцелярия Сената	–	103

* ЦГАДА. Ф. 248. Оп. 1. Кн. 4. Л. 231—234; Оп. 2. Кн. 42. Л. 276.

тем, что они фиксируют состояние государственных учреждений России в тот момент, за которым последовала реформа, и значительные их изменения.

Сопоставление данных о числе подьячих всех приказов 1711 г. с данными «о чинах гражданских» 1715 г. показывает изменения за эти годы. Однако следует иметь в виду, что сопоставимость данных усложняется несколькими обстоятельствами:

1. В списках 1711 г. имеются данные только о подьячих, а за 1715 г. в общее число гражданских чинов включены также судьи, а для местных учреждений — губернаторы. Однако существенных количественных отклонений от общих показателей это включение немногочисленных высших должностных лиц центральных и местных учреждений не дает.

2. Различие системы учреждений можно констатировать в списках 1711 и 1715 гг. В 1711 год были включены сведения о подьячих не только приказов, но и столов Московской губернской канцелярии. Это объясняется тем, что в процессе ликвидации отдельных приказов их функции передавались в Московскую губернскую канцелярию, где учреждались соответствующие столы. Так, именно на 1711 г. имеются данные о ликвидации Земского приказа и учреждения Стола земских дел в Московской губернской канцелярии [10]. Возникшая в этот же период Канцелярия Сената фигурирует в данных 1715 г. как особое учреждение (даже два — в Петербурге и Москве) с значительным общим числом гражданских чиновников — 103 человека. В 1715 г. Московская губернская канцелярия показана не в числе центральных, а в числе губернских учреждений.

3. Вполне сопоставимы данные 1711 и 1715 гг. по отдельным учреждениям, существовавшим все это время.

Таблица 5

Численность чиновников центральных учреждений и их жалованье в 1721 г.*

	Число людей	Жалованье, руб.	Мука, четверти	Овес, четверти	На всякий мелочный расход, рубли
Канцелярии Сената	240	8 952	1 861	1 375	1 000
Коллегий:					
Иностранной	180	30 708	123		
Камор	372	24 003	3 907	3 412	4 129
Штатс-контор	59	6 230	702	640	753
Юстиц	290	2 323	4 445	4 045	1 056
Ревизион	61	8 659	699	600	1 500
Военной	635	20 734	2 334	951	1 287
Адмиралтейской	277	10 016	2 326	2 095	
Камерц	51	9 764	353	278	228
Берх с денежными дворами и с оружейной канцеляриею	157	12 499	761	781	6 144
Дворцовой	89	2 219	450	240	—
Аптекарской	38	2 567	195	195	—
Городовой	48	4 530	842	830	—
Артиллерийской	56	8 076	518	515	—
Полицмейстерской	35	1 597	386	380	295
Типографии	8	910	160	160	—
Оружейной в Москве	9	349	85	85	—
Магистратской	24	1 318	374	350	—
Провиантской	75	2 537	692	547	—
Счетных рекрутных дел	151	4 228	1 129	1 129	—
Печатных	25	1 075	294	285	324
Ямской	47	1 405	420	315	150
Мастерской в Москве	9	367	—	—	128
Государева Казенного приказа в Москве	9	305	—	—	—
Академии	11	890	200	200	—
Розыскных	144	9 365	2 500	2 500	—
Духовной переводчику	1	300	—	—	—
Сумма	3101	196 841	25 756	21 888	16 895

* ЦГАДА. Ф. 248. Оп. 11. Кн. 606. Л. 289—290.

Сопоставление данных по отдельным учреждениям позволяет точнее уловить общую тенденцию развития за этот отрезок времени (табл. 4).

Налицо, таким образом, общая тенденция к сокращению штатов госаппарата старых учреждений и экономии денежных

Таблица 6

Численность чиновников приказов в 1715 г., коллегий в 1721 г. и размеры их денежного и хлебного жалованья *

	1715 г.	1721 г.
Число людей	1 396	3 101
Сумма денежного жалованья, руб.	96 622	196 841
Сумма хлебного жалованья, четверти	26 699 четей	25 746+21 888
Канцелярские расходы	–	16 895

* ЦГАДА. Ф. 248. Оп. 2. Кн. 42. Л. 276; Оп. 11. Кн. 606. Л. 289—290.

средств (о чем имеются упоминания в ряде документов, особенно в связи с трудностями военного времени) и в то же время рост штатов новых учреждений, чьи функции были связаны с актуальными для абсолютистского государства задачами. Ценность данных 1715 г. увеличивается от того, что они содержат также сводные данные о числе штатов губернских учреждений по восьми губерниям. И мы имеем, таким образом, сведения о числе гражданских чиновников в России в это время.

Таково было положение со штатами и окладами в период, когда шла активная подготовка к реформе государственного аппарата и переходу от приказов к коллегиям. Первые итоги формирования новых учреждений — коллегий отражает сводная «Таблица Канцелярии Сената, коллежским и канцелярским членам и служителям в даче жалованья и на приказные расходы было и впредь имеет быть, окроме тех, что вновь надобе, и которых окладов не учинено, также которые в уездах и провинциях» [11] (табл. 5). Мы имеем здесь данные о числе гражданских чиновников центральных учреждений по их состоянию в 1719—1721 гг.

Сопоставляя эти данные с данными 1715 г. (табл. 6), видим рост общего числа чиновников центральных учреждений. Их теперь 3101 человек, и их содержание обходится государству в 196 841 руб. денежного жалованья, 25 746 четей хлеба, 21 888 четей круп. 16 895 руб. расходуется на бумагу, чернила и т. п. «мелочный расход» учреждений.

За период перехода от приказов к коллегиям число чиновников удвоилось и в той же приблизительно пропорции увеличилось денежное и хлебное жалованье им. Ведомости 1721 г. привлекают также внимание тем, что они отражают систему существующих на это время учреждений.

Проведение реформ госаппарата требовало значительных средств. Они собирались с населения губерний в качестве особого дворового сбора [12]. Расчеты по раскладке этих сборов (по гривне с двора) проводились в Штатс-контор коллегии [13]. Данные 1721 г. (табл. 5) представляют собой подведение первых

Таблица 7

Численность государственного аппарата России в конце XVII – первой четверти XVIII в.*

Учреждения, штаты	1675 г.	1690 г.	1711 г.	1715 г.	1721 г.	1727 г.
Центральные						
Подьячие	1428	–	1906	–	–	–
Весь штат	–	2728	–	1396	3101	1394 (157 управителей, 1237 приказных служителей)
Губернские						
Весь штат		–	–	4082	–	3480
Всего по России	–	4646	–	5478	–	4874

* В основу таблицы положены следующие источники: 1675 г.— Список подьячих по приказам 1675 г. // Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1962. Кн. VII. С. 305—311; 1690-е годы — *Демидова Н. Ф.* Государственный аппарат России в XVII веке. С. 136; 1711 г.— ЦГАДА. Ф. 248. Оп. 1. Кн. 4. Л. 231—234; 1715 г.— Там же. Оп. 2. Кн. 42. Л. 276—276 об.; 1721 г.— Там же. Оп. 11. Кн. 606. Л. 289—290; 1727 г.— *Кирилов И. К.* Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1979. С. 309 и след.

итогов по сформированным коллегиям. В них отражена численность чиновников коллегий и сумма средств денежного и хлебного жалованья, необходимая на их содержание. Делопроизводственная переписка Сената за рассматриваемый период позволяет определить цели составления этих данных, ход их подготовки и использования.

Таким образом, анализ архивных источников позволил установить численность служащих государственного аппарата в 1711, 1715 и 1721 гг. Для того чтобы расширить хронологические рамки исследования, сопоставим эти данные со сведениями из опубликованных источников предшествующего и последующего периодов (табл. 7).

Трудность изучения динамики численности государственного аппарата рассматриваемого периода состоит в неполной сопоставимости данных: в 1675 г. учтены как подьячие, так и другие приказные (пристава, сторожа и пр.); за 1711 г. мы имеем данные только о подьячих; за 1715 и 1721 гг.— о всех штатах учреждений; И. К. Кирилов дает по-новому сгруппированные сведения

(приказные служители и управители). По губернским учреждениям, а следовательно, суммарные данные по России в целом имеются за 1715 и 1727 гг. Источники отражают общую тенденцию развития аппарата управления абсолютизма.

Количественные характеристики важно дополнить источниками о социальном, имущественном и правовом положении изучаемого слоя в рассматриваемый период. Интересен указ Петра I от 10 ноября 1721 г., предписывавший Сенату организовать школу, «где учить подьячих их делу, а имянно цыфири, и как держать книги, ко всякому делу пристойныя». Указ называет профессиональные к ним требования и, главное, отражает наличие слоя профессионалов-подьячих, передающего профессию по наследству, и в то же время пополняющегося из других слоев «со стороны», в том числе из дворянских детей, зачисленных в коллегии: они должны «знать арифметику, формы книгам, табели, штиль письма и прочее, что доброму подьячему надлежит; куда бы приказные люди детей своих повинны были отдавать, також и со стороны, хто похочет быть приказным, також учиться определенным в коллегии молодым дворянам» [14]. О высоком уровне профессиональных знаний «добрых подьячих» второй половины XVII— первой четверти XVIII в. можно судить не только по делопроизводственным документам, которые дошли до нас, но в отдельных случаях по таким ярким произведениям, как книги подьячего Посольского приказа Г. К. Котошихина и секретаря Сената, начинавшего службу неокладным подьячим, И. К. Кирилова [15].

Официальные источники о службе подьячих крайне скупо освещают лишь отдельные факты их деятельности, часто случайно приводимые в документах. Огромный интерес поэтому представляет сохранившийся яркий человеческий документ, своего рода «мемуары». О разнообразной, полной тревог и беспрерывных разъездов сорокалетней службе подьячего С. Часовникова рассказывает его челобитная 1712 г., факты которой подтверждены выписками из дел Малороссийского и Посольского приказов, где он служил. Начав службу в Новгороде, он бывал «на служба́х и посылках почти ежегодно» в Киеве, Владимире, Смоленске, Архангельске, Польше, на литовских рубежах, в Валуйках, на Дону, в Воронеже, Вологде, Азовском походе, Берлине, на зеркальном заводе под Воробьевом [16]. Исторические факты переплетаются с историей жизни данного человека и с событиями бурной эпохи петровских преобразований. Этот источник интересен в первую очередь тем, что в нем подробно показана психология подьячего того времени. По тому, как он излагает факты своей служебной деятельности, свои несчастья и свою просьбу, видно и его отношение к приказной службе, его представление о служебном долге, то, в чем видит он главные свои заслуги. Вместе с тем челобитная показывает социальное, правовое и имущественное положение подьячего. Он просил разрешения постричь его без вклада (ввиду его разорения и беспорочной службы) в Троице-Сергиев монастырь. Просьба была удовлетворена — в Монастырский

приказ послан указ о том, чтобы его постричь без вклада и дать ему особую келью, и о даче ему монастырской пищи «против двух братов» [17].

Из тех биографических данных, которые известны об отдельных чиновниках, видно, какими частыми были их перемещения с военной на гражданскую службу и наоборот. Подьячий был человеком, который мог нести «всякие полковые службы». Характерна в этом отношении запись подьячих в армию.

И в центральных, и в местных учреждениях испытывалась постоянная нужда в знающих специалистах, в московских же приказах сформировалась уже их определенная профессиональная категория. С мест часто требовали их присылки для организации управления, «к приказным делам». Деятельность подьячих в новых условиях была крайне разнообразной, в ней сильно отразились время реформ и события петровского царствования. Подьячие и вообще чиновники госаппарата занимались не только канцелярской работой и вопросами управления, но и выполняли многие единовременные поручения [18].

Переход от приказов к коллегиям и реорганизация всего госаппарата сопровождались его географическим перемещением. Создание новой столицы на берегу моря было не только символом. Новые реформы трудно, если не возможно, было проводить в старой социальной обстановке. Необходимо было оторвать людей от старой обстановки, ввести их в новый круг отношений. Этому способствовал указ о переезде в Петербург высшей знати и большого количества чиновников госаппарата. Многочисленные источники (мемуары, записки иностранцев и другие) показывают, как воспринимался этот указ и как он исполнялся [19]. Подьячим, направлявшимся на службу из Москвы в Петербург в коллегии, требовались подъемные, прогоны и подводы, «чтобы они, подьячие, за тем лишением ездою своею сюды не отговаривались и немедленно по тем указам сюды прибыли к назначенному им делу» [20].

Переезд шел вместе с формированием коллегий, и подьячие немедля приступали к делам на новом месте.

Главным способом комплектования штата коллегий в период их формирования было назначение подьячих и даже дьяков из старых учреждений, причем они отбирались из различных учреждений и даже из разных городов. Характерен один из первых шагов в этом деле — формирование штата канцелярии Коммерц-коллегии. По представлению в Сенат П. М. Апраксина в ноябре 1715 г. «для управления оных дел пристойным быть служителям, имянно: два дьяка, Дмитрей Неупокоев из Казани, Кузьма Жуков из Ярославля, да из старых подьячих в дьяки (которые у полковых дел со мною были) секретарем Тимофей Зайцев, подьячих старых 8 человек: Дмитрей Окунев из Ярославля, Степан Антонов, Кузьма Филипов из Москвы, Лев Кудрявцов из Сибирского приказу, Архангелогороцкой таможни Андрей Митулов, который ныне в Санкт-Петербургской таможне, Иван Коси-

дин из Города, да молодых подьячих по 3 человека с губернии, да из московских приказов четыре человек сторожей» [21].

Таким образом, люди собирались из разных мест. Возможно, это диктовалось необходимостью сохранить штаты старых учреждений, чтобы в них не получилось «остановки в делах». О том, что за недостатком подьячих при их переводе возникает такая проблема, свидетельствует ряд документов. Видимо, важно было и другое: новые учреждения должны были получить людей, не спаянных старыми связями. По-видимому, той же цели — ввести в коллегии людей извне служило включение в их состав иностранцев, которые занимали различные должности, начиная с вице-президента. Согласно именной росписи президентов и вице-президентов коллегий, подписанной Петром I в Петербурге 15 декабря 1717 г., намечались по два вице-президента — русский и иностранец. Но иностранцы занимали не только высшие должности. Ряд источников говорит об «иностранных служителях» как людях весьма среднего достатка. Мемориал от 9 мая 1718 г., представлявший на рассмотрение Петра I ряд предложений по этому вопросу, предлагал, в частности, меры о порядке назначения окладов русским и иностранцам и обеспечения их квартирами в Петербурге, «ибо малые служители не в таком состоянии, чтоб могли себе доискать дворов, притом, живя не отдаляясь от коллегиев, понеже без того им не управиться» [22].

Основным источником существования подьячих петровского времени были оклады в виде денежного и хлебного жалованья, которое они получали за службу. Частные перемещения вряд ли оставляли им возможность каких-либо других постоянных источников доходов. Подьячих использовали как писарей, их посылали и в армию, и в различные учреждения. В документах неоднократно повторяется, что работают они «денно и нощно». Так, прося об освобождении от постоев, сенатские подьячие писали: «Работали мы его царскому величеству в канцелярии Правительствующего Сената безленостно и бескорыстно, денно и нощно» [23]. В 1713 г. указывалось, чтобы дьяки и подьячие «с при них будущими людьми и лошадьми» ночью пропускались в городских воротах Москвы «без задержания и поворотных пошлин до того, что они в канцелярии Правительствующего Сената для отправления его государевых дел сидят дням и ночью непрестанно» [24]. При срочной работе дьяки и подьячие по приказам работали «денно и нощно безвыходно» [25].

Имущественное положение чиновников можно в определенной степени выявить, изучая их оклады. С 1711 г. вопросами формирования штатов приказов и определения их окладов занималась Канцелярия Сената. Формируя свой штат, Канцелярия прибегла к переводу в него приказных людей. В связи с этим среди ее документов появились данные об окладах подьячих, которые они получали в приказах. Другая группа сведений об окладах подьячих в приказах была собрана в связи с начавшейся работой по определению окладов чиновникам создаваемых коллегий. В этой

Таблица 8

Годовые оклады подьячих Канцелярии Сената в 1711 г.*

Должность	Число людей	Оклад, руб.
Старые подьячие	11	100
Средней статьи	12	50
Молодые		
1-й статьи	20	30
2-й статьи	20	20
3-й статьи	20	15

* ЦГАДА, Ф. 248. Оп. 2. Кн. 42.

Таблица 9

Годовые оклады подьячих Канцелярии Сената в 1716 г.*

Подьячие	Деньги, руб.	Хлеб, юфть
Старые	120	30
Средней статьи	80	20
Молодые	30	10

* ЦГАДА. Ф. 248. Оп. 2. Кн. 42.

связи появились разнообразные документы — проекты и расчеты расхода государственных сумм на жалованье чиновникам коллегий, как русским, так и иностранцам. За 1719—1721 гг. мы имеем данные о новых окладах в коллегиях. Таким образом, источники позволяют получить достаточно полные сведения об окладах чиновников на 1711—1721 гг. и изменениях, происходивших в этом отношении при переходе от приказной системы учреждений к коллегиям. В документах Сената и Штатс-контор коллегии содержатся данные для характеристики социального и имущественного положения подьячих (табл. 8, 9)

В сравнении с приказами в Сенате оклады были существенно повышены. Это повышение обращает на себя внимание тем, что происходит в обстановке экономии государственных средств по другим статьям расходов, при огромной нехватке денежных средств для военных нужд, для переезда в Петербург и т. п.

Прослеживая величину окладов в Канцелярии Сената в последующие годы, мы наблюдаем тенденцию к их повышению (табл. 9).

Цены на хлеб в это время составляли за рожь до полутора рублей, а за овес 1 руб. 15 алтын за четверик.

Таблица 10

Годовые оклады подьячих в губерниях на 1715 г.*

Подьячие	Деньги, руб.	Хлеб, четверти
Старые	60	30
Средней статьи	30	20
Молодые	15	10

* ЦГАДА. Ф. 248. Оп. 2. Кн. 42.

Таблица 11

Штаты Юстиц-коллегии в 1719 году *

Чины	Число		Жалованье		
	иностранцев	русских	иностранцам	русским	итого
Президент		1			
Вице-президент	1		2400	—	2400
Советники	2	2	1200	800	4000
Асессоры	2	2	600	500	2200
Секретари	1	1	500	429	929
Протоколисты	1	—	400	—	400
Фискалы	2	2	300	80	760
Переводчики	4	—	300	—	1200
Протоколисты и канцеляристы	1	16	200	215	3640
Подьячие средней статьи		15		143	2145
Подьячие молодые	1	32	150	62	2134
Вахмистр	—	1	—	21	21
Приказные служители и рассыльщики	—	10	—	18	180
Итого	15	82	9050	10 959	20 009

* ЦГАДА. Ф. 248. Оп. 2. Кн. 42. Л. 272; Оп. 11. Кн. 606. Л. 195—196.

Оклады подьячих центральных учреждений были более высокими, чем подьячих в губернских учреждениях (табл. 10).

В Петербурге, Ревеле, Нарве, Выборге предписывалось «давать против того вдвое».

Продолжали увеличиваться оклады в коллегиях. Причем увеличение проводилось неравномерно, что усиливало социальную дифференциацию. «Ведения о коллегиях», поданные президентами коллегий в Сенат в 1719 г., отражают данные об окладах, причем оклады иностранцев превышают оклады русских, зани-

мавших те же должности. Так как эти данные по всем коллегиям аналогичны, приводим в качестве примера сведения по Юстиц-коллегии (табл. 11).

Прослеживая динамику изменений в окладах чиновников в первой четверти XVIII в., можно сделать следующие наблюдения: подьячие в приказах в зависимости от окладов различались по четырем категориям: старые, средней статьи, молодые и неокладные подьячие (без денежного жалованья). Более высокие оклады были в приказах, ведавших новыми функциями.

При переводе подьячих в Канцелярию Сената оклады увеличились по всем категориям, а неокладные подьячие исчезли. В коллегиях наметились новые явления: было достигнуто единообразие окладов по всем коллегиям. Возникла разница в окладах русским и иностранцам, причем большей частью в пользу последних. Растущая социальная дифференциация нашла свое выражение в более резком различии окладов высших и низших категорий.

По своему происхождению и социальной природе рассмотренные источники принадлежат к делопроизводству высших учреждений России, что необходимо учитывать в первую очередь. Информация, которая в них содержится, собиралась и обрабатывалась в определенных социальных целях и потому должна быть подвергнута источниковедческой критике с точки зрения достоверности, полноты и репрезентативности.

Данные о структуре государственного управления и его изменениях были составлены Сенатом в практических целях, они проходили проверку в практике учреждений и на высшем уровне управления. Так, численность чиновников проверялась в связи с расходами на их содержание, в чем было заинтересовано государство. Правильность сведений о госаппарате обеспечивалась контролем Сената и Петра I. Ряд сведений подтверждается повторяемостью упоминаний о них в переписке (нехватка чиновников, волокита, уклонение от службы, критерии отбора чиновников в учреждения). Таким образом, изученные нами источники достоверно отражают некоторые существенные тенденции развития государственного аппарата России первой четверти XVIII в.

[1] *Демидова Н. Ф.* Бюрократизация государственного аппарата абсолютизма в XVII–XVIII вв. // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.). М., 1964; *Она же.* Государственный аппарат России в XVII веке // Ист. зап. 1982. Т. 108. *Amburger E.* Geschichte der Behördenorganisation Russlands von Peter dem Grossen bis 1917. Leiden, 1966; *Peterson C.* Peter the Great's administrative and judicial Reforme. Swedish Antecedente and Process of Reception. Stockholm, 1979; Russian Officialdom. Chapel-Hill, 1980; *Медушевский А. Н.* Развитие аппарата управления России первой четверти XVIII века // История СССР. 1983. № 6; *Баггер Х.* Реформы Петра Великого: Обзор исследований. М., 1985.

[2] Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого. СПб., 1880. Т. 1. С. 79.

[3] ЦГАДА. Ф. 248. Оп. 1. Кн. 4. Л. 231–234.

[4] Там же. Оп. 2. Кн. 42. Л. 276 и др.

[5] Там же. Оп. 11. Кн. 606. Л. 289 и др.
[6] Именные списки штата Канцелярии Сената с указанием, кто из какого приказа переведен и какой оклад там имел, см.: Там же. Оп. 1. Кн. 4. Л. 877–885.
[7] ЦГАДА. Ф. 248. Оп. 1. Кн. 2. Л. 32.
[8] Там же. Оп. 2. Кн. 42. Л. 276–277.
[9] Там же. Л. 276 об.
[10] Там же. Оп. 1. Кн. 1. Л. 282–284.
[11] Там же. Оп. 11. Кн. 606. Л. 289–290.
[12] Там же. Оп. 2. Кн. 42. Л. 276 об.
[13] Там же. Ф. 279. Оп. 1. Ч. 1. Д. 10. Л. 606–610 (1720 г.).
[14] *Вознесенский Н. А.* Законодательные акты Петра I. М.; Л., 1945. Т. 1. № 290. С. 241–242.
[15] *Котошихин Г. К.* О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906; *Кирилов И. К.* Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1979.
[16] ЦГАДА. Ф. 248. Оп. 2. Кн. 18. Л. 475 и др.
[17] Там же. Л. 475; Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого. СПб., 1883. Т. 2. С. 356.
[18] ЦГАДА. Ф. 248. Оп. 2. Кн. 15. Л. 38–39 об.
[19] Там же. Оп. 1. Кн. 12. Л. 49 и др.; Кн. 13. Л. 14–15; Кн. 15. Л. 2; Оп. 2. Кн. 31. Л. 354, 412.
[20] Там же Оп. 2. Кн. 42. Л. 229, 265.
[21] Там же. Л. 1–1 об. См. также данные о служащих Юстиц-коллегии и Посольской канцелярии за 1718 г.: Там же. Л. 92, 136, 143.
[22] Там же. Л. 31.
[23] Там же. Кн. 26. Л. 10–11.
[24] Там же. Оп. 1. Кн. 5. Л. 843–844.
[25] Там же. Кн. 4. Л. 123.

ИРКУТСКИЕ И НЕРЧИНСКИЕ ТАМОЖЕННЫЕ КНИГИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ПРОМЫСЛОВ И ТОРГОВЛИ ЗАБАЙКАЛЬЯ КОНЦА XVII — НАЧАЛА XVIII в.

Л. В. Машанова

Таможенные книги Сибири изучали многие исследователи. К. В. Базилевич впервые дал их критическую оценку и подробный источниковедческий анализ [1]. В послевоенные годы к изучению тобольских и енисейских таможенных книг обратились О. Н. Вилков и А. Н. Копылов [2]. Материалы иркутских и нерчинских таможенных книг о промыслах и торговле в Восточной Сибири в XVII—XVIII вв. использовали в своих работах О. Н. Кашик, В. А. Александров и Г. А. Леонтьева [3].

В отличие от тобольских таможенных книг XVII в. иркутские и нерчинские таможенные книги [4] не были предметом специального источниковедческого анализа. Поэтому и предпринята попытка рассмотреть их как источник по истории промыслов и торговли Забайкалья конца XVII — начала XVIII в.

Из 9 иркутских и 19 нерчинских таможенных книг, дошедших до нас от 1690—1714 гг., 7 книг (3 иркутские [5] и 4 нерчинские [6]) не имеют начала и конца. Они написаны четким полууставом, переходящим в скоропись.

Черновые книги не сохранились, лишь в некоторых статьях беловых книг есть ссылка на черновые книги, например: «...у подлинной записки в черной книге вместо Григория Епифанцева росписка Ивана Грека...» [7] Статьи расположены в книгах по хронологическому признаку. Об обширном содержании таможенных книг Иркутска и Нерчинска дают представления их заглавия, например: «Книга города Нерчинска таможенная записная десятинному пошлинному сбору с товаров и мяхкой рухляди и с рыбы и с рогатого скота нынешнего 1708 году генваря с 1 числа да генваря по 1-е число 1709 году, что по указу великого государя и по статьям прошлого 207 году собрано со всяких чинов людей товаров и мяхкой рухляди и денег при бытности таможенного и заставного и кружечных дворов головы Гаврила Артемьева с товарыщи и то писано в сей десятинной книге имянно» [8]. В каждой книге, кроме таможенных записей, помещены приходно-расходные книги винокурения и виноторговли. Они содержат данные о расходах на приобретение сырьевых продуктов и топлива, сведения о работных людях, ремесленниках, выполнявших заказы, отчеты о казенном винокурении и виноторговле.

Таможенные книги Иркутска и Нерчинска, являясь основным источником для характеристики роста товарного производства и товарного обращения в южной части Восточной Сибири, в силу особенностей таможенного учета того времени содержат более подробные сведения по ввозной, чем по отпускной, торговле. В отличие от таможенных книг Европейской России и Западной Сибири в иркутских и нерчинских таможенных книгах нет строго дифференцированных записей товаров приезжих (иногородних) и местных торговцев. Большая часть таможенных записей содержит сведения о привозе «русских» и вывозе «китайских» товаров, а меньшая часть — о товарах местного производства. В таможенных записях достаточно точно указаны основные данные торговца (дата его явки, фамилия, имя, отчество, социальное положение, место жительства, откуда прибыл и куда направляется, кто из приказчиков и работных людей сопровождает, вид транспорта, сколько и каких товаров (наименование, количество, таможенная оценка каждого вида товара) и на какую сумму привез, свой товар или «скупной», сколько и каких пошлин заплатил в других городах и сколько требуется доплатить в Иркутске и Нерчинске. К сожалению, в названных источниках недостаточно полно отражена социальная структура мелкотоварного производства, весьма кратки сведения о русско-бурятской и русско-монгольской торговле, существовавшей в тот период. И все же с известной степенью полноты иркутские и нерчинские таможенные книги позволяют рассмотреть развитие промыслов и торговли Забайкалья конца XVII — начала XVIII в.

Население Забайкалья занималось солеварением, добычей слюды, свинца, серебра и железа, кожевенным производством, деревообработкой, пушным и рыбным промыслами. Как свидетельствуют таможенные записи, производство кож, соли, слюды и железа, добыча рыбы и пушнины носили товарный характер и почти полностью удовлетворяли потребности местного населения. Возникновение и развитие промыслов способствовало включению в орбиту товарно-денежных отношений местного населения, процессу превращения части промышленных, служилых, гулящих, посадских людей и крестьян в мелких товаропроизводителей, работающих на рынок.

Таможенные записи иркутских и нерчинских книг дают возможность проследить организационные формы производства, время и место занятий, численность людей, занятых в промысле, географию и социальный состав производителей (служилых, промышленных, посадских людей, крестьян и покрученников, торговых людей и гостей), позволяя определить удельный вес каждой категории производителей. Они же дают возможность рассмотреть вид и сорт продукции, средний размер добычи или производства одним человеком, определить средства доставки продукции на место сбыта, центры сбыта, таможенную оценку товаров, использование наемного труда («строшного» найма из местного русского и коренного населения), проследить появление и роль скуп-

щиков, их стремление к расширению торговых операций. Для торговцев-скупщиков были характерны значительные колебания скупочных операций, когда размер капитала, выделенного на приобретение товара, то быстро возрастал, то не менее стремительно сокращался, что, безусловно, свидетельствовало о неустойчивости еще скупочных операций и сравнительно ограниченном капитале их владельцев. Роль местных торговцев-скупщиков была еще невелика, но сам факт свидетельствовал о развитии товарно-денежных отношений в этом районе Восточной Сибири. Путь к профессиональной торговле не был быстрым процессом, и все же уже в начале XVIII в. некоторые становились профессиональными торговцами.

На рыбных и соболиных промыслах Забайкалья, как свидетельствуют таможенные записи, существовала покрута. Покрученников держали торговые люди и гости.

И все же большая часть пушнины ими приобреталась «врознь у всяких людей». «Селенгинские», «еравнинские», «ильинские» и «баргузинские» покупки пушнины гостей были значительными и совершались часто среди ясачного населения. Таможенные записи дают возможность рассмотреть и пути закабаления непосредственного добытчика пушнины скупщиком (ссуда товара или денег в долг под будущую добычу). Они свидетельствуют также о том, что жители Забайкалья занимались и «степным» промыслом — добычей тарбаганов, выделкой тарбаганьих шкур и продажей их на местных рынках.

В 60—70-х годах XVII в. забайкальские остроги начинают превращаться в торговые центры, связанные с различными районами Сибири и Европейской России. В Забайкалье поступали предметы сибирского ремесла, хмель, мед, воск, хлеб, пушнина, китайские ткани и «русские» товары. По таможенным записям можно проследить торговые пути и центры, куда прибывали торговцы. Так, основной поток «русских» товаров в Забакалье шел из Иркурстка через Байкал вдоль реки Уды по рекам Чите—Ингоде—Шилке к Нерчинску. Переправившись через Байкал торговцы направлялись к устью Селенги, останавливались в Ильинском, Удинском, Еравнинском, Телембинском острогах и прибывали в Нерчинск, являвшийся конечным пунктом торговых маршрутов. Таможенные записи дают возможность определить название, количество и стоимость привозных и местных товаров, продававшихся в Забайкалье, количество товарных партий, явок, состав торговцев и их географию.

Специализация отдельных районов Русского государства, наметившаяся в основных чертах в XVI—XVII вв., прослеживается довольно отчетливо и в конце XVII — начале XVIII в. по материалам иркутских и нерчинских таможенных книг. В них можно встретить записи, в которых точно указываются места изготовления многих русских товаров («ярославский», «устюжский», «усольские», «нижегородские» и др.). По-видимому, в XVII столетии они получили всеобщее признание и были хорошо извест-

ны не только в Европейской России, но и в отдаленных районах Сибири.

Таможенные записи четко фиксировали ассортимент товаров, географию и социальный состав торговцев, размеры и формы их скупочной деятельности, число явок и товарных партий, позволяя определить количественное и процентное соотношение явок и товарных партий торговцев из Европейской России и сибиряков, сравнить стоимостные показатели их товарных партий, особо подчеркивая роль местных торговцев — удинцев, селенгинцев, баргузинцев и нерчинцев.

Пушнина занимала особое место в торговле Забайкалья — она была главным предметом забайкальского экспорта, так как почти вся вывозилась за пределы края, способствуя втягиванию этого района Восточной Сибири в складывающийся всероссийский рынок. Основная часть забайкальской пушнины крупными и мелкими партиями поступала «на Русь» и в Китай, небольшая часть — в сибирские города.

Таможенные записи позволяют определить основной ассортимент товаров, проходивших через Нерчинск в Китай и обратно «на Русь». С одной стороны, это была сибирская пушнина (соболи, белки, песцы, рыси, лисы), с другой — китайские ткани. Наибольший спрос был на китайские шелковые ткани (разные камки и атлас) и бумажные ткани (китайки). Записи нерчинских таможенных книг указывают, что в подавляющей части китайские ткани, привозимые в Нерчинск из Китая, не поступали на местные рынки, так как представляли большую ценность для Центральной России. Основная их часть отправлялась «на Русь», в центр складывавшегося всероссийского рынка — Москву, и лишь незначительная их доля расходилась в Сибири.

Иркутские и нерчинские таможенные книги дают возможность рассмотреть и роль местного товарооборота в товарном обращении края — наименее исследованный вопрос советского сибиреведения. Изучение торговли сельскохозяйственными продуктами и предметами местной промышленности подводит нас к вопросу о связи хозяйства крестьян, служилых и посадских людей с рынком. Крестьянская торговля, как и торговля служилых и посадских людей, по данным таможенных книг, может быть представлена в абсолютном (число продавцов, количество явок, список товаров, стоимость, сумма продаж) и в относительном размере (удельный вес крестьянской торговли по отношению к торговле служилых и посадских людей). По таможенным записям можно четко установить районы вывоза и привоза хлеба, скота, предметов местной промышленности, социальный состав и географию торговцев. Существовала и меновая торговля скотом на китайские ткани. Как сообщают таможенные записи, довольно часто «ходили в мунгальскую землицу для торжишку, а с ними было немало скота и лошадей». В районе Телембинска нерчинские крестьяне и служилые люди меняли у ясачных тунгусов скот на соболей.

Таможенные записи книг Иркутска и Нерчинска, как и То-

больска[9], фиксировали и акты купли-продажи «ясырей» (домашних рабов). «Августа в 15 день Лука Игнатьев привез из нерчинских острогов мунгальского парня в Иркутск и продал без выкупа пашенным крестьянам Петрушке да Федьке Граниным, а имя его Чипаган, а взял за него 32 рубли, а купил его в Нерчинском остроге у служилого человека у Стенки Андронова»[10].

Торговля служилых людей отмечается почти во всех таможенных книгах. Она представляет особый интерес, так как крестьянское и посадское население края в тот период было еще невелико. Военнослужилые люди в то время — самая большая категория населения Забайкалья. В начале XVIII в. более 60% служилых людей занимались земледелием, поставляя, как и крестьяне, хлеб нерчинскому винокуренному заводу.

Служилые люди принимали активное участие в развитии местных промыслов — добыче соли, слюды, железа, пушнины, рыбы, в кожевенном производстве, становясь мелкими товаропроизводителями, работающими на рынок.

Торговля служилых людей, разнообразная по размеру, форме и специализации, охватывала почти все товары, обращавшиеся на местном рынке. Принимали они также участие и в поставке «русских» товаров и вывозе китайских тканей.

Таможенные книги дают нам также возможность рассмотреть и некоторые вопросы истории организации таможенной службы в Сибири, в частности в Иркутстке и Нерчинске. Таможенное законодательство в Сибири в принципе основывалось на общерусских актах, но их положения распространялись на Сибирь постепенно. В конце XVII в. правительство установило таможенный барьер в виде десятипроцентного сбора с привозимых из европейской части товаров и денег, а также с вывозимой на Русь пушнины. С привозимых «русских» товаров брали десятую пошлину по оценке деньгами, но если продавец привозных товаров на вырученные деньги покупал пушнину, то у него десятую брали обычно пушниной. В конце XVII — начале XVIII в. в таможнях Иркутска и Нерчинска брали десятую с пушнины, с рыбы, со слюды и железа (за промысел). Десятую пошлину брали с продажи хлеба не «своей пахоты», с «пригонного скота и лошадей», с «нетоварных» денег, явленных на покупку пушнины и других товаров. Натурой десятую пошлину брали с пушнины и китайских тканей (камок, китаек, атласов). К концу XVII в. ликвидируются мелкие пошлины и увеличивается количество товаров, охваченных десятой пошлиной. Это хлеб «своей пахоты» и скот.

Вопрос о товарных ценах (таможенных, рыночных и др.) очень важен. Записи иркутских и нерчинских таможенных книг дают возможность рассмотреть динамику условных таможенных цен. В течение последнего десятилетия XVII в. условная таможенная оценка на большинство привозных «русских» товаров не была неизменной. Погодные изменения условных таможенных цен можно было наблюдать на некоторые металлы (железо, уклад, медь) и изделия из них, ткани — холсты (хрящ и средний) и

сермяжное сукно. Условной таможенной оценке подвергались и товары сибирского производства (хмель, мед, воск, мыло, железо). В Нерчинске, как в большинстве сибирских городов, на привозные «русские» товары существовала условная таможенная оценка, не соответствовавшая рыночной стоимости товара. Но на динамику условных таможенных цен оказывал влияние растущий спрос населения, местный рынок. Сама система таможенных пошлин имеет немаловажное значение для изучения таможенных книг как историко-экономического источника. В таможенных записях четко фиксировалась стоимость пошлинного сбора, взысканного в других сибирских городах, что позволяет определить разницу в сибирских ценах, повышающую процент торговой прибыли, торговый оборот.

Значение иркутских и нерчинских таможенных книг как историко-экономического источника заключается прежде всего в том, что они позволяют изучить развитие товарного производства, товарно-денежных отношений южной части Восточной Сибири, и в частности Забайкалья, конца XVII – начала XVIII в.

[1] *Базилевич К. В.* Таможенные книги как источник экономической истории России // Проблемы источниковедения. М.; Л., 1933. Вып. 1; *Он же.* К вопросу об изучении таможенных книг XVII в. // Проблемы источниковедения. М.; Л., 1936. Вып. 2.

[2] *Вилков О. Н.* Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII в. М., 1967; *Он же.* Тобольские таможенные книги XVII в. // Города Сибири: (Эпоха феодализма и капитализма). Новосибирск, 1978; *Копылов А. Н.* Условная оценка товаров в сибирских таможнях в XVII в. // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России: Сб. статей к 70-летию А. А. Новосельского. М., 1961; *Он же.* Таможенная политика в Сибири в XVII в. // Русское государство в XVII в. Новосибирск, 1965.

[3] *Кашик О. Н.* Торговля в Восточной Сибири в XVII – начале XVIII в. // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961; *Александров В. А., Чистякова Е. В.* К вопросу о таможенной политике в Сибири в период складывания всероссийского рынка (вторая половина XVII в.) // Вопр. истории. 1959. № 2; *Александров В. А.* Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). М., 1969; *Леонтьева Г. А.* Роль служилых людей в торгово-промышленной жизни Нерчинска во второй половине XVII – начале XVIII в. // Города Сибири; и др.

[4] ЦГАДА. Сибирский приказ. Книги: 1092 (1692–1693 гг.), 1073 (1694–1697 гг), 1228 (1698–1699 гг.), 1257 (1700 г.), 1260 (1700 г.), 1355 (1702 г.), 1546 (1711 г.), 1548 (1711 г.), 1571 (1712 г.), 1063 (1690–1694 гг.), 1012 (1692 г.), 1037 (1693–1696 гг.), 1124 (1696–1697 гг.), 1133 (1697–1698 гг.), 1221 (1697–1698 гг.), 1216 (1699 г.), 1258 (1700 г.), 1391 (1701 г.), 473 (1701–1702 гг.), 472 (1702 г.), 1340 (1702 г.), 1378 (1703 г.), 1507 (1703 г.), 1474 (1706 г.), 1502 (1708 г.), 1512 (1710 г.), 1552 (1711 г.), 1591 (1714 г.). Далее указываются лишь номера книг.

[5] Кн. 1092, 1073, 1228.

[6] Кн. 1012, 1391, 473, 1507.

[7] Кн. 1512. Л. 36.

[8] Кн. 1502. Л. 1.

[9] *Вилков О. Н.* Тобольские таможенные книги XVII в. С. 17.

[10] Кн. 1092. Л. 211.

АВТОГРАФ «ПРЕНИЙ С ГРЕКАМИ О ВЕРЕ» АРСЕНИЯ СУХАНОВА

А. П. Богданов

«Прения с греками о вере» Арсения Суханова — одно из наиболее известных полемических сочинений XVII в., связанных с борьбой в русском обществе по вопросам мировоззрения. Написанное еще до начала реформ патриарха Никона, оно столь ярко отразило существо спорных проблем, волновавших русских людей, что не только пережило свое время, но приобрело в дальнейшем еще большую полемическую остроту.

Все исследователи независимо от их взглядов на авторство «Прений с греками» признавали выдающееся значение этого сочинения. Например, Н. Ф. Каптерев назвал его самым полным и систематическим выражением русских воззрений XVII в. на греческое и русское благочестие. П. Владимиров, проведя сопоставление «Прений» с широким кругом сочинений XVII в., рассматривал «Прения» в качестве прямого предшественника соловецких челобитных, а большой знаток полемических текстов А. А. Ржевский утверждал «несомненную подложность» этого сочинения на том основании, что оно представляет «такую полноту доказательств, что не только далеко опережает явившиеся впоследствии раскольнические челобитные, но и не во многом чем уступает „Поморским ответам"!» [1].

Это сочинение с самого начала вошло в идейный арсенал вождей раскола. Как известно, список «Прений с греками о вере» был у одного из наиболее видных противников патриарха Никона — протопопа Ивана (Григория) Неронова. Свидетельства из текста этого сочинения приводил дьякон Федор при допросе на московском соборе в 1666 г.[2], есть сведения, что оно было известно и протопопу Аввакуму. В XVIII в. его привлекают братья Денисовы в знаменитых «Поморских ответах» [3].

Значительную популярность «Прений» показывает количество и состав их списков. С. А. Белокуров называл 21 рукопись, содержащую «Прения с греками о вере». В настоящее время мы можем указать еще 16 списков этого сочинения. К XVII в. из известных нам списков (не считая автографичных) относится 7; в них имеется два варианта дополнений, сделанных около 1658 г. на Соловках и в 1665 г. в Москве [4]. В XVIII в. списки «Прений» имели более широкое хождение — их известно 17, причем три из них основательно обработаны и дополнены, и еще 7 отражают производные редакции [5]. Кроме того, 11 списков были сделаны

уже в XIX в.[6] Сопоставление выявленных текстов показывает, что сохранившиеся рукописи представляют лишь малую часть бытовавших в XVII–XIX вв. списков. Многочисленные обработки текста «Прений», последовавшие почти сразу после появления самого сочинения, являются убедительным свидетельством его значения, с точки зрения книжников двух столетий.

Сила публицистического воздействия «Прений с греками» была настолько велика, что факт создания их Арсением Сухановым в середине XVII в. очень долго не признавался исследователями, несмотря на то что имя автора и дата указываются в заглавии текста. Мнение, что «Прения с греками о вере» не принадлежат перу Суханова, но сочинены позднее старообрядцами, впервые было высказано Е. Болховитиновым и утверждалось затем Ф. Гумилевским, И. П. Сахаровым, В. Огневым, митрополитом Макарием, Н. И. Субботиным, А. А. Ржевским, Н. И. Ивановским, Н. И. Костомаровым, П. Владимировым и другими исследователями XIX в.[7] За принадлежность «Прений» Арсению Суханову, не приведя веских аргументов, высказался Е. Е. Голубинский, а затем это мнение возобладало в трудах Н. Ф. Каптерева, С. А. Венгерова, митрополита Макария, Н. И. Ивановского и С. А. Белокурова. Последний не только присоединился к мнению Голубинского, но и сумел убедительно доказать авторство Суханова.

Недоверие исследователей к авторству Арсения в значительной степени вызывалось тем, что имевшиеся в их руках списки «Прений» нередко содержали большее или меньшее число старообрядческих дополнений (часто довольно искусно вписанных в контекст), в то время как авторский текст не был установлен. С. А. Белокуров ввел в научный оборот подлинный черновой столбец, содержащий неизвестный ранее статейный список поездки Суханова на Восток (с 10 мая 1649 по 8 декабря 1650 г.) вместе со списком «Прений с греками о вере»[8]. Текст «Прений», как и статейный список, писан приказной скорописью тремя подьячими. В некоторых случаях переписчики оставляли чистые места, заполненные рукою самого Арсения, сделавшего также многочисленные исправления и добавления в тексте[9]. В деле содержится и собственноручное письмо Суханова в Посольский приказ от декабря 1650 г.

Привлеченный Белокуровым комплекс архивных документов, связанных с поездкой Суханова, позволил ему аргументированно и подробно осветить как ход этой поездки, так и составление отчета о ней в Посольский приказ, в составе которого оказались «Прения». Суханов вернулся в Москву 8 декабря 1650 г. и на следующий день дал в Посольском приказе ответ о своей поездке[10]. К этому времени статейный список составлен еще не был. Арсений лишь обещал изложить детали своей поездки письменно: «А что он по патриархову приказу будучи у гетмана о государевых делех говорил, и о том он принесет сего дни в вечеру письмо»; «и что он каких речей слышал у гетмана, и то-де он подаст

на писме»[11]. Однако быстрота, с которой он составил все необходимые документы (24 февраля он уже отъехал из столицы с новым заданием), свидетельствует о том, что к моменту явки в приказ у автора уже были сделаны как минимум предварительные записи[12].

Перед подачей в приказ «Прения» были переписаны на деловых столбцах, вероятно, подьячими приказа с неизвестной С. А. Белокурову рукописи[13]. Столбцовая форма и деловой почерк свидетельствуют, что «Прения» составляют часть отчета автора в приказе. На это, по-видимому, указывает и замечание, сделанное Арсению думным дьяком Михаилом Волошениновым при отпуске из Москвы 24 февраля 1651 г. От имени царя Алексея Михайловича дьяк указал, чтобы в будущее время «он, старец Арсений Суханов, будучи в греческих странах, помня час смертный, писал бы в правду, без прикладу»[14]. Поскольку политические сведения Суханова не вызывали нареканий в приказе, мы должны заключить, что речь идет о «Прениях».

По Архивному списку (далее — Арх.), подлинность которого не вызывает сомнений, «Прения» были изданы С. А. Белокуровым. Трудность, однако, состояла в том, что бумага этой рукописи сильно пострадала и часть текста, особенно в конце списка, была утрачена. Издатель восполнил пробелы по списку Московской духовной академии XVIII в., который, как он считал, «верен почти везде с буквальной точностью подлиннику»[15]. В свою очередь, Х. М. Лопарев, воспользовавшись при подготовке текста к публикации теми же двумя списками, высказал мнение, что в архивной рукописи «Прений», исправленной самим автором, встречаются несомненные ошибки и описки, которые не были замечены Арсением и которые исправляются Академическим списком[16]. Дальнейшая работа С. А. Белокурова над рукописной традицией показала, что «рукопись библиотеки Московской духовной академии — плохой список «Прений», изобилующий различными ошибками, пропусками и вставками, имеющий в некоторых местах совсем непонятное чтение»; эту рукопись ученый отнес к группе наименее исправных списков[17].

При подготовке нового издания памятника С. А. Белокуров провел более основательную работу по выявлению и текстологическому изучению рукописей. Он обнаружил группу списков, не содержащих смысловых разночтений с Арх., и выделил редакции текста с раскольничьими дополнениями. Таким образом исследователь получил возможность установить состав авторского текста. Рукописи без позднейших дополнений были объединены С. А. Белокуровым в три группы на основе общих разночтений с Арх. Один из списков, а именно Ведерниковский (далее — В), оказался вне этих групп и был сочтен издателем наиболее подходящим для восстановления утраченных частей авторского текста, несмотря на то что В относится к концу XVIII — началу XIX в. Издав Арх. с реконструкцией по В и разночтениями по 17 спискам, Белокуров предположительно восстановил историю текста,

начиная с момента подачи его автором в Посольский приказ [18].

В Рукописном отделе МГАМИД в ЦГАДА мною был обнаружен автограф «Прений с греками о вере» Арсения Суханова, который дает возможность не только проверить и уточнить выводы С. А. Белокурова, но и проследить ход авторской работы над текстом сочинения (далее — список МГАМИД) [19]. Рукопись, в конце которой помещен автограф «Прений», представляет собой Хронограф 2-й русской редакции, полный, без дополнительных статей [20]. Хронограф писан несколькими скорописными книжными почерками, несколько страниц хорошим полууставным почерком. Рукою Арсения сделана весьма основательная правка рукописи [21]. Он же написал оглавление, вставил на чистых местах и на полях заголовки, которые были намеренно пропущены переписчиками для исполнения их киноварью и местами не дописаны [22]. Суханов правил и дополнял рукопись сажевыми чернилами светло-серого оттенка, более в ней не встречающимися и отличными от чернил, которыми написаны «Прения с греками». Другими чернилами, светло-коричневого цвета, Арсением переписано в рукописи несколько листов [23].

Судя по палеографическим особенностям рукописи, Суханов руководил группой переписчиков и проверял их работу, в завершение которой [24] написал оглавление на бумаге, тождественной одной из разновидностей бумаги Хронографа. Почерк Арсения представлен в рукописи многочисленными вариантами, как беглыми, так и каллиграфическими. По написаниям они несколько отличаются от подобных вариантов его почерка в статейном списке 1651 г. Бумага рукописи датируется 40-ми — началом 50-х годов XVII в. [25] Поскольку 1649—1650 и 1651—1655 гг. Суханов провел в отъезде, логично предположить, что перепиской Хронографа он руководил несколько раньше, точнее — между 1642 и 1649 гг., когда вел тихую жизнь в Троице в должности строителя Богоявленского монастыря [26].

Текст некогда приплетенных в конце Хронографа «Прений» написан на другой бумаге [27] почерком, идентичным по написанию и общему виду автографам Суханова в статейном списке 1651 г. Рукопись представляет беловик, выписанный весьма аккуратно темно-коричневыми, почти черными, чернилами (далее — Ч-1). Этими же чернилами Арсением были выправлены ошибки, допущенные им при переписке текста. На л. 349 «матриарше» исправлено на «патриарше» и вставлены пропущенные слова «и патриарх говорил». На л. 349 об. «решие» исправлено на «рекше»; на л. 350 об. зачеркнуто повторенное дважды «что вы»: на л. 351 неправильное «крестили» исправлено на «крестились», на л. 352 «аоторыя» — на «которыя», «Андей» — на «Андрей», на л. 352 об. «так у них написано» — на «так написано», на л. 353 об. «врямя» — на «время», на л. 354 «вче» — на «давече». На л. 355 об. «двемя» исправлено на «пятмя» и зачеркнуто дважды написанное «говорили». На л. 356 об. «иная» исправлено на «иныя»; на л. 357 «паче» — на «папа», «оные» — на «оне»; на

л. 358 «сдравия» — на «здравия», «зачищает» — на «защищает» и вставлено пропущенное слово «утварми». На л. 358 об. «мечатами» исправлено на «мечетами», а на л. 359 об. «архиепископъ» — на «архиепископу».

Одновременно с исправлением ошибок автором была произведена небольшая смысловая правка. На л. 350 (Ч-1) слова «в аглинских немцах» заменены Арсением на «в Веницыи». На л. 354 из фразы «и патриарх и митрополиты сказали: „Добро!“ — Послали по епископа» исключены слова «сказали: Добро!». На л. 355 вставлены слова «и теми крестилися» и зачеркнуто слово «что». На л. 355 об. к словам «и вы так крестилися» добавлено: «и благословляли». Наконец, на л. 357 (Ч-1) над строкой вставлена, а затем зачеркнута фраза: «И великий князь Владимир крестился в Корсуни».

Таким образом, Суханов перебелил, выверил и слегка доработал текст, который, судя по характеру его написания и обработки, должен был рассматриваться автором как окончательный. Однако через некоторое время Арсений вновь обратился к сочинению, внеся в первоначальный текст светло-коричневыми чернилами (далее — Ч-2) многочисленные поправки и дополнения, имевшие редакционный характер. Содержание этого редактирования мы рассмотрим тогда, когда ясно будет отношение исправленного автографа к другим спискам сочинения, и прежде всего к Арх., который тоже содержит правку рукою Арсения.

Сопоставление текстов МГАМИД и Арх. позволяет с несомненностью установить первичность нашего списка. Вся правка, произведенная Сухановым в МГАМИД, перенесена в текст Арх. В Арх. отсутствуют слова, зачеркнутые Арсением при исправлении списка МГАМИД: «...русской дьякон Иона Маленькой» (зачеркнуто Ч-2, см. л. 349, срв. с. 29 [28]); «тот Дамаскин» (Ч-2, л. 349 об., с. 34); «образ» (Ч-2, л. 350, с. 34); «телу касаемся» (Ч-2, л. 350 об., с. 35); «сказали: Добро!» (Ч-1, л. 354, с. 59); «патриарх и» (Ч-1, л. 355, с. 61); «и мы как прияли» (Ч-2, л. 556, с. 90). Особенно ярко зависимость списка Арх. заметна при вычеркивании в МГАМИД слов «И старец» в начале фраз: 26 раз они были вычеркнуты Ч-2 — и каждый раз отсутствуют в Арх., но в 15 случаях они оставлены в МГАМИД и соответственно читаются в Арх.

Также и сделанные в МГАМИД при правке и редактировании вставки все переходят в основной (писанный писцами) текст Арх.: «и патриарх говорил» (Ч-1, л. 349, с. 30); «и о том ничего *он* не пишет» (здесь и далее курсив мой.— *А. Б.*), «я *тому* вашему» (выделенное вставлено Ч-1; см. л. 349 об., с. 32); «*в Веницыи*» (вставл. Ч-1 вместо зачеркнутого; см. л. 350, с. 34); «*и покропляются*», «рукою *по* преданию», «*в купели*» (Ч-2, л. 351, с. 38); «а не от *вас* греков» (Ч-2, л. 352, с. 42); «слышал *он*» (вставл. Ч-2 вместо «слышал *я*»; см. л. 5, с. 55); «а старца *де* того закляли», «что *другого де* такова старца», «а сербин *он*, а не грек» (Ч-2, л. 353 об., с. 57—58); «*при нем*»

(Ч-2, л. 354, с. 60); «*и теми крестимся*», «*двемя верхними*» (вместо «два верхних оставляете и теми»), «*и называетеся всем источник вере*» (Ч-2, л. 355, с. 62—63); «*и благословляли*» (Ч-1, л. 355 об., с. 64); «*и прочии греки*», «*у себя*» (Ч-2, л. 356, с. 82); «*рукою*» (Ч-2, л. 356 об., с. 88); «*который, будучи у вас, и к нам пришел*», «*от тех християн, которые от Климонта крещенны*», «*Владимер*», «*и мы как прияли*», «тако *и* вы», «*не сыщишь у вас в Грецыи и в Волохах ни единаго человека правым крещением крещена*», «*яко же и Власий даскал рек*» (Ч-2, л. 357 об., с. 92—93); «*утвармн*» (Ч-1, л. 358, с. 94); «*древнии*», «*в Московском государьстве*», «*у вас*» (Ч-2, л. 358 об., с. 94—95); «*всю сполна*» (Ч-2, л. 359, с. 96).

С другой стороны, изменения, внесенные рукою Суханова в текст Арх., не отразились в списке МГАМИД. В последнем отсутствуют слова, вписанные в Арх. над строкой: «*греком*» (с. 28, л. 348 об.); «Арсению» (с. 33, л. 349 об.); «*а* мы також» (с. 38, л. 351); «и он *де* патриарху» (с. 55, л. 352 об.); «*так ни благославляете, ни креститеся*» (с. 64, л. 355 об.); «*к нам*», «*чисто*» (с. 93—94, л. 358); «*быти*» (с. 97, л. 359).

Арх. изобилует писцовыми ошибками, не имеющимися в МГАМИД; «знаменания» (с. 33) вместо «знамения» (л. 349 об.); «Иосиф» (с. 40) вместо «Иоасаф» (л. 351); «крестит» (с. 59) вместо «крестится» (л. 354); «то» (с. 60) вместо «та» (л. 354 об.); «святы» (с. 92) вместо «стыд» (л. 357); «философию» (с. 96) вместо «Филофию» (л. 359) и многие другие. Часть их исправлена рукою Суханова: в словах «вы *то* прияли» вставлено «*то*» (с. 36, срв. л. 349 об.); в словах «святого *апостола* Андрея» вставлено пропущенное писцом слово «*апостола*», как в МГАМИД (с. 37, л. 351); «приходячих» исправлено на «приходящих» (с. 41, л. 352); «греков» — на «*вас* греков», «сидя» — на «сидя *за столом*» (с. 42—43, л. 352); «архи Афиму» — на «архимариту Анфиму» (с. 44); «жее» — на «жечь» (с. 56, л. 353); «бить челом» — на «*станут* бить челом» (с. 58, л. 353 об.); «грамоттику» — на «граматику» (с. 60, срв. л. 354 об.: «грамматику»); «апостол» — на «епископ» (с. 91, л. 357 об.); «пыпы» — на «папы» (с. 94, л. 358 об.) — исправленные варианты, как правило, приводятся в соответствие с МГАМИД.

Таким образом, можно считать установленным, что текст МГАМИД первичен и, более того, протографичен по отношению к Арх. Отсюда, однако, не следует, что Арх. скопирован писцами непосредственно с отредактированного Сухановым списка МГАМИД. Прежде всего, Арх. полнее, чем МГАМИД. На л. 352 МГАМИД почерком правки (Ч-2) вписано: «...зде писать патриархов вопрос маия в 8 день». В соответствующем месте Арх. читается больной текст о дискуссии в Тирговиштах 8 и 9 мая (с. 43—53) [29]. На л. 355 об. в списке МГАМИД отсутствуют два значительных отрезка текста, которые восстанавливаются в Арх. по рукописи В (с. 65—68, 68—82).

В Арх. имеются и более убедительные вставки. Так, на л. 356 об. МГАМИД была приписана Ч-2, а затем зачеркнута вставка с неточно переданной евангельской цитатой, которая в Арх. поправлена, а ее толкование значительно расширено (с. 85—87):

МГАМИД	Арх.
«Писано бо есть, яко лучши тебе слепу или хрому внити во царство небесное, нежели в муку. Також и мы, естли и 4 патриархи отступят, мы и без них живем едины. Аще око, или рука, или нога, или иной кой уд соблажняются,— отсецы его от себе, яко и кроме отсеченого уда мощно ти есть внити во царство небесное. Сиречь и единому патриарху Московскому и кроме четырех патриархов мощно править закон божий со своими властьми, аще 4 патриархи не православны будут».	«Писано есть во святом евангилии Христове; „Аще око твое соблажняет, истни е; аще рука или нога твоя соблажняет, отсецы ю. Лучше бо ти есть слепу или хрому въпити во царство небесное, нежели две оце и руце имущу лишену быти царства небеснаго". И то Христово слово толкуют отцы не о очах, и руках, и ногах, но о сродниках и друзех, сиречь отец, или мати, или брат, и сестра, и другия соблажняют тя в вере,— отсецы их, сиречь откинь их от себе или отстань от них; лучшие ти есть единому жити, без отца, и без матери, и без сродников — в законе, нежели с ними — вне закона. Також и то, естли четыре патриархи неправославны будут и соблазн нам чинить своею слабостию учнут,— мы на Москве живем и при одном своем патриархе, и с митрополиты, и архиепископы, и епископы...» и т. д. до слов «Над ким он будет патриарх?» (с. 87).

Приписка в МГАМИД отражает лишь замысел полемического оборота, а в Арх. читается уже готовая статья с развернутой аргументацией. Очевидно, что текст в редакции по списку МГАМИД не мог сам послужить основой для переписчика и между списками МГАМИД и Арх. имелся еще один список, в котором были учтены и развиты поправки, внесенные Сухановым в МГАМИД. Назовем этот промежуточный список X.

На наличие списка X указывает еще одно разночтение в конце сочинения. На л. 360 МГАМИД после слов «...сих ради двух начал...» (перед вставкой Ч-2 «Арсений же грекам говорил...») Сухановым был сделан значок вставки, под которым на нижнем поле новыми чернилами (Ч-3) написано: «Тогда нам греки источник были, егда от них учение о вере истекало по всею землию, ино тогда вначале был Рим во благочестии и во всех патриаршеских епархиах все было християнство. А ныне все стало пусто, папа пал, а у вас многия бусорманились, а иныя к папе отступили и ко иным ересям. У Александрийского толко патриарха одна церковь. Ино вам источник пересох, перешел к нам, и ныне и вы о нашем то...» (несколько слов утрачено).

В Арх. этот текст не читается, хотя в МГАМИД он не зачеркнут. Однако в цитированной выше вставке в Арх. соответствующая аргументация введена в основной текст в расширенном и усиленном виде: «То ведь вам, греком, не мочно ничего делать без четырех патриархов своих, потому что в Цареграде был царь благочестивый един под сонцем, и он учинил 4-х патриархов, да

папу в первых; и те патриархи были в одном царьствии под единым царем, и на соборы збирались патриархи по его царскому изволению. А ныне вместо того царя на Москве государь царь благочестивой, во всей Подсолнычной един царь благочестивой, и царство християнское у нас Бог прославил. И государь царь устроил у себя в своем царстве вместо папы патриарха в царствующем граде Москве, идеже и сам царь, а вместо ваших четырех патриархов устроил на государьственных местех четырех митрополитов; ино нам мочно и без четырех патриархов ваших править закон божий, занеже у нас глава православия — царь православный. Ведь патриарх зовется потому, что имеет под собой митрополитов, архиепископов и епископов — потому патриарх. А ваш патриарх Александрийский над кем будет патриарх? Толко всего у него две церкви во всей его епархии, а не имеет под собою ни единаго митрополита, и архиепископа, и епископа. Над ким он будет патриарх» (с. 86–87).

Наличие между МГАМИД и Арх. списка X доказывается и другим путем. Рассмотрим те места в списке Арх., в которых рукою Арсения Суханова была сделана правка (табл. 1).

Мы видим, что те поправки в Арх., которые служили исправлению писцовых ошибок, отражаются в поздних списках в том случае, когда правильное чтение есть и в МГАМИД (см. № 4, 7, 8, 12–15, 19, 21–23). Когда же исправлению подвергается чтение МГАМИД, то текст в группе списков Ун 1, С 1 и 2, ИП 2, Ув 1, Б 3 и Н (назовем их первой группой), как правило, не отражает поправку. Если последнее правило указывает, что 1-я группа списков происходит не от Арх., то разночтения № 11 и 18, составляющие исключение из этого правила, позволяют предполагать существование производного от X списка Y, протографичного 1-й группе, так как в этом случае первоначальные чтения Арх. представляют собой ошибки, сделанные при переписке Арх. с X, совпадающие с МГАМИД, но отличные от 1-й группы. О наличии списка Y свидетельствует также разночтение № 2, содержащее общее для списков 1-й группы чтение, отличное от МГАМИД и Арх. Наконец, разночтения № 1 и 3, фиксирующие отраженные списками 1-й группы первоначальные (ошибочные) чтения Арх., отличные от МГАМИД и исправленного списка Арх., прямо показывают наличие между МГАМИД и Арх. списка X.

Выявленные соотношения требуют подтверждения более репрезентативным материалом. Общее происхождение списков 1-й группы от Y убедительно подтверждается значительным количеством имеющихся в них одинаковых разночтений с МГАМИД и Арх.[30] Поскольку текст МГАМИД более краток, чем Арх., следует привести и те общие для 1-й группы разночтения, которые сопоставляются только с Арх. Типичные из них представлены в табл. 2 (общее количество достаточно велико)[31].

При сопоставлении всего текста списка МГАМИД с рукописной традицией «Прений» выявляется (помимо всех вышеприве-

Таблица 1

№	Первоначальное чтение в Арх.	Исправленное чтение в Арх.	Чтение МГАМИД	Чтение в других списках «Прений»*
1	с. 25 начевал	ночевал	л. 348 как в 2	как в 1: Ун 1, С 1 и 2, ИП 2, Ув 1, Б 3, Н.
2	с. 26 по московску	не испр.	как в 1	по московскому: Ун 1, С 1 и 2, ИП 2, Ув 1, Б 3, Н, В, Т.
3	последуючим	последуючи им	как в 2	как в 1: Ун 1, С 1 и 2, ИП 2, Ув 1, Б 3, Н.
4	наказывали	называли	как в 2	все как в 2
5	с. 28 к ним, чтоб	к ним, греком, чтоб	л. 348 об. как в 1	как в 1: Ун 1, ИП 2, С 1 и 2, Ув 1, Б 3 и 1, Н, Т, Г.
6	с. 33 говорили коли	говорили Арсению коли	л. 349 об. как в 1	как в 1: Ун 1, С 1 и 2, ИП 2, Ув 1, Б 3, Н.
7	с. 36 вы приняли	вы то приняли	л. 350 об. как в 2	как в 1: Б 1, А и Г; остальные как в 2
8	с. 37 святого Андрея	святого апостола Андрея	л. 351 как в 2	все как в 2
9	с. 38 апостол, мы	апостол, а мы	как в 1	как в 1: Ун 1, С 1 и 2, ИП 2, Ув 1, Б 3, Н.
10	сохранили	сохраняли	как в 2	как в 1: Ун 1, С 1 и 2, ИП 2, Ув 1, Б 3, Н.
11	крестили	крестилися	как в 1	как в 1: Ун 1 и Ув 1; остальные как в 2
12	с. 41 приходячих	приходящих	л. 352 как в 2	все как в 2
13	с. 42 апостолъ	апостола	как в 2	как в 1: С 1 и 2, ИП 2; остальные как в 2
14	от греков	от вас греков	как в 2	все как в 2
15	за у	за столом у	как в 2	все как в 2
16	с. 47 что у нас	что будто у нас	—	как в 1: С 1 и 2, ИП 2, Т.
17	с. 55 и он патриарху	и он де патриарху	л. 353 как в 1	как в 1: Ун 1, С 1 и 2, ИП 2, Ув 1, Б 3, Н.
18	с. 56 книгъ	книги	как в 1	все как в 2
19	с. 64 а что вы	а то вы	л. 355 об. как в 2	все как в 2
20	...вы отставили	...вы отставили, так ни благославляете, ни креститеся.	как в 1	как в 1: Ун 1, С 1 и 2, ИП 2, Ув 1, Б 3, Н, Т.
21	с. 85 Иоасаф: папа...	Иоасаф говорил: папа...	как в 2	все как в 2
22	с. 91 апостол	епископ	л. 357 об. как в 2	все как в 2
23	с. 94 пыпы	папы	л. 358 об. как в 2	все как в 2

* *Примечание*: Обозначения списков соответствуют работе С. А. Белокурова «Арсений Суханов» (М., 1894. Ч. 2).

Таблица 2

С.	Список Арх.	Списки 1-й группы	Списки, совпадающие с 1-й группой
44	в келье.	в келье вверху.	В
45	чтоб бесповоротно	чтоб было бесповоротно	В, Т
48	высокую ж речь	высокую речь	Т
49	в три погружении	в три погружения	В, Т, А, Г, Б 1
50	или с верными вместе	или вместе	Т, Б 1
62	потому	посему	Т
86	другия	друг	—
87	царьствии	царстве	В, Т, Г

Таблица 3

С.	Список Арх.	Списки 1-й группы, совпадающие с МГАМИД	Списки, совпадающие с МГАМИД и с 1-й группой
26	прочих де тому ж	прочих тому ж	А, Г
33	знаменания	знамения	В, Т, А, Г
37	приняли	прияли	В 1, Г
38	римляны	римляне	Б 1, А, Г
39	а в Польской земле	а Польской земли	В, Б 1, А, Г
	дважди	дважды	Г
40	логовета	логофета	В, А, Г
59	крестит	крестится	В, Т, Б 1, А, Г
60	сказал	МГАМИД: сказовал; 1 гр: сказывал	В совп. с 1 гр.
	то книга	та книга	В
62	Арсений старец говорил	Арсений говорил	Т, Б 1, А, Г
91	не хочете	не хощете	Т
93	все к нам к Москве пришло	все к Москве пришло	—
94	ездить	ехать	Т, Б 1, А, Г
	якож древнии и папа	якож и древний папа (С 1 и 2, НП 2, УВ 2) якож и древле папа (Уп 1, Ув 1, Б 3, Н)	—
95	Костянтин Великий зделал	Костянтин вели зделал (МГАМИД) Костянтин велел зделать (1-я группа)	Т
96	Философию патриарху	Филофию патриарху	В, Т, Б 1, А, Г
	сяде почити	седе почити	—
	два мужа незнаемых	два мужа незнаемы	Т, Б 1, Г
97	своего	твоего	Т, Г
100	и царство ваше поганым	царство ваше отдал поганину	—

Таблица 4

С.	Список Арх.	Список МГАМИД	Списки, совпадающие с МГАМИД
27	безчестили	бесчестили	ИП 2 (ср. С 1 и 2)
	Псалтирь следованием	Псалтирь со следованием	В (ср. Н, Б 1, А, Г)
28	словянях	словянех	С 1 и 2, ИП 2, А
29	ево	его	С 1 и 2, ИП 2, Н, В, Б 1, Г
31	старые	старыя	Н, Т
32	Иванна	Ивана	Ув 1, Б 3, Н
	гречаня	греченя	Ун 1, Ув 1
35	Троицы значат	Троицы образ значат	С 1 и 2, ИП 2
37	от ково вы то	от кого вы то	В, Н
	прочие	прочии	В (ср. С 1 и 2, ИП 2)
39	Архимарит	И архимарит	Б 1, А, Г
40	Иосиф	Иоасаф	Ун 1, Б 3, Н
41	приняли	прияли	С 1 и 2, ИП 2, Б 1, А, Г, В
	во Иеросалиме	въ Иеросалиме	Б 3, Н
43	доскол	даскал	Н, Т, В
	А сказывал	А сказовал	Ув 1, Б 1, Г
54	Иасаф	Иоасаф	В
57	великии	велики	Ун 1, Ув 1, Б 3
94	защищает чисто	защищает	С 1 и 2, ИП 2
	величаться	величается	Ув 2, В, Т
96	два мужа незнаемых	два мужа незнаемы	С 1 и 2, ИП 2, Т, Б 1, Г

денных) еще ряд разночтений с Арх., отразившихся в списках 1-й группы (табл. 3).

Сравнительно небольшое число этих разночтений объясняется тем, что в процессе удаления списков от протографичного списка Y число общих для всех списков 1-й группы чтений постепенно сокращалось (так же, как в еще большей степени расходились тексты по остальным спискам «Прений»). По отдельным спискам традиции соответствие тексту МГАМИД можно проследить детальнее (табл. 4).

Приведенные нами таблицы разночтений показывают, что не только списки 1-й группы, но и остальные позднейшие списки (В, Т, А, Г, Б 1) [32] отразили чтения списка МГАМИД; последние имеют также значительное количество общих с 1-й групной разночтений с Арх. Это позволяет утверждать, что, несмотря на ряд различий, внесенных поздними редакторами и переписчиками, рукописная традиция «Прений с греками» восходит к списку Y, в конечном счете ведущему свое происхождение от МГАМИД, но не через список Арх, поданный Сухановым в Посольский приказ, а через список X, который Арсений основательно доработал по

сравнению с МГАМИД и с которого он сделал писцовую копию — Арх.

Отсюда следует весьма важный вывод, что Суханов сам занимался распространением своего сочинения, сделав как минимум две копии с Х, и уже на стадии окончательной доработки предназначал его не только для пользования Посольского приказа.

Выяснив соотношение авторских списков «Прений с греками о вере», мы можем обратиться к истории сочинения. Список МГАМИД написан на собственной бумаге автора. На идентичной по рисунку водяного знака и по интервалам между понтюзо бумаге им были написаны: челобитная от 6 мая 1649 г., поданная перед отъездом автора на Восток с Паисием [33], отписка из поездки от февраля, не ранее 11, 1650 г. в Посольский приказ [34] и перевод с греческого языка «Проречения над гробом Константина Великого», также поданный в приказ [35]. Вся эта бумага была изготовлена на одной проволочной (филигранной) сетке, отпечатки которой идентифицируются не менее точно, чем отпечатки пальцев. Поэтому предположение о периодической закупке ее Арсением практически невероятно. Следовательно, у автора имелся запас этой бумаги, расходуемый им довольно бережно [36] и взятый с собою в поездку на Восток. Три названных документа написаны разными чернилами, но при этом перевод с «Проречения» писан основными чернилами списка МГАМИД (Ч-1) и идентичным написанием, что свидетельствует о примерно одновременном написании беловиков обоих произведений (до настоящего времени этот перевод «Проречения» не был датирован).

Поскольку бумага списка МГАМИД и «Проречения» была с Арсением во время его поездки в Молдавию, вероятно предположение, что оба текста были перебелены им еще до прибытия в Москву 8 декабря 1650 г. А поскольку список «Прений» в окончательно переработанном виде (Арх.) был подан в Посольский приказ в составе отчета вскоре по приезде автора в столицу, можно с уверенностью заключить, что по крайней мере беловик первой (писаной Ч-1) редакции «Прений» и перебеленного одновременно с ними «Проречения» были сделаны Сухановым во время его поездки.

По своему содержанию и форме первый известный нам вариант «Прений» больше соответствует политическому отчету Арсения в приказ (изложенному в письмах и Статейном списке), чем последующие варианты текста. Его первая часть по существу представляет собой извет об оскорблении государевой чести афонскими монахами при попустительстве и участии греческих православных иерархов.

Сочинение начинается с сообщения, полученного Сухановым 30 марта 1650 г. от игумена сербского монастыря недалеко от Ясс, о преследованиях афонскими старцами одного монаха за то, что он «держал книги московския у себя и крестился крестным знамением по московску». Эти книги московской печати и одна «серьбская письменная» были сожжены как еретические.

Тут же Арсений отмечает застарелую вражду, разделяющую греческую и сербскую церкви, в основе которой лежит «гордость» и властолюбие греков. «И тое де ради гордости,— заключает Суханов прямую речь зуграфского игумена,— греки и царство свое потеряли, и в церковь де оне на конех ездили, и причастие сидя на конех принимали» (л. 348 об.— 349).

Сообщение о враждебных отношениях греков и православных славян соответствует действительности, так же как и известие о сожжении московских и сербских книг на Афоне,— об этом сообщается в различных источниках, в том числе в современной событию славянской записи на одной из рукописей афонского Хиландарского монастыря, завершающейся словами: «Оле беда от лоукаваго рода грьчскаго! ...велие безчестие сатворише васем срблем и блгаром» [37].

В следующем затем описании разговоров Арсения с патриархом Паисием и др., состоявшихся 24 апреля в греческом патриаршем монастыре в Тырговиште, автор доказывает, что опальный афонский монах крестился (по московским традициям) правильно, и именно греки не соблюдают «правил святых апостол». По словам Арсения, ему удалось доказать свою правоту, и когда патриарх Паисий «призвав к себе даскола Лигоридия и говорил ему, чтоб он приискал от писания святых о крестном знамении на оправдание их (греков. — *А. Б*)», то «даскол говорил: „Не мочно сыскати такого оправдания". И патриарх на него кручинился» (л. 352). Следует отметить, что в ходе прений и Паисий Лигарид, и валашский поп Макарий, и «студент Федор русин» единодушно поддержали Арсения против греческих иерархов.

Далее Суханов излагает новые уличающие греков материалы. 11 мая некий «даскол Григорий *русин* (курсив мой.— *А. Б.*), что живет у митрополита Стефана торговищьскаго», сообщил ему, что епископ архидский Даниил в разговоре с митрополитом Стефаном обещался расправиться с Арсением за его споры: «А как де у нас будет в турской земли, сломают де ему те рога», подобно тому, как «во Афонской горе в *руском* (т. е. славянском.— *А. Б.*) монастыре старец так крестился *по московским книгам*; и старцы де святогорския собралися все и ево, поставя пред собою, испытали. И он де говорил: как он крестится, так писано в *московских печатных книгах*; *а мы де, сербы и болгары, с Москвою чтем одне книги.* И старцы де святогорския того старца предали турку, и турок де держал его в темнице многое время; и как де он от турка освободился, и мы де его закляли, что впредь ему так не креститися и прочих не учить. *А книги де московския* присудил я сожечь на огне; и те де книги, у того старца взем, *пожгли*» (л. 352 об.).

Донесения сербского игумена и даскола Григория весьма напоминают изветы, с которых в XVII в. обычно начиналось розыскное дело по политическим преступлениям, переданные в той форме, как они суммировались в статейном списке по розыскному делу. Вслед за изветной частью Суханов сообщает о сыске,

проведенном им по вопросу о сожжении московских книг, придерживаясь той же формы Статейного списка (не путать с посольским статейным списком). Возможно, по заданию Арсения «патриархов поп Иоасаф» спрашивал у епископа Даниила: «...книги московския он ли присудил сожечь в Афоньской горе?» При свидетелях Иоасаф получил утвердительный ответ. «Того ж дни» Иоасаф сообщил об этом деле патриарху, причем «прилучившийся» тут старец Амфилохий «патриарху сказывал, что при нем жгли *государевы книги* во Афонской горе» (л. 352 об.).

2 июня утром состоялся разговор Суханова с патриархом. Последний, согласно рукописи Арсения, осудил сожжение книг, сказав, что «напрасно де таким *врагом* государь царь и милостиню дает; прямо де мы тое своей ради гордости и царство свое погубили. За што де было книги жечь?» Следовало лишь вымарать в них еретические места (л. 353). Затем перед патриархом и Арсением «роспрашиван» был специально вызванный старец Амфилохий, который поведал об издевательствах над афонским монахом и сожжении московских книг. «И то де греки,— заключил он,— зделали от ненависти, что тот старец от многих почитаем, *а сербин он*, а не грек; греки де хотят, чтоб всеми оне владели» (л. 353 об.). Собравшаяся вместе вечером монастырская братия во главе с патриархом единодушно осудила поступок «святогорских старцев».

На другой день, 3 июня, по требованию Суханова перед патриархом и собором был проведен допрос епископа Даниила: «...за што оне *государевы книги* пожгли? Какую в них ересь сыскали?» Поскольку Даниил утверждал, что сожжена была лишь одна книга «письменная» «старинная сербьская, тому 130 лет как писанная», а «*московских печатных* книг не жгли», он был по просьбе Арсения поставлен «с очей на очи» с Амфилохием, который повторил свои прежние показания, «а епископ сказал: того он не ведает» (л. 354). После очной ставки Суханов предъявил Паисию и собору отпечатанную в Венеции греческую «грамматику», содержащую «головную римскую ересь» об исхождении святого духа, заявив, что лучше бы грекам свои «книги сожигать, а *государевы* было вам книги не за что жечь».

Импровизированное следствие по делу об оскорблении государевой чести завершается речью Суханова, в которой автор формулирует обвинительное заключение, ясно раскрывающее его позицию в вопросе о взаимоотношении православных церквей: «У нас,— пишет Арсений,— государь царь благочестивой, ереси никакой не любит, и во всей его государевой земли ереси никакой нету. А у печати сидят, книги правят избранныя люди, и безпрестани над тем сидят; а над теми людми надзирают по государеву указу митрополит, и архимарит, и протопопы, кому государь укажет, и о всяком деле докладывают государя и патриарха. То вы зделали не гораздо, что наругались над ево государевыми книгами. Хотя бы его царского имени устыдились, что в них писано: те книги печатаны его царским изволением» (л. 354 об.).

Уже во время изложения дела о сожжении государевых книг Суханов кратко излагает аргументы сторон по существу разногласий в вопросах ритуала. Согласно «Прениям», спор прежде всего возник из-за того, что греки упорно считали еретическим сложение перстов при крестном знамении, употреблявшееся гонимым афонским старцем в соответствии с практикой славянской православной церкви.

Содержание полемики сводилось вначале к определению источников, подтверждающих древность обоих способов перстосложения: Арсений привел в защиту своего мнения свидетельства «древних книг» и трудов Максима Грека; Паисий смог опереться лишь на свидетельство некоего «иподъякопа Дамаскина студита», который скончался «тому лет с 70» (л. 349—349 об.).

«Не сыскав» оправдания в более ранних текстах, греки обратились к символическому толкованию крестного знамения, также безуспешно (л. 349 об.— 350 об.). Неудачей закончилась и попытка греческих иерархов доказать, что в Польше православные крестятся «по нашему, по греческу» (л. 351—351 об.). Тогда греки выдвинули на первый план уже не древность источников, а первенство своего ритуала в целом, заявив, что как бы то ни было, Русь приняла крещение от греков (л. 350 об.) и, следовательно, греческие традиции являются образцовыми.

Разрешению вопроса о взаимоотношениях греческой и русской церквей Суханов посвятил наибольшую часть полемического текста первой редакции «Прений». Интерес для нас представляют не только его окончательные выводы, но и последовательность аргументации.

Содержание первой редакции «Прений» свидетельствует, что Арсений был вынужден принять спор по этому вопросу. В процессе сыска о сожжении книг греки неоднократно заявляли, что они есть «источник вере». В первый раз Суханов не вполне понял постановку вопроса, согласившись: «вы учинились християне преже нас, а мы после», «вы преж нас крестились», но потребовал письменного свидетельства о древности греческого перстосложения (л. 350 об.). На новое утверждение греческих оппонентов, разъясняющее, что они свой ритуал «так изначала прияли», автор реагирует уже по существу. Он утверждает, что русская церковь не хуже греческой, поскольку Русь приняла крещение от апостола Андрея, как греки — «от апостол» (со ссылкой на блаж. Феодорита), «и также у нас богу угодивших много, что и у вас было»; вместе с тем греки «изначала прияли» веру с искажениями, а Русь — «по святых отец преданию», что подтверждается, помимо перстосложения, неправославным «обливательным» крещением у греков (л. 351). Когда греки в третий раз пояснили, что по их мнению, Русь приняла веру от греков, Суханов коротко ответил, что «мы веру прияли от бога, а не от вас;» в четвертый раз — «мы крещение изначала прияли от апостола Андрея, а не от вас» (л. 351 об.).

Судя по тексту «Прений», патриарх Паисий и его приближенные считали вопрос об «источнике веры» основным в определении своих отношений с российской церковью. Сами они утверждали, что греки «крещение прияли от Христа, и от апостол, и от Якова, брата божия». Это, по мнению Суханова, противоречило истине: в Иерусалиме и близ него жили и живут «жиды и арапы», «а еросалимския старцы все арапы»; к греческой же церкви относится только территория Греции, Македонии севернее Константинополя, «подле Белаго моря, и около Солуня, и Афон-горы». Эти области крестились от апостола Андрея, как и Русь (л. 352).

Только после завершения сыска 3 июня Арсений занимает более активную позицию в вопросе об «источнике веры». Эта часть текста первой редакции «Прений» гораздо в большей степени, нежели предыдущая, напоминает богословско-публицистическое сочинение [38]; она почти целиком состоит из обширных монологов автора, прерываемых краткими вопросами и замечаниями греков, дающих Суханову возможность развертывать дальнейшую аргументацию.

Текст начинается с заявления митрополита Власия, что поскольку «о крестном знамении ни евангелист, ни апостол нихто не писал, как персты складать», «то все добро», креститься ли, как греки, тремя пальцами или по московски двумя, «но только нам мнится, что [39] наше лутше, *что мы старее*» (л. 355).

Признавая, что греки «старее», Арсений отвечает, что «старая одежда требует покрепления... и паки нова будет и крепка. А у вас и много есть розвалилось — предания апостольския и святых отец, сиречь творите не по древнему преданию — а починить, сиречь исправить, не хощете». Примерами тому служат обычаи перстосложения и «обливательного» крещения, которые у греков изменены по сравнению со старинными (запечатленными на иконах и в предании). «Мы же,— заключает Суханов,— старое предание держим» (л. 355—355 об.).

6 июня разговор зашел о крещении. Защищая свою позицию, греки обещали, что будут «писать ко всем четырем патриархам; и согласяся, будут о том писать к Москве к государю и патриарху».

Зная, что патриархи поддерживают в этом вопросе Паисия, Суханов выступил с обоснованием самостоятельности русской церкви. Царь и патриарх московский послушают вселенских патриархов, утверждает он, «будет добро станут патриархи писать; а естьли не добро, — ино на Москве и четырех патриархов не послушают, знают у нас древнее писания святых апостол и святых отец и без четырех патриархов».

Отвечая на возражение, что «невозможно не послушать четырех патриархов, как отпишут о чом», Арсений пошел еще дальше. «Для чего невозможно? — спрашивает он.— Папа был и головной у четырех патриархов, да се ныне не слушают его... Могут на Москве и четырех патриархов отринуть, якож и папу,

естьли оне не православны будут. Могут на Москве и без четырех патриархов закон божий знать» (л. 356—356 об.).

Не ограничиваясь в полемике с греками проповедью самостоятельности русской церкви в вопросах вероучения и ритуала, Суханов в заключительной части первой редакции своего сочинения перешел к прямому обличению церкви греческой.

Опровергая в обширном монологе утверждение своих оппонентов, что Русь приняла крещение от греков, он доказывает, что греческое духовенство давно уже отступило от «апостольского правила» в римскую ересь. «И по сему знатно,— пишет он,— что мы крещение от апостол приняли, а не от вас, греков». «Греки закоснели есте, живучи меж бусорман, и за стыд свой и гордости ради... не токмо крестное знамение по древнему преданию потеряли, но и самое крещение... И мало вы не соединилися есте с римляны... Даже вы и лета от рождества Христова потеряли» (л. 357—357 об.).

Автор утверждает, что причина впадения греков в ересь состоит в том, что они не имеют своего книгопечатания и «наук»: книги им печатают «в Венеции и во Англии», и там же они учатся «еллинскому писанию», «якоже в коростове стаде и здравая скотина окоростевает, тако и ваши дасколы приходят к вам из Риму и из Венеции все шолудивы от науки римских обычаев, и вас тому же учат; а вы их во всем слушаете, потому что у вас своих наук нету еллинского языку...» (л. 358).

Этот яркий монолог завершается фразой, вызвавшей, по оценке Суханова, немалое замешательство среди греческих иерархов: «Прочее же реку — что у вас не было доброго, то все к Москве перешло!» Греки настоятельно просили разъяснить им смысл последних слов, что Арсений и сделал в заключительном разделе своего сочинения. По его словам, греческое благочестие было основано на двух «началах», которые теперь отъялись.

«Первое начало,— говорит автор,— был у вас царь благочестивый, а ныне нету, и в то место воздвиг господь бог на Москве царя благочестиваго», который «ревнует первому благочестивому царю Костянтину Великому», «церковь христову чисто снабдевает и от всяких ересей защищает» (л. 258).

Второе начало заключалось в константинопольском патриархе, втором «по римском епископе, сиречь папе». Это «начало», по мысли Суханова, вторично по отношению к первому и в значительной степени зависимо от него. Арсений считает, что после отпадения папы от православия константинопольские патриархи не могут заменить его собой в силу своей скудости: «...и ныне не токмо якож римскому епископу ему величатися, но невозможно ему и против епископа московского величатися. И в том место,— продолжает автор,— у нас ныне на Москве патриарх вместо костянтинопольского, не токмо якож вторый по римском величается, но якож и первый епископ римский, сиречь якож и папа благочестивый, церковною утварию украшается».

Если греческие патриархи оскудели, то российская церковь процветает благодаря стараниям «царя благочестивого». Она превзошла «второй Рим» роскошью храмов, изобилием монастырей и иноков, которых у греков «ныне токмо след знать», многочисленностью приходов и православной паствы, в то время как в Константинополе «христианы многия нобосурманилися».

Прямым следствием политики российских самодержцев было сосредоточение в Москве христианских реликвий, прежде принадлежавших грекам: «...и ныне у вас нету, а у нас стало много», говорит Суханов; «да и нашея земли многих бог прославил угодников своих, мощи их нетленны лежат и чюдеса творят; и риза спасителя нашего бога Христа у нас же» (л. 358 об.).

Обосновывая тезис о переходе первенства в православной иерархии от греческого патриаршества к московскому, Арсений опирается также на «Повесть о белом клобуке», текст которой приведен в «Прениях» (л. 359—359 об.). Патриарх всеа Руси «и клобук белый первого папы Силивестра римскаго на себе носит ныне, его же по апостольскому явлению благочестивый царь Костянтин вели зделал отцу своему папе Селивестру вместо царского венца» (л. 358 об.).

Идейной основой повести служит, как известно, теория о Москве — третьем Риме, «яко христианския царства приидут в конец и снидутся во едино царство руское православия ради». Следствием же процветания православного *царства* в России будет то, что когда от Рима и Цареграда «слава и честь православия... благодать святаго духа отъимется в пленение агарянское», тогда «и вся святия предана будут от бога велицей Рустей земли... и патриаршеский великий чин от царствующаго сего града (Констатинополя.— *А. Б.*) тако же дан будет Рустей земли... и будут первии последнии и последнии (т. е. русские во времена Филофея.— *А. Б.*) первии» (л. 359 об.).

Первая редакция сочинения Суханова завершается патетическим обращением к грекам, дающим принципиальный ответ на их притязания быть учителями русской церкви: «Слышите, греки, и внимайте, и не гордитеся, и не называйте себя источником, яко се ныне господни слово евангельское збылося на вас: были вы первии, а ныне стали последни; а мы были последнии, а ныне первии!» (л. 360).

Содержание первой авторской редакции «Прений» позволяет сделать ряд важных наблюдений. Сочинение в первой и основной своей части было написано в виде дополнения к политическому отчету Суханова в Посольский приказ и содержало изложение результатов проведенного автором сыска о сожжении греками книг московской печати. Результаты эти были оформлены в соответствии со знаниями автора о формуляре следственного делопроизводства по политическим преступлениям.

Параллельно Арсений сообщал сведения о взаимоотношениях славянских и греческих церковнослужителей на северных Балканах, подчеркивая тяготение первых к Москве. Вместе с тем, по-

скольку дело касалось вопросов религиозного ритуала, Суханов в первой части «Прений» кратко изложил аргументы сторон по спорным проблемам, сам выступив защитником традиций славянской церкви. К полемике с греческими иерархами автор отнесся весьма серьезно, и в тексте первой редакции прослеживается немало оборотов, характерных для московских религиозных процессов XVI в. (заметно сглаженных в последующих редакциях).

Не довольствуясь полемическими заметками в рассказе о сыске, Суханов продолжил сочинение изложением своей принципиальной позиции во взаимоотношениях греческой и московской церкви, которую он считает центром православного мира, исходя из теории о превращении московского царства в православную империю — «Новый Рим». Именно в связи с укреплением мощи Российского государства рассматривает Арсений новое положение московской патриархии — не как младшей епархии по отношению к греческим патриархиям или равноправного их партнера, а в качестве главы вселенской православной церкви.

При условии активного противостояния греков любым попыткам оспорить присвоенное ими достоинство «источника вере» Суханов должен был провести границу между «национальными» церквами. Точно обозначив территорию собственно «греков», он выделил (в первой части «Прений») славянские церкви, подчеркнув тяготение последних к Москве, в частности, в вопросах ритуала.

Идеи о суверенности российской церкви и, более того, о едином православном мире с центром в Москве нельзя считать оригинальными; они, как показывает ряд исследований, широко бытовали в русском обществе первой половины XVII в. и, по-видимому, мало у кого вызывали сомнения. Тем не менее концентрированное их выражение в «Прениях» делает это сочинение Суханова важным источником общественно-политической мысли.

Не меньший интерес вызывает предложенная Сухановым жестконфликтная форма взаимоотношений с греческим духовенством. С одной стороны, опираясь на текст сочинения, мы должны допустить, что греки *навязали* автору богословский спор. С другой стороны, во второй части «Прений» Арсений выходит за рамки полемики и пишет обличительное сочинение с явной целью доказать, что греки вообще неспособны и неправомочны решать такого рода вопросы.

В этой связи выглядит весьма правдоподобным предположение, что и идущий вначале извет на греков в оскорблении государевой чести составлялся Сухановым не просто во исполнение долга верного подданного (как это предусматривало крестное целование Алексею Михайловичу), но и в соответствии с личными интересами автора. Обращает на себя внимание и то, что Суханов оказался хорошо подготовлен к спору с греками именно по тем вопросам, которые были ему предложены, что нельзя объяснить позднейшей обработкой текста, поданного почти сразу по

приезде в Москву. Все это может быть объяснено лишь в том случае, если рассматриваемые в авторской редакции «Прений» вопросы уже стояли перед Арсением до его отъезда в Молдавию с Паисием. Другими словами, если проблемы, поднятые Сухановым, волновали русское общество уже в конце 40-х годов XVII в.

Исследователи предполагают наличие в Москве в этот период богословских споров, указывая на тенденцию обращения к греческим подлинникам при исправлении книг, отмеченную в последние годы патриаршества Иосифа, и, главное, на появление *обоснований* этого приема книжной справы как в предисловии к грамматике Милетия Смотрицкого, так в большей степени и в «Книге о вере» киево-михайловского игумена Нафанаила, изданных Печатным двором в 1648 г. (далее главы и листы «Книги о вере» указаны по этому изданию). Последняя книга разошлась так быстро, что это уже само по себе говорит об интересе московского читателя к затронутым в ней проблемам[40]. На связь «Прений» Суханова с «Книгой о вере» указал С. А. Белокуров, отметив почти полную противоположность изложенных в них взглядов.

В самом деле, сочинение Нафанаила начинается с анализа вопроса: «откуда изыде вера и истинное учение?» «От Сиона изыде закон, и слово господне от Иерусалима»,— отвечает автор и доказывает, что и по сей день иерусалимская церковь «мати есть по всей вселенной православных церквей» (гл. 1). В следующем разделе книги «благочестие» иерусалимской церкви переносится на всю «святую восточную во грецех обретенную церковь» (гл. 2; гл. 4, л. 39 об.; гл. 5, л. 45, срв. гл. 25, л. 226; гл. 28, л. 257—257 об.). Отсюда делается вывод, что «русийскому народу патриарха вселенскаго, архиепископа константинопольскаго, слушати и ему подлежати и повиноватися в действах и в науце духовной есть польза и приобретение» (гл. 18). Автор завершает свое рассуждение доказательствами, что по божественному, каноническому и «царьскому, и княжескому, и королевскому» (т. е. вассальному) праву «Русия подлежит восточной церкви Константиня града и патриарху вселенскому константинопольскому» (гл. 26).

В первой авторской редакции «Прений» опровергается ряд аргументов, приведенных в «Книге о вере». Разделяя «арапов», живущих в Иерусалиме, и константинопольских греков, Суханов лишает основания тезис об однородности восточных православных церквей, позволявший Нафанаилу утверждать, что греки приняли крещение от Христа и от «Якова, брата божия».

Арсений отрицает идею независимости «благочестия» церкви от власти, используемую автором «Книги о вере» для доказательства положения, что «на Востоце, аще и царство опровержено есть, обаче же вера православная волею божиею стоит и пребывает нерушима».

Наконец, Суханов отвергает мысль о крещении Руси от греков, служившую киево-михайловскому игумену аргументом в

пользу зависимости российской церкви от константинопольского патриарха.

Совпадение основных точек полемики в «Прениях» и «Книге о вере» дает возможность разобраться во взглядах того большинства московских «ревнителей благочестия», которое, по-видимому, разошлось во взглядах с будущим партиархом Никоном еще до того, как он приступил к активной реализации прогреческого курса.

Вместе с тем сопоставление текстов обоих сочинений не позволяет предполагать, что первая редакция труда Суханова была прямым ответом на работу Нафанаила. Доводы, которые приводились греками, пытавшимися отвести от себя обвинение в оскорблении государевой чести, расположены в другой последовательности и в деталях отличаются от аргументации «Книги о вере».

С. А. Белокуров показал, что те сведения «Прений», которые поддаются проверке по достоверным источникам, соответствуют действительности [41]. О том, что описываемые в «Прениях» события скорее всего не выдуманы Сухановым, свидетельствует и правка, произведенная им в первой редакции: она направлена (помимо исправления ошибок) на уточнение описания событий.

В первой части (сыске) из списка присутствовавших на трапезе в патриаршем монастыре в Тырговиштах 24 апреля 1650 г. вычеркнут «руской дьякон Иона Маленкой» (л. 349), уточнено место издания принесенной на эту трапезу «книги Ивана Златаустаго в десть греческой» — «в Вениции» вместо «в английских немцах» (л. 350). При описании греческого способа крещения отмечено, что греки не только обливаются, но «и покропляются, а не погружаются в купели» (л. 351). В рассказе о сыске 3 июня Суханов постарался несколько стушевать впечатление давления, которое он оказывал на греческих иерархов: вместо «и патриарх и митрополит сказали: Добро! — Послали по епископа» написано просто: «И патриарх и митрополит послали по епископа». Несколько ниже уточнено, что свидетель Амфилохий не просто знал о сожжении книг, но был непосредственным свидетелем этого (л. 354).

Текст «Прений» о событиях после 3 июня подвергся несколько большим исправлениям. Прежде всего, была поправлена речь патриарха Паисия и митрополита Власия о перстосложении, вложенная теперь в уста одного Власия. Полемически заострен и ответ Арсения: вместо «...справить не хощете, гордостию надувся» написано «...справить не хощете; гордостию надувся ходите и называетеся всем источник вере» (л. 355). Далее прибавлено, что греки в древности не только «крестилися», но «и благословляли» по московски (л. 355 об.). При описании полемики 6 июня отмечено, что против Суханова выступал не один «черный поп патриархов Иосаф», но «и прочии греки» (л. 356). На следующем листе сделано пояснение, что речь в споре шла не о крещении, а о перстосложении при крестном знамении и т. п.

Таким образом, если Арсений и допускал относительно второй части своего сочинения некоторые изменения смысла, то имел в виду прежде всего «улучшение» своей позиции в действительно имевшей место полемике. В целом вывод, который следует из анализа авторской правки первой редакции, заключается в том, что она подтверждает достоверность описанных в сочинении событий.

Сделав весьма вероятное допущение, что Суханов зафиксировал аргументацию греков не полностью, а лишь в той части, которая наиболее его интересовала, мы все равно встаем перед вопросом о причинах существенного сходства идей оппонентов Арсения и «Книги о вере». Последняя была написана в Малороссии еще в 1644 г. и не предназначалась для издания в Москве. Целью ее было в первую очередь обличение католичества и униатства.

Борьбой с униатским влиянием и объясняется стремление автора получше аргументировать «благочестие» константинопольского патриарха, которому киевская митрополия подчинялась вплоть до 1686 г. Логично предположить, что киево-михайловский игумен включил в свою книгу положения, разработанные греками для доказательства собственного приоритета в православном мире, возможно расширив и усилив их.

Сам по себе факт издания в Москве «Книги о вере» «тщательством благаго духовника (царского) Стефана Вонифатьевича, благовещенскаго нашего протопопа», еще не свидетельствует о принятии греческих взглядов на благочестие православного Востока самим Стефаном и его сподвижниками [42]. Помимо того что большая часть «Книги о вере» состояла из полемических статей против «иноверцев», в этом сочинении оправдывались некоторые отличные от греческих обряды, отстаивавшиеся позже старообрядцами со ссылкой на «Книгу». По свидетельству протопопа московского Казанского собора Ивана Неронова, Никон «многажды говаривал нам: гречане де и Малые России потеряли веру, и крепости, и добрых нравов у них нет... и благочестия нимало» [43].

Обстановка в Москве существенно изменилась после приезда в столицу 27 января 1649 г. иерусалимского патриарха Паисия, которому, как отмечает С. А. Белокуров, «со всею вероятностью нужно приписывать тот переворот в воззрениях Никона, который теперь совершился, именно его превращение в горячего грекофила» [44]. Приведенные Белокуровым данные убеждают, что именно энергичные действия Паисия, а не влияние южнорусских ученых поколебали традиционное убеждение москвичей относительно утраты греками истинного православия, следствием чего явилось, в частности, решение о посылке с Паисием для осмотра «состояния восточных церквей» «особого доверенного лица», которым стал Арсений Суханов.

Достаточно хорошо сохранившиеся источники свидетельствуют, что Паисий быстро сориентировался в Москве и в первую очередь постарался перетянуть на свою сторону нового царского фаворита — новоспасского архимандрита Никона — лицо, наибо-

лее перспективное с точки зрения продвижения в церковной иерархии [45]. Однако имеющиеся свидетельства не позволяют сколько-нибудь полно судить о том, *что* Паисий противопоставил сложившейся в Москве системе взглядов. Известно лишь, что он говорил в Посольском приказе о положении православного духовенства в Иерусалиме и «нисхождении небесного огня на гроб господень» [46], говорил с царем и патриархом Иосифом о посте в святую четыредесятницу и времени совершения литургии [47]. Сам Никон кратко заметил на соборе 1656 г., что «зазираху и поношаху мне приходившие с Востока... патриарх иерусалимский Паисий и другие... в неисправлении божественнаго писания и прочих церковных винах» [48].

Анализ «Прений о вере» позволяет разобраться в основных взглядах, предлагавшихся Никону Паисием. В самом деле, именно те мысли Паисия, против которых твердо возражал Суханов, были реализованы в ходе реформ Никона; возражения же Арсения были приняты на вооружение сторонниками «старой веры», которые упорно переписывали, редактировали и цитировали «Прения».

Не останавливаясь на детальном разборе расхождений между Паисием и Арсением по вопросам ритуала, отметим принципиальное противоречие их взглядов на соотношение светской и духовной власти. При попытке обосновать идею о сохранении греками «благочестия» Паисию пришлось столкнуться со стройной концепцией, непосредственно связывающей «благочестие» церкви с православным государством, деятельностью православного царя. Хотя в «Прениях» мнение Паисия изложено кратко, очевидно, что он отстаивает идею независимости православия от светской власти (для греческой церкви — от турок), что влекло за собой признание приоритета церкви перед государством.

Отметим, что в спорах Паисия и его свиты с Сухановым констатируется, а в «Книге о вере» приводится развернутое доказательство тезиса, что царства возникают и разрушаются, а церковь остается. Взгляды Паисия и Нафанаила отражали условия существования приверженцев православия в иноверных государствах (Турции и Польше). Арсений же отстаивал в религиозной форме идеологию крепнущего национального государства.

Если теория «Москва — третий Рим», в основе которой лежало представление о единстве церкви и царства при первенстве православного государства, реализовалась Сухановым (и, разумеется, не только им) в идее объединения по крайней мере славянских православных церквей в составе Российской империи, то Паисий (как Нафанаил и другие) фактически выступал против теории божественного права Москвы и связанных с нею внешнеполитических взглядов, утверждая первенство константинопольского патриарха и доказывая, что православие вполне может мириться с властью турок (или Речи Посполитой).

Понятно, что идеи Паисия с трудом могли найти признание у московских ревнителей благочестия. Тем не менее они оказали

сильное воздействие на властолюбивого молодого архимандрита, который впоследствии попытался поставить патриархию превыше царства и открыто выступил против теории «Москва — третий Рим». Никон писал в «Возражениях» Стрешневу в 1667 г.: «Ты говоришь, что римская слава и честь перешла на Москву: откуда ты это взял?» [49].

Паисий не просто привлек Никона на свою сторону, но постарался продвинуть его в церковной иерархии, способствуя предоставлению тому новгородской митрополичьей кафедры [50] — поста, с которого Никон должен был шагнуть в патриархи. По-видимому, Паисий неспроста затягивал свой отъезд из Москвы с 9 мая по 10 июня 1649 г., вновь и вновь добиваясь приемов у царя и патриарха; так же затягивал он и поездку из Молдавии в Иерусалим, засыпая Москву посланиями [51].

Влияние, оказанное Паисием на Никона, вероятнее всего, не могло быть широко известным и послужить толчком к спорам Суханова с греками. Прения начались после того, как Арсений съездил в Москву, где пробыл с 11 декабря 1649 по 26 января 1650 г. В это время в столице уже находились представители киевского духовенства, которые, хотя и расходились с греками в ряде богослужебных вопросов (солидаризируясь более с московскими традициями), были склонны все же отстаивать идею греческого (да и своего собственного) «благочестия».

Легко предположить, что проповедь киевлян оказала большее воздействие на московских государственных мужей, нежели заявления Паисия; так, современники заметили, что фактический глава правительства боярин Б. И. Морозов в 1650 г. «киевлян начал жаловать; а то де знатно дело, что туда уклонился к таковым же ересям» [52]. Принятый русским правительством курс на сближение с Украиной мог быть использован Никоном для поворота к *прогреческой* ориентации русского православия.

Таким образом, Суханов по отъезде из Москвы был заинтересован сбором обличающих греков материалов и, узнав о сожжении московских книг, приступил к следствию, в ходе которого (и позже) активно отстаивал собственный взгляд на ритуал и взаимоотношения православных церквей. В результате полемики с греками им была написана первая редакция «Прений о вере».

Вторая (промежуточная) редакция сочинения была выполнена уже спустя некоторое время после написания беловика (Ч-1). На это указывают ошибочные относительно контекста исправления Ч-2 (л. 350 об., 353, 355, 358 и др.), часть из которых была зачеркнута автором после того, как он более внимательно вчитался в текст (см. л. 350, 357 и др.). Зачастую исправления были непоследовательными (срв. л. 358, 359), к тому же немало ошибок и описок были оставлены без изменения. По-видимому, первая редакция «Прений» была написана еще в Молдавии или, что менее вероятно, на пути в Москву; вторая редакция — по дороге в столицу или сразу же по приезде, так как вскоре появилась третья, окончательная авторская редакция сочинения.

Таблица 5

С.	В	МГАМИД и списки 1-й группы	Списки, совпадающие со списками МГАМИД и 1-й группы
82	в другия	в другой	—
83	егда воду льет	егда воду льют	—
84	будет о том писать	будут о том писать	—
	будет добро станут писать патриархи.	будет добро станут писать патриархи, *послушают.*	—
88	то *не* могут ли	то могут ли	А, Г
89	первие	первыя	Т
92	прилучилося	прилнуло	—
	печатный двор	штанбы	—
	яже	яко же	А, Г, Т
93	коростове стаде	коростовом стаде	А, Г, Т
95	поделали мечети	починили мечетами	А, Г, Т
96	приклоняся царю	приклоняяся царю	Т
97	хотящую латынскую прелесть	хотящую *быти* латынскую прелесть	—
	святыя *места* осквернять	святыя осквернять	—
98	архиепископу Новаграда	архиепископу *Великого* Новаграда	Б 1, Т
	есть и духовнаго суть!	есть *ли* и духовнаго суть *же*!	—
	Ими глаголам веру	И моим глаголом веруй	Г, Т, Б 1
	просвятятся	просветятся	Т
	тако	тамо	Т, Г
99	якоже от Рима	якоже *бо* от Рима	—
100	предаде	предаст	—
	и называете себя	и называете себе	—
	источник веры всем вас	источником вере всем *и* вас	Т
	якоже *и* жидов, *и* царство ваше поганым	якоже жидов, царство ваше *отдал* поганину	—
101	учители источник	учители *и* источник	Т
	всем источник!	всем *вы* источник!	Т
	лишь мало знать	лишь *след* мало знать	—

Поскольку окончательная авторская (или третья) редакция «Прений» уже многократно подвергалась изучению и, кроме того, составляет тему специального исследования, ограничусь относительно ее лишь самыми необходимыми замечаниями.

Прежде всего следует определить списки, позволяющие восстановить образовавшиеся в списке Арх. лакуны. Приведенные выше таблицы разночтений показывают, что список В, признанный С. А. Белокуровым наиболее близким к Арх., слабее, чем списки первой группы, отражает текст авторского списка третьей

Таблица 6

С.	В	МГАМИД	Списки, совпадающие с МГАМИД
95	сияюще	сияюща	С 1 и 2, ИП 2, Ув 2, Т
99	агаряня погани	агарины погании	С 1 и 2, ИП 2, Б 1, Н
	предана бысть от бога	предана будут от бога	С 1 и 2, ИП 2, Ув 2
	Велицей Росийстей земле	Велицей Рустей земли	
100	янычаре	япычаня	С 1 и 2, ИП 2, (ср. Ун 1, Б 3, Т)
	бусурманы	бусорманят	С 1 и 2, ИП 2, (ср. Ув 2)

редакции (X), протографичного как Арх., так и всей рукописной традиции «Прений» (через список Y). Эти же таблицы (см. также примеч. 30 и 31) делают очевидным, что В восходит не к Арх., а к общему для всех списков протографу. Ряд чтений, реконструированных Белокуровым по В, оказывается ошибочным по отношению к МГАМИД и спискам первой группы (табл. 5).

Одновременно В имеет множество чтений, неверных как по отношению к 1-й группе списков, так и к Арх.[53] Сравнение со списками С 1, С 2, и ИП 2, которые, как мы предположили, наиболее близки к протографу пространной редакции среди списков традиции (исключая Арх), еще более увеличивает число особых чтений В (табл. 6).

Таким образом, список В не подходит для восстановления лакун Арх. и реконструкции X. Реконструкцию следует проводить на основе Арх. с помощью списков С 1, С 2 и ИП 2, проверяя их соответствие остальным спискам 1-й группы и рукописной традиции в целом, с тем чтобы не только заполнить лакуны, но и исправить ошибочные чтения Арх. по сравнению с X.

Значение этого вывода подтверждается следующим примером. В тексте о полемике 8 и 9 мая, появившемся в третьей редакции сочинения, речь заходит о «науке» греков. Этот текст, получивший очень высокую оценку Н. Ф. Каптерева[54], начинается с заявления Суханова о своем отказе вести спор о хронологии как лично с Паисием (из опасения, что у них «речь в задор войдет»), так и с даскалами. С последними Арсений отказывается говорить на том основании, что они «люди науки высокия, говорить с ними не уметь о правде[55], понеже такова наука: тщатся оне не истину сыскать, но только бы перетягать и многословием своим истинну замять,— на то оне тщатся, и наука их такова иезуитская» (с. 46).

Если в тексте по списку В обличение Суханова относится главным образом к личностям предлагаемых Паисием даскалов

(один из которых — Паисий Лигарид — не вызывал ранее нареканий автора), то списки С 1, С 2 и ИП 2 более правильно относят слова Арсения в целом к «науке» греков, учившихся в латинских коллегиях, которой русский ученый отказывает в благочестии: «...дидасколы оне зде, а не во Еросалиме у тебя есть, пожалуй мне своих дидаскал ерусалимских, а с теми я говорить для того не хочю, понеже в латынской науке много лукавства бывает, а истинну лукавством сыскать не мощно» (с. 46). Полная реконструкция текста окончательной авторской редакции «Прений» должна уточнить немало вопросов, связанных с религиозными по форме спорами накануне раскола российской церкви.

Текст третьей редакции заметно более первых отточен в литературном плане и насыщен аргументами обеих спорящих сторон. Не останавливаясь на его анализе, отметим, что сделанные во вторую редакцию вставки не просто дополнили текст, но и разрушили первоначальную фабулу (в частности, материалы сыска о сожжении московских книг оказались разрозненными).

В короткий срок по приезде Суханова в Москву посольский отчет с полемическими включениями был превращен в публицистическое произведение чрезвычайно убедительной силы. «Прения с греками о вере» предназначались автором уже не только (и не столько) для Посольского приказа, но для широкого распространения, что подтверждается исследованием происхождения списков.

Отсюда с неизбежностью следует вывод, что за время отсутствия автора в столице (с 26 января по 8 декабря 1650 г.) в разногласиях между «ревнителями благочестия» произошел качественный сдвиг: споры о путях усовершенствования церкви перешли в борьбу сторонников разных курсов.

Очевидно, что неиспользование греческих подлинников в книжной справе вызвало резкое противодействие Суханова, большого знатока и любителя древних, в том числе греческих, книг, и заставило его включиться в полемику. Окончательная редакция «Прений» направлена, по существу, против тех же взглядов, с которыми автор начал спор во время встреч с патриархом Паисием.

Следовательно, в конце 1650 г. Арсений столкнулся в Москве с более или менее открытым проявлением тех же *прогреческих* устремлений Никона, направленных в конечном счете против сложившихся идей Российского православного государства, на возвышение религиозных институтов над государственной властью. Третья редакция сочинения позволяет, таким образом, датировать самостоятельное выступление Никона и его разрыв если не с будущими старообрядцами, то по крайней мере с просвещенными сторонниками российского самодержавства (и соответственно «государственной» церкви), к которым принадлежал Арсений Суханов и которые в итоге определили поражение никоновского курса.

Подведем итоги. К настоящему времени трудами многих исследователей (и особенно С. А. Белокурова) была основательно

изучена рукописная традиция «Прений с греками о вере» — одного из наиболее ярких и действенных полемических сочинений XVII в., выделены основные редакции, созданные переписчиками, и обнаружен авторизованный список (Арх.), позволивший в значительной части восстановить первоначальный (авторский) текст, могущий служить источником изучения многих трудных вопросов истории общественного «разномыслия» в момент зарождения и начала раскола российской церкви — события, имевшего весьма значительные последствия в области общественной мысли, политики, культуры и даже экономики Русского государства.

Однако список Арх. был поврежден временем, и восполнение его лакун представляло значительные трудности. Являясь копией законченного текста произведения, Арх. не давал возможности разобраться в процессе его создания и уточнить мотивы автора, относительное значение, цели и степень достоверности отдельных высказываний.

Обнаруженный нами автограф «Прений» (МГАМИД) позволил сделать новую попытку преодолеть эти затруднения. Исследование показало, что МГАМИД протографичен Арх. и представляет беловой автограф первой, неизвестной до сих пор редакции сочинения. Она являлась одним из отчетных документов Суханова в Посольский приказ и содержала материалы расследования об оскорблении государевой чести греческими иерархами, а также политически важные сведения о взаимоотношениях славянских и греческих православных церковнослужителей. Помимо корректуры, Суханов сделал в беловом автографе серьезную редакционную правку, приведшую к созданию второй, промежуточной между первым вариантом МГАМИД и Арх. редакции «Прений». Арсений не только уточнил в ней описание событий, но и наметил направления для развития публицистических возможностей произведения.

Определив текст первой и второй редакций и проанализировав рукописную традицию «Прений», мы выяснили, что протографом традиции был неизвестный список (Y), сделанный с необнаруженного авторского списка третьей редакции (X), послужившего также протографом списанного для Посольского приказа Арх. Таким образом удалось установить, что третья редакция в отличие от двух первых рассматривалась автором уже как публицистическое сочинение, а не отчетный документ.

Выделились и списки (1-я группа), позволяющие с наибольшей достоверностью восполнить Арх. и откорректировать его отклонения от X; этот вывод вносит поправку в публикации С. А. Белокурова и X. М. Лопарева, ориентировавшихся только на реконструкцию Арх. и использовавших для этой цели самые неподходящие списки (сначала Академический, затем Ведерниковский). Если учесть, что сейчас нам известно уже 38 (а не 21, как в публикации Белокурова) списков, представляющих только за XVII в. как минимум 5 редакций, приходится поставить вопрос о новом академическом издании «Прений с греками о вере».

Сопоставив палеографические и биографические данные, мы смогли уточнить время и место создания каждой из трех авторских редакций, что дало возможность установить связь между историей текста и развитием событий в наиболее ответственный и вместе с тем наименее освещенный источниками момент зарождения раскола (1650 г.). Не повторяя сделанных в статье выводов, следует отметить, что даже самые высокие оценки, данные этому сочинению учеными XIX в., не следует считать преувеличенными.

Авторские редакции «Прений с греками о вере» являются уникальным источником общественно-политической и культурной истории России, раскрывающим как ход, так и содержание процесса возникновения курса, которого официальная церковь (с некоторыми отклонениями) придерживалась затем на протяжении десятилетий и который стал одним из наиболее ярких факторов как дальнейшей эволюции православия, так и кризиса религиозного мировоззрения в «бунташном» XVII столетии.

[1] *Каптерев Н. Ф.* Характер отношений России к православному Востоку в XVI–XVII веках. М., 1885. С. 12, 288–293, 324–325; *Владимиров П.* Очерки по истории литературного движения на Севере России во второй половине XVII века // ЖМНП. 1879. Окт. С. 227–249; *Ржевский А. А.* Арсений Суханов // Православ. обозрение. 1867. Сент. С. 34–77; Окт. С. 121–160; Нояб. С. 225–252; Дек. С. 367–387.

[2] Материалы для истории раскола, изд. Н. И. Субботиным. М., 1875. Т. 1. С. 405, 408.

[3] *Белокуров С. А.* Арсений Суханов. М., 1891. Ч. 1: Биография. С. 4, 5.

[4] Там же. С. CXXIX–CXXXVII, № 1–4, 12; II – 1, 3; *Белокуров С. А.* Арсений Суханов. М., 1894. Ч. 2.: Сочинения. С. XVII–XIX, № 17; ГБЛ. Ф. 247. № 518. Л. 2–33 об.; ГИМ. Увар. 181; Списки Соловецкой ред. см.: *Белокуров С. А.* Указ. соч. Ч. 1. № II – 1; Ч. 2, № 17; Списки Московской ред. см.: Там же. Ч. 1. № II – 3. Ср.: Ч. 2. № 19.

[5] *Белокуров С. А.* Указ. соч. Ч. 1. С. CXXIX–CXXXVIII, № I – 2, 3, 5, 7, 9, 10; II – 2, 4; Ч. 2. С. XVII–XIX, № 18; ГБЛ. Ф. 247. № 446. Л. 265–296. Обработанные рукописи см.: *Белокуров С. А.* Указ. соч. Ч. 1. № II – 2, 4; Ч. 2. № 18. Рукописи производных редакций см.: ГБЛ. Ф. 178. № 9030. Л. 167 об.– 234; № 10383. Л. 93–94, 111–114; № 858. Л. 250–272; Ф. 199. № 100. Л. 3 об.– 42; № 161. Л. 1–2; Ф. 218. Поступления 1971 г. № 145.15; Ф. 445. № 26. Л. 487–603.

[6] *Белокуров С. А.* Указ. соч. Ч. 1. № 6, 8, 11; Ч. 2. № 20, 21. См. также списки основной редакции: ГБЛ. Ф. 209. № 475. Л. 206–237 об.; № 36. Л. 1–29 об.; Ф. 579. № 102. Л. 1–39; производных редакций: ГБЛ. Ф. 178. № 6391. Л. 235 об.– 241 об.; № 4249. Л. 132–139; Ф. 199. № 458. Л. 418–423.

[7] Подробный обзор историографии XIX в. см.: *Белокуров С. А.* Указ. соч. Ч. 1. С. 1–64.

[8] Старца Арсения Суханова «Статейный список» и «Прения с греками о вере»/С предисловием, примечаниями и приложениями Сергея Белокурова // Христиан. чтения. 1883. № 1–12 и отд. отт. Впервые этот столбец обнаружил С. М. Соловьев, не придавший значения своей находке.

[9] *Белокуров С. А.* Указ. соч. Ч. 2. С. XXX–XXXII.

[10] Там же. Ч. 1. С. 236.

[11] Старца Арсения Суханова... С. 62. Списки документов, обещанных «в вечеру» 9 декабря, были помещены в конце статейного списка (см.: *Белокуров С. А.* Указ. соч. Ч. 2. С. XII, 216–217).

[12] См.: Там же. С. 4.
[13] На то, что список делался с рукописи, указывает характер писцовых ошибок (см.: *Белокуров С. А.* Указ. соч. Ч. 2. С. XXX–XXXII).
[14] Проскинитарий Арсения Суханова. Казань. Б. г. С. 12.
[15] Старца Арсения Суханова... С. 5.
[16] Проскинитарий Арсения Суханова. СПб., 1889.
[17] *Белокуров С. А.* Указ. соч. Ч. 1. С. CXXXII; Ч. 2. С. XXII, XXVII.
[18] Там же. Ч. 2. С. XIII–LXIV, 25–101.
[19] ЦГАДА. Ф. 181. Оп. 1. № 659. Л. 348–360.
[20] Ср.: *Попов А.* Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869. С. 131–204. Сходный хронограф с правкой рукою Суханова имеется в ГПБ. F. XVII.17.
[21] См.: Л. 3, 6, 7 об., 8–9, 12 об.– 13 об., 16–17, 21 об., 22 об., 31 об., 35 об., 39 об.– 40, 42 об.– 43 об., 44 об.– 47, 49 об., 51, 56, 57–57 об., 61, 63 об.– 68 об., 73–75, 81 об., 83–85, 89–102, 105 об.– 112, 114–123 об., 125а – 133 об., 135 об., 137–146 об., 147 об.– 154 об. и др.
[22] См.: Л. I–VIII, 4–4 об., 7 об., 8 об., 12–14, 17, 21 об., 29 об.– 30 об., 36, 41–41 об., 48, 50 об., 52, 54 об., 56 об., 57, 59 об., 62, 63 об., 64 об., 68, 70, 75, 84–89, 90, 92 об.– 96 об., 97–111, 113 об.– 117 об., 121 об.– 122 об., 124–130 об., 134 об.– 135 об., 138–138 об., 140–141 об., 145, 148–154 об. и др.
[23] См.: Л. 129 а, 130 об., 130 а.
[24] О том, что кодекс был завершен, говорят оставленные чистыми 2,5 листа в конце, в то время как в тексте лакун и чистых листов нет.
[25] В рукописи 9 видов бумаги разных марок. 1. Рыба в двойном круге типа Гераклитова, № 141 – 1650 г. (л. I–VIII, 1–2, 124–140, 142–143, 147–177, 181–204). 2. Шут тип-4, плохо пропечатан (л. 3–123, 205–236, 238–253, 262–269, 278–347). 3. Герб г. Берна/W // PI или PL, близок типу Каманина и Ветвицкой № 939–947 – 1640 г., Тромонина № 1333 – 1649 г. (л. 141, 144). 4. Гербовый щит маленький, с диагональной перевязью и загнутыми вверх углами, близок типу Тромонина № 1335–1336 – 1650, 1651 гг., Гераклитова № 275 – 1647 г. (л. 145–146). 5. Гербовый щит с лилией под короной, типа Гераклитова № 174–175 – 1650 г. и 193 – 1649 г. (л. 178–180). 6. Шут тип-4, точной аналогии не имеет (л. 237, 254). 7. Олень // MG, имеет сходство с типом Лихачева № 366 – 1530 г. (л. 255–256, 259–260). 8. Шут тип-1, типа Гераклитова № 1240 – 1653 г. (л. 257–258). 9. Гербовый щит с пасхальным агнцем на перевязи, под императорской короной, точной аналогии не имеет (л. 270–277). Вид бумаги л. 261 неясен.
[26] *Белокуров С. А.* Указ. соч. Ч. 1. С. 158–164.
[27] Кувшин с одной ручкой, венчиком в виде четырехлопастной розетки и полумесяцем над крышкой, с полумесяцем и литерами M/LO, лилией в подставке. Знаки сходного типа (с другими литерами) см. у Гераклитова: № 716, 718–723, с 1644 по 1660. (г. о. 40–50-е годы).
[28] Страницы текста Арх. указываются по публикации: *Белокуров С. А.* Указ. соч. Ч. 2.
[29] Нельзя с уверенностью утверждать, что этот текст не мог быть вставлен в Арх. после написания списка: он писан с нового столбца новым почерком, и следующий за ним текст написан другим почерком и с нового столбца (см.: ЦГАДА. Греческие дела. Св. 7157 г. № 8. Л. 45–53).
[30] См. разночтения по публикации С. А. Белокурова (в скобках указываются рукописи, совпадающие со списками I группы): С. 25, № 6, 7 (Б 1, А, Г), 11, 19 (без Н), 24, 32, 34 (В), 36, 38 (без Н), 49 (В), 51, 59, 72, 163 (В), 167 (А, Г), 173 (В), 187 (В, Б 1, А, Г), 196 (В), 206, 224 (В, Б 1, А, Г), 225 (без Н), 227 (В, Б 1, Г), 246, 276 (без Б 3; В, Б 1, А, Г), 279, 302 (без Б 3; Б 1, А, Г), 339 (В, Б 1, А, Г), 343 (Б 1, Г), 347 (Б 1, Г), 393 (В), 451 (В, А, Г), 453 (без Б 3; В); 490 (А, Г), 500 (В, Б 1, Т, А, Г), 516 (В), 519 (В), 807 (В, Т), 812 (Т), 818 (В), 835 (без Ун 1), 857 (В), 879 (Т), 891 (В, Т), 893 (Б 1, Т, А), 912 (без ИП 2), 963, 964, 978 (В), 999; С. 61 (вторая нумерация разночтений), № 16, 36, 38 (В, Т, А, Г), 53 (В), 68 (А), 70 (В, А), 79 (Т, Б 1, А, Г),

87 (Т, Б 1, А, Г), 88, 103 (В, Т, Б 1, А, Г), 111 (В), 119 (Б 1, А, Г), 652 (Т), 666 (Т), 740 (Б 1, А, Г), 748 (Т), 777 (Т), 788 (Т, Б 1, А, Г), 791 (В, Т, А, Г), 812 (Т), 829 (В, Б 1, А, Г), 836 (В, Т, А, Г, Б 1), 862 (В, Т, А, Г), 902 (Т), 947 (В, Т, Б 1, Г).

31 См.: Там же. С. 44, примеч. № 523 (без Ун 1), 530 (В), 533, 536, 582 (В, А, Г), 663 (В, Т, А), 669, 692 (В, Т, Б 1, Г), 702 (В, Т), 704 (В), 707 (Т), 723, 725 (Т, Б 1, А, Г), 742 (В, А, Г), 758, 769 (В, Т), 772 (Т, Б 1, А, Г); С. 87, примеч. № 696, 714 и др.

32 Предварительное текстологическое обследование показывает, что и неизвестные С. А. Белокурову списки «Прений» сохраняют большее или меньшее число соответствий списку МГАМИД в случае разночтений с Арх. и восходят к тому же протографу Y.

33 ЦГАДА. Ф. 52. 1649 г. № 22. Л. 1; *см. Белокуров С. А.* Указ. соч.

34 ЦГАДА. Ф. 52. 1649 г. № 22. Л. 76; текст опубл.: *Белокуров С. А.* Указ. соч. Ч. 2. С. 215–216.

35 ЦГАДА. Ф. 52. 1649 г. № 8. Л. 35–36; текст опубл.: *Белокуров С. А.* Указ. соч. Ч. 2. С. 223–224.

36 Менее значительные документы написаны Арсением на бумаге худшего качества (ср.: ЦГАДА. Ф. 52. 1649 г. № 8, 22).

37 *Белокуров С. А.* Указ. соч. Ч. 1. С. 203–206.

38 В этой части рукописи Сухановым внесено немало смысловых исправлений еще во время перебеления первой редакции по списку МГАМИД (Ч-1), и здесь же сделана наибольшая правка при редактировании (Ч-2).

39 Слово зачеркнуто Ч-1.

40 *Белокуров С. А.* Указ. соч. Ч. 1. С. 172–178.

41 *Белокуров С. А.* Указ. соч. Ч. 1. Гл. 3: Путешествие Арсения Суханова на Восток в 1649–1653 гг.

42 Ср.: Там же. С. 171, примеч. 10.

43 Материалы для истории раскола. Т. 1. С. 159.

44 *Белокуров С. А.* Указ. соч. Ч. 1. С. 18, 178–183.

45 Там же. С. 180 и др.

46 *Каптерев Н. Ф.* Приезд в Москву иерусалимского патриарха Паисия в 1649 г. // Прибавления к изданию Творений св. отцев в русском переводе за 1891 г. М., 1891. Кн. 1.

47 *Белокуров С. А.* Указ. соч. Ч. 1. Гл. 3, прил. С. 36–39.

48 Там же. Ч. 1. С. 181.

49 *Гиббенет Н.* Историческое исследование дела патриарха Никона. СПб., 1884. Т. 2. С. 355–357.

50 СГГиД. Ч. III. № 135. С. 447–449.

51 *Белокуров С. А.* Указ. соч. Ч. 1. С. 186–238.

52 *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. СПб., 1860. Т. 9. С. 168.

53 См. разночтения по публикации С. А. Белокурова (в скобках указываются рукописи, совпадающие с Арх. и списками первой группы): С. 35, № 288, 306, 142 (Г, Б 1), 160, 171 (Т), 192 (Т, А, Г, Б 1), 216, 220, 222, 228, 230, 234, 243 (Т), 251 (Т), 252, 254, 259 (Т), 262 (Т), 269, 270, 273, 276, 278, 281, 282 (Т), 285–289, 292, 294, 297, 298 (Т), 302 (Т), 303, 305, 307 (Т), 308, 310, 311, 318, 320, 322, 323, 329, 330, 334, 337 (Т), 344–347 (Т), 356, 358, 359, 361–363, 366, 369, 371 (Т), 372, 373, 379, 380 (Т), 383, 385, 387, 389, 391, 393, 394, 396, 397, 399 (Т), 402, 403–404 (Т), 405, 409, 411, 414 (Т), 415, 418, 420–421 (Т), 423, 425, 427, 428, 437 (Т), 439 (Т), 440, 442, 443, 445 (Т), 448 (Т), 452, 453, 457, 462, 464, 467, 475 (Т), 477, 479 (Т), 481, 486, 489, 498, 500 (Т), 501 (Т), 505 (Т), 509 (Т), 510, 515 (Т), 517 (Т), 520, 523–525, 530, 533, 536, 538, 540 (Т), 542–543 (Т), 544, 545, 549, 550, 556–558, 564, 567, 572 (Т), 573, 576, 581, 585, 586 (Т), 610 (Т), 615 (Т, А, Г, Б 1), 628, 682, 757 (Т, А, Г), 763, 771.

54 *Каптерев Н. Ф.* Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. Сергиев Посад, 1914. С. 389.

55 Фраза выражает нежелание Арсения говорить с «даскалами» (ср. слова московских стрельцов: «А нас с теми чорными посацкими людми дратца не уметь»), а не признание его неспособности вести спор.

СКОЛЬКО СОХРАНИЛОСЬ ДУХОВНЫХ ГРАМОТ ИВАНА КАЛИТЫ?

В. А. Кучкин

Длинный ряд духовных и договорных грамот князей московского дома начинается с двух завещаний Ивана Калиты, позволяющих установить, по словам авторитетного исследователя русского средневековья А. Е. Преснякова, «исходный пункт истории княжого владения в Московской отчине» [1]. Впервые «душевные» грамоты этого московского князя ввел в научный оборот известный русский историк XVIII в. М. М. Щербатов, довольно точно уловивший их основное значение. Из духовных Калиты, писал он, «мы можем видеть, которые волости и земли тогда князю Московскому принадлежали и каковы тогда были сокровища великих князей» [2]. Мысль М. М. Щербатова полностью разделял и Н. М. Карамзин: «Сия древнейшая из подлинных духовных грамот княжеских (Н. М. Карамзин считал сохранившиеся тексты духовных вариантами одного завещания московского князя.— *В. К.*), нам известных, свидетельствует, какие города принадлежали тогда к Московской области и как велико было достояние князей» [3]. Принципиальная оценка русскими историками XVIII — начала XIX в. духовных грамот Ивана Калиты как важнейшего и самого раннего источника, позволяющего определить размеры земельных владений московских князей и наиболее ценную часть их движимого имущества, и по сей день сохраняет свое значение. К сказанному следует добавить, что эти документы позволяют также вскрыть характер взаимоотношений между членами московского княжеского дома, его главой великим князем и подчиненными ему удельными князьями. Но из-за отсутствия дат в грамотах остается неясным, какой момент в развитии Московского княжества фиксируют духовные Ивана Даниловича. Калита, как известно, был не только московским князем, но и великим князем владимирским. Последнее обстоятельство заставляет, в частности, задуматься относительно того, влияло ли высокое положение Калиты на изменение территории его московской отчины и состава его казны. Однако ставить вопрос о связи великокняжеской политики Калиты с его домениальной политикой уместно лишь в том случае, если будет доказано составление его духовных грамот в тот период, когда он занимал владимирский стол. Если же духовные были написаны до получения Калитой титула великого князя, то вся проблема отпадает сама собой.

К сожалению, у исследователей нет единого мнения по поводу того, когда были составлены завещательные распоряжения Калиты. М. М. Щербатов определял время их написания на основании следующих соображений. В грамотах упоминается сын Ивана Калиты Андрей, который родился в 1327 г.[4] Кроме того, духовные знают жену Ивана Даниловича, а из летописей известно, что супруга Калиты Елена скончалась в 1331 г. Завещания, следовательно, составлены между 1327 и 1331 г. Поскольку в их текстах отмечается, что написаны они Калитой перед поездкой в Орду («пда във Орду»), Щербатов сделал попытку установить, когда в указанный период московский князь ездил к хану. Щербатову были известны поездки Калиты в Орду в 1327 и 1328 гг.[5], которые приходились как раз на определенный им хронологический отрезок. Но историк почему-то выбрал только первую из них и датировал духовные Калиты 1327 годом. При этом получалась некоторая неувязка: поездка, по мнению Щербатова, была одна, а грамот сохранилось две. Отметив это обстоятельство, Щербатов дал ему такое объяснение: «...видим мы многие примеры таковых грамот, которые или единого содержания, или токмо изготовленные без печати, из чего можно заключить, что и сии грамоты на единый поход его сделаны, и одна должна была отмениться, а другая остаться действительною» [6]. Иными словами, Щербатов предложил считать духовные грамоты Ивана Калиты вариантами одного и того же завещания. Необходимо заметить, что главным основанием для такого заключения послужило не сравнение текстов грамот между собой, а их отнесение (как будет видно из дальнейшего — ошибочное) к одному году. Разыскания Щербатова, видимо, оказали влияние на более поздних исследователей. Во всяком случае, такой крупный историк, как В. О. Ключевский, принял предложенную им датировку духовных Калиты 1327 годом [7].

В 1775 г. духовные Ивана Калиты были впервые изданы Н. И. Новиковым, поместившим оба их текста раздельно, видимо считая их особыми грамотами. Но датировал он каждую грамоту очень суммарно: 1328—1341 гг., т. е. годами княжения московского князя в Новгороде и Костроме, а затем и Владимире [8]. То же было повторено Новиковым и во втором издании «Вифлиофики», вышедшем в 1788 г.[9]

Издатели «Собрания государственных грамот и договоров», как и Н. И. Новиков, считали, что сохранились две духовные Ивана Калиты. Но, поместив в своей публикации оба текста, они каждый датировали одним и тем же 1328 г., не приведя никаких аргументов в обоснование такой даты [10].

Специальное внимание духовным Калиты уделил Н. М. Карамзин. Не давая ссылок на своих предшественников, он, по сути дела, принял точку зрения М. М. Щербатова на грамоты князя Ивана как на два варианта одного завещания, однако датировал его иначе. Соглашаясь с тем, что духовная не могла быть составлена позже смерти жены Калиты Елены, Карамзин обратил вни-

мание на то, что на печатях, скреплявших оба текста, Иван Данилович титулуется не князем, а великим князем. Изменение в титуле могло произойти только после 1328 г., когда, по мнению Карамзина, Калита получил в Орде ярлык на великое княжение. Отсюда уточнение времени составления духовной Калиты: «прежде Елениной кончины, но уже во времена Иоаннова великокняжения» [11], т. е. между 1328 и 1332 гг.[12] Правда, при такой датировке возникала трудность: надо было указать на какую-то поездку Калиты в Орду в данный период, иначе нельзя объяснить слова в начале завещания «ида въ Орду». Это обстоятельство Карамзин упустил из виду, хотя в другом месте своего труда упомянул о пяти поездках московского князя в Орду: в 1328, 1331, 1333, 1336 и 1339 гг.[13] Согласно этим данным, завещание Калиты должно было быть составлено в 1331 г., однако такого прямого вывода Карамзин не сделал.

Значительный вклад в понимание текстов «душевных» грамот Ивана Калиты, а вместе с тем и в их датировку внес С. М. Соловьев. Правда, первоначально, касаясь завещательных распоряжений московского князя, маститый историк дал им весьма блеклую характеристику [14]. Но в дальнейшем он определил, что в духовных Калиты фигурирует не первая его жена Елена, как считалось ранее, а вторая жена Ульяна, мачеха названных в тех же завещаниях Симеона, Ивана и Андрея Ивановичей. К такому выводу Соловьев пришел на основании рассмотрения духовных второго сына Калиты Ивана Ивановича Красного и сопоставления их с духовными самого Калиты. В завещаниях Ивана Красного названа некая княгиня Ульяна, которая по «душевной» грамоте отца Ивана, т. е. Калиты, владела рядом волостей и сел, среди которых были волость Сурожик и село Лучинское. В пользу Ульяны шло также осмничее — особая пошлина, взимавшаяся с торговцев в Москве. Ссылку Ивана Ивановича на духовную отца Соловьев проверил по текстам грамот Ивана Калиты. Она оказалась точной. Согласно завещаниям Калиты, его жена получала осмничее, ряд волостей и сел, среди которых были Сурожик и Лучинское. Отсюда Соловьев и сделал заключение, что Калита, говоря в духовных о княгине, имел в виду свою вторую жену Ульяну [15]. Ученый обратил также внимание на то, что жена Ивана Даниловича поручалась заботам его старшего сына Симеона, но ни сам Симеон, ни его братья не несли определенных обязанностей по отношению к княгине. Соловьев объяснил это тем, «что эта жена, княгиня Ульяна, была им мачеха» [16].

Хотя сам С. М. Соловьев из своих наблюдений над текстами духовных Ивана Калиты никаких выводов о времени их написания не сделал, его разыскания давали прямой повод и основание для пересмотра их существовавших датировок. Произошел, однако, поразительный случай исследовательской невнимательности. Все историки, писавшие о духовных Калиты после Соловьева, специально и достаточно подробно изучавшие их историографию. дружно прошли мимо его ценнейших замечаний [17]. Что касается

вопроса о том, сохранились ли две духовные грамоты Ивана Калиты или два варианта одной грамоты, то Соловьев оставил его без рассмотрения.

Этот аспект изучения грамот Калиты был затронут крупным знатоком древнерусского языка и древнерусской письменности И. И. Срезневским. Он считал, что дошедшие тексты представляют собой две разновременные духовные Ивана Даниловича, причем более поздней, по его мнению, являлась та грамота, в которой были перечислены прикупы Калиты в Новгороде, Владимире, Юрьеве и Ростове. В датировке грамот Срезневский исходил из посылок, предложенных еще Щербатовым. Только смерть Елены Срезневский относил не к 1331 г., а к 1332 г., что было правильно. Кроме того, в отличие от Щербатова на протяжении 1327—1332 гг. он насчитал не одну, а три поездки Калиты в Орду: в 1327, 1328 и 1331 гг. Поэтому первую духовную Калиты Срезневский относил к 1327 или 1328 г., а вторую — к 1331 г.[18]

В 1889 г. вышел в свет труд А. В. Экземплярского, посвященный биографиям великих князей Северо-Восточной Руси второй трети XIII — начала XVI в. Среди них было и жизнеописание Ивана Калиты. Естественно, исследователь не мог пройти мимо завещаний этого князя, довольно подробно разобрав их текст. Он обратил внимание на то, что первая жена Ивана Калиты Елена, о которой много писали историки и публикаторы XVIII—XIX вв., упоминается в духовной лишь косвенно: «А что золото княгини моее Оленино, а то есмь дал дчери своеи Фетиньи». Отсюда Экземплярский правильно заключил, что золотом своей жены Калита мог распоряжаться только после ее смерти. Следовательно, та не названная в духовной Ивана Даниловича по имени княгиня, которой предназначался ряд волостей, сел и осмничее, являлась его второй женой. Этот логический вывод Экземплярский подкрепил сравнением грамот Ивана Калиты и его сына Ивана Красного. Не зная о разысканиях С. М. Соловьева, Экземплярский привел в своей работе те же доказательства тождественности упоминаемой в духовных Ивана Ивановича княгини Ульяны со второй женой Калиты, что и Соловьев. Но в отличие от последнего Экземплярский указал, что духовные Калиты должны были быть составлены после 1332 г., когда умерла княгиня Елена[19]. Впрочем, буквально на той же странице, где был обоснован terminus ante quem духовных Калиты, Экземплярский написал, что «обе грамоты писаны в одном и том же 1328 году»[20], вернувшись не только к мнению некоторых своих предшественников, но и приняв точку зрения тех из них, которые считали сохранившиеся тексты завещания Калиты вариантами одной и той же «душевной» грамоты.

Отталкиваясь от заключений И. И. Срезневского и А. В. Экземплярского, новые и интересные соображения относительно времени составления духовных Ивана Калиты высказал А. В. Орешников. Вслед за Срезневским он считал, что сохранились две разные духовные Калиты, которые «писаны хотя и не в

один год, но после 1332 г....» [21]. Эту дату, указанную Экземплярским в качестве определенного хронологического рубежа, Орешников подкрепил ссылкой на «Летописец русских царей», в котором под 1332 г. сообщалось о новой женитьбе князя Ивана. Поскольку обе духовные были составлены перед поездками в Орду, Орешников выяснил, когда Калита ездил к хану после 1332 г. Исследователь отметил три такие поездки: в 1336 г., 1339 и 1340 гг. 1340 год как дату возможного составления последней из сохранившихся духовных грамот Ивана Даниловича Орешников отвел по следующим соображениям. Сохранилась запись на одном из евангелий Антониева Сийского монастыря, которую Орешников отнес к 1339 г. В этой записи Калита был назван «рабомъ божиимъ Ананиею чернцем» [22]. Следовательно, перед смертью Иван Данилович принял пострижение. Между тем его духовные составлены от имени «раба божия Ивана». Чернеческого имени московского князя в них нет, хотя в случае пострижения такое имя, как думал Орешников, должно было там обязательно фигурировать. При этом исследователь сослался на духовную сына Калиты Симеона Гордого, назвавшего себя в своем завещании не Симеоном (Семеном), а Созонтом, именем, принятым при пострижении [23]. Из отсутствия имени Анании в «душевных» грамотах Ивана Калиты Орешников сделал вывод, что написаны они ранее 1340 г. Поскольку в промежутке между 1332 и 1340 гг. Калита ездил в Орду два раза, то первую духовную этого князя Орешников отнес к 1336, а вторую к 1339 г.[24]

Много ценных наблюдений над текстами духовных грамот Ивана Калиты сделал А. Е. Пресняков. Он усилил аргументацию А. В. Экземплярского относительно появления завещаний московского князя после смерти его жены Елены и женитьбы на Ульяне в 1332 г.

Прежде всего, Пресняков обратил внимание на формулу, имеющуюся в обеих духовных Калиты: старшему сыну Симеону отец приказывал «братью твою молодшую и княгиню свою с меншими дѣтми, по бозѣ ты имъ будешь печалникъ» [25]. Такое распоряжение, по мнению Преснякова, было бы невозможно, если бы речь шла о родной матери Симеона. Действительно, в других духовных грамотах XIV — первой четверти XV в. князей московского дома, как правило, княжичи «приказывались» княгине, но не наоборот [26]. После смерти главы семьи мать-вдова была сыновьям «в отца место». Нарушение этой традиции в завещаниях Калиты свидетельствует о том, что не названная по имени в его духовных княгиня была мачехой Симеону и его родным братьям.

Далее Пресняков подробно прокомментировал известное место духовных, где косвенно упоминалась княгиня Елена: «А что золото княгини моее Оленино, а то есмь дал дчери своеи Фетиньи, 14 обручи и ожерелье матери ее. Монисто новое, что есмь сковалъ, а чело и гривну, то есмь дал при собѣ. А что есмь придобылъ золота, что ми дал богъ, и коробочку золотую, а то

есмь далъ княгини своеи с меншими дѣтми»[27]. Исследователь справедливо усматривал в этом пункте духовных противопоставление Фетиньи, дочери княгини Елены, второй семье Ивана Калиты.

Наконец, Пресняков указал на важное пояснение, помещенное в том разделе грамот Ивана Даниловича, где были перечислены владения княгини и меньших детей. Среди волостей, предназначавшихся последним, была и волость Раменье, «что было за княгинею»[28]. Пресняков предположил, что приведенная ссылка имеет в виду первую жену Калиты Елену, которая ранее владела Раменьем. После ее смерти Калита отдал эту волость своей второй жене. Мысль Преснякова представляется верной. Насколько можно судить по более поздним завещаниям московских князей, их жены и дочери получали в пожизненное владение те волости и села, которыми прежде также владели представительницы московского княжеского дома[29]. Видимо, этому древнему обычаю следовал в своей духовной и Иван Калита.

Указав на то, что духовные знают не только вторую жену князя Ивана, но и ее «менших» детей — дочерей Марию и Феодосию, Пресняков на этом основании отнес время составления первого завещательного распоряжения Калиты по меньшей мере на два года позднее его второй женитьбы, скорее всего, ко времени поездки московского князя в Орду в момент возобновления борьбы с Александром Тверским[30]. Впрочем, точной даты он так и не назвал. Второй, более поздней духовной Ивана Даниловича Пресняков считал ту, в которой были перечислены «примыслы» московского князя в новгородских, владимирских и иных пределах. По мнению исследователя, «примыслы» могли быть сделаны только после написания первой грамоты. Поэтому вторую духовную Калиты Пресняков отнес к его «последним годам жизни и княжения», связав ее составление с важной политической вехой — победой Калиты над Александром Тверским. Именно после упрочения своей великокняжеской власти князь Иван и смог, по мысли Преснякова, осуществить расширение собственной отчины за счет прикупов в других княжествах[31].

Надо сказать, что предпринятое А. Е. Пресняковым сопоставление духовных Калиты с крупными политическими событиями 30-х годов XIV в. в принципе, несомненно, плодотворно. Но духовные сами по себе являются важными политическими актами, и их смысл как таковых, связь с перипетиями политической жизни того времени могут быть установлены лишь на основании строгой хронологизации духовных и событий, с ними связанных. Появление документов как результатов и следствий определенных политических фактов является главной целью исторического анализа. Поэтому выведение дат источников из их предполагаемой зависимости от известных обстоятельств политической борьбы методически неверно. Оно подменяет научные доказательства такой зависимости априорными и субъективными соображениями. Возможно, увлечение общими построениями не позволило Пресня-

кову уделить достаточное внимание поездкам Калиты в Орду, а ведь накануне таких поездок и были составлены его завещания. Осталась неизвестной Преснякову и работа А. В. Орешникова, в которой на основании записи в Сийском евангелии уточнялся **terminus post quem** духовных Ивана Калиты.

Тем не менее, опираясь на исследование Преснякова, даты написания завещаний Ивана Калиты вывел М. К. Любавский. «Первая грамота,— писал он,— как теперь дознано, писана была перед поездкою в Орду в 1339 г., а вторая несколько позже» [32].

В советской исторической литературе наиболее пристальное внимание духовным Ивана Калиты уделил Л. В. Черепнин. Вопреки высказыванию Н. М. Карамзина, считавшего, что в грамотах Ивана Даниловича лишь «в одной прибавлено о купленых селах; впрочем, все то же, от слова до слова» [33], он впервые в науке произвел сличение текстов и указал на ряд различий между ними. Правда, исследователь признал эти различия, за отмеченым Н. М. Карамзиным исключением, несущественными [34].

При датировке духовных Черепнин исходил «из результатов разысканий А. В. Экземплярского, который весьма убедительно доказал, что они появились не ранее 1332 г.» [35]. Вслед за Пресняковым Черепнин связывал составление завещаний Калиты с его борьбой с Александром Михайловичем Тверским, полагая, к сожалению, без ссылки на источник, что эта борьба была вызвана получением тверским князем ханского ярлыка на Владимирское великое княжение [36]. Поскольку духовные были составлены перед поездкой Калиты в Орду, накануне ханского суда над Александром Тверским, Черепнин отнес их к 1339 г.

Оба текста исследователь считал вариантами одного завещания. Это заключение строилось на критике концепции Преснякова, прежде всего его утверждения о приобретении Калитой сел вне пределов Московского княжества после составления первого (по Преснякову) завещания. Черепнин писал по этому поводу: «...трудно допустить, чтобы все те внемосковские „примыслы“, которые зафиксировала вторая духовная, были сделаны в какой-то один, сравнительно узкий хронологический отрезок» [37]. А если так, если «примыслы» сделаны в разное время, то почему же они были зафиксированы только во второй духовной? Текстуальная близость этих завещаний «заставляла говорить и об их близости по времени» [38]. Исходя из этой посылки, Черепнин решал противоречие с фиксацией внемосковских сел только в одной грамоте указанием на то, что оба текста являются вариантами одной духовной. Он полагал, что в 1339 г. в Москве были заготовлены две грамоты, в одну из которых сделали вставку о селах, приобретенных Калитой в Новгороде, Владимире, Костроме и иных землях. Оба варианта московский князь повез в Орду. Там благосклонно отнеслись к притязаниям Калиты и скрепили особой печатью более полный вариант духовной. Так Черепнин объяснил наличие свинцовой татарской печати, привешенной к печати самого Калиты на грамоте с текстом о «примыслах».

С точкой зрения Л. В. Черепнина на духовные Ивана Калиты как на два варианта одного завещания согласился А. А. Зимин. Но он резко разошелся со своим непосредственным предшественником в определении времени их составления. Зимин подверг ревизии аргументы Экземплярского, на которых основывался Черепнин. По мнению Зимина, доводы Экземплярского о позднем происхождении духовных Калиты «более чем шатки» [39]. Передача княжне Фетинье драгоценностей ее матери княгини Елены могла быть осуществлена, на взгляд Зимина, Калитой еще при жизни своей первой жены, чтобы в будущем «обеспечить свою дочь». Тождество упомянутой в завещании Калиты его княгини с княгиней Ульяной, фигурирующей в духовных Ивана Ивановича Красного, Зимин отверг на основании следующих соображений. По духовным Ивана Красного, Ульяна владела волостями, селами и осмничим «до своего живота», т. е. пожизненно. В завещании же Калиты такой срок его княгине не был установлен. В последнем документе удел предназначался княгине с меньшими детьми, а по духовным Ивана Красного волостями владела только княгиня Ульяна. «Ее дочь,— замечал Зимин,— должны были обеспечить дети кн. Ивана Ивановича». Совпадение волостей, бывших за женой Ивана Калиты и княгиней Ульяной, Зимин объяснил тем, что после смерти первой жены Калита передал ее владения своей второй жене, т. е. Ульяне. Но многознаменательно, на взгляд исследователя, другое. В духовной Калиты Ульяна не названа по имени, а об Елене в одном месте грамоты все-таки говорится. Если бы духовная была составлена после смерти княгини Елены, «то имя второй жены должно было фигурировать» там «во избежание путаницы» с первой женой. Наконец, у Ульяны, судя по духовным Ивана Ивановича, была одна дочь. В грамоте же Калиты фигурирует княгиня «с меншими детми». Разное количество детей у княгинь свидетельствует, по мнению Зимина, о разных женах Ивана Даниловича. Приняв за год смерти княгини Елены 1331 г., Зимин определил хронологические рамки составления духовных московского князя: между 1327 (в духовных, как уже говорилось, упомянут сын Калиты Андрей, родившийся в 1327 г.) и 1331 гг. Поскольку духовные были составлены перед поездкой Калиты в Орду (всего исследователь насчитал 4 поездки князя Ивана к хану после рождения сына Андрея: в 1327, 1328, 1336 и 1339 гг.) [40], они должны относиться или к 1327, или к 1328 г. Из двух дат Зимин выбрал первую. Он исходил из того, что в духовной среди «менших детей» упоминается княжна Мария. А в 1328 г. до своей поездки в Орду Калита выдал дочь Марию замуж за ростовского князя Константина. В Орду Калита в 1327 г. отправился в связи с антитатарским восстанием в Твери. Последнее произошло 15 августа 1327 г. Вскоре после 15 августа 1327 г. Калитой, как считает Зимин, и была написана «душевная» грамота в двух вариантах. В Орде скрепили печатью ее более полный текст «в знак признания за ним прав на великое княжение» [41].

К сожалению, А. А. Зимину остались неизвестными наблюдения Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева и, что особенно огорчительно, ценные соображения А. Е. Преснякова, которые необходимо было если не принять во внимание, то по крайней мере аргументированно отвести при приурочении духовных грамот Ивана Калиты к 1327 г.

Таким образом, обозрение существующих научных мнений о времени составления завещаний Ивана Калиты показывает их резкие расхождения между собой. Полемика идет вокруг того, сколько сохранилось духовных Калиты и когда они были написаны. Одни ученые считали, что сохранилось два варианта одного завещания (М. М. Щербатов, Н. М. Карамзин, А. В. Экземплярский, Л. В. Черепнин, А. А. Зимин), другие — что до нашего времени дошли две разные «душевные» грамоты московского князя (Н. И. Новиков, по-видимому, издатели «Собрания государственных грамот и договоров», И. И. Срезневский, А. В. Орешников, А. Е. Пресняков, М. К. Любавский). Время составления духовных Калиты называлось самое различное: 1327, 1328, 1331, 1336, 1339 и даже 1340 гг. Если взять последние работы, то окажется, что современная наука пришла, правда иными путями, к тем же выводам, что были сформулированы еще 200 лет назад М. М. Щербатовым. Между тем эти выводы строятся не на всей совокупности показаний источников, многие аргументы предшественников не принимаются во внимание, высказываются соображения априорного характера, которые кладутся затем в основу дальнейших изысканий. Все это препятствует правильной интерпретации духовных Ивана Калиты как исторического источника. Поэтому вначале необходимо подвергнуть внимательному анализу все имеющиеся данные для установления времени написания завещаний этого князя.

Рассмотрение вопроса необходимо начать с уяснения того, сколько все-таки сохранилось духовных грамот Калиты: одна или две. Сравнение текстов показывает, что написаны они разными лицами. Текст первой грамоты, в котором еще нет перечня сел, приобретенных Калитой во Владимирском, Ростовском, Юрьевском и других княжествах, был написан дьяком великого князя Костромой [42]. Писец второй грамоты себя не назвал. Почерки грамот, хотя и близки, тем не менее отличаются друг от друга. Во многих случаях, где Кострома писал «е», писец второй грамоты ставил «ѥ», и наоборот. Писец второй грамоты гораздо чаще употреблял «і» вместо «и» писца первой грамоты. Например: «Велікую свободу» вм. «Великую свободу», «4 чепі» вм. «4 чепи», «поꙗсъ зол(о)тъ болшиі» вм. «поꙗсъ болшии», «из городскіхъ» вм. «из городьских», «княгині моѥи» вм. «княгини моѥи», «ци імуть» вм. «ци имуть», «числьныі люди» вм. «численыи люди», «с(ы)н(о)ве моі» вм. «с(ы)н(о)ве мои», «дчері свое і Фетіны» вм. «дчери своѥи Фетиньи», «моністо новоѥ» вм. «монисто новоѥ», «кожухъ... женчужныі» вм. «кожухъ... женчужьныи» [43].

Помимо несовпадения почерков и некоторой несхожести в орфографии, между грамотами существует целый ряд текстуальных различий. Наиболее крупные из них были указаны Л. В. Черепниным.

Так, исследователь отметил, что во второй грамоте сделано уточнение относительно Можайска, который передавался Иваном Калитой старшему сыну Симеону. Если в первой грамоте стояло просто «Можаѥскъ», то во второй «Можаѥскъ со всими волостьми». В первой грамоте фраза о приказе князю Симеону младшей братии и княгини с меньшими детьми предшествует распоряжению о распределении княжеских стад между наследниками. Во второй грамоте «в целях большей стройности и последовательности изложения» фраза о попечении следует после всех хозяйственных распоряжений. Сакральная формула грамот «а кто сю грамоту порушит, судитъ ему богъ» в первой духовной читается вслед за перечислением послухов, а во второй предшествует этому перечислению. Кроме того, Л. В. Черепнин обратил внимание на то, что во второй грамоте среди коломенских волостей, предназначавшихся князю Симеону, названа волость Середокоротна, отсутствующая в первой грамоте [44]. Наконец, самым главным отличием, указанным еще Н. М. Карамзиным, является перечисление только во второй духовной отдельных сел, расположенных вне территории Московского княжества. Помимо этих расхождений, между текстами грамот обнаруживается еще несколько, не столь заметных, как приведенные выше, но тем не менее дающих материал для суждений о соотношении текстов завещаний Ивана Калиты. Так, при перечислении вещей, оставлявшихся князю Симеону, в первой грамоте читается: «а к тому еще дал ѥсмь му 2 чума золота большаꙗ» [45]. Во второй грамоте это уточнение о придаче уже стерто: «2 чума золота большаꙗ» [46]. Второму сыну князю Ивану Калита завещал несколько золотых поясов. Но относительно самого большого из них в первой грамоте не было оговорено, что он золотой: «поꙗсъ большии с женчугомь с каменѥмь» [47]. Эта деталь была зафиксирована только во второй грамоте: «поꙗ съ зол(о)тъ болшиі с женчюгомь с каменьемь» [48]. В первой грамоте написано: «а 2 малаꙗ», во второй — «а два малаꙗ» [49]. Вместо слов первой грамоты: «А оброкомь медовымь городскимъ Василцева вѣданıꙗ» во второй духовной грамоте читается: «А оброкомь городскимь Василцева вѣданьꙗ» [50]; вместо «а численыи люд(и), ать вѣдають с(ы)н(о)ве мои собча» — «а числьныі люд(и) вѣдають с(ы)н(о)ве моі собча» [51]; вместо «скорлатноѥ портище сажено з бармами» — «скорлатное портище с бармами» [52]; вместо «а блюдо велико серебрьноѥ ѡ 4 колцѧ. а то ѥсмь да[лъ] с(вѧ)тѣи Б(огороди)ци Володимерьскои» — «а блюд(о) великое о 4 колцѧ, а то даю с(вѧ)тѣи Б(огороди)ци Вол(о)димерскои» [53].

Обе грамоты скреплены печатями великого князя Ивана Даниловича, отлитыми в одной матрице [54]. К великокняжеской печати на второй грамоте привешена еще одна печать — татарская.

К грамотам печати присоединены с помощью шелковых шнуров. Шнуры эти разные. Шнур печати первой грамоты — красный, второй — голубой [55].

Произведенное сопоставление духовных Ивана Калиты достаточно ясно показывает, что они разновременны. В самом деле, если обе грамоты составлялись сразу как два возможных варианта завещания, один из которых подлежал ханскому утверждению, то становится непонятным, почему эти варианты писались разными писцами [56], почему при их оформлении даже материал (шнуры для печатей) применялся неодинаковый?

Стараясь доказать одновременность написания обеих грамот Калиты, Л. В. Черепнин писал о том, что «текстуальная близость обоих документов заставляет говорить и об их близости по времени» [57]. Однако сходство текстов не может служить признаком, определяющим хронологию документов. Значительная «текстуальная близость» обнаруживается, например, между второй и третьей духовными великого князя Василия Дмитриевича, тем не менее сам Черепнин относил вторую духовную к 1417 г., а третью к 1423 г.[58] Кстати, к этим разновременным завещаниям князя Василия были привешены печати, изготовленные в одной форме [59]. Так что наличие на грамотах Калиты двух одинаковых печатей также не может служить аргументом в пользу одновременного происхождения грамот.

Из сравнения текстов становится очевидным, что вторая духовная Калиты содержит более поздний текст. Как уже отметил Черепнин, он редакционно более совершенен, более последователен, чем текст первой. Фраза о придаче князю Симеону некоторых золотых вещей опущена во второй духовной, видимо, как потерявшая уже свой первоначальный важный смысл. Наконец, перечень сел в Новгороде, Владимире, Юрьеве и т. д., имеющийся только во второй духовной, как справедливо считал Черепнин, «носит характер явной вставки, сделанной в текст первой грамоты» [60]. Таким образом, при признании разновременности происхождения духовных Калиты старшей надо считать первую, а вторую — более поздней.

Если определенные данные и говорят о появлении завещаний Калиты в разное время, то на их основании еще нельзя заключить, как велика была эта временна́я разница. Составляла ли она несколько дней, месяцев или лет? В первом случае речь должна идти о двух вариантах одного завещания, в последних,— несомненно, о двух различных завещаниях. Решение этого вопроса зависит уже от анализа содержания духовных, от наличия или отсутствия в их текстах таких признаков, которые имели бы бесспорное хронологическое значение. Такое значение А. Е. Пресняков придал дополнительному перечню сел вне пределов Московского княжества, помещенному во второй духовной Калиты. По его мнению, перечень мог появиться только в результате покупок Ивана Даниловича, сделанных после составления его первого завещания. Справедливо считая недоказуемой эту точку зрения

Преснякова, Черепнин допустил со своей стороны иную крайность. «Очень правдоподобно,— писал он,— что к моменту составления первой духовной Калита был владельцем всех указанных во второй духовной сел» [61]. Однако поверить в такую правдоподобность трудно. Прикупы могли быть сделаны как до составления, так и после составления первой духовной Калиты. Думается, методически неверна сама попытка исследователей рассматривать дополнительный перечень сел во второй грамоте Калиты как определяющий хронологический признак. Перечень дает ответ на вопрос, почему сделана вставка, но не на вопрос, когда это произошло. Поэтому приходится основываться на ином хронологическом отличии текстов духовных. Хотя это отличие и отмечалось в литературе, но должного внимания историки на него не обращали, считая несущественным. А между тем оно-то как раз и доказывает, что сохранились не два варианта завещаний Ивана Калиты, а две разные его духовные. В самом деле, только во второй грамоте среди коломенских волостей встречается название волости Середокоротны. Если наличие лишь в одной из духовных перечня сел на территориях Новгорода, Владимира, Юрьева и т. д., принадлежавших московскому князю, еще можно объяснить с точки зрения существования двух вариантов одного завещания колебаниями политических запросов Калиты, то как же объяснить с этой точки зрения разный состав собственно московской отчины, зафиксированный этими грамотами? Ясно, что речь не может идти о двух вариантах одной духовной. Сохранившиеся грамоты Калиты являются двумя различными его завещаниями, отразившими процесс территориального роста Московского княжества [62]. Тем самым открывается принципиальная возможность исследовать в динамике изменение территории, подвластной московским князьям, уже на ранних этапах ее существования.

Хронология этих этапов определяется достаточно точно. Для этого нужно выяснить время составления первой духовной грамоты Ивана Калиты. Она написана после рождения 27 июля 1327 г. у Ивана Даниловича сына Андрея [63], названного в духовной, и, конечно, до смерти самого завещателя. В русской дореволюционной литературе смерть Калиты обычно относили к 1341 г.[64] Но, как показывает проверка, авторы основывались на показаниях поздних летописных сводов, где кончина московского князя отмечена под 6849 годом [65]. Механически вычитая из названной цифры 5508 лет от «сотворения мира», исследователи и получали дату 1341 г. Однако 6849 год, по-видимому, ультрамартовский и соответствует 1 марта — 31 декабря 1340 г. и 1 января — 28 февраля 1341 г. современного летосчисления. В более древних летописях и в летописях, использовавших старую летописную традицию, смерть Калиты отнесена к 6848 году мартовскому [66], причем в сводах, отразивших московское великокняжеское летописание 80-х годов XIV в., названа точная дата смерти Ивана Даниловича — 31 марта [67]. Следовательно, Калита умер

31 марта 1340 г., и прав был Н. М. Карамзин, когда, ссылаясь на Новгородскую и Троицкую летописи, писал, что «Иоанн скончался в 1340 г., а не в 1341» [68]. Эта дата принята и советскими историками [69]. Таким образом, первая духовная Ивана Калиты (да и вторая тоже) была составлена в промежуток времени между 27 июля 1327 г. и 31 марта 1340 г.

Эти хронологические рамки можно сузить. В духовной Калита называет себя мирским именем: «рабъ божии Иванъ» [70]. Умер же он в чернечестве и схиме [71]. При пострижении в чернецы имя меняли. Очевидно, духовная была составлена до принятия князем монашеского сана. В уже упоминавшейся записи на Сийском евангелии Калита назван чернецом Ананиею. По уточненным в настоящее время данным, Сийское евангелие было написано 25 февраля 1340 г.[72] В это время Калита уже был пострижен. Следовательно, его духовные составлены до 25 февраля 1340 г.

Теперь предстоит выяснить, ранее какого времени не могло быть написано первое завещание Ивана Даниловича. При предположении, что в грамоте под «княгинею» Калиты разумелась его первая жена Елена, составление духовной надо отнести ко времени после 1329 г., когда у Елены могли появиться упоминаемые в завещании «меншие дети», родившиеся, очевидно, после князя Андрея [73].

Первая духовная грамота Калиты была написана неким Костромой, который назвал себя дьяком великого князя. На печати, скреплявшей грамоту, Иван Данилович также титулуется великим князем. В XIV в., по крайней мере в первой его половине, титул великого князя получал тот, кто садился на великокняжеский стол во Владимире. Владимир перешел к Ивану Калите после смерти князя Александра Васильевича Суздальского, последовавшей в 1331 г.[74] Отсюда вытекает, что духовная московского князя не могла быть составлена ранее 1331 г.

Уточняя terminus post quem первой духовной Калиты, приходится вновь поднимать вопрос о том, какая жена, первая или вторая, Ивана Даниловича упоминается в его завещании. Выше были приведены и отчасти подтверждены доводы С. М. Соловьева, А. В. Экземплярского и А. Е. Преснякова относительно того, что в духовных московского князя под княгиней с меньшими детьми имелась в виду вторая семья Ивана Калиты: его жена Ульяна и дочери Мария и Феодосия. С попыткой опровергнуть эти доводы выступил А. А. Зимин. Поэтому необходимо подробнее рассмотреть его аргументацию.

Возражая против существующей в науке интерпретации известного места духовной Калиты о передаче княжне Фетинье золота ее матери как свидетельства о существовании в тот момент мачехи княжны и сводных сестер последней, Зимин выдвинул тезис, согласно которому такая передача могла иметь место и при жизни родной матери Фетиньи. Этой передачей, по мысли Зимина, Калита хотел «обеспечить свою дочь за счет тех драгоценностей, которые он когда-то дал ее матери». Данное предпо-

ложение наталкивается на непреодолимые трудности. При его принятии получается, что князь имел полное право распоряжаться личными драгоценностями своей живой жены, даже передавать и завещать их другому лицу. Подобные отношения не находят аналогий в истории русских княжеских семей. В средние века князь на Руси не только не был юридическим собственником личных вещей своей супруги, но он был не вправе по своему произволу присваивать или отчуждать земли, которыми владела княгиня [75]. Поэтому Калита не мог при жизни жены включить в свое завещание текст о передаче принадлежавших ей украшений их родной дочери. К тому же, чтобы добиться своей цели — обеспечить в будущем Фетинью, Калите вовсе не нужно было прибегать к подобного рода действиям. Свою дочь Фетинью он наделил не только золотом ее матери, но и придал ей часть драгоценностей от себя [76]. Жене с меньшими детьми Иван Данилович завещал золото, которое он «придобылъ», очевидно, недавно, а также золотую коробочку [77]. Если супруга Калиты, фигурирующая в духовных, и мать Фетиньи — одно лицо, на чем настаивал Зимин, то не проще ли было Калите передать Фетинье вновь приобретенное золото, а не наделять ее украшениями матери, которую пришлось компенсировать коробочкой и другими вещами? Ясно, что Фетинья и не названная по имени княгиня Калиты не были связаны узами кровного родства и речь в духовных идет о второй жене московского князя. О том же говорит и уже приводившаяся фраза духовных Калиты, где он «приказывал» своему старшему сыну Симеону «братью твою молодшую и кнѧгиню свою с меншими дѣтми» [78]. Противопоставление «твоей» братии «своей» княгине также ведет к признанию того, что «своя» княгиня Ивана Даниловича не была матерью Симеону, Ивану и Андрею.

Не являются бесспорными и возражения А. А. Зимина относительно отождествления княгини духовных Калиты с княгиней Ульяной завещаний Ивана Ивановича Красного. Отрицая такую идентификацию, исследователь находил несоответствия между текстами названных актов. Однако эти несоответствия носят абстрактно-формальный характер. В самом деле, задачей Калиты было указать в своем завещании объекты владений каждому из своих наследников. Само собой разумелось, что своей долей наследства его сыновья и жена могли владеть пожизненно, и оговорки «до живота» здесь просто не требовалось. В духовных же Ивана Ивановича устанавливался порядок раздела владений княгини Ульяны после ее смерти. Тут оговорка «до своего живота» была просто необходима. Поэтому трактовать вслед за Зиминым наличие такой оговорки в грамотах Ивана Красного и отсутствие ее в завещаниях Калиты как какое-то противоречие нельзя. А. А. Зимин указывает далее, что по завещаниям Калиты ряд волостей получили его жена и «меншие дѣти». По грамотам же Ивана Ивановича, волостями владела только княгиня Ульяна. Отсюда вывод о том, что речь в названных документах идет о

разных лицах. Однако и в данном случае противоречие оказывается мнимым. «Меншие дѣти», а это были две дочери Калиты, в момент составления завещаний их отца были недееспособны. Взрастить и прокормить их обязана была мать. Естественно, именно она должна была ведать управлением переданных ей мужем волостей, получением осмничего и иными хозяйственными вопросами. Поэтому, наделяя свою жену с маленькими детьми землями и доходами. Калита одинаково употреблял такие выражения как «княгиня с меншими дѣтми» и просто «княгини моя»[79]. При нераздельности владений с дочерьми княгиня выступала верховным собственником этих владений. Такое положение вдовы Калиты и нашло свое отражение в духовных Ивана Красного. Поскольку речь в его завещаниях шла о будущем разделе наследства Ульяны, необходимо было точно указать их настоящего юридического владельца. К моменту составления духовных Ивана Ивановича у Ульяны оставалась одна дочь, которая, очевидно, жила вместе с нею, поскольку после смерти матери она должна была получить часть ее владений. Другая дочь к тому времени или скончалась, или вышла замуж (между написанием духовных Калиты и духовных его сына Ивана прошло около 20 лет). Таким образом, противопоставление княгини с «меншими дѣтми» духовных Ивана Калиты княгине Ульяне с ее дочерью грамот Ивана Ивановича и здесь оказывается неоправданным.

Еще один аргумент А. А. Зимина носит негативный характер. Он считает, что «если бы в момент составления завещания Иван Калита был женат вторично, то имя второй жены должно было фигурировать в его завещании, хотя бы во избежание путаницы с первой»[80]. Чтобы избежать недоразумений, Калита точно указал, о золоте какой жены идет речь в его духовной. Что касается имени его жены-наследницы, то оно вовсе не должно было упоминаться в его грамотах. Московские великие князья не писали в завещаниях имен своих жен, их супруги безлично назывались «княгинями», но это не создавало никакой путаницы, княгини были прекрасно известны душеприказчикам князей[81]. В этом отношении грамоты Ивана Даниловича не отступали от традиции.

Дополнительным свидетельством раннего происхождения духовных Ивана Калиты А. А. Зимин признает то обстоятельство, что в грамотах московского князя его дочь Мария фигурирует как незамужняя. Между тем в 1328 г. Калита выдал Марию замуж за ростовского князя Константина Васильевича[82]. Однако, как показал еще А. Е. Пресняков, отождествлять этих Марий невозможно. Мария, вышедшая замуж за Константина Ростовского, никак не подходит под понятие «меншие дѣти»[83]. Речь должна идти о двух разных дочерях Ивана Даниловича, носивших одно и то же имя Мария. Дети-тезки были нередким явлением в русских княжеских семьях XIV—XV вв. Достаточно вспомнить о двух Дмитриях, сыновьях нижегородского князя Константина[84];

об Андрее Большом и Андрее Меньшом, сыновьях Василия Темного [85]; о двух Еленах, дочерях Ивана III [86], и т. д.

Подводя итог всему сказанному выше, можно заключить, что имеющиеся в исторической литературе аргументы в пользу раннего написания духовных грамот Ивана Калиты являются неубедительными. Первое завещание московского князя было составлено после его второго брака, т. е. после 1332 г.[87] Поскольку в грамоте фигурируют дети от этого второго брака Калиты, духовная не могла быть написана ранее конца 1333 г. Кроме того, как было выяснено выше, духовная была составлена до 25 февраля 1340 г. О позднем происхождении завещания Калиты косвенно свидетельствует значительное количество золотых вещей, бывших в его распоряжении. В духовных его преемников золота перечисляется значительно меньше [88]. Накопление богатств Иваном Калитой необходимо связывать с его деятельностью в качестве великого князя Владимирского, когда часть собранных им с русских земель ордынских платежей могла осесть в его казне.

Итак, сохранившаяся до нашего времени первая «душевная» грамота Калиты была написана в последние годы его княжения, между концом 1333 и началом 1340 г. Она была оформлена перед поездкой в Орду («ида във Орду»). В 1333—1340 гг. Калита побывал в Орде несколько раз. В конце 1333 или начале 1334 г. он отправился в Орду по вызову ханского посла Сарая [89]. Вернулся он из этой поездки после марта 1334 г., скорее всего, летом—осенью того года [90]. В 1336 г. Иван Данилович вновь едет к хану и возвращается оттуда зимой 1336/37 г. «съ пожалованиемъ» [91]. В конце 1338 г. Калита, напуганный происками в Орде князя Александра Тверского, опять отправляется к монголо-татарам [92]. Когда он вернулся из этой поездки, неизвестно. Но вскоре, видимо летом 1339 г., Калита вместе со своими старшими сыновьями Симеоном и Иваном снова поехал в Орду [93]. Вернулся он до 13 августа 1339 г.[94] Как подчеркивается в Рогожском летописце, Калита возвратился «въ свою отчину пожалованъ богомъ и царемъ» [95].

Исходя из этих дат становится очевидным, что первая духовная Ивана Калиты могла быть составлена или в 1333/34 г., или в 1336 г., или в 1338 г. Тогда вторая «душевная» грамота московского князя, написанная в тот же хронологический отрезок, что и первая, т. е. между 1333 и 1340 гг., и тоже перед поездкой в Орду, составлена или в 1336 г., или в 1338 г., или в 1339 г.

Поскольку во второй грамоте по сравнению с первой дополнительно перечислены несколько сел, расположенных вне собственно московской отчины Ивана Калиты, которые он стремился превратить в свои наследственные владения, в чем и преуспел, заручившись утверждением своей грамоты у ордынцев, именно со второй его духовной следует связывать то пожалование, какое Калита получил в Орде в 1339 г. Такое соображение заставляет относить составление его второго из сохранившихся завещаний к 1339 г. В этом случае первая грамота Калиты едва ли могла

быть составлена в 1338 г.: между концом 1338 г. и летом 1339 г. слишком мало времени, за которое среди коломенских волостей могло возникнуть новое образование — волость Середокоротна. Поэтому написание первой духовной следует приурочивать к поездке Калиты в Орду в 1333 или 1336 г. Вторая дата является более надежной: нельзя быть вполне уверенным, что уже к концу 1333 г. у Калиты появились две дочери от новой жены, с которой он вступил в брак после 1 марта 1332 г. 1336 год с этой точки зрения представляется более приемлемым.

Таким образом, первую духовную грамоту Ивана Калиты следует датировать 1336 г., а вторую — 1339 г. Составление обеих грамот падает на годы великого княжения московского князя во Владимире. Поэтому вполне уместно ставить вопрос о связи великокняжеской политики Калиты с его домениальной политикой, а изменения территории его московской отчины — с планами удержания за московским домом Владимирского великого княжения. Но это уже другая тема.

[1] *Пресняков А. Е.* Образование Великорусского государства. Пг., 1918. С. 162.
[2] *Щербатов М. М.* История Российская от древнейших времен. СПб., 1902. Т. 3. Стб. 359, примеч.
[3] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. СПб., 1842. Кн. 1, т. 4. Стб. 150.
[4] *Щербатов М. М.* Указ. соч. Т. 3. Стб. 536, примеч. Здесь Щербатов смешивает третьего сына Ивана Калиты Андрея с его вторым сыном Иваном. Приведенные им данные относятся не к ошибочно названному Ивану, а именно к Андрею. Что в указанном примечании произошла досадная путаница имен двух сыновей Ивана Калиты, свидетельствует текст М. М. Щербатова на стб. 359 и в примечании на том же столбце, где датировка духовной Калиты поставлена в связь с рождением князя Андрея.
[5] Там же. Стб. 356–357.
[6] Там же. Стб. 536, примеч.
[7] *Ключевский В. О.* Сочинения. М., 1957. Т. 2. С. 16.
[8] Древняя Российская Вифлиофика. СПб., 1775. Ч. VIII. С. 208.
[9] Древняя Российская Вифлиофика. 2-е изд. М., 1788. Ч. I, отд. II, № 1/2. С. 47–56.
[10] Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной Коллегии иностранных дел. М., 1813. Ч. 1. № 21, 22. С. 31 и 33.
[11] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. Кн. 1, т. 4. Примеч. 325.
[12] Смерть Елены Карамзин правильно датировал 1 марта 1332 г.: Там же. Стб. 150 и примеч. 325.
[13] Там же. Примеч. 291.
[14] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1960. Кн. 2, т. 3/4. С. 242, 342, примеч. 416.
[15] Там же. С. 671, примеч. 169.
[16] Там же. С. 482.
[17] Кажется, только Б. Н. Чичерин воспользовался наблюдениями С. М. Соловьева, но и то лишь в отношении имени жены Ивана Калиты, упоминаемой в его завещаниях. Сами же духовные грамоты Чичерин вслед за издателями «Собрания государственных грамот и договоров» датировал 1328 г. См.: *Чичерин Б. Н.* Опыты по истории русского права. М., 1858. С. 260–261.

[18] *Срезневский И. И.* Древние памнтники русского письма и языка (X–XIV веков). 2-е изд. СПб., 1882. Стб. 182–183, 184.
[19] *Экземплярский А. В.* Великие и удельные кннзья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. СПб., 1889. Т. 1. С. 79, примеч. 208.
[20] Там же. С. 80.
[21] *Орешников А. В.* Материалы к русской сфрагистике // Тр. Моск. нумизмат. о-ва. 1903. Т. 3, вып. 1. С. 121.
[22] Запись издана: *Срезневский И. И.* Указ. соч. Стб. 188.
[23] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950. № 3. С. 13. (Далее: ДДГ).
[24] *Орешников А. В.* Указ. соч. С. 120–121.
[25] ДДГ. № 1. С. 8; идентичный текст на с. 10.
[26] ДДГ. № 12. С. 33; № 17. С. 45; № 21. С. 57; № 22. С. 60.
[27] ДДГ. № 1. С. 8. Идентичный текст на с. 10. Знаки препинания расставлены мной.– *В. К.*
[28] ДДГ. № 1. С. 8. Тот же текст на с. 9. Раменье стоит последним в перечне волостей и слобод, которые должны были по смерти Калиты получить его княгинн с меньшими детьми. Поэтому выражение «что было за княгинею» может быть отнесено не только к волости Раменье, но вообще ко всему комплексу владений княгини Ульнны и ее детей.
[29] Это отметил еще С. М. Соловьев (см.: *Соловьев С. М.* Указ. соч. Кн. 2, т. 3/4. С. 484).
[30] Смерть Александра Тверского А. Е. Пресннков относил к 28 октябрн 1338 г. (см.: *Пресняков А. Е.* Указ. соч. С. 157). Надо 1339 г.
[31] *Пресняков А. Е.* Указ. соч. С. 163 и примеч. 2.
[32] *Любавский М. К.* Образование основной государственной территории великорусской народности. Л., 1929. С. 41, примеч. 1.
[33] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. Т. 4. Примеч. 326.
[34] *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV–XV вв. М.; Л., 1948. Ч. 1. С. 15, примеч. 21.
[35] Там же. С. 15.
[36] Там же. С. 16. В 1337 г. Александр Тверской, скрывавшийся до той поры от монголо-татар во Пскове, решился поехать в Орду. Хан Узбек принял его милостиво и дал ярлык на Тверское княжество. На великое княжение Владимирское Александр ярлыка не получал. См.: ПСРЛ. Пг., 1922. Т. 15, вып. 1. Стб. 48, под 6845 годом.
[37] *Черепнин Л. В.* Указ. соч. С. 16.
[38] Там же.
[39] *Зимин А. А.* О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV–XV вв. // Проблемы источниковеденин. М., 1958. Вып. 6. С. 277.
[40] Там же. С. 277.
[41] Там же. С. 279, примеч. 24; С. 322 (№ 1, примеч.).
[42] ДДГ. № 1. С. 8.
[43] ДДГ. № 2. С. 9, строки текста грамоты (сверху) 26, 27; С. 10, строки 1, 6, 7. 9, 12, 13, 17; ср.: № 1. С. 7–8.
[44] *Черепнин Л. В.* Указ. соч. С. 15, примеч. 21.
[45] ДДГ. № 1. С. 7.
[46] Там же. № 2. С. 9.
[47] Там же. № 1. С. 7.
[48] Там же. № 2. С. 9.
[49] Там же. № 1. С. 8; № 2. С. 9.
[50] Там же. № 1. С. 8; № 2. С. 10.
[51] Там же.
[52] Там же.
[53] Там же.
[54] *Черепнин Л. В.* Указ. соч. С. 15.
[55] *Орешников А. В.* Указ. соч. С. 119.
[56] Духовные грамоты Ивана Ивановича, по мнению Л. В. Черепнина являющиеся противнями с одного черновика, написаны одним почерком (см.: *Черепнин Л. В.* Указ. соч. С. 29). Впрочем, одинаковый почерк до-

кументов сам по себе не является достаточным основанием для заключения об одновременности происхождения документов.

57 *Черепнин Л. В.* Указ. соч. С. 16.

58 Там же. С. 88–89, 91. Ср. тексты духовных: ДДГ. № 21, 22.

59 ДДГ. С. 568–569.

60 *Черепнин Л. В.* Указ. соч. С. 17.

61 Там же. С. 16.

62 Волость Середокоротна, появившаяся к моменту составления второй духовной Ивана Калиты, существовала и позднее. Она упоминается также в духовных сына Калиты Ивана Ивановича Красного. См.: ДДГ. № 4. С. 15; № 5. С. 17.

63 ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 44.

64 *Соловьев С. М.* Указ. соч. Кн. 2, т. 3/4. С. 243; *Экземплярский А. В.* Указ. соч. Т. 1. С. 79; *Пресняков А. Е.* Указ. соч. С. 160.

65 ПСРЛ. СПб., 1851. Т. 5. С. 222; СПб., 1856. Т. 7. С. 206; СПб., 1863. Т. XV. Стб. 422. Наиболее ранними летописными источниками, где смерть Калиты отнесена к 6849 г., являются свод митрополита Фотия 20-х годов XV в. и ростовское владычное летописание. Ср.: ПСРЛ. Пг., 1915. Т. 4, ч. 1, вып. 1. С. 270–271. Известие в том же своде о смерти Калиты в 6848 г. восходит к новгородскому источнику этого свода (с. 267). См.: ПСРЛ. Т. 5. С. 222; ПСРЛ. Л., 1926–1928. Т. 1. Стб. 531; *Насонов А. Н.* Летописный свод XV в. (по двум спискам) // Материалы по истории СССР. М., 1955. Вып. 2. С. 301. По мнению Н. Г. Бережкова, датировка смерти Калиты 6849 г. появляется в летописях спустя лет 80 после его смерти. См.: *Бережков Н. Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 296.

66 *Приселков М. Д.* Троицкая летопись: Реконструкция текста. М.; Л., 1950. С. 364, примеч. 1 (точная ссылка Н. М. Карамзина); ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 18. С. 93; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов/Под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950. С. 351. (Далее: НПЛ). 6848 год в Симеоновской летописи и Новгородской первой летописи младшего извода является мартовским. См.: *Бережков Н. Г.* Указ. соч. С. 351, 293.

67 ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 52; Т. 18. С. 93; М., 1965. Т. 20. С. 106.

68 *Карамзин Н. М.* Указ. соч. Т. 4. Примеч. 318.

69 Очерки истории СССР: Период феодализма, IX–XV вв. М., 1953. Ч. 2. С. 198; *Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв. М., 1960. С. 511, 520; История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1966. Т. 2. С. 84, 599.

70 ДДГ. № 1. С. 7.

71 ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 52; Т. 18. С. 93. В опубликованном А. Н. Насоновым фрагменте тверского летописного свода указано, что Иван Калита был «постриженъ и посхимленъ». Любопытно также отметить, что в названном источнике смерть Калиты отнесена не к 31 марта, а к 1 апреля, что, возможно, объясняется более поздним получением в Твери известия о кончине московского князя. См.: *Насонов А. Н.* О тверском летописном материале в рукописях XVII в. // Археографический ежегодник за 1957 г. М., 1958. С. 40, под 6848 годом.

72 *Мещерский Н. А.* К датировке «Похвалы Ивану Калите» // Вестн. ЛГУ. История. Яз. Лит. 1967. № 2, вып. 1. С. 139.

73 А. А. Зимин, относя духовную князя Ивана к 1327 г., не объясняет значение термина «меншие дѣти». По логике его построений этот термин должен обозначать каких-то не вполне правомочных младших по значению детей независимо от их возраста. Однако обращение к княжеским договорным грамотам XIV–XV вв. показывает, что термин «меншие дѣти» применялся исключительно к детям, младшим по возрасту. См.: ДДГ. № 11. С. 31; № 56. С. 168; № 58. С. 179.

74 НПЛ. С. 469; ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 46; Т. XV. Стб. 417 (дата смерти Александра Суздальского).

75 *Соловьев С. М.* Указ. соч. Кн. 2, т. 3/4. С. 482–484.

76 ДДГ. № 1. С. 8.

77 Там же.
78 Там же.
79 «А из городскiх волостии даю княгини своѥ и осмничеѥ»; серебряной посудой и стадами должны были поделиться «сынове мои и княгини моꙗ» (ДДГ. № 1. С. 8).
80 *Зимин А. А.* Указ. соч. С. 278.
81 ДДГ. № 3, 12, 20, 21, 22. Единственное исключение – грамоты Ивана Ивановича Красного, где его жена названа по имени – Александра. Но это было вызвано особыми обстоятельствами. В момент составления духовных Ивана Ивановича были живы три великие княгини: вдова Калиты Ульяна, вдова Симеона Мария и жена самого Ивана. Все они владели волостями, и во избежание путаницы все они названы по именам (см.: ДДГ. № 4).
82 *Зимин А. А.* Указ. соч. С. 278.
83 *Пресняков А. Е.* Указ. соч. С. 183, примеч. 2.
84 *Экземплярский А. В.* Указ. соч. СПб., 1891. Т. 2. С. 403–404.
85 Там же. Т. 1. С. 187.
86 Там же. С. 277.
87 ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 46–47.
88 *Соловьев С. М.* Указ. соч. Кн. 2, т. 3/4. С. 495–496; *Базилевич К. В.* Имущество московских князей в XIV–XVI вв. // Тр. Гос. ист. музея. 1926. Вып. 3. С. 9–12.
89 ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 47, под 6841 годом мартовским (последняя запись под этим годом). Это уникальное известие А. Н. Насонов считал тверским (см.: *Насонов А. Н.* Летописные памятники Тверского княжества // Изв. АН СССР. Отд-ние гуманит. наук. 1930. № 9. С. 732.
90 ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 47, под 6842 годом мартовским; НПЛ. С. 346, под 6842 годом мартовским. О том, что 6842 г. мартовский см.: *Бережков Н. Г.* Указ. соч. С. 293.
91 ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 47; Т. 18. С. 92; НПЛ. С. 347, везде под 6844 годом мартовским. См.: *Бережков Н. Г.* Указ. соч. С. 293, 351.
92 ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 48, под 6846 годом мартовским. Данное известие, как и известие статьи 6841 г., является единственным в своем роде и восходит к тверскому источнику. См.: *Насонов А. Н.* Летописные памятники... С. 731.
93 ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 52, под 6847 годом мартовским. Известие об этой поездке Калиты изложено в Рогожском летописце после рассказа о гибели Александра и Федора Тверских. Как явствует из анализа статьи 6847 г. этого летописца, поездка Калиты предшествовала казни тверских князей. В новгородской 1-й летописи сохранена правильная последовательность событий. См.: НПЛ. С. 350, под 6847 годом мартовским; *Бережков Н. Г.* Указ. соч. С. 293.
94 НПЛ. С. 350. Ср.: ПСРЛ. Т. 18. С. 92, под 6847 годом мартовским. См.: *Бережков Н. Г.* Указ. соч. С. 351.
95 ПСРЛ. Т. 15, вып. 1. Стб. 52.

НАЧАЛЬНАЯ ЧАСТЬ ДУХОВНЫХ ГРАМОТ ВОТЧИННИКОВ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ XIV—XV вв.

Г. В. Семенченко

Систематическое изучение внешней (писчий материал, чернила, печати и т. д.) и внутренней (формуляр) формы актов — единственный способ точной интерпретации содержания актов[1], эффективный (и часто единственно возможный) путь воссоздания истории становления той или иной разновидности актов в целом, а также правильного толкования данного конкретного источника. Однако многие разновидности актов XIV—XV вв. с дипломатической точки зрения изучены еще недостаточно, и это затрудняет их использование в исторических исследованиях.

В последнее время возрос интерес к изучению формуляра завещаний[2] — этого «наиболе распространенного по объему и наполненного реальным содержанием источника актового типа»[3]. Но сделанное лишь начало в дипломатическом изучении этой важнейшей разновидности исторических источников. Данная статья посвящена изучению начальной части (которая сообщает о факте написания грамоты определенным лицом при определенных обстоятельствах). В работе учтены 28 полностью сохранившихся завещаний и пять выписей из духовных, передающих их начальную часть. В сравнительном плане автором привлекаются «рукописания» Новгорода и Пскова и завещания князей московского дома.

Играющая роль преамбулы — формула о «благословении митрополитом завещателя» есть лишь в духовной грамоте Федосьи, Филипповой жены. Наличие в этой грамоте необычного для формуляра других грамот постановления заставляет внимательно отнестись к изучению особенностей ее происхождения. Духовная дошла в составе сборника грамот русских митрополитов (рукопись 30—40-х годов XVI в.[4]). Составленная в июне 1404 г. грамота имеет все признаки завещаний Северо-Восточной Руси[5]. Точно локализовать упомянутые Федосьей земли (сельцо Горетовское, починок Неберещенный) затруднительно. Перед написанием духовной Федосья обратилась к митрополиту Киприану, прося дозволить ей дожить вдовой в вотчине мужа и завещать эту вотчину пасынку Тимошке. На основании «Номоканона» Киприан счел возможным удовлетворить просьбу Федосьи. Обоснование права Федосьи написать завещание о передаче пасынку вотчины мужа митрополит не случайно искал в «Номоканоне»: с точки зрения памятников русского права законность действий Федосьи

была очень сомнительна [6]. Поэтому неудивительно, что Киприан, разрешив Федосье написать завещание в пользу Тимошки, добавил: «...а иный бы никто не вступился через сие законы и управление наше». П. Цитович справедливо расценил завещание Федосьи как свидетельство сравнительной неразвитости практики наследования по завещанию на Руси в начале XV в. [7] Ведь за разрешением завещать имущество тому лицу, которому Федосья хотела, ей пришлось обратиться непосредственно к главе русской церкви.

Характер сборника, в составе которого дошло завещание Федосьи, позволяет предположить, что написание грамот «по благословению» и «благословенной» грамоте митрополита в определенный период было сравнительно распространенным явлением. В этом сборнике представлены типические образцы митрополичьих грамот. На образцовый характер завещания Федосьи указывает и предваряющий ее заголовок: «Как написать душевная, доложа святителя» [8].

Существование в определенный период практики написания духовных «по благословению» митрополита позволяет предположить и данная Фотия Переяславскому Горицкому монастырю от 21 января 1420 г., которая гласила: «Се яз, Фотий, митрополит Киевской и всея Руси, что сын мой инок Дионисий, по благословению нашего смирения, и яз, как написал свою духовную и дал святой богородице на Гору в Переяславль-Залесском архимандриту Матвею и всей братии село Славитинское и деревни, Ивашеву деревню да Софонову деревню, на поминок своих родителей и отцу своему Василию и матери своей иноке Агрипине, яз же дал в том селе Славитине пять стогов, а в них по сто копен сотниц, и тем архимандритам и братии в том селе люди поданы на поминок их душ. И кто ни буди архимандрит и братия, и им того села ни продать, ни меняти, ни хитрости никакой ни чинити. А межа того села Славитинского сказал сын мой инок Дионисий...» (далее следует описание границ Славитинского.— *Г. С.*). Текст данной неумело переведен с греческого языка человеком, плохо знавшим русский язык (слово «яз» употреблялось и при передаче слов митрополита и при пересказе (или, возможно, даже цитировании) духовной Дионисия), может быть, самим Фотием. Данная подтверждала духовную, которую Дионисий написал по «благословению» Фотия и в которой говорилось о передаче Славитина с деревнями в Переяславский Горицкий монастырь. Упоминание о «благословении» завещателя Фотием наводит на мысль, что Дионисий, как и Федосья, писал завещание после обращения к митрополиту и получения от него письменного разрешения на написание духовной. Вероятное существование родственников Дионисия, которые могли препятствовать переходу Славитина в руки монастыря, объясняет нам, почему Фотий грозит божьим судом тем, кто «дерзнет» Славитино «от монастыря отъяти» [9].

«Благословение» митрополитом одной завещательницы (Федосьи) можно было бы объяснить какими-то особыми обстоятель-

ствами. Известие же еще об одном митрополичьем «благословении» составителя духовной делает более вероятной мысль о существовании в определенный период практики написания завещаний по «благословению» митрополита.

Это предположение еще более усиливает наблюдения над формуляром завещаний великих князей московских. С. М. Каштанов показал, что статья о «благословении» великого князя митрополитом впервые появляется во втором и третьем завещаниях Василия I, а затем фигурирует и в грамотах Софьи Витовтовны, Василия Тёмного и Ивана III[10]. В этих более поздних великокняжеских завещаниях статья о «благословении» митрополита становится штампом. Но к моменту составления духовных Василия Дмитриевича она не могла еще стать штампом: ведь в более ранних великокняжеских духовных грамотах рассматриваемой клаузулы нет. Грамоты Василия I содержали спорное распоряжение о назначении наследником великокняжеского престола сына Василия (по духовной его отца Дмитрия Донского, наследником должен был стать старший брат Василия I[11]). Возможно, великий князь решил заручиться в этом спорном деле поддержкой главы церкви, испросил у него «благословение» на соответствующее завещание и получил его.

Итак, при Киприане и Фотии, очевидно, существовала практика написания в спорных случаях завещания по «благословению» митрополита. Это «благословение» придавало завещаниям законность, а написанные таким образом грамоты, скорее всего, оседали (подобно духовной Федосьи) в митрополичьем архиве, который за начало XV в., к сожалению, погиб[12].

В духовных П. Строева, В. Я. Плясца-Воронина, Д. Климентьева, явно составленных при Киприане и Фотии, клаузулы о «благословении» митрополитом завещателя нет[13]. Эти грамоты могли быть написаны в период, когда митрополиты отсутствовали в Москве. Киприан и Фотий несколько раз надолго уезжали в литовскую часть митрополии: Киприан был в Литве в марте 1396 — октябре 1397 г., летом 1404 — в январе 1406 г.; Фотий был в Литве в 1411—1412 гг., в 1420—1421 гг., в конце 1422 г., в конце 1430 г.; около 4 лет (16 октября 1406 г.— 22 апреля 1410 г.) прошло между смертью Киприана и приездом в Москву Фотия[14]. Однако отсутствие в духовных П. Строева, В. Воронина и Д. Климентьева клаузулы о «благословении» митрополитом завещателя могло быть связано и с тем, что контроль митрополичьей кафедры над оформлением духовных светских вотчинников в конце XIV — начале XV в. на Северо-Востоке Руси не стал общепринятым.

После смерти Фотия завещатель, уже не обращаясь к митрополиту, писал грамоту, а затем «являл» ее на утверждение главе церкви[15]. Видимо, поэтому статья о «благословении» митрополитом завещателя в духовных вотчинников Северо-Восточной Руси последних двух третей XV в. отсутствует (она имеется, повторяем, только в великокняжеских завещаниях, где становится

штампом). В духовных Андриана Ярлыка (1458/59 г.) и Семена Наквасы (1475/76 г.) фигурирует, однако, клаузула о «благословении» завещателей соответственно архимандритом Симонова монастыря Афанасием и архимандритом Спасо-Евфимиева монастыря Иоакимом. Возможно, она отражала реальное активное участие Афанасия и Иоакима в написании духовных. Заинтересованность Афанасия и Иоакима в составлении грамот А. Ярлыка и С. Наквасы можно объяснить. Ведь Андриан и Семен — чернецы соответственно Симонова и Спасо-Евфимиева монастырей — завещали туда свои земли [16]. Ниже мы увидим, что есть прямые основания подозревать редактирование текста духовной Андриана Ярлыка Афанасием.

Богословие (инвокация) характерно и для «рукописаний» Северо-Западной Руси и для духовных грамот Северо-Восточной Руси. Инвокация представлена символически (крест перед текстом) и словесно. Из поддающихся учету 33 завещаний крест перед текстом имеется лишь на семи. Из них пять дошло в подлиннике [17], два «в списке» [18]. Из остальных 26 завещаний, где крест перед текстом не показан, 20 дошло в списке [19], шесть грамот сохранились в подлиннике [20]. Словесная инвокация почти всех духовных представлена формулой «во имя отца и сына и святого духа» (в завещании Александра Белеутова она дополнена еще словами «молитвами пречистые богоматери владычице нашие богородицы присnодевые Марии»). Два самых ранних завещания — духовные митрополита Алексея и Федосьи — содержат отклонения от общепринятых норм. В завещании Алексея инвокация очень необычна («Милостью божьей и святые госпожи богородицы и святого великого архангела Михаила и Гаврила и всех святых небесных сил и великого пророка предтеча крестителя Иоанна, святых прехвальных верховных апостол Петра и Павла и всех святых молитвами спаси душу мою, грешного раба своего»), в духовной Федосьи ее вообще нет. Таким образом, даже такой характерный для завещаний штамп, как слова «во имя отца и сына и святого духа», в конце XIV — начале XV в. не вполне утвердился в завещаниях вотчинников Северо-Восточной Руси, что говорит об известной неразработанности еще их формуляра.

Вслед за инвокацией в завещаниях следует интитуляция типа «се яз, раб(а) божий(я) имя рек». В ней совершенно устойчива формула «се яз», практически неизменная формула «раб(а) божий(я)» [21]. Наиболее индивидуален последний элемент интитуляции, где завещатель называл себя. За интитуляцией обычно следует постановление о написании духовной (или душевной) грамоты. Так назывались завещания на Северо-Востоке Руси. На Северо-Западе Руси они назывались «рукописаниями» [22]. Грамоты великих и удельных князей московского дома, помимо статьи о написании духовной, обычно содержат еще и статью типа «даю ряд своей жене и своим детям» [23]. В нескольких псковских грамотах начала XV в. формула «учиних ряд» заменяет типичную для новгородских и псковских завещаний клаузулу о составлении

«рукописания» [24]. «Рядом» называлось завещательное распоряжение X—XII вв. [25]. Употребление этого термина в завещаниях XIV—XV вв.— архаизм, говорящий о раннем становлении формуляра этой разновидности источников в той среде, где он употребляется. Устойчивое употребление термина «ряд» в грамотах князей московского дома говорит о сравнительно раннем (возможно, восходящем к домонгольскому времени) складывании формуляра завещаний князей — носителей государственной власти [26]. Очевидно, довольно рано стал складываться и формуляр завещаний вотчинников Северо-Западной Руси, в грамотах которых также иногда употребляется термин «ряд». В то же время в грамотах вотчинников Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. архаическое слово «ряд» для обозначения письменного завещания уже не употреблялось.

Вслед за клаузулой о написании духовной (душевной) грамоты следуют формулы, указывающие на обстоятельства, при которых она составлена. Можно выделить три группы их: 1) формулы, фиксирующие психическую полноценность завещателя; 2) состояние его здоровья; 3) внешние события, побудившие завещателя к написанию грамоты. Все духовные из 33 поддающихся учету завещаний, кроме грамот В. Я. Плясца-Воронина, содержат формулы, обозначающие психическую полноценность завещателя («своим целым умом», «своим целым смыслом» и т. д.). Они типичны и для завещаний князей московского дома [27], а вот в новгородских и псковских «рукописаниях» почти не встречаются [28].

Русская Правда, Псковская Судная грамота, Судебники XV — XVI вв., церковные уставы Владимира и Ярослава не формулируют правила, согласно которому психически неполноценные люди не имеют права завещательного распоряжения. Даже в конце XVII в. в русском законодательстве предусматривались случаи, когда имуществом распоряжались «глупые» [29]. Зато целиком переведенные на русский язык в конце XIII в. Эклога, Прохирон, а также Пространная редакция Закона Судного людем (русский памятник конца XIII — начала XIV в., на постановления которого, однако, немалое влияние оказал русский перевод Эклоги и Прохирона) недвусмысленно указывают на психическую полноценность завещателя как на необходимое условие законности его распоряжений. Причем постановления духовных грамот Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. почти дословно соотносятся с той статьей Пространной редакции Закона Судного людем, где говорится о написании завещания «сдравым ходящим и целым умом» [30].

Итак, постановления о психической полноценности завещателя, очевидно, восходят к законодательным памятникам русского и византийского происхождения, появившимся на Руси в конце XIII в. Они характерны для завещаний Северо-Восточной Руси и обычно отсутствуют в «рукописаниях» Новгорода и Пскова. По-видимому, в конце XIII в., когда на Руси появились полные переводы Эклоги и Прохирона, возникла Пространная редакция

Закона Судного людем, где говорилось о необходимости умственной полноценности завещателя, формуляр «рукописаний» Северо-Западной Руси стал уже достаточно консервативным, устойчивым, тогда как на Северо-Востоке в этот период он еще окончательно не стабилизировался. Постановление об умственной полноценности завещателя характерно и для завещаний князей московского дома. Выше мы видели, что для них характерна и явно архаичная статья о даче «ряда» жене и детям. Причудливое переплетение архаичных (не характерных для грамот вотчинников Северо-Восточной Руси) и сравнительно новых (восходящих ко времени не ранее конца XIII — начала XIV в.) постановлений характерно не только для начального протокола завещаний князей московского дома, но и для других частей их текста (изучение которых выходит за рамки данной статьи). По-видимому, формуляр завещаний князей московского дома складывался, во-первых, под влиянием уходящей корнями в домонгольский период традиции оформления завещаний князьями — носителями государственной власти и, во-вторых, под влиянием законодательных памятников, возникших в конце XIII в. (традиция составления завещаний князьями именно московского дома не могла сложиться ранее этого времени).

Указания на внешние события, побудившие завещателя к написанию грамоты, в завещаниях XV в. редки. В. Д. Окинфов писал духовную, «идучи на осподареву службу великого князя на Вятку», а И. Салтык-Травин — «идучи на службу великого князя на вогуличи» [31]. Малочисленность грамот, где говорилось об их написании перед военным походом [32], позволяет предположить, что духовные грамоты перед отправкой на войну писались не столь уж часто. По-видимому, в XIV—XV вв. угроза смерти (которую влечет любой военный поход) не была достаточным мотивом к написанию духовной. Нужно, следовательно, искать причины социального характера, порождавшие письменное завещание [33].

Духовные грамоты Федосьи, Г. Линяка, И. Лопатина, А. Тураева, Н. З. Ильина, В. Б. Тучко-Морозова написаны «при своем животе», завещание П. Строева — «отходя сего света», духовная П. Ченея — «в конце живота». Формулы «отходя сего света», «в конце живота» явно обозначали тяжелое физическое состояние завещателя в момент написания грамоты. На материале великокняжеских завещаний XIV — начала XVI в. С. М. Каштанов показал, что такой же смысл имела и формула «при своем животе» [34].

Итак, только в восьми духовных есть формулы, обозначавшие тяжелую болезнь завещателя. Включение соответствующей формулы в духовную Федосьи скорее всего объясняется не ее плохим здоровьем (Федосья добралась до Москвы, сама писала завещание, причем лишь через неделю после полученного на то разрешения, что говорит о сносном здоровье завещательницы), а влиянием митрополичьей канцелярии, где завещательнице мог-

ли показать образцы духовных грамот. Из оставшихся семи завещаний только духовные Строева и Тучко-Морозова относятся к центральным уездам Северо-Восточной Руси (Московский, Переяславский, Дмитровский, Ростовский, Углицкий). Линяк, Лопатин, Ильин — землевладельцы Белоозера — северной окраины Северо-Восточной Руси, отчасти испытавшей новгородское влияние. А. Тураев — землевладелец входящего в Тверское княжество Кашинского уезда.

Таким образом, лишь немногие грамоты вотчинников Северо-Восточной Руси содержат формулы, включавшиеся в грамоту в ожидании близкой смерти. Причем среди них преобладают завещания, относящиеся к окраинным районам Северо-Восточной Руси.

Для новгородских и псковских «рукописаний» формулы, обозначающие болезнь,— неотъемлемая составная часть. Все дошедшие до нас псковские завещания пишутся «лежа у болезни», «отходя сего света», «при животе», «при своем животе» [35]. 20 новгородских «рукописаний» писаны «при своем животе» [36], два — «отходя сего света», в пяти фигурируют обе эти формулы [37]. И только в пяти завещаниях нет формул, обозначающих предсмертное состояние. Причем три из них, по-видимому, составлены накануне присоединения Новгорода к Москве [38].

Очевидно, в Северо-Восточной Руси обычно брались за составление духовной при первых признаках болезни, а в Новгороде и Пскове — находясь на смертном одре. Возможно, причина кроется в большей сложности оформления духовной на Северо-Востоке. Вспомним, что при Киприане и Фотии обращались к митрополиту за разрешением написать грамоту. Да и в дальнейшем оформление духовной было сопряжено с трудностями, которых не было на Северо-Западе. Ведь в Новгороде и Пскове было достаточно послушества при «рукописании» отца духовного завещателя, а на Северо-Востоке нужно было найти еще и несколько послухов. Естественно, о духовной следовало подумать заранее. Вывод о более или менее заблаговременном написании духовных большинством вотчинников Северо-Восточной Руси, к сожалению, обычно нельзя конкретно доказать, ибо мы не знаем с точностью до дня ни дату написания грамоты, ни дату смерти завещателя.

Из 33 учтенных нами грамот вотчинников Северо-Восточной Руси в 22 есть постановления о займах и кредитах [39], а в 11 их нет [40]. Все завещания первой группы, за исключением духовной П. Ченея, содержат и статью типа «кому ми что дати, у кого ми что взяти». Причем во всех грамотах, за исключением духовной А. Ярлыка, перечни займов-кредитов идут сразу вслед за этой статьей. Связь между наличием перечня займов-кредитов и статьи типа «кому ми что дати, у кого ми что взяти» прослеживается и по завещаниям князей московского дома: эта статья есть в начальной части лишь завещаний задолжавших князей, причем перечень займов-кредитов всегда идет вслед за изучаемой статьей. Она прослеживается и по тем четырем двинским завещаниям, в которых имеется эта статья. В трех грамотах за ней следует пере-

числение займов и кредитов, а одно из них явно является выпиской из «рукописания», а не полным текстом его [41].

В то же время при отсутствии статьи типа «кому ми что дати, у кого ми что взяти» обычно нет и перечня займов и кредитов. Она входит в начальный протокол лишь трех (из 11) грамот (завещания И. Лопота, Г. Симонова и М. Конкова), не содержавших перечня займов-кредитов.

Итак, клаузула типа «кому ми что дати, у кого ми что взяти» обычно вводила в текст грамот перечень займов и кредитов завещателя, который следовал сразу за ней. Лишь грамоты И. Лопота, Г. Симонова, М. Конкова, А. Ярлыка, П. Ченея как будто выпадают из этой схемы. Остановимся на этих грамотах, отклоняющихся от выявленной закономерности, подробнее.

Сначала о тех трех грамотах, где вслед за рассматриваемой клаузулой нет перечня займов-кредитов. О грамоте И. Лопота мы узнаем из судного дела 1471 г. Дети завещателя И. Стрела и А. Китаин ссылаются на духовную отца с целью доказать свои права на захваченную симоновскими старцами дмитровскую деревню Малечкинскую. Так как в 1462/63 г. они заложили и продали Симонову монастырю часть завещанных им земель, то духовная их отца оказалась в симоновском архиве. В представленном старцами на суд тексте грамоты Лопота Малечкинская не упоминается, а названы лишь уже доставшиеся монастырю от наследников Ивана земли: село Большое Михайловское, селище Цибинское. Видимо, суду был предъявлен фальсифицированный текст духовной. Вряд ли Стрела и Китаин подкрепили бы свои претензии ссылками на духовную отца, если бы Малечкинская в ней не упоминалась. Ведь они знали, что грамота находится в монастыре, и не могли не сознавать бесперспективность в силу этого заведомо ложных ссылок на нее. Симоновские же старцы для доказательства своих прав на Малечкинскую вынуждены прибегнуть к еще одному подлогу — интерполировать упоминание о ней в предъявленную на суд купчую 1440—1444 гг. [42] Искаженный симоновскими старцами текст при составлении судного дела сократили, опустили статьи, удостоверяющие подлинность грамоты (указания на послухов, писца грамоты, печать), права наследников И. Лопота на земли, не попавшие в Симонов монастырь. Скорее всего, были опущены статьи о холопах и, как показывает наличие формулы «кому ми что дати, у кого ми что взяти», перечень займов-кредитов.

В грамоте Михаила Конкова принято видеть полный текст завещания [43]. Для этого вроде бы есть основания. В духовной Михаила имеются статьи, удостоверяющие ее подлинность (указание на послухов, писца грамоты, печати), и даже постановление о «явке» грамоты на утверждение митрополиту Геронтию 5 июня 1478 г. Но наличие формулы «у кого ми что взяти, кому ми что дати» при отсутствии перечня займов-кредитов делает вероятной мысль, что и в данном случае перед нами не весь текст, а выпись из него. Это предположение подтверждается статьей о

передаче вотчины Михаила — земли Марининой слободы Переяславского уезда деревни Полосина и пустошп Павловской и Дурносоновской — «сыну меньшему» Васку. Упоминания о других сыновьях нет. Между тем, будь Васплй единственным сыном, определение «меньшой», было бы ненужным. Наличие этого определения показывает, что у завещателя были и другие дети, о наделении которых в сохранившемся тексте не говорится.

Духовная Михаила дошла в составе правой грамоты 1534 г. Троице-Махрищскому монастырю, в которой разбирался вопрос о принадлежности упомянутой в дошедшем до нас тексте духовной деревни Полосиной [44]. Вероятно, до нас дошла лишь та часть грамоты, где говорится о деревне Полосиной и тянущих к ней пустошах, а также статьи, удостоверяющие подлинность грамоты. Перечень же займов-кредитов, статьи о наделении землей другого (других) сына (сыновей) Михаила и, возможно, о его холопах не попали в правую грамоту 1534 г., так как не имели отношения к интересующему судей вопросу.

Полным воспроизведением завещания считается и опубликованный Амвросием текст грамоты Григория Симонова [45]. Помимо начальной части, он содержит статьи о передаче в Покровский Глушицкий монастырь починка на реке Сухоне и пожни Гостиной Поляны в Почкурье, а также статьи, удостоверяющие грамоту (указание на послухов и писца). Однако отсутствие перечня займов-кредитов при наличии вводящей его в текст формулы «кому ми что дати, у кого ми что взяти» наводит на мысль, что перед нами выпись, из которой выпущены, во всяком случае, статьи о займах и кредитах Григория. Эта выпись фиксирует права Покровского Глушицкого монастыря на отказываемые ему Григорием земли и, по-видимому, была сделана для архива Глушицкого монастыря Макарием — духовным отцом завещателя, бывшим игуменом Глушицкого монастыря примерно в 50—70-х годах XV в. [46]

В духовной А. Ярлыка есть рассматриваемая формула, характерная для начальной части, но между ней и перечнем займов-кредитов вклиниваются распоряжения о земельных владениях завещателя [47]. Выше указывалось на вероятность активного участия в оформлении этого документа симоновского архимандрита Афанасия, «по благословению» которого написана духовная Ярлыка. Возможно, именно его участием в редактировании грамоты вызвана перестановка статей, нарушающая логику текста.

В духовной П. Ченея, «явленной» 3 июля 1482 г. на утверждение митрополиту Геронтию, перечень займов-кредитов соединен с начальной частью не формулой типа «кому ми что дати, у кого ми что взяти», а необычной серией нарративных статей: «А бил мя Михайло Скобельцын Большой с своими людьми с Куземкою да с Ивашкою с Щокотом, да брата его человек Михайлов Меньшого Дмитрок Зуй, а бил мя у своего села. А поити ми с из рук». Из следующего далее перечня займов-кредитов выясняется

и вероятная причина инцидента. Ченей велит взять 1,5 рубля «на своем убойце па Михайле на Скобельцыне на Большом»[48]. Видимо, именно для напоминания о долге он отправился к «селу» Скобельцына, где разгневанный этим напоминанием хозяин избил своего кредитора.

Духовная Ченея — единственное завещание XV в., сообщающее о причинах грядущей смерти завещателя. Тот факт, что необычные для формуляра завещаний статьи о причине грядущей смерти занимают место типичной для формуляра грамот Северо-Восточной Руси XV в. клаузулы типа «кому ми что дати, у кого ми что взяти», настраивает на очень внимательное отношение к особенностям происхождения грамоты Ченея. Причем ключ к их разгадке следует искать как раз в тех статьях, которые отличают рассматриваемое завещание от других грамот XV в.

Духовная грамота Ченея представляла большую опасность для Михаила Скобельцына. Она позволяла обвинить его в душегубстве. Юридическая авторитетность этого обвинения была очень весомой: ведь достоверность содержания грамоты (в том числе и сообщаемого в ней факта смерти завещателя из-за побоев) засвидетельствовал сам митрополит Геронтий. Духовная Ченея в силу указанных причин представляла интерес для того, кто хотел бы шантажировать Михаила. Другой причины, которая убедительно объяснила бы длительность хранения грамоты, думается, быть не могло. В завещании Ченея не было распоряжений о земле (это еще одна ее особенность, подробное рассмотрение которой выходит за рамки данной статьи), и оно не могло поэтому служить инструментом в борьбе за землю. На подлиннике духовной Ченея нет помет, которые бы позволили определить место ее первоначального хранения. Подавляющее большинство подлинных частных актов Северо-Восточной Руси XV в. дошло в составе монастырских фондов. Поэтому представляется, что один из монастырей (причем такой, архивы которого хорошо сохранились) был и наиболее вероятным местом хранения этой духовной.

В разъезжей грамоте начала XVI в., выданной Иваном III князю Юрию Ивановичу на города Дмитров, Рузу, Звенигород с московскими волостями, земли Скобельцыных, в том числе и сельцо М. Скобельцына Мулино, показаны в Вышгородском стане Дмитровского уезда. С ними граничило село Тешилово, поп которого Иван был духовным отцом П. Ченея. Неподалеку находился комплекс владений Троице-Сергиева монастыря с центром в дмитровском селе Озерецком. Рядом с троицкими владениями отмечена деревня Панкратово, возможно (хотя и не наверняка) бывшая некогда за Панкратом Ченеем[49].

Итак, соседом М. Скобельцына и, вероятно, П. Ченея был Троице-Сергиев монастырь. Это весьма возможное место хранения духовной Панкрата (то, что ее текст не сохранили троицкие копийные книги, не опровергает этого предположения: ведь духовная Панкрата не фиксировала вотчины за монастырем). П. М. Строев, в собрании которого рассматриваемая грамота до-

шла, работал в архиве Троице-Сергиевой лавры и с согласия ее настоятеля взял оттуда часть древних актов [50].

Вотчины М. Скобельцына граничили с троицкими владениями [51]. Отсюда вероятность конфликтов между ними на почве борьбы за землю. А духовная Панкрата была для троицких старцев прекрасным средством шантажа Михаила с целью сделать его более покладистым при решении земельных споров.

Если предположение о целях хранения грамоты и о Троице-Сергиевском монастыре как о месте хранения духовной Ченея верно, то напрашивается и предположение об активном влиянии троицких старцев на процесс оформления этого завещания, которому (влиянию) и следует приписать компрометирующие М. Скобельцына статьи [52].

Логически тесно связанная с перечнем займов-кредитов, который относился к основному тексту грамот, формула типа «кому ми что дати, у кого ми что взяти» занимает, по сути, промежуточное положение между начальной частью и основным текстом. С течением времени рассматриваемая клаузула постепенно превращалась в штамп, который не всегда соответствовал содержанию грамоты. В составленной в начале XV в. духовной Василия Яковлевича Плясца-Воронина эта статья представлена лишь формулой «кому ми что дати». Формулы «у кого ми что взяти» нет, ибо в грамоте упомянут лишь долг в 30 рублей, а о кредитах не сообщается [53]. Тут можно говорить о полном соответствии рассматриваемой клаузулы содержанию грамоты. Такого полного соответствия нет во многих более поздних духовных. Лишь 10 завещаний с формулой «кому ми что дати, у кого ми что взяти» содержат перечень и займов и кредитов [54], тогда как четыре грамоты перечисляют только займы [55], а пять — кредиты [56].

Систематический анализ начальной части духовных грамот вотчинников Северо-Восточной Руси дает основания как для ряда существенных выводов, касающихся истории завещательного акта (о более раннем становлении частного письменного завещания на Северо-Западе, об активном участии в начале XV в. церковных инстанций в оформлении завещаний), так и для более точной интерпретации ряда конкретных грамот. Дипломатический анализ других составных частей формуляра завещаний вотчинников Северо-Восточной Руси, несомненно, даст не менее плодотворные результаты.

[1] Ср.: *Курносов А. А.* К вопросу о природе видов источников // Источниковедение отечественной истории: Сб. статей, 1976. М., 1977. С. 23.

[2] *Каштанов С. М.* К изучению формуляра великокняжеских духовных грамот конца XIV – начала XVI в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1980. Вып. 11. С. 238–251; *Андреев В. Ф.* Новгородские духовные XII–XV вв. // Там же. Л., 1982. Вып. 13. С. 131–148.

[3] *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV–XV вв. М., 1951. Ч. 2. С. 72.

[4] Отдел рукописей Гос. Ист. музея. Увар. собр. № 512. Л. 189–192. (Далее: ОР ГИМ). Грамота опубликована: Акты исторические, собранные

и изученные Археографическою комиссией. СПб., 1841. Т. 1. № 255. С. 484. (Далее: АИ). О датировке рукописи см.: Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. М., 1964. Т. 3. № 9–11. С. 25–27. (Далее: АСЭИ).

[5] Подробнее об этих признаках см.: *Андреев В. Ф.* Указ. соч. С. 131–148.

[6] Подробнее об этом см.: *Семенченко Г. В.* Византийское право и оформление русских завещаний XIV–XV вв. // Византийский временник. М., 1986. Т. 46. С. 170–172.

[7] *Цитович П.* Исходные моменты в истории русского права наследования. Харьков, 1870. С. 119.

[8] *Черепнин Л. В.* Указ. соч. С. 20–21; ОР ГИМ. Увар. собр. № 512. С. 191.

[9] *Голубинский Е. Е.* История русской церкви. М., 1900. Т. 2, 1-я половина. С. 382; АСЭИ. Т. 3. № 94. С. 130.

[10] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей Северо-Восточной Руси XIV–XVI вв. М., 1950. № 21, 22, 57, 61, 89. (Далее: ДДГ); *Каштанов С. М.* Указ. соч. С. 239–249.

[11] ДДГ. № 12, 21, 22.

[12] *Горчаков М. И.* О земельных владениях всероссийских митрополитов и святейшего Синода. СПб., 1871. С. 8.

[13] АСЭИ. М., 1952. Т. 1. № 11, 38; Т. 3. № 424.

[14] *Голубинский Е. Е.* Указ. соч. С. 336–337, 339–340, 387, 388, 411, 412.

[15] АСЭИ. Т. 1. № 108, 251, 254, 394, 450, 456, 457, 499, 562, 612; М., 1958. Т. 2. № 361, 474; Т. 3. № 67, 67а, 68, 100, 494; Акты феодального землевладения и хозяйства. М., 1956. Ч. 2. (Далее: АФЗХ).

[16] АСЭИ. Т. 2. № 361, 474.

[17] АСЭИ. Т. 1. № 457; Т. 2. № 361, 474; Т. 3. № 28, 67а.

[18] АСЭИ. Т. 1. № 472, 612.

[19] Там же. № 38, 108, 228, 253, 394, 450, 456, 499, 562; Т. 2. № 87, 105, 168, 357; Т. 3. № 67, 148, 254, 484, 494; АФЗХ. Ч. 2. № 15; АИ. Т. 1. № 255.

[20] АСЭИ. Т. 1. № 11, 251, 501; Т. 3. № 68, 100; ДДГ. № 86.

[21] В духовных митрополитов Алексея и Александра Белеутова подчеркивается еще «грешность» завещателя («смиренный грешный раб божий», «многогрешный худый грешнейши всех человек, раб божий»). Подчеркивание «грешности» завещателя С. М. Каштанов (*Каштанов С. М.* Указ. соч. С. 240) объясняет повышенным влиянием на него религиозной идеологии. Для митрополита Алексея оно естественно. В то же время «грешность» почти не осознается светскими вотчинниками. Признание «грешности» Александром Белеутовым, видимо, связано с особенностями его биографии: в молодости вместе с отцом он бежал в Литву, изменил великому князю московскому (см.: *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 293–294), и теперь требовалось публичное (грамота утверждалась митрополитом) покаяние. В завещаниях князей московского дома «грешность» систематически подчеркивалась (ДДГ. № 1, 3, 4, 12, 17, 29, 57, 61, 71, 74, 80, 87, 89, 98, 100, 104).

[22] *Андреев В. Ф.* Указ. соч. С. 134.

[23] ДДГ. № 1, 3, 4, 12, 17, 20–22, 29, 51, 57, 71, 89, 100.

[24] *Марасинова Л. М.* Новые псковские грамоты XIV–XV вв. М., 1966. № 24, 33, 34, 36.

[25] Памятники русского права. М., 1952. Вып. 1. С. 9, 119; ПСРЛ. М., 1962. Т. 1. Стб. 69–90; М., 1962. Т. 2. Стб. 609, 657.

[26] На Руси акты, созданные в сфере социально-политических отношений (а именно такой характер имеют княжеские завещания), появляются раньше актов, созданных в сфере социально-экономических отношений, к каковым можно отнести завещания лиц, не обладающих княжеской властью (см.: *Каштанов С. М.* Очерки русской дипломатики. М., 1970. С. 20–22).

[27] *Каштанов С. М.* К изучению формуляра... С. 241; ДДГ. № 1, 3, 4, 12, 17, 20, 28, 29, 57, 61, 68, 74, 80, 87, 79, 104.

[28] Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. № 110, 111, 120, 126, 129, 144, 155, 169, 170, 210, 217, 234, 265, 295, 328, 344. (Далее:

ГВНП); *Корецкий В. И.* Новгородские грамоты XV в. из архива Палеостровского монастыря // Археографический ежегодник за 1957 г. М., 1958; *Он же.* Вновь открытые новгородские и псковские грамоты XIV–XV вв. // Археографический ежегодник за 1967 г. М., 1969; *Марасинова Л. М.* Указ. соч. № 8, 10, 14, 15, 30, 31, 33, 34, 36. Исключение – несколько двинских завещаний (ГВНП. № 226, 230, 250, 256, 263, 271, 320), которые, по вероятному предположению В. Ф. Андреева, были написаны низовскими колонистами и потому имели ряд черт, характерных для завещаний Северо-Восточной Руси.

29 *Дювернуа Н. Л.* Источники права и суд в древней России. М., 1869. С. 43–46.

30 *Рождественский Н.* Историческое изложение русского законодательства о наследстве. СПб., 1839. С. 15; Закон Судный людем Пространной и Сводной редакции. М., 1961. С. 6–12, 148. (Далее: ЗСЛПС); Эклога: Византийский законодательный свод XIII в. М., 1965. С. 52; *Щапов Я. Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М., 1978. С. 234–246.

31 АСЭИ. Т. 1. № 501. С. 379; Т. 3. № 100. С. 137.

32 Такого рода статьи редки и в завещаниях московских князей XIV–XVI вв. и есть лишь в духовных Ивана Калиты, Бориса Волоцкого (ДДГ. № 1, 71, 98).

33 По мнению Ю. Г. Алексеева (см.: *Алексеев Ю. Г.* Псковская Судная грамота и ее время. Л., 1980. С. 92–119), письменный частный акт средневековой Руси служил орудием разрушения уходящих в дофеодальную старину пережитков и утверждения зрелых феодальных отношений.

34 АИ. Т. 1. № 255; АСЭИ. Т. 1. № 11, 612; Т. 2. № 87, 105, 168; Т. 3. № 68, 418; *Каштанов С. М.* К изучению формуляра... С. 244–250.

35 *Марасинова Л. М.* Указ. соч. № 8, 14, 15, 30, 31, 33, 34, 36.

36 ГВНП. № 110, 111, 120, 129, 144, 155, 169, 170, 230, 234, 244, 250, 256, 258, 259, 296, 320; *Корецкий В. И.* Новгородские грамоты. № 7; *Он же.* Вновь открытые ... грамоты. № 3; *Янин В. Л.* Новгородская феодальная вотчина. М., 1981. С. 176–177.

37 ГВНП. № 126, 210, 217, 239, 257, 320, 328.

38 ГВНП. № 263, 265, 271; *Андреев В. Ф.* Указ. соч. С. 135, примеч. 18.

39 АСЭИ. Т. 1. № 11, 38, 108, 251, 394, 450, 472, 499, 501, 562, 612; Т. 2. № 87, 168, 357, 361, 474; Т. 3. № 67, 67а, 68, 100, 494; АФЗХ. Ч. 2. № 15.

40 АИ. Т. 1. № 255; АСЭИ. Т. 1. № 228, 253, 456, 457; Т. 2. № 105; Т. 3. № 28, 198, 254, 484; ДДГ. № 86.

41 ДДГ. № 68, 74, 88, 98; ГВНЦ. № 126, 263, 265, 271; *Андреев В. Ф.* Указ. соч. С. 141, примеч. 40. Обычно в «рукописаниях» Северо-Западной Руси перечни займов-кредитов шли не в начале, а в конце основного текста грамот. Поэтому начальная часть новгородских «рукописаний», за исключением четырех указанных случаев, не содержала и клаузулу типа «кому ми что дати, у кого ми что взяти».

42 АСЭИ. Т. 2. № 343, 357, 378, 379, 387. С. 389–390; *Ивина Л. И.* Крупная вотчина Северо-Восточной Руси конца XIV – первой половины XVI в. Л., 1979. С. 95–96.

43 АСЭИ. Т. 1. № 456. С. 344; *Зимин А. А.* Холопы на Руси (с древнейших времен до конца XV в.). М., 1973. С. 312.

44 *Шумаков С. А.* Обзор грамот коллегии экономии. М., 1917. Ч. 4. № 1243. С. 443–447.

45 *Амвросий.* История российской иерархии. СПб., 1815. Ч. 5. С. 576; АСЭИ. Т. 3. № 254. С. 275.

46 АСЭИ. Т. 3. № 254–257. И. А. Голубцов датирует духовную Григория 1450-ми годами.

47 АСЭИ. Т. 2. № 361.

48 АСЭИ. Т. 3. № 68. С. 103.

49 ДДГ. № 95. С. 394–395.

50 *Каштанов С. М.* Очерки... С. 338–341; АСЭИ. Т. 3. № 68.

51 АСЭИ. Т. 1. № 655. С. 579–580.

[52] Примечательно участие в оформлении грамоты Ченея его духовного отца тешиловского попа Ивана и митрополита Геронтия. В 1473–1491 гг. Тешилово принадлежало Андрею Углицкому (ДДГ. № 70. С. 243, 248; № 72. С. 253, 256, 259, 261, 264, 267; № 82. С. 224, 327). Соучастие представителя углицкого князя в составлении грамоты Панкрата в 1482 г. показывает, что между монастырем и углицким князем сложились весьма доверительные отношения. Геронтий, которому духовные грамоты постоянно «являлись» на утверждение, едва ли мог не заметить нестандартность завещания Панкрата и не догадаться о причинах отклонений его от нормы. Значит, и он сознательно шел навстречу интересам властей Троице-Сергиева монастыря.

[53] АСЭИ. Т. 1. № 38. С. 46.

[54] Там же. № 11, 108, 251, 450, 499, 501, 562; Т. 2. № 168; Т. 3. № 67, 67а.

[55] АСЭИ. Т. 1. № 394, 472, 612; Т. 3. № 67. К этим же духовным следует приплюсовать завещания ряда удельных князей-должников конца XV – начала XVI в. (ДДГ. № 68, 74, 88, 98).

[56] АСЭИ. Т. 2. № 87, 361, 474; Т. 3. № 494; АФХЗ. Ч. 2. № 15.

ДОКУМЕНТЫ О НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЕ В РОССИИ В 1612—1613 гг.

В. И. Корецкий, М. П. Лукичев, А. Л. Станиславский

События, происходившие на территории Русского государства в начале XVII в., освещены в литературе порой лишь эскизно. Одна из причин этого состоит в том, что если по истории одних районов сохранились значительные комплексы документов, то о других, не менее важных территориях, приходится иногда судить по немногим упоминаниям в нарративных источниках.

Между тем крупные публикации делопроизводственных документов по истории Смутного времени, осуществленные в начале XX в., далеко не исчерпали богатств наших архивов, и лишь приток новых документов может дать достаточное представление о составе и целях участников тех или иных движений и партий, роли земских миров, особенностях правительственной политики и т. д. В настоящей публикации собраны документы о Земском соборе 1613 г. и других событиях 1612—1613 гг., происходивших как в центре, так и на окраинах Русского государства.

Несколько публикуемых документов относятся к внутриполитической борьбе в Казани в начале XVII в. «Дело» казанского дьяка Никанора Шульгина — одна из самых темных страниц Смутного времени, и главная трудность в его изучении заключалась в чрезвычайной скудости известных источников.

Еще в середине XIX в. возникла полемика двух популярных русских журналов в связи с освещением в исторических трудах позиции Казани и роли Н. Шульгина в событиях Смутного времени. Журнал «Современник» утверждал, что «Казань была постоянно за Москву» и «своими прекрасными грамотами поддерживала дух единства и бодрости в областях», а поведение «одного Никонора Шульгина, не хотевшего уступать первенство вождям Нижегородского ополчения, ничего не доказывает». В свою очередь, «Отечественные записки» полагали, что в Казани существовали партии «московская» и «туземная», на последнюю и и опирался Н. Шульгин, который, возможно, не был «чистый русский» [1].

[1] Современник. 1850. № 7. Отд. 3. С. 17–26; 1851. № 4. Отд. 6. С. 225–232; Отеч. зап. 1851. № 1. Отд. 8. С. 72–80.

Большинство дореволюционных историков (С. М. Соловьев, С. Ф. Платонов, Н. П. Загоскин), следуя в основном за Новым летописцем, критически относились к роли Н. Шульгина в земском движении 1611–1612 гг.[2] В то же время П. Г. Любомиров полагал, что автор Нового летописца возвел несправедливые обвинения на дьяка только потому, что знал «о какой-то не вполне ясной для нас „измене" Шульгина по воцарении Михаила»[3].

Никанор Михайлович Шульгин происходил из незнатных детей боярских Луховского уезда, где ему принадлежали поместья (около 250 четвертей земли), пожалованные позднее боярину кн. Б. М. Лыкову. В том же уезде владели поместьями и несколько родственников дьяка[4]. В Казани Н. Шульгин в качестве первого дьяка служил с начала царствования Василия Шуйского. С того же времени в Казани находились второй дьяк С. Я. Дичков (из местных детей боярских)[5] и воевода боярин Б. Я. Бельский. Позднее в 1608 г. к ним прибавился боярин В. П. Морозов, ставший главой казанской администрации[6].

По мнению С. М. Соловьева и С. Ф. Платонова, назначение Б. Я. Бельского в далекую Казань было фактической ссылкой, связанной с близостью этого деятеля к первому самозванцу[7]. В то же время И. И. Смирнов полагал, что царь Василий сменил скомпрометировавшего себя в Казани воеводу С. А. Волосского «более надежным лицом»[8]. Данные об отписке у Б. Я. Бельского вяземского поместья села Каменец (200 четвертей земли) и о пожаловании его в 1607/08 г. кн. Ф. Ф. Волконскому[9] свидетельствуют в пользу первой точки зрения.

Уже в царствование Василия Шуйского Н. М. Шульгин выполнял обязанности, выходящие за рамки компетенции городово-

[2] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1960. Кн. IV. С. 664; *Платонов С. Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. М., 1937. С. 416; *Загоскин Н. П.* Казанский край в Смутное время. Казань, 1891. С. 88–89 и др. Впервые в нашей историографии рассказ Нового летописца об измене казанского дьяка был изложен В. Н. Татищевым. См.: *Татищев В. Н.* История Российская. Л., 1968. Т. VII. С. 152.

[3] *Любомиров П. Г.* Очерк истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. М., 1939. С. 78–80.

[4] ЦГАДА. Ф. 1209. Поместный приказ. Кн. 680. Л. 12–14 об., 22 об.– 23, 78–82, 205–207, 268, 300 об. Даже в дьяческой среде Н. Шульгин занимал очень скромное место. В перечне дьяков в боярском списке 1610–1611 гг. он записан 28-м по счету (*Сторожев В. Н.* Материалы для истории русского дворянства. М., 1909. Вып. II. С. 85).

[5] В кормленой книге Галицкой четверти 1613–1617 гг. с окладом 10 руб. значится казанец Игнатий Дичков (*Сухотин Л. М.* Четвертчики Смутного времени (1604–1617 гг.). М., 1912. С. 112).

[6] *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 151, 585; Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею имп. Академии наук (далее: ААЭ). СПб., 1836. Т. II. С. 98, 216.

[7] *Соловьев С. М.* Указ. соч. С. 464; *Платонов С. Ф.* Указ. соч. С. 231.

[8] *Смирнов И. И.* Восстание Болотникова, 1606–1607. Л., 1951. С. 96.

[9] ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 10822. Л. 147.

го дьяка, и возглавлял в походах против сторонников Лжедмитрия II крупный отряд казанских стрельцов [10].

После пострижения царя Василия и принятого в Москве решения о признании королевича Владислава русским царем (грамота боярского правительства в Казань об этом событии датирована 30 августа 1610 г.) Казань присягнула Лжедмитрию II [11]. Произошло это уже после смерти самозванца в январе 1611 г. В марте 1611 г. польский король Сигизмунд II писал в Москву, что «ныне Казань и Астрохонь и черемиса и Полевые городы и Подбельские и Сибирские городы и Пермь и Вятка наших грамот ни в чем не слушают и доходов к Москве не везут» [12].

По словам Нового летописца, Б. Я. Бельский сопротивлялся признанию Лжедмитрия и был за это убит по приказу Н. Шульгина. На третий день после этих событий в Казань из Калуги приехал Алексей Тоузаков с известием о смерти «вора», после чего «казанские люди убойцы раскаяшася» [13]. Долгое время историки не сомневались в достоверности этого рассказа [14]. Однако П. Г. Любомиров обратил внимание на то, что в крестоцеловальной записи и в январской грамоте из Казани в Вятку о признании Лжедмитрия [15] Б. Я. Бельский все еще фигурирует как казанский воевода, и датировал его смерть весной 1611 г. Л. А. Дубровина пошла еще дальше и отнесла убийство Б. Я. Бельского к началу 1612 г., предположив, что он сопротивлялся «отложению» Казани от Москвы [16]. Вопрос о времени смерти Б. Я. Бельского проясняет современная летописная запись, сохранившаяся в одном рукописном сборнике: «119-го марта в седьмой день, пятая неделя великого поста в четверг воевода в Казани Андрей Богдан Бельской убиен и наутрие погребен внутрь града каменного в монастыре Живоначальныя троица Ефремом митрополитом казаньским и священным собором. И во 122-м году положен в Ярославле в монастыре у Святого спаса» [17]. Вместе с Б. Я. Бельским был сброшен «с роскату» местный дворянин Ф. З. Люткин [18]. Анонимное сочинение по

[10] ОР ГБЛ. Собрание Пискарева. Д. 185. Л. 286.
[11] ААЭ. Т. II. № 165.
[12] Русский исторический сборник, издаваемый Обществом истории и древностей российских. М., 1913. Т. 142. С. 236.
[13] Полное собрание русских летописей (далее: ПСРЛ). М., 1965. Т. 14. С. 105.
[14] Например, см.: *Загоскин Н. П.* Указ. соч. С. 84, 180; *Дмитриев В. Д.* Крестьянская война начала XVII века на территории Чувашии // Вопросы истории Чувашии периода феодализма и капитализма. Чебоксары, 1979. С. 89.
[15] ААЭ. Т. II. С. 291; Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел (далее: СГГ и Д). М., 1819. Ч. II. С. 542.
[16] *Любомиров П. Г.* Указ. соч. С. 78; *Дубровина Л. А.* Первая крестьянская война в Марийском крае // Из истории крестьянства в Марийском крае. Йошкар-Ола, 1980. С. 60.
[17] БАН. 24.5.32. Л. 227 об.
[18] Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838. С. 186.

истории Казани, составленное в начале XVIII в., скупо сообщает, что «боярин Богдан Яковлевич Бельской от воровских людей убит в Казани» в 1611 г.[19]

Поскольку смерть Б. Я. Бельского в марте 1611 г. никак не могла быть связана с признанием или непризнанием Лжедмитрия, мы должны искать иные объяснения конфликту в Казани, который столь трагически закончился для бывшего оружничего Ивана Грозного. Не имея пока возможности установить причины конфликта совершенно точно, можно высказать на этот счет некоторые предположения. Конец 1610 — начало 1611 г.— время организации Первого ополчения. 8 февраля 1611 г. к Москве уже выступила нижегородская рать[20]. Не знать об этих событиях в Казани не могли, однако достоверно известно, что к земскому движению казанцы примкнули только в мае 1611 г., когда они присягнули по записи, присланной из-под Москвы[21]. Из-за отношения к земскому движению, скорее всего, и разгорелась в Казани внутренняя борьба в марте 1611 г., и, вероятно, в этой борьбе первоначально проиграла партия, выступавшая в поддержку ополчения, которую возглавлял Б. Я. Бельский.

Убийство под Москвой П. П. Ляпунова казаками 22 июля 1611 г. было использовано в Казани в качестве формального предлога для выхода из повиновения руководителям ополчения. В конце августа или начале сентября 1611 г. казанские дьяки Н. Шульгин и С. Дичков писали в Пермь, что казанцы «сослалися с Нижним Новым городом и со всеми городы Поволжскими и Горными и с Луговою черемисою» и приговорили, «что нам... воевод и дияков и голов и всяких приказных людей в городи не пущати и прежних не переменяти, быти всем по прежнему... до тех мест, кого нам даст бог на Московское государство»[22]. Поскольку воевод в Казани в это время не было (В. П. Морозов к середине 1611 г. уже покинул город)[23], такое решение означало, что вся полнота власти в Казани на неопределенное время остается в руках казанских дьяков. Попытки кн. Д. Т. Трубецкого и И. М. Заруцкого вновь установить контроль над Казанью не имели успеха: присланный в 1611/12 г. от «бояр» из-под Москвы с грамотами П. И. Полоченинов (его племянник Максим позднее бежал с Заруцким на юг) был в Казани убит[24].

В августе 1612 г. Д. М. Пожарский в грамоте, обращенной к иностранным наемникам, писал: «Государство Московское было в розни — Северские городы были особе, а Казанское и Астра-

[19] ОР ГБЛ. Собрание Пискарева. Д. 185. Л. 285.
[20] *Платонов С. Ф.* Указ. соч. С. 374.
[21] СГГ и Д. Ч. II. С. 542; ААЭ. Т. II. С. 318–319.
[22] ААЭ. Т. II. С. 335–336.
[23] В июле 1611 г. он присоединился с отрядом казанцев к Первому ополчению. См.: *Попов А. Н.* Изборник славянских и русских статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869. С. 352.
[24] ЦГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Арзамасу. Д. 22394. Л. 22.

ханское царства и Понизовные города были особе же, а во Пскове был вор» [25].

Если руководителей Первого ополчения со второй половины 1611 г. казанцы просто не признавали, то их отношения со Вторым ополчением были более сложными. Во второй половине декабря 1611 г. стряпчий И. И. Биркин выехал из Нижнего Новгорода в Казань для сбора рати. Хотя этот сбор сильно затянулся (по данным летописца, И. И. Биркин вступил в Казани в «недобрый совет» с Н. Шульгиным) [26], казанский отряд во главе с ним весной 1612 г. присоединился к ополчению в Ярославле. Там И. И. Биркин, по-видимому, вступил в борьбу за власть с кн. Д. М. Пожарским, но потерпел неудачу. Что касается казанцев, то, опять-таки по сведениям Нового летописца, почти все они «по приказу» Н. Шульгина, не оказав никакой помощи ополчению, возвратились из Ярославля в Казань [27].

По другим данным, в начале 1612 г. Казань как будто действительно искренне поддерживала дело К. Минина и Д. Пожарского. В грамоте от 9 февраля 1612 г. в Курмыш казанские дьяки от имени всех казанских «служилых и жилецких людей» потребовали, чтобы курмышане незамедлительно выступили в Нижний Новгород на помощь Второму ополчению «наперед казанской рати», угрожая, что в случае дальнейших задержек они расправятся с курмышским воеводой С. Елагиным: «И мы, не ходя в Нижней, со всеми ратными людьми придем в Курмыш и тебя, Смирнова, взяв, отошлем в Казань или в Нижний Новгород» [28].

Во взаимоотношениях Казани с властями Второго ополчения имеется еще один неясный момент: 29 июля 1612 г., выступая к Москве, кн. Д. М. Пожарский направляет в Казань игумена Саввино-Сторожевского монастыря Исаию, с тем чтобы митрополит Ефрем поставил его в крутицкие митрополиты. Однако о дальнейшей судьбе звенигородского игумена ничего не известно, а крутицким митрополитом был поставлен уже в 1613 г. игумен Переяславского Данилова монастыря Иоан, исполнявший обязанности главы русской церкви до возвращения из плена в 1619 г. митрополита Филарета [29].

Формально распоряжения ополчения (по крайней мере, некоторые) в Казани выполнялись: так, 15 января 1612 г. (во время пребывания в городе И. И. Биркина) Н. Шульгин и С. Дичков «по указу Великого Российского Московского государства и всее земли бояр» выдали ввозную грамоту на поместье в Казанском

[25] Акты времени междуцарствия (1610 г. 17 июля – 1613 г.)/Под ред. С. К. Богоявленского, И. С. Рябинина. М., 1915. С. 38.
[26] ПСРЛ. Т. 14. С. 117.
[27] Там же. С. 120.
[28] Грамоты и отписки 1611–1612 гг. курмышскому воеводе Елагину // Летопись занятий Археографической комиссии, 1861 г. СПб., 1862. Вып. I. С. 23.
[29] СГГ и Д. Ч. II. С. 600; *Строев П.* Списки иерархов и настоятелей монастырей российския церкви. СПб., 1877. С. 1035.

уезде [30]. Вместе с тем земельные дела в Казани вершились, очевидно, и без санкции «бояр». Так, в 1613 г. Казанский Преображенский монастырь жаловался царю Михаилу, что в 1611/12 г. Н. Шульгин и «земский» староста Федор Обатуров «без боярского приговору, самовольством» передали вотчинное монастырское сельцо Борисоглебское казанскому посаду [31]. В приписках к писцовой книге Казанского уезда 1602—1603 гг. отмечен целый ряд земельных пожалований 1611/12 г. «по приговору дьяков Никанора Шульгина и Степана Дичкова» [32]. 30 апреля 1612 г. по собственной инициативе и по приговору «всяких людей Казанского государства» Н. Шульгин и С. Дичков «отпустили» в Орду нагайских послов, не известив об этом земское правительство [33].

Даже если Новый летописец ошибается в частностях, в целом усиление сепаратистских тенденций в Казани в период земского движения 1611—1612 гг. отмечено в нем совершенно правильно и подтверждается документальными источниками. К тому же еще один писатель XVII в., Иван Наседка, бросает в адрес казанского дьяка аналогичные обвинения, упоминая о грамотах, писанных настоятелем Троице-Сергиева монастыря Дионисием «в Казань к строителю Амфилохию, который заблудился с сватом своим Никанором Шульгиным, и они сделались было изменниками владычеству московскому» [34].

В своей сложной политической игре Н. Шульгин опирался на довольно разнородные силы. Прежде всего, это определенная часть казанского посада во главе с посадским старостой Ф. Обатуровым. Роль казанского посада в начале XVII в. резко возросла, и его представители активно участвовали в управлении не только городом, но и уездом [35]. В декабре 1611 г. дозор в связи со спорным земельным делом русской помещицы А. Барсуковой и крестьян-чувашей производили казанский дворянин Н. К. Желнырев, «земский человек» Еремей Овощник и площадной подьячий Ж. Одинцов [36]. На стороне Н. Шульгина была также какая-то часть казанских служилых людей и духовенства, однако высший церковный иерарх Казани митрополит Ефрем, по-видимому, не сочувствовал его планам и в конце 1612 г. был остранен от управления. В упомянутом сочинении XVIII в. о Казани гово-

[30] *Кунцевич Г.* Грамоты Казанского Зилантова монастыря // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань, 1901. Т. XVII, вып. 1/6. С. 300–303.

[31] ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 6442. Л. 2–3. Правительство М. Романова в том же году возвратило сельцо монастырю.

[32] Писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 годов: Публ. текста. Казань, 1978. С. 88, 111 и др.

[33] ЦГАДА. Ф. 127. 1613 г. Д. 3. Л. 7.

[34] Житие преп. отца нашего Дионисия, архимандрита Сергиевой лавры, радонежского чудотворца. Сергиева Лавра, 1908. С. 40.

[35] Об участии представителей посада в «городовых советах» в это время см.: *Черепнин Л. В.* Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М., 1978. С. 170–172.

[36] ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 6442. Л. 57 об.– 60 об.

рится, что «во 120-м году в приговорех писали имя Ефрема митрополита и дьячьи имена и всей земли Царства казанского, а во 121-м же году в приговорех написаны дьяки Никанор Михайлович Шульгин да Степан Яковлевич Дичков со всею землею Казанского государства» [37]. Пытаясь привлечь на свою сторону казанских стрельцов, Н. Шульгин распорядился в 1612/13 г. выдать им денежное жалованье за службы под его началом еще в годы царствования Василия Шуйского [38]

В конце 1612 г. Казань была близка к открытому мятежу. Казанские служилые люди, возвратившиеся в город после освобождения Москвы, были в Казани арестованы [39]. Но наиболее ясное представление об измене Шульгина дает даже не Новый летописец, а грамота Земского собора Н. Шульгину 1613 г. и челобитная дьяка Ивана Поздеева 1627 г.

Грамота Никанору Шульгину (док. № 1) сохранилась в копии конца XVIII в.[40], сделанной для кн. Гаврилы Петровича Гагарина. Документ был неправильно озаглавлен переписчиком. Кроме того, неточно воспроизведена дата источника. В копии документ датирован 22 февраля 1613 г., в то время как из текста самой грамоты явствует, что она составлена не ранее 9 марта того же года. Позднейший срок ее появления может быть определен 15 марта 1613 г. В этот день земское правительство получило от Н. Шульгина известие о выступлении 7 марта войска назад в Казань [41]. По содержанию же публикуемого документа видно, что в момент его написания в Москве еще не знали об этом событии.

Челобитная Ивана Поздеева (док. 2), относящаяся к маю 1627 г., но описывающая его службу на Вятке и конфликт с Н. Шульгиным в 1612 г., сохранилась в составе дела о пожаловании дьяка окладом. В этом деле, кроме публикуемой челобитной, имеется еще одна — более ранняя, поданная не позднее 3 февраля 1627 г. По своему содержанию она принципиально ничем не отличается от майской [42]. Однако сохранность ее не совсем удовлетворительна. Этим главным образом и объясняется выбор

[37] ОР ГБЛ. Собранне Пискарева. Д. 185. Л. 285 об.

[38] Там же. Л. 286.

[39] ПСРЛ. Т. 14. С. 120.

[40] Грамота содержнт интересные сведення о деятельностн нзбирательного собора. В частностн, в ней говорнтся, что сразу после соборного заседания 21 февраля 1613 г. и избрания на царство Мнханла Романова участннки собора «прнговор на том напнсалн и руки свон на том прнложнлн». В ранее нзвестных нсточннках о существованнн зтого соборного приговора и процедуре его подписания не сообщается.

[41] Дворцовые разряды, нзданные вторым отделением собственной е. н. в. канцелярин (далее: ДР). СПб., 1850. Т. I. С. 1055.

[42] ЦГАДА. Ф. 210. Разрядный прнказ, столбцы Прнказного стола. Д. 19. Л. 985–986. Датнруется по помете на л. 985 об. Первая просьба И. Поздеева о назначении ему нового поместного и денежного окладов осталась без ответа. Поэтому он подал еще одну, по которой ему был назначен оклад в 600 четвертей н 60 руб. годовых.

для публикации второй челобитной [43]. Рассказывая о своей службе на Вятке, И. Поздеев вспоминает, что в период организации земского избирательного собора Н. Шульгин и Ф. Обатуров «без мирского ведома» прислали к ним своих представителей, чтобы вятчане не отправляли делегатов на Земский собор, а налоги в дальнейшем присылали не в Москву, а в Казань. Поскольку грамоты о созыве собора рассылались по городам с 10-х чисел ноября 1612 г.[44], прибытие казанских посланцев на Вятку (вероятно, в Хлынов) следует отнести к декабрю 1612 г. После отказа жителей Вятки подчиниться [45] 500 казанских стрельцов с «вогненным боем» во главе с казанским дворянином Н. Анучиным [46] силой собрали с Вятки «многие доходы», вятского дьяка и наиболее решительных сторонников Москвы отправили в Казань, где И. Поздеев был посажен в тюрьму, а 12 вятчан повешены.

На протяжении долгого времени в Вятском крае (окончательно он вошел в состав Русского государства лишь в конце XV в.) сталкивались интересы русских князей и татарских ханов, и в 1612 г. Н. Шульгин фактически попытался осуществить то, чего не удалось сделать Казанскому царству в период его расцвета. Центром Вятского края был Хлынов, где в 1629 г. находились 50 церковных дворов, дворы дьяка, подьячих, десятильника и городового приказчика, 5 дворов пушкарских, 6 — россыльщиков, 2 — бобыльских и 82 — нищих [47]. Таким образом, служилых людей в Хлынове почти не было и оказать хоть какое-то сопротивление казанцам здесь не могли. Требования Н. Шульгина и Ф. Обатурова в какой-то степени опирались на практику начала XVII в., при которой власть казанской администрации распространялась и на Вятку. Характерно, что в сентябре 1612 г. Н. Шульгин и С. Дичков решили в пользу Вятского Успенского монастыря его спор с дворцовыми крестьянами [48]. Показателен и такой пример: грамота о сведении приказчика с земель того же монастыря в мае 1613 г. была послана не на Вятку, а в Казань воеводе Ю. П. Ушатому [49].

Что касается Казани, то ее представители на избирательный собор так и не прибыли. Их отсутствие, по-видимому, сильно

[43] Из имеющихся разночтений следует указать, пожалуй, лишь на одно: в публикуемой челобитной не сказано, что денежные доходы из Вятки, несмотря на требования Н. Шульгина доставить их в Казань, все же прислали в Москву.

[44] *Черепнин Л. В.* Указ. соч. С. 187–188.

[45] Утвержденную грамоту 1613 г. подписали трое представителей вятского духовенства и «с Вятки посатцкой человек Путилко и в товарыщев своих выборных людей место» (*Белокуров С. А.* Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова. М., 1906. С. 89–90).

[46] В начале 1608 г. он, будучи стрелецким головой, освобождает Чебоксары от сторонников Лжедмитрия II. См.: Арзамасские поместные акты, 1578–1618 гг./Собрал и редактировал С. Б. Веселовский. М., 1915. С. 520.

[47] ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 90. Л. 35–36.

[48] ГИМ. ОПИ. Собранне Уварова. Оп. 2. Карт. 4. Д. 552/IV. 12. Л. 1–3.

[49] ЦГАДА. Ф. 233. Печатный приказ. Кн. 1. Л. 146 об.

беспокоило земские власти, и в Казань, как видно из соборной грамоты Н. Шульгину, выехала особая делегация в составе архимандрита Костромского Ипатьевского монастыря Кирилла, келаря Ярославского Спасского монастыря Порфирия Малыгина и владимирских дворян И. Зловидова и М. Лутовинова. Их миссия, однако, успеха не имела, причем в Москву из Казани даже не сообщили о причинах задержки. По словам той же грамоты Н. Шульгину, избрание собором царя надолго задержалось именно из-за отсутствия митрополита Ефрема и выборных из Казани. Утвержденная грамота 1613 г. дает иное объяснение переноса даты избрания царя с 7 на 21 февраля: отсутствие в Москве боярина Ф. И. Мстиславского «с товарыщи» и необходимость узнать, «кого хотят государем царем на Московское государство во всех городех» [50].

Столь сурово покарав непокорную Вятку, казанские власти не только продолжали поддерживать формальные отношения с земским правительством, но и выслали в конце 1612 — начале 1613 г. более 4600 свияжских татар на помощь рязанскому воеводе М. А. Вельяминову, который вел военные действия против отрядов И. М. Заруцкого [51]. Около этого времени и сам Н. Шульгин по требованию земского правительства выступил из Казани против И. М. Заруцкого во главе основной казанской рати, вероятно превышавшей по численности и Первое и Второе ополчения.

По словам И. Поздеева, Н. Шульгин вел свое войско «умышленьем добре мешкотно». По дороге он сместил в Курмыше воеводу Смирного Елагина и поставил на его место Саввина Осипова [52]. Затем казанское войско остановилось в Арзамасе.

Как и Вятка, Арзамас не был в это время вполне независимым от Казани. Арзамасский воевода Григорий Андреевич Очин-Плещеев, в прошлом видный воевода Лжедмитрия II [53], активно поддерживавший руководителей Первого ополчения и присягнувший «Псковскому вору», после разоблачения последнего и перехода Арзамаса под контроль Второго ополчения (последний раз Г. А. Плещеев упоминается воеводой в Арзамасе в июне 1612 г.) [54] был арестован, отправлен в Казань к Н. Шульгину, где и умер в тюрьме (док. № 6). В ноябре 1612 г. Н. Шульгин получил от боярского правительства грамоту на поместье в Арзамасском уезде, предварительно казнив его владельца С. Нетесева [55].

[50] *Белокуров С. А.* Указ. соч. С. 43–44. Отметим, что о посылке в города «тайно проведовати верными людьми» сообщает и публикуемый нами док. № 1.

[51] ЦГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Шацку. Д. 34 923. Л. 259.

[52] Акты Нижегородского Печерского Вознесенского монастыря. М., 1898. С. 137.

[53] В 1610 г. он пытался захватить Шацк «с темниковскими людьми и с арзамаскими» (ЦГАДА. Ф. 210. Столбцы Владимирского стола. Д. 1. Л. 1, 9, 12).

[54] Арзамасские поместные акты, 1578–1618 гг. С. 409.

[55] Там же. С. 489–490.

О пребывании войска Н. Шульгина в самом Арзамасе известно мало [56]. В конце февраля 1613 г. из Москвы в Арзамас, где находилось казанское войско, отправилась еще одна делегация Земского собора в составе игумена Бежецкого Антониева монастыря Кирилла и дворян А. И. Зубова и И. И. Баклановского. Другая соборная делегация выехала в Казань к митрополиту Ефрему (док. № 1). По Новому летописцу, Н. Шульгин отказался от присяги Михаилу Романову («Без казанского совета креста целовати не хочю»), однако войско присягнуло царю и без согласия своего предводителя [57]. Сам дьяк, напротив, сообщил в Москву, что он привел к кресту и «шерти» ратных людей, но что запасы, взятые на три месяца, подошли к концу и 7 марта по приговору «казанских всяких служилых людей» войско выступило обратно в Казань. Правительство приняло объяснение Шульгина и даже обратилось к нему с новой просьбой — отобрать 600 лучших всадников и послать их в Рязань против И. М. Заруцкого [58].

Весть об избрании Михаила дошла до Казани раньше, чем туда возвратился Н. Шульгин. В городе произошел переворот: Федор Обатуров, родственники и сторонники дьяка и посадского старосты заняли в казанской тюрьме место прежних заключенных. На случай прихода в Казань войска из Арзамаса жители приготовились к осаде: «Город заперли и стали на городе своими головами» (док. № 2) [59]. Эти предосторожности оказались излишними, так как, по-видимому, даже в войске Н. Шульгин не имел прочной поддержки. В Свияжске высланный к нему навстречу из Казани отряд арестовал дьяка [60].

Во главе новой казанской администрации встали казанский дворянин Г. Веревкин [61] и дьяк С. Я. Дичков, не пострадавший после смещения Н. Шульгина. Три дня в Казани колокольным звоном отмечалось избрание нового царя. Не ранее 12 апреля 1613 г. Г. Веревкин и С. Дичков обратились с грамотой к жителям Царева Санчурска, призывая их последовать примеру казанцев и присягнуть Романовым [62]. Последний раз Г. Веревкин и С. Дичков в качестве лиц, управляющих Казанью, упоминаются в источниках 28 апреля 1613 г. в связи с отправлением гонца в

[56] О разорении поместий и вотчин в Арзамасском уезде «от Никоноровых кормов Шульгина и от казанских ратных людей» см.: Там же. С. 506.
[57] ПСРЛ. Т. 14. С. 130.
[58] ДР. Т. I. С. 1055–1058.
[59] И. Поздеев благополучно пережил описанные им события. Вскоре после них – 14 мая 1613 г.– он получает отказную грамоту на старую свою капинскую вотчину (ЦГАДА. Ф. 233. Кн. 1. Л. 163 об.).
[60] ПСРЛ. Т. 14. С. 130.
[61] ОР ГБЛ. Ф. 259. Д. 390. Л. 70. Как «казанец» Г. Веревкин упоминается в мае 1614 г., когда он приехал в Москву «с сеунчем» о победах воевод А. Львова и П. Секирина (ЦГАДА. Ф. 210. Книги Московского стола, группа 2. Д. 2. Л. 26). В 1613 г. в Нижегородском уезде Григорию и Герасиму Павловым детям Веревкиным принадлежали поместья – всего 52 четверти «доброй земли» (ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 291. Л. 245).
[62] ОР ГБЛ. Ф. 259. Д. 390. Л. 70–74 об.

Нагайскую Орду [63]; 6 мая в Казани находился уже новый воевода Ю. П. Ушатый [64]. После переворота казанская делегация во главе с митрополитом Ефремом выехала в Москву, где казанцы поставили свои подписи на Утвержденной грамоте.

В окружении нового царя долго не знали подробностей о событиях в Казани, хотя митрополит Ефрем уже находился вместе с Михаилом Романовым в Троице-Сергиевой лавре. Приехавшие из Казани 25 марта и 5 апреля А. Образцов «с товарыщи» и И. Дичков не смогли объяснить причину ареста Н. Шульгина [65]. Расследование дела было поручено Ю. П. Ушатому, служившему в 1609—1610 гг. в Свияжске и хорошо знавшему обстановку в Казанском крае [66]. Неизвестно, когда Н. Шульгин был привезен в Москву, но находился он здесь до 8 августа 1618 г. Буквально накануне подхода к русской столице войска королевича Владислава важного преступника сослали в Тобольск в сопровождении его холопа и приставов. Об этом свидетельствуют документы (док. № 4, 5), извлеченные из книги, в которую для лучшей сохранности и наведения справок в XVII в. поместили копию переписки «о опальных» между тобольской администрацией и Приказом Казанского дворца за 1614—1624 гг.[67] В сибирской тюрьме Шульгин и умер [68]. Ссылке подвергся и его ближайший сподвижник. В пошлинной книге Печатного приказа в записи от 12 января 1622 г. читаем: «В Сибирь в Туринский острог. По челобитью Федора Оботурова велено его отпустить в Мангазею». В Сибири еще долго помнили о «деле» Шульгина, и в 1648 г. самовластного тобольского воеводу И. Бунакова обвиняли в том, «что он, Илья, хочет Сибирью завладеть так же, как и Никонор Шульгин завладел Казанью» [69].

С социально-политической борьбой в Казани в начале XVII в. связано, по-видимому, появление так называемого «Казанского сказания». В него вошли «Плач о пленении», повествующий о сожжении Москвы в марте 1611 г., заметки неизвест-

[63] ЦГАДА. Ф. 127. 1613 г. Д. 3. Л. 39.
[64] Там же. Ф. 233. Кн. 1. Л. 146 об.
[65] ДР. Т. I. С. 1123—1124.
[66] *Дмитриев В. Д.* «Царские» наказы казанским воеводам XVII века // История и культура Чувашской АССР. Чебоксары, 1974. Вып. 3. С. 288—289. Наказ Ю. П. Ушатому датирован 16 апреля 1613 г. Однако еще 4 апреля 1613 г. Нетесевым была послана грамота о возвращении им поместья, которым «насильством владел Никонор Шульгин» (ЦГАДА. Ф. 233. Кн. 1. Л. 95 об.).
[67] ЦГАДА. Ф. 199. Портфели Г. Ф. Миллера. Портф. 541. Л. 1—464. Копирование проводилось, видимо, в связи с восстановлением текстов документов приказа, погибших в пожар 1626 г. В родословной росписи Украинцевых конца XVII в. есть ссылка на книги Приказа Казанского дворца, «каковы присланы к Москве из городов... списки а государевых грамот и с наказов и со всяких дел... после пожару 134 году» (ЦГАДА. Ф. 388. Канцелярия Московского разрядно-сенатского архива. Кн. 831. Л. 151).
[68] ПСРЛ. Т. 14. С. 130.
[69] ЦГАДА. Ф. 233. Кн. 5. Л. 160 об.; *Оглоблин Н. Н.* К истории Томского бунта 1648 года. М., 1903. С. 20.

ного лица и некоторые документы, присланные в Казань в начале XVII в. По мнению М. Н. Тихомирова, «Сказание» возникло в Казани в 1611—1612 гг.[70] Оно свидетельствует об остром интересе казанских жителей к общерусским событиям и вышло, скорее всего, из «промосковской» партии.

Ряд ценных фактов, относящихся к другим малоизученным аспектам истории Смуты, содержится в материалах судного дела Л. С. Плещеева и Ф. Дементьева о беглых холопах (док. № 5—7). В течение 1622—1624 гг. тяжба по разным причинам разбиралась в Холопьем приказе, в Московском судном, во Владимирском судном, в Приказе приказных дел. Когда и почему столбец оказался в Разрядном приказе, неизвестно, начало и конец его утеряны, многие листы перебиты.

Особый интерес представляют расспросные речи Л. С. Плещеева (док. № 7). Не исключено, что в прошлом он имел отношение к лагерю второго самозванца (его родственник Г. А. Очин-Плещеев, убитый Н. Шульгиным в Казани, был известным тушинским воеводой). Возможно, поэтому к нему и обратились в Торжке в марте 1613 г. казаки с предложением принять над ними командование. Острог на границе Новоторжского и Новгородского уездов был тогда, по всей видимости, центром земель, взятых ими в самовольное «приставство». Вскоре отряд Л. С. Плещеева соединился с правительственными войсками кн. С. В. Прозоровского и Л. А. Вельяминова, направленными в апреле 1613 г. сначала под Псков, а затем (после неудачных попыток пробиться туда) «в Устрецкие волости и к Тихвину»[71]. Попутно выскажем еще одну вполне вероятную догадку: это была та казачья масса, которая приняла активное участие в восстании 1614—1615 гг.[72]

Не менее важными являются данные, приводимые Л. С. Плещеевым о составе и работе центрального аппарата «при боярех». Оформление кабальных книг в конце 1612 г. осуществлялось в ведомстве, на которое были возложены «многие дела судные, и розбойные, и татиные, и холопьи, и всякие земьские дела». Оно не имело конкретного названия и обозначалось по имени руководителя: «Сиденья князь Федора Волконскова» (док. № 7). Федор Иванович Волконский — видный деятель начала XVII в., активный участник Первого, а затем Второго земских ополчений. Многообразие вопросов, находившихся в его компетенции, и нечеткое их определение свидетельствует о том, что приказная

[70] *Тихомиров М. Н.* Классовая борьба в России XVII в. М., 1969. С. 202.

[71] ДР. Т. I. С. 131, 119. Отметим, что в упомянутом выше деле есть известия о военных действиях в этом районе летом 1613 г. В выписке из послужного списка Л. С. Плещеева (л. 268а—270) указаны бои, в которых он участвовал: 4 июня («под Устрекою»), 29 июня («как пришли под Тихвин монастырь»), 10 июля («под Тихвином на посаде»), 15 июля и 1 августа («под Девичьим монастырем»), 20 августа (место сражения не названо), 25 и 28 августа («под Тихвином»).

[72] *Станиславский А. Л.* Восстание 1614—1615 гг. и поход атамана Баловня // Вопр. истории. 1978. № 5. С. 113.

система переживала стадию постепенного восстановления после разрушительных лет Смуты [73].

[73] К упорядочению работы центрального аппарата приступили сразу после освобождения столицы. Показательное известие имеется в деле по челобитной дьяка Филиппа Ларионова 1631 г.: челобитчик ссылается на денежный оклад, назначенный ему «после московского очищения при боярех в 121-ом году, как бояре верстали диоков всех приказов» (ЦГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Д. 59. Л. 203).

ДОКУМЕНТЫ

№1. 1613 г. не ранее 9 марта. Грамота Земского собора Н. М. Шульгину об избрании на царство Михаила Романова

л.13 об. В Казань великому господину Ефрему митрополиту

В прошлом [1] во сто двадесят первом году марта в девятый день писали в Казань к Ефрему, митрополиту Казанскому и Свияжскому, и ко всему освященному собору и ко всяким людем Ка-
л.14 занского государства с Москвы Кирилл, митрополит // Ростовский и Ярославский, Селивестр, архиепископ нареченный Вологоцкий и Великопермский, Герасим, архиепископ Суждальский и Торуский, Феодорит, архиепископ Рязанский и Муромский, Арсений, архиепископ Архангельский, Иосиф, епископ Коломенский и Каширский, и архимандриты и игумены и весь освященный собор и боляра, и окольничие, и стольники, и стряпчие, и дворяня большие, и дворяня из городов, и дети боярские, и атаманы, и казаки, и стрельцы и всякие служилые [2] и жилецкие люди.

В нынешнем во сто двадесят первом году писали к тебе и ко всяким людем Казанского государства боярин и воевода князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой да стольник и воевода князь Дмитрий Михайлович Пожарской с товарищи многажды.

Да генваря в двадесят пятый день писали в Казань к преосвященному Ефрему, митрополиту Казанскому и Свияжскому, и мы, митрополиты, и архиепископы, и епископы, и архимандриты, и игумены, и весь освященный собор за своими руками и мы, бояря, и околничие, и чашники, и стольники, и дворяня, и всего Московскаго государства всяких чинов люди, чтоб ему, великому господину Ефрему митрополиту, для государскаго обиранья, взяв с собою духовных из всяких чинов выборных, крепких и разумных и постоятельных людей, сколько человек пригоже, ехати к Москве наспех. Да того же дни писали мы к тебе, Никанору Михаиловичу: к Московскому государству работа своя и служба показати, для государского обиранья по совету Казанскаго госу-
л.14 об. дарства всяких чинов людей, выбрав из них//духовных и креп-

[1] *Так в тексте. По смыслу следует*: в нынешнем.
[2] *В рукописи ошибочно*: служителие.

ких и разумных и постоятельных людей, сколько человек пригоже, отпустить к нам к Москве с Ефремом, митрополитом Казанским и Свияжским, наспех.

А для того великаго царственнаго и земского дела послали мы в Казань к преосвященному Ефрему митрополиту и к тебе Казанского государства всяких чинов к людем наскоро Живоначальныя троицы с Костромы Ипатскаго монастыря архимандрита Кирилла, да из Ерославля Всемилостиваго спаса келаря старца Порфирия Малыгина, да дворян из Володимира Иоанна Зловидова да Месоеда Лутовинова. И поход великаго господина Ефрема митрополита замешкался, а ты Казанского государства выборных всяких чинов людей к Москве не присылывал. А за чем поход великого господина Ефрема митрополита замешкался и для чего ты Казанского государства выборных всяких чинов людей к Москве не присылывал, и великий господин Ефрем митрополит и ты к нам про то февраля по двадесят третие число не писывали.

А изо всех городов мы, митрополиты, и архиепископы, и епископы, и архимандриты, и игумены, и протопопы, и выборные всяких чинов люди, к Москве съехались и ожидали от великого господина Ефрема, митрополита Казанского и Свияжского, и Казанскаго же государства выборных всяких чинов людей многое время, и за ним, великим господином, и за советом Казанского государства всяких чинов людей государское обиранье продлилось многое время.

А изо всех городов Московскаго государства всяких чинов выборные люди, быв без государя многое время и Московское государство видя во всем от польских // и от литовских людей разо- л.15
ряемо и на многие части разделяемо, в конечное сетование и в скорбь преложились и многожды к нам на собор Московского государства всяких чинов служилые и жилетцкие люди с женами и с детьми, с сущими младенцы, с неутшимии слезами на многие дни приходя, плакались, видя нас и себя безглавных и безгосударных, и бити челом со многим плачевным и слезным рыданием, чтоб нам всем поскорбети и порадети единодушно и единомышленно о Московском государстве и о себе всем нам и об них о всех.

И много бо времени я[3] не чаючи[3], прося бога милости на Московское государство государя царя обрати из русских людей Московскаго государства, и[4] мы все от мала до велика, всяких чинов люди Московскаго государства, видя великаго господина Ефрема, митрополита Казанскаго и Свияжского, и Казанскаго[4] же государства всяких чинов выборных людей замотчатье и Московское государство без государя царя от всех враг разоряемо, положили на волю божию и у всех людей Московскаго государства упросити сроку в государском убираньи до зборнаго воскресе-

[3]–[3] *Так в рукописи.*
[4]–[4] *Написано по счищенному теми же почерком и чернилами.*

ния сто двадесят перваго году февруария до двадесят перваго числа. И по совету всей земли в соборной церкви Пречистыя богородицы честнаго и славнаго ея Успения и по всем соборным храмом и по посадским церквам бога молити и пречистую богородицу и всех святых о том, дабы господь бог праведный належащий гнев свой утолил, над нами надо всеми умилосердился, не оставил нас сирых и дал бы нам бог на Московское государство государя царя из руских людей. И февруария в двадесят первый день на упросной срок в неделю в зборное воскресение
л.15 об. мы, митрополит, и архиепископы, // и епископы, и архимандриты, и игумены, и весь освященный собор, молебная совершив, был у нас в царствующем граде Москве всяких чинов с выборными людьми изо всех городов и царствующего града Москвы со всякими жилецкими людьми и говорили и советовали все общим советом, ково на Московское государство отбрати государем царем, и говорили о том многое время, и приговорив и усоветовав все единым и нерозвратным советом, и с совету своего всего Московскаго государства всяких чинов люди принесли к нам, к митрополиту, и архиепископом, и епископом и ко всему освященному собору, и к нам, бояром и ко окольничим и всяких чинов людем, мысль свою порознь.

И по милости божией и пречистыя богородицы и всех святых молитвами совет наш и всяких чинов людей во едину мысль и во едино согласие учинилась на том, чтоб быти на Московском государстве государем царем и великим князем всеа России благословенной отрасли блаженныя памяти великаго государя царя и великаго князя Иоанна Васильевича всеа России самодержца и великие государыни царицы и великие княгини Анастасии Романовны всеа России внуку, а великаго государя царя и великаго князя Федора Иоанновича всеа России по матерню сродству племяннику Михаилу Федоровичу Романову Юрьева.

И мы, видя милость божию надо всеми над нами, что одна мысль о государском обиранье во всех людех, и приговор на том написали и руки свои на том приложили. Да и про то тебе, гос-
л.16 подину, и // Казанскаго государства всяким чинов людем ведомо чиним, хотев мы того, чтобы такое государственное дело по милости божией впредь было крепко, твердо и неподвижно.

И до его государскаго обиранья посылали мы Московскаго государства во всех городех и в уездех тех городов во всяких людех тайно проведывати верными людьми, ково чаяти государем царем на Московское государство, и во всех городех и в уездех от мала и до велика та же одна мысль, что быти на Московском государстве государем царем Михаилу Федоровичу Романову Юрьева, а опричь его государя на Московское государство польскаго, и литовскаго, и немецкаго королей и королевичей, и из иных государств и из Московскаго государства из иноземцов, из царей и из царевичей, и из бояр, и изо всяких чинов людей никого не хотели.

И мы, видя к себе от всяких людей многое их о государском обиранье слезное рыдание и прошение отъбрати, и нарекли всею замлею на Московское государство государем царем великаго государя царя и великаго князя Феодора Ивановича всеа России племянника Михаила Федоровича. Да и потому видя, по настоящему времени, что в Рязанских городех воюет Ивашко Заруцкой с воровскими людьми и прельщает Маринкою и сыном ея, выблядком, многих малодушных людей, а на Беле озере, и на Вологде, и в Галиче, // и у Соли Галицкие воюют черкасы, и под Колугою, от Колуги в семи верстах, по тому же стоят черкасы многие люди, а без государя ратные люди, дворяня, и дети боярские, и атаманы, и казаки, и всякие разные люди, на черкас и на Ивашка Заруцкого итти не хотели, а говорили и приходили на нас с великим шумом и ставили нам о государском обиранье в нерадение. И мы потому, не дождався великаго господина Ефрема, митрополита Казанскаго и Свияжскаго, и Казанскаго государства выборных людей, отбрали и нарекли на Московское государство быти государем царем и великим князем всеа России Михаилу Феодоровичу. л.16 об.

И тебе бы, господине, и всего Казанскаго государства всяких чинов людем Казанскаго государства изо всяких чинов выборных людей, сколько человек [пригоже] [5] отпустить к нам к Москве вскоре с Ефремом, митрополитом Казанским и Свияжским, а перед бы тебе, Никонор Михайлович, поход великаго господина Ефрема митрополита о своем и всего Казанскаго государства всяких чинов людей о совете отписати к нам наскоро с нашими посланными. А в том, что вы к нам к общему доброму совету Казанскаго государства выборных всяких чинов людей не прислали, в себе никакими мерами не имели — слышали мы подлинно про ваш совет, что божиею милостию ни в чем к нашему доброму общему совету, к государскому обиранью, не рознитеся, что богу угодно и всей земле, а вам то же годно.

А после прежних наших посланников с Костромы,// Ипатскаго монастыря архимандрита Кирилла и дворян, которые с ним в Казань посланы, писал ты к Москве, к боярину и воеводе ко князю Димитрию Тимофеевичу Трубецкому да к стольнику и воеводе ко князю Дмитрию Михайловичу Пожарскому с товарищи, что ты из Казани пошол на вора Ивашка Заруцкаго со многими знатными людьми, и ныне в дороге идешь на тех. И мы, слыша про твой и Казанскаго государства про ратных людей поход и видя твое и всех Казанского государства людей Московскому государству и ко всему Российскому царствию радение и прямую вашу службу, хвалу богу соборне воздаем и тебе в том и всех ратных людей Казанского государства похваляем. л.17

И тебе бы, Никонор Михаилович, одноконечно о том порадети, итти бы дорогою на вора на Ивашка Заруцкаго не мешкая и над ним промышляти, и колико милосердный бог помощи подаст.

[5] *В рукописи пропущено, восстановлено по смыслу.*

А выборных бы людей тебе, господине, изо всяких чинов одноконечно к нам к Москве отпустить и в Казань к великому господину к Ефрему митрополиту отписать, чтобы он для государскаго поставления подвиг свой к Москве вскоре[5a]. А для того великаго царственнаго и земскаго дела послали мы к тебе нынс и всего Казанскаго государства ко всем ратным и служилым людем, которые идут с тобою в войну на воров, на разорителей православныя христианския веры, на Ивашка Заруцкаго с товарыщи, Бежецкаго Верху Николы чудотворца Антониева монастыря игумена Кирилла да дворян Алексия Игнатьевича Зубова // да Ивана Ивановича Боклановскаго, и в Казань к великому господину и преосвященному Ефрему, митрополиту Казанскому и Свияжскому, и всего Казанскаго государства всяких чинов людем о том от нас писано.

л.17 об.

И февруария в двадесят четвертый день, как с собору в Казань к великому господину к Ефрему митрополиту и ко всем людям Казанскаго государства стали отпускати архимандрита и дворян и посацких людей, и в те поры пришли к нам, ко властем, на собор бояре, и окольничие, и чашники, и стольники, и стряпчие, и дворяне большие, и дворяне думные, и приказные люди, и дворяне из городов, и жильцы, и дети боярские, и головы стрелецкие, и гости торговые, и атаманы, и казаки, и стрельцы, и пушкари, и затинщики, и всякие служилые и жилецкие люди, и всего Московскаго государства и из городов всяких чинов люди, и волостные крестьяня от Литовские, и от Крымские, и от Немецкие украины, Заволских и Поморских, и северных всех городов, московские жильцы, черные всякие люди с женами, и с детьми, и с сущими младенцы и били челом, чтобы нам послати к нему, великому государю, вскоре и молити его, великаго государя, чтобы он, великий государь, подвиг свой учинил в царствующий град Москву на свой данный ему от бога царский престол, а без него бы ему, великому государю, крест целовати.

л.18 А мы, господин Никонор Михаилович, в соборной // церкви Пресвятыя богородицы, молебная совершив, по общему всемирному совету и по прошению всеа земли к великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа России с Москвы посылаем на Кострому в вотчину его царскаго величества властей и бояр, и окольничих, и стольников, и стряпчих, и дворян, и жильцов, и из городов и изо всяких чинов выборных людей. А мы, бояре, и окольничие, и чашники, и стольники, и стряпчие и дворяне большие, и дворяне же, и дьяки думные, и дворяне из городов, и дьяки из приказов, и приказные люди, и дети боярские, и головы стрелецкие и казацкие, и сотники, и гости, и торговые люди, и атаманы, и казаки, и стрельцы, и затинщики, и воротники, и посатские, и жилетские, и всего Московскаго царства всех городов всяких чинов выборных и невыборных люди,

[5a] *Так в тексте.*

по общему всемирному совету всею землею учали целовати ему, государю, животворящий крест господень на том, что нам ему, великому государю царю и великому князю Михаилу Феодоровичу всеа России самодержцу, служити, и прямити, и добра хотети во всем, вправду, безо всякие хитрости, а иных государств, опричь его, государя, никого, и Маринки и сына ея, на Московское государство не хотети, и польскаго, и литовскаго, и немецкаго короля и королевичей, и царей и царевичей из Московскаго государства никого не хотети.

И вам, господа, помня прежнюю свою многую службу // к Московскому государству и радение, ныне, видя над собою милость божию и общей совет всего Московскаго государства, быти с нами по-прежнему в вечном совете под державою великаго государя царя и великаго князя Михаила Феодоровича всеа России так же, как есте были в прежних летех при дяде его блаженныя памяти при великом государе царе и великом князе Феодоре Ивановиче всеа России, и ему, великому государю, служили, и прямили, и добра хотели. л.18 об.

А то вам, господам, и самим мочно разумети и неведущих всяких людей вразумляти, применяяся к милости божией и ко взысканию всех нас и вас, как такая милость божия и пречистыя богородицы, общей нашей надежды християнския заступницы, над нами и над вами, надо всеми падшими, до конца взыскалася. Господь бог умилосердися над нами над всеми, от польских и от литовских людей Московское государство царствующий град очистил и в царствующем граде Москве всех бедствующих и до конца погибающих из Москвы, что из адовых жилищ, свободи. Также и нынешнее наставшее ко всем нам, Московскаго государства, и к вам, Казанскаго государства, и безглавных и к безгосударным великую и неизреченную милость божию и общея нашия християнския надежди и заступницы пресвятыя богородицы милость и всех святых заступление и покров иадствующих нас и сиротствующих вновь от земли возводит.//

И дал нам господь бог общим всемирным советом блага и благочестиваго корени и от благих и праведных родителей благую же и праведную и благословенную отрасль, великаго государя царя и великаго князя Михаила Феодоровича всеа России самодержца. По благочестию втораго дал нам бог государя царя и великаго князя Феодора Иоанновича всеа России, ни по чьему заводу и крамоле, бог ево, государя, на той великий царский престол изобрал мимо всех людей, по своей неизреченной милости, и всем людем о его царском обиранье бог в сердца вложил едину мысль и утверждение. л.19

К сей грамоте мы, митрополит Кирилл Ростовский и Ярославский, и архиепископы, и епископы, архимандриты, и игумены, и весь освященный собор, и бояре, и окольничие, и чашники, и стольники, и стряпчие, и дворяня думные, и дворяня из городов, и жильцы, и головы и стрелецкие и казацкие, и сотники, и дети боярские, и гости, и торговые люди, и атаманы, и казаки,

и стрельцы, и всяких чинов выборные люди изо всех городов всего Московскаго государства, руки свои приложили.

Писан на Москве лета 7121 февруария в 22 день.

ГИМ. ОР. Собрание Уварова. № 160. Л. 13 об.– 19. Копия XVIII в.

№ 2. 1627 г. не позднее 31 мая [6]. Челобитная дьяка Ивана Поздеева о пожаловании его поместным и денежным окладом

л.984 Государыне великой старице иноки Марфы Ивановны бьет челом безсемейной холоп ваш [Ива]шко [7] Поздеев.

Вашего государева жалованья мне, холопу вашему, денежной оклад пятьдесят рублев, помесной пятьсот чети. А которые, государыня, диаки были верстаны со мною вместе в такие же оклады, и тем диаком оклады ныне учинены больши того: по семидесяти и по осмидесяти рублев, а послуг их не бывало. А которые, государыня, и ныне вновь ис подьячих в дияцех, и тем оклады учинены по штидесяти рублев, а помесные против того, а меньши тое статьи нет. А иным диаком оклады большие по тушинскому верстанью, а я, холоп ваш, в Тушипе не бывал. И перед теми, государыня, передо всеми диаки мне, холопу вашему, под старость в окладе стало позорно. А отец мой и братья побиты на ваших государевых службах, и никого наших Поздеевых, опричь меня, нет. А как я, холоп в[аш] [8], был на Вятке, и мое службишко ко государю было, в те поры ис Казани Никонор Шульгин с своим советником с казанцом с посадцким старостою с Федором Оботуровым, умысля без мирского ведома, присылал ис Казани на Вятку, а велел по записи крест целовати на том, что вяцким городом быти х Казанскому государству, а Московского государьства ни в чем не слушати, и с Казанским государьством стояти за один, и друг друга не подати, и для государева царьского оберанья выборных людей и денежных доходов к Москве не посылать, а прислати в Казань. И я, холоп ваш, за то стоял и вятчаном говорил накрепко, что исконе вечно вяцкие городы к Московскому государьству, а х Казани не бывали, и вперед от Московского государьства отстать не уметь, и выборных бы людей послали к Москве. А только зделати им по никонорове присылке, и им, вятчаном, от государя вперед никоторыми делы не пробудет. И вятчане, государь, советовав меж собою, по никонорове присылке по записи креста не целовали и денежных доходов в те поры в Казань не послали. И за то, государыня, Никонор, осердясь, прислал ис Казани на Вятку с Никитою Онучиным пятьсот человек стрельцов с вогненым боем, и вятчан, которые со мною стояли крепко, велел, за приставом сковав, прислати в Казань, и многие денежные доходы велел, на всех вятчанех доправя, в Казань же прислати, и тех вятчан двунатцати человек в Казани

[6] *Дата определена по помете на л. 984 об.*

[7] *Правый край листа оборван, утрачены три буквы.*

[8] *Утрачены две буквы.*

велел повесити, и денежные многие доходы роздавал, где ему годно, а сам ис Казани пошол в Арзамас и шол умышленьем добре мешкотно. А без собя и по меня, холопа вашего, велел послати пристава и до себя в Казани в тюрьму посадить, и в тюрьме сидел долгое время, и многую нужу терпел, и ждал от Никонора смертного часа. И его, Никонора, за его воровство, как шол назад, всем Казанским государьством в Казань не пустили, и город заперли, и стали на городе своими головами, а за государя всем Казанским государьством велели молебны пети з звоном и крест целовати. А которые прямили государю, а Никонор, мстя тому [9], сажал их в тюрьму, и тех всех и меня, холопа вашего, ис тюрьмы выпустили, а в наше место посажали в тюрьму того его советника посадцкого старосту Федора Оботурова и Никонорово родство и советников. И в те поры о том о всем ко государю к Москве всем Казанским государьством подлинно писали.

Государыня великая старица инока Марфа Ивановна! Пожалуй, государыня, смилуйся надо мною, безсемейным холопом вашим, сама, государыня, пожалуй, а сыну своему, государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии, буди обо мне заступница, чтоб в своем государеве денежном и помесном окладе меня пожаловал, велел поверстати к моей бра[тии] [10] к дияком, кому яз, холоп ваш, в версту, чтоб я, холоп ваш, перед своею братею в окладе под старость позорен не был. А о том, государыня, докладпая выписка у думного дьяка у Федора Лихачева, и по той бы выписке государь пожаловал, велел доложить себя, государя. Государыня великая старица инока Марфа Ивановна, смилуйся, пожалуй!

На л. 984 об.:

Государь пожаловал, велел по делу доложить себя, государя. 135-го [11] маия в 31 день диоком думному Федору Лихачеву да Михаилу Данилову. Государь царь и великий кн[язь] [12] Михаило Федорович всеа Русии пожаловал, велел по делу доложить себя, государя [11]. Диок [13] Василей Волков [13].

ЦГАДА. Ф. Разрядный приказ, столбцы Приказного стола. Д. 19. Л. 984. Подлинник.

№ 3. 1618 г. августа. Грамота из приказа Казанского дворца в Тобольск к воеводе кн. И. С. Куракину и дьяку И. Г. Булыгину о заключении в тюрьму Никонора Шульгина и отправке в Мангазею Данила Кобелева

От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии в Сибирь в Тоболской город боярину нашему и воеводе князю Ивану Семеновичю Куракину да диаку нашему Ивану Булыгину. л.49

[9] *Две последние буквы приписаны сверху черными чернилами.*
[10] *Правый край листа оборван, утрачены три буквы.*
[11—11] *Написано другими чернилами почерком, кроме цифры* 31, *внесенной той же рукой.*
[12] *Край листа оборван, утрачены две буквы.*
[13—13] *Написано теми же чернилами и почерком, что и первая помета.*

По нашему указу послан от нас с Москвы в нашей опале в
л.49 об. Сибирь // в Тоболской город з Богданом Нарматским да з Буяном Порецким Никонор Шульгин, да с ним для его нужи человек его Федка Дмитреев, да Иванов человек Салтыкова Данилко Кобелев. И как к вам ся наша грамота придет, а Богдан и Буян в Сибирь в Тобольской город Никонора Шульгина да Данилка Кобелева привезют, и вы б у него Никонора Шульгина да Да-
л.50 нилка велели взяти, и велели Никонора посадити в [14] Тобольску [14] в тюрьму//до нашего указу, и велели его беречи, чтоб он дурна над собою никоторого не учинил, а корму Никонору велели давати по два алтына на день, а Данилка Кобелева послали в [15] Мангазею, с кем буде пригоже [15], а в Монгазею к Петру Волынскому от нас о том Данилке писано ж. А как у Богдана и у Буяна Никонора Шульгина и Данилка возмете и с кем именем Данилка в Монгазею пошлете, и вы б о том отписали к нам к Моск-
л.50 об. ве, а отписку // велели отдати в Приказе Казанского дворца боярину нашему князю Алексею Юрьевичю Ситцкому да диоком нашим Федору Опраксину да Богдану Губину.

Писана на Москве в лета 7126-го августа в 8 день. А подлиная государева грамота за приписью диака Богдана Губина прислана в Тоболеск во 127-ом году генваря в 14 день.

ЦГАДА. Ф. Портфели Г. Ф. Миллера. Портф. 541. Л. 49–50 об. Копия XVII в.

№ 4. 1619 г. июля 9. Отписка из Тобольска воеводы кн. И. С. Куракина и дьяка И. Г. Булыгина в Приказ Казанского дворца о заключении в тюрьму Никонора Шульгина и отправке в Березов Данила Кобелева

л.334 Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии холопи твои Ивашко Куракин, Ивашко Булыгин челом бьют.

В нынешнем, государь, во 127-ом году генваря в 4 день [16] в твоей государеве цареве и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии грамоте за приписью твоего государева дияка Богдана Губина писана к нам, холопем твоим, з Богданом Нармат-
л.334 об. цким да з Буяном Порецким, что посланы с ними // в твоей государеве опале Никонор Шульгин, да для его нужен человек ево Федька, да Иванов человек Салтыкова Данилко Кобелев. И как к нам Никонора и Данилька Богдан и Буян в Тоболеск привезут, и нам, холопем твоим, Никонора взяв, велено посадити в тюрьму до твоего государева указу, а Данилка велено послати в Мангазею к Петру Волынскому. И [17] мы, холопи твои [17], Никонора Шульгина взяв, посадили в тюрьму, а Данилка Кобелева послали

[14–14, 15–15] *Написано над строкой.*
[16] *В документе № 3 указано 14 января.*
[17–17] *Ошибочно написано дважды.*

мы, холопи твои, з Богданом же Нармацким на Березов, а к Василью Нар // мацкому о том писали, чтоб он, Данилка взяв у Богдана, послал в Мангазею. И Василей Нармацкой к нам, холопем твоим, писал, что он Данилка у Богдана взял, а пошлет в Мангазею, как пойдут служывые люди на годовую прежним служивым людем на перемену. л.335

Такова отписка послана ко государю з Богданом Нармацким во 127-ом году июля в 9 день.

ЦГАДА. Ф. Портфели Г. Ф. Миллера. Портф. 541. Л. 334–335. Копия XVII в.

№ 5. 1613 г. марта 18. Грамота в Торжок к воеводам кн. М. В. Белосельскому и И. С. Урусову о действиях против казачьего отряда Л. С. Плещеева

От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии в Торжок к воеводам нашим князю Михаилу Васильевичю Белосельскому да Ивану Степановичю Урусову. л.285

Марта в 16 день писали есте к нам, что марта в 3 день побежал ис Торшку бежечанин Левонтей Степанов // сын Плещеев, и прибрал к себе воров, и стал в острошке в Новгороцком уезде блиско Новоторшсково рубежа, и крестьян грабят, и насильства чинят великие, и нам бы вам о том велети указ учинить. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б на тех воров, на Левку Плещеева с товарыщи, послали посылку — дворян, и детей боярских, и стрельцов, а велели их, переимав, к себе привести. А как их к вам приведут, и вы б их посажали [в тюрьму да о том к нам отписали. л.286

Писана на Москве лета 7121-го марта в 18 день.] [18]

На л. 286 об.:
В Торжок к воеводам нашим князю Михаилу Васильевичю Белосельскому да Ивану Степановичу Урусову.
Марта [19] в 24 день привез Семо... [19]
132-го [20].

ЦГАДА. Ф. Разрядный приказ, столбцы Поместного стола. Д. 1. Л. 285–286. Подлинник.

№ 6. 1622 г. не ранее 7 февраля [21]. Расспросные речи Л. С. Плещеева

Вклепываетца, государь, воровский Федор Дементеев в моих крепостных людей, а сказывает, буттося те мои люди, Мишка да л.155

[18] *Текст, заключенный в скобки, в оригинале не сохранился. Восстанавливается по тексту копии, приложенной к делу (л. 275).*
[19–19] *Написано другим почерком. Далее текст утрачен, лист в этом месте прорван.*
[20] *Дата присылки документа в Москву из Торжка по запросу Приказа приказных дел.*
[21] *Датируется по помете на челобитной Л. С. Плещеева (л. 153 об.), после подачи которой и были записаны эти показания.*

Ондрюшка, ево. И те, государь, мои люди, Мишка да Ондрюшка Ждановы, бывали старинные люди и крепостные Григорья Очина Плещеева да сына ево Петра. И по старинному, государь, холопству и по старой крепости Петр Григорьев сын Плещеев в том Мишке, которого называет Федор своим, бил челом на меня в Холопье приказе и приставливал ко мне до Федорова челобитья и до суда. И того, государь, старинново своего крепостного человека Мишки Петр Плещеев поступился мне до Федорова челобитья и до суда и запись на себя дал. А старая, государь, Петрова кабала на Мишку, и на Мишкину мать, и на Мишкина брата на Степанка 106-го году и нынеча в Холопье приказе в суде, и по той, государь, по старой крепости большой Мишкин брат Степанка выдан Петру Плещееву в Холопье приказе. И тот, государь, Федор вклепываетца в моих людей воровский //.

л.156 Да Федор же, государь, Дементеев сказал в прежнем Мишкине суде, буттося тот мой человек Мишка и з братом с Ондрюшкою служат у него от зяблова году без отходу. А как, государь, я у Федора вынел Мишкина брата Ондрюшку, и он, Ондрюшка, в приводе сказал, буттося он служит у Федора лет з десять, а в суде, государь, тот мой человек Ондрюшка с приводною запискою речи рознил, а сказал по Федорову наученью, буттося живет у Федора от зяблова году, а наперед Федора, буттося жили у Ивана Ивановича Годунова, а после Ивана у семьи ево, у Орины Никитишны, а после Орины Никитишны у Григорья Плещеева. И тот, государь, Ондрюшка сказывал воровский по наученью Федора Дементеева. Зяблому, государь, году болши двятцати лет, а Ивана, государь, Ивановича вор уморил в Колуге тому лет з двенатцать, а Григорья Никонор уморил в Козани тому лет с одиннатцать. И тот, государь, Федор фклепываетца в моих людей воровский, те люди бывали Григорья Плещеева да сына ево Петра, а старая, государь, Петрова кобала и нынеча в Холопье приказе.//

л.157 А те, государь, мои люди, Мишка и Ондрюшка, окроме Григорья Плещеева ни у кого не служивали, а старинные и крепосные люди Григорья Плещеева да сына ево Петра. И старая, государь, крепость Петра Григорьева сына Плещеева 106-го году и ныне в Холопье приказе в суде, и по той, государь, Петровой по старой крепости большой Мишкин и Ондрюшкин брат Степанка и выдал Петру Плещееву.

Да Федор же, государь, Дементеев сказал в прежнем суде, буттося те мои люди, Мишка и з братом с Ондрюшкою, у него служат от зяблого году без отходу, и те, государь, мои люди, Мишка и Ондрюшка, старинные и крепосные люди Григорья Плещеева да сына ево Петра, а служили у Григорья и по Григорьеву смерть.

А как был Григорей при царе Василье на Самаре два года, и те мои люди, Мишка и Ондрюшка, служили у Григорья. А как после того Григорей был в Колуге, и те мои люди, Мишка и Ондрюшка, были у Григорья же. А как Григорей был на Копи-

ре, и с Коширы приехал к Москве при Желтовском, и был на
Москве, и с Москвы съехал в Володемер [21*], и те мои люди,
Мишка и Ондрюшка, были у Григорья же. И как Григорей при
боярех был под Москвою, и послали Григорья бояре в Орзамас,
и те мои люди, Мишка и Ондрюшка, были у Григорья же. А как
по Федорову заводу Дементеева Григорья в Орзамасе ограбили
и, сковав, свезли к Никонору в Козань, и те мои люди, Мишка
и Ондрюшка, были // з Григорьем же в Козани и сидели в тюрь- л.158
ме в Козани. А как Григорья Никонор уморил, и тот Мишка и
з братом с Ондрюшкою пришли под Москву, и били челом мне
во 121-ом году, и кабалу на себя дали, и в книги та кабала пи-
сана. А как тот Мишка и з братом с Ондрюшкою от меня збежали
а прошлом во 122-ом году, и в их побеге у меня и явка дана,
а они ф той явки написаны имянно//.

Да Федор же, государь, Дементеев сказал в Мишкине суде, л.159
буттося Григорей Плещеев у него взял Мишку и Ондрюшку си-
лою в те поры, как в Орзамазе был при боярех, и тот, государь,
Федор, сказывает воровский. Григорья Плещеева в Орзамазе по
его, Федорову, заводу ограбили и, связав, свезли к Никонору в
Казань. А как Григорья ограбили и, связав, к Никонору в Ка-
зань свезли, и тех людей свезли с ним же, связав, а в Казани,
государь, те люди сидели в тюрьме по то время, покаместа Ни-
конор и Григорья уморил. А как, государь, Григорья Никонор
уморил в Казани, и те люди пришли ис Казани под Москву и
били челом мне. А только б, государь, были те мои люди, Мишка
и Ондрюшка, Федоровы, и их бы з Григорьем, связав, в Казань
не водили, и в тюрьме з Григорьем не сидели б. А в прежнем, го-
сударь, Мишкине суде, как искал на мне, и он, Федор [22], сказал,
буттося те мои люди жили у него от зяблово году без отходу,
а как искал на Мишке, и он сказал, буттось их Григорей взял
сильно, как был в Орзамазе. //

Да Федор же, государь, Дементеев слался в Мишкине суде л.160
на Мишкину мать, и он, государь, Федор, на Мишкину мать слал-
ся воровский, потому Мишкина, государь, и Ондрюшкина мать
крепосная роба брата моего Петра Плещеева, а живет и ныне у
Федора Дементеева с моим беглым человеком, а своим сыном с
Ондрюшкою. И по Федорову, государь, и по ее наученью тот мои
человек Ондрюшка и нынеча от меня оттягиваетца. И той, госу-
дарь, Мишкиной матери, что Федор Дементеев велит говорить,
то она станет и говорить, потому что она живет у него, Федора,
а сына своего Ондрюшку научает от меня оттягиваться с Федором
вместе, а только, государь, ей не говорить по Федоре, и он, Фе-
дор, велит ей учинить смертное убойство, а только, государь, Фе-
дор Дементеев и племянника своего родного ис поместья в воду
посадил, да он жа, Федор, здесь на Москве убил, подговоря, чело-
века из животов, да и потому, государь, та старица станет по Фе-

[21*] *Так в тексте.*
[22] *Написано над строкой.*

дорову веленью говорить, что сын ее Ондрюшка он меня оттягиваетца и ныне по ее веленью. И я, государь, на тое старицу шлюсь в послушество, потому что она живет у Федора и паучает сына своего от меня оттягиватьца с Федором вместе. Да и человек, государь, мои Мишка на тое свою мать в суде не слался ж, потому же что она живет у Федора и сына своего Ондрюшку, а ево, Мишкина, брата научает с Федором вместе от меня оттягиватьца, бояся от Федора смертнова убойства ж, да и для того станет по Федорову веленью говорить, чтобы детем ее быть с нею ж у Федора вместе. А старая, государь, Петрова кобала на тое Мишкину мать, на которую Федор шлетца, и нынеча в Холопье приказе в суде, и по той крепости сын ее Степанка, а Мишкин большой брат выдан Петру Плещееву в Холопье приказе, потому, государь, на тое старицу шлюсь в послушеству // .

л.161 Да Федор же, государь, Дементеев слался в Мишкине в суде на друзей своих, и хлебояжцов и на племя свое, а сказал, буттося те мои люди у нево жевут от лихолетья, и те, государь, мои люди старинные и крепостные Григорья Плещеева да сына ево Петра, а служили, государь, у Григорья и по Григорьеву смерть. А старая, государь, Петрова кобала па отца Мишкина, и на мать, и на Мишкину, и на брата его на Степанка и нынеча в Холопье приказе в суде, и Мишкин брат Степанка выдан по ней Петру Плещееву в Холопье приказе. И я, государь, на те на все Федоровы ссылки шлюсь в послушество, потому что те ссылошные люди ему, Федору, многие в племянстве, а иные друзьи, а иные хлебояжцы, да и город их один, а он, Федор, с ними испомещен в Понизовых городех в тех же, на которых он слался, а иные, государь, у него, Федора, многие закабалены и задолжены, а с торговыми, государь, со многими людьми торгует на вскладе. А мне, государь, те ссылошные люди недрузи, потому что в Орзамазе дядю моего Григорья Плещеева, связав, к Никонору отвели и с Никонором вместе дядю моего Григорья уморили и потому, государь, мне недрузи, что бивали челом государю многие арзамасцы, и олаторцы, и русские люди, и тотарове, и мордва на

л.162 братью мою на Льва да на Ива//на, и яз с ними за братью со многими в недружбе. Да и потому, государь, на них шлюсь в послушество, что тот Федор в Понизовых городех бывал в воеводех, и в дозорщиках, и на Низу в головах в писменых, и на службах в головах в сотенных, а тех Понизовых городов дворяне и дети боярские бывали с ним. А как он, Федор, был в Астрахани в писменых головах, и торговые люди в Астрахань ис Понизовых городов приезжали многие, и он, Федор, со многими торговал на вскладе, и ему, государь, в Понизовых городех дворяне и дети боярские и торговые посадцкие люди друзья и хлебояжцы, а иные многие в племянстве, потому, государь, на них шлюсь в послушество, да и человек, государь, мои Мишка на них слался в послушество потому ж.

На л. 155 об.:
Федор сказал: ищет он от лихолетья, а то делалось до нево, а Петр на нево бил челом, как хотел.
На л. 161 об.:
Тот Федор сказал: Мишкина мать служила у Григория до лихолетья, а тово он не ведает, как Петру Степанко выдан.

ЦГАДА. Ф. Разрядный приказ, столбцы Поместного стола. Д. 1. Л. 155—162. Подлинник.

№ 7. 1623 г. не ранее 5 августа[23]. Расспросные речи Л. С. Плещеева

Бьет, государь, челом Федор Дементеев государю и лживит записные московские кобальные книги 121-го году, а сказывает, бутто я те книги нарядил в нынешням году, а во 121-ом году бутта меня на Москве не была, а был с козаками. И тот, государь, Федор бьет челом государю воровски ложна. Как, государь, бояря Москву очистили, и я, государь, на Москве при боярех во 121-ом году был, и тех холопей, Мишку и Ондрюшку, принел здесь на Москве, и кобалу на них взял, и в книги та кобала здесь на Москве записана. Да ф то жа, государь, время, живучи я на Москве при боярех во 121-ом году, бил челом о поместьях с Ываном Гурьевы в[24] Новгороцком уезде[24] на княз Ивана Путятина, да на Федора Тахтамышева, да на Микифора Байчюрова, да на Якова Аналеева, и те нам поместья даны, и те дачи и нынеча в Помесном приказе. И в том, государь, шлюсь из виноватых в Поместном приказе на свое челобитье и на помесные дачи 121-го году, что я на Москве при боярех во 121-ом году был. л.254

А что, государь, сказывает Федор Дементеев, бутто я с козаками воровал, и яз, государь, с казаками не воровывал, а был я с козаками после того, как на тех холопей, на Мишку и на Ондрюшку, кабалу имал здесь на Москве и после того, как мне бояря на Москве во 121-ом году поместья дали с Ываном Гурьевым. А пошол я с козаками ф те поры, как приехал ф Торжок ко князь Михаилу Белосельскому с помесною грамотою, что нам с Ываном Гурьевым бояря дали поместья. И князь Михаила нам теми поместями владеть не дал для того, что теми поместьями владел сам. А ф ту, государь, пору в Новогороцком уезде стояли немецские люди, и князь//Михаила Белосельской и новаторцы с немецкими людьми ссылались и торговали без ведома бояр, которые Москву очистили. И в то жа, государь, время пришли пот Торжок козаки и учали мне говорить, чтоб мне у них быть воеводаю, а итить с ними на немец. И я, государь, с козаками пошол в Новгороцкой уест на немецких людей и в Удомле немец побил, а после того немец побил в Устреке. И как, государь, по прашенью всево Московского государства всяких чинов людей бог нам л.255

[23] *Датируется по времени подачи челобитной (л. 253), в которой Л. С. Плещеев просил снять с него эти показания.*
[24]—[24] *Вписано над строкой более светлыми чернилами и той же рукой.*

дал на Московское государьства государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии, и прислал государь из Ерославля воевод, князь Семена Прозоровскова да Левонтья Вельяминова, очищать город у немец. И князь Семен и Левонтей сошлись со мною в Устреке в Новгороцком уезде блиска Тихвины, и с немецкими, и с литовскими, и с рускими людьми под Устрекою были многие бои, и взяли Тихвину. А которые козаки были со мною, и тем козаком государь указал быть со князем Семеном да с Левонтьем, а мне государь велел быть с Тихвины к Москве. И яз, государь, ф то время лежал на Тихвине ранен, и занелась осада, и яз на Тихвине сидел в осаде, и за государя на многих боех бился, и ранен многижды, и на поединках за государя бился щестью. И за те службы государь меня пожаловал поместным окладом, и четвертным денежным жалованьем, и поместьям, и та моя служба извесна государю, и золотые мне на Тихвине за тое службу даваны.

А что Федор Дементеев бьет челом государю, а сказывает, что писал князь Михаи[л] [25] Белосельской ис Торшку на меня, бутто я с козаками воровал и против государевых людей бился, и я, государь, с козаками не воровывал и против государевых людей
л.256 нигде не бивался.// А со князь Михаилам, государь, Белосельским во 121-ом году у меня была брань, что он мне по боярской грамоте поместьям владеть не дал. Да с тем жа князь Михаилом у меня была брань за то, что он, князь Михаило, и новоторцы всякие люди с немцами ссылались и всякими товары торговали без ведома бояр, которые стояли под Москвою и Москву очистили. И как, государь, я в Новгороцком уезде в Удомле немец побил, и князь Михаилу и новаторцам с немцами ссылатьца и торговать не дал. И будет, государь, князь Михаила и писал на меня к Москве ф те поры, мстя недружбу для своей корысти, что ему и новаторцами с немцами ссылатьца и торговать не дал, а до сех, государь, мест про такие отписки я не слыхал. А будет, государь, такие отписки объявятца нынеча и яз, государь, о том челом бью государю на князь Михаила в своем бесчестье об оборони, что он такие отписки писал на меня ложна. И тот, государь, Федор бьет челом государю воровски для того, чтоб ему делом волочить.

А в холопех, государь, своих, в Мишке да в Ондрюшке, челом бью государю об указе, чтоб государь меня пожаловал, велел указ учинить по своему государьскому уложенью, и по крепостям, по записным по московским по кабальным книгам, и по явке, которая дана на тех моих холопей во 123-ем году. А что, государь, Федор Дементеев лживит записные московские кобальные книги, стокався з беглыми с моими холопи и с матерью их воровски ложна, те, государь, книги не воровские. А кобалы ф тех книгах записываны на холопей на боярских, и на окольничих, и всяких чинов людей, и по тем, государь, книгам в Холопье приказе мно-

[25] *В рукописи*: Михаи.

гие люди отдаваны, и тем книгам // верят. А за приписью те книги дияка Пешка Жукова, а писаны, государь, те книги не в Холопье приказе, те, государь, книги сиденья князь Федора Волконскова. А сидел князь Федор при боярех, как Москву очистили, а приказаны были ему ф те поры ведать многие дела судные, и разбойные, и татиные, и холопьи, и всякие земьские дела. А дияки с ним сидели Пешак Жуков да Яков Демидов, а дьячие, государь, у них и[26] и пищщики[26] ф те поры в приказе сидели многие для того, что были им приказаны многие дела. А которай, государь, подьячей на людей моих кобалу ф книги записывал, и тот подьячей ф тех книгах не одное мою кабалу записывал. А которай, государь, подьячай на людей моих кобалу писал и которай подьячей у кобалы в послусех, Федор Толмачев да Дмитрей Сандырев, и те, государь, подьячие здесь на Москве многие лета писали кобалы на холопей и всякие крепости бояром, и окольничим, и всяким людем, и то, государь, ведома в Холопье приказе в записных ф кабальных книгах и на площади подьячим. А что, государь, Федор сказывает, что с людей с моих кобальных пошлин не взято, и в тех, государь, книгах пошлин не взято со многих кобал. А в те, государь, поры, во 121-ом году, во всех приказех у многих у нашей братьи пошлин не имали, и про те, государь, пошлины, что не иманы с кобал и с ыных со всяких дел, Холопья приказу судьи докладывали государя и те книги ко государю и к бояром взносили, и то государь в вину никому не поставил, с которых пошлины не иманы, а указал государь пошлины прошлых годов збирать во всех приказех и в городех. А по государеву указу и по соборному уло//женью во всех государевых приказех и во всех городех всякие дела, и всякие крепости, и всякие книги крепки диячьею приписью. А те, государь, кобальные книги за дьячьею приписью Пешка Жукова, а льживы по се поры те книги не бывали. А воровство, государь, Федора Дементеева ведома, и наперед сево он, Федор, ф том же холопье деле лживил крепость, подговоря у меня девку Каптелинку, и про то, государь, сыскана, что он лживил крепость воровски, и та девка отдана мне. Да и то его воровство ведама: у многих у нашей братьи людей и крестьян з животами подговаривал, тем он и промышляет.

л.257 / л.258

И челом бью государю, чтоб государь меня, холопа своего, пожаловал, велел дать на Федора в моем бесчестье мне оборон, чтоб таким вором не повадна было вперет называвать ворами, хто государю служит, и не повадна была у нащей братьи холопей подговаривать и книг и крепостей лживить[27].

А[28] сю роспись писал яз, Левонтей, своею рукою[28].

ЦГАДА. Ф. Разрядный приказ, столбцы Поместного стола. Д. 1. Л. 254—258. Подлинник.

[26]—[26] *Вписано теми же чернилами и рукой над строкой.*
[27] *Рядом часть дьячьей скрепы:* Юдин.
[28]—[28] *Написано более светлыми чернилами.*

СОДЕРЖАНИЕ

Научное издание

Источниковедение
отечественной истории
1989

Утверждено к печати
Институтом истории СССР Академии наук СССР

Редактор издательства *Г. Д. Капустина*
Художественный редактор *В. В. Алексеев*
Технические редакторы *З. С. Теплякова, М. Л. Маркелова*
Корректоры *Л. А. Иванова, Л. В. Щеголев*

ИБ № 39093

Сдано в набор 13.06.89
Подписано к печати 19.09.89
А-03976. Формат 60×90[1]/16
Бумага типографская № 1
Гарнитура обыкновенная новая
Печать высокая
Усл. печ. л. 17,0. Усл. кр. отт. 17,0. Уч.-изд. л. 20,6
Тираж 1600 экз. Тип. зак. 3140
Цена 4 р. 60 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
2-я типография издательства «Наука»
121099. Москва, Г-99, Шубинский пер. 6

Щапов Я. Н.
ГОСУДАРСТВО И ЦЕРКОВЬ
В ДРЕВНЕЙ РУСИ X—XIII вв.
20 л.

Исследование посвящено начальным этапам истории православной церковной организации на Руси в ее взаимоотношениях с княжеской властью: истории создания митрополии в Киеве и системы епископий, средствам материального обеспечения церкви, ее судебной деятельности. В книге изучена история возникновения соборов на Руси, княжеских монастырей. В Приложении даются биографические материалы о русских митрополитах и епископах.

Для историков и всех интересующихся прошлым нашей Родины.

Татищев В. Н.
ЗАПИСКИ. ПИСЬМА. 1717—1750 гг.
НАУЧНОЕ НАСЛЕДСТВО.
Т. 15
40 л.

Василий Никитич Татищев – один из выдающихся людей России первой половины XVIII в., талантливый ученый с широким диапазоном творческих интересов и занятий, крупный государственный деятель и мыслитель – внес большой вклад в развитие материальной и духовной культуры России. В сборник вошли ранее не опубликованные записки Татищева о развитии промышленности и торговли, путей сообщения, распространении просвещения и подготовке отечественных кадров специалистов. В сборник включена переписка Татищева с Петром I и другими представителями верховной власти, государственными деятелями России. Впервые полностью публикуется его переписка с Академией наук за 1730–1750 гг.

Для историков и широкого круга читателей.

Адреса магазинов «Академкнига»:

480091 Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97 («Книга — почтой»);

370001 Баку, ул. Коммунистическая, 51 («Книга — почтой»);

232600 Вильнюс, ул. Университето, 4;

690088 Владивосток, Океанский проспект, 140 («Книга — почтой»);

320093 Днепропетровск, проспект Гагарина, 24 («Книга — почтой»);

734001 Душанбе, проспект Ленина, 95 («Книга — почтой»);

375002 Ереван, ул. Туманяна, 31;

664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289 («Книга — почтой»);

420043 Казань, ул. Достоевского, 53 («Книга — почтой»);

252030 Киев, ул. Ленина, 42;

252142 Киев, проспект Вернадского 79;

252030 Киев, ул. Пирогова, 2;

252030 Киев, ул. Пирогова, 4 («Книга — почтой»);

277012 Кишинев, проспект Ленина, 148 («Книга — почтой»);

343900 Краматорск Донецкой обл., ул. Марата, 1 («Книга — почтой»);

660049 Красноярск, проспект Мира, 84;

443002 Куйбышев, проспект Ленина, 2 («Книга — почтой»);

191104 Ленинград, Литейный проспект, 57;

199164 Ленинград Таможенный пер., 2;

196034 Ленинград, В/О, 9 линия, 16;

197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7 («Книга — почтой»);

194064 Ленинград, Тихорецкий проспект, 4;

220012 Минск, Ленинский проспект, 72 («Книга — почтой»);

103009 Москва, ул. Горького, 19а;

117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7;

117192 Москва, Мичуринский проспект, 12 («Книга — почтой»);

630076 Новосибирск, Красный проспект, 51;

630090 Новосибирск, Морской проспект, 22 (Книга — почтой»);

142284 Протвино Московской обл., ул. Победы, 8;

142292 Пущино Московской обл., МР, «В», 1 («Книга — почтой»);

620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Книга — почтой»);

700000 Ташкент, ул. Ю. Фучика, 1;

700029 Ташкент, ул. Ленина, 73;

700070 Ташкент, ул. Шота Руставели, 43;

700185 Ташкент, ул. Дружбы народов, 6 («Книга — почтой»);

634050 Томск, наб. реки Ушайки, 18;

634050 Томск, Академический проспект, 5;

450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 («Книга — почтой»);

450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49;

720000 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42 («Книга — почтой»);

310078 Харьков, ул. Чернышевского, 87 («Книга — почтой»).